

ISSN 2072-9391

№ 4 (60) Декабрь 2021

№ 4 (60) December 2021

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2021

Главный редактор

Конев Андрей Николаевич,
начальник Академии управления
МВД России, доктор технических наук,
кандидат юридических наук, доцент.
Москва. Российская Федерация.

Заместитель главного редактора
Павличенко Николай Владимирович,
заместитель начальника Академии управления
МВД России, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации.
Москва. Российская Федерация

ТРУДЫ

АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2021

№ 4 (60)

декабрь

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Афанасьев Владимир Сергеевич, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации;

Воронин Михаил Юрьевич, директор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Борис Яковлевич, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Джоробекова Арзыгуль Мамаюновна, заместитель начальника Академии МВД Киргизской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке, доктор юридических наук, профессор;

Дильбарханова Жанат Рахимжановна, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Енгибарян Ваге Гургенович, профессор кафедры уголовного процесса Ереванского государственного университета Республики Армения, доктор юридических наук, профессор;

Елагин Александр Георгиевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Зигмунт Ольга Александровна, доцент факультета образовательных и общественных наук Университета Фехта (Германия), кандидат философских наук, доцент;

Киричек Евгений Владимирович, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Кононов Анатолий Михайлович, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологии и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Корякин Илья Петрович, заместитель начальника Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, доктор юридических наук;

Лексин Иван Владимирович, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент;

Мазур Сергей Филиппович, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса Института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор;

Мелёхин Александр Владимирович, профессор кафедры государственного строительства и права Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Миронов Анатолий Николаевич, профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент;

Можаяева Ирина Павловна, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук;

Мудукаев Роланд Сергеевич, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Невский Сергей Александрович, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1, доктор юридических наук, профессор;

Осокин Роман Борисович, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

Орлов Владислав Николаевич, профессор кафедры организации исполнения наказаний Санкт-Петербургского университета Федеральной службы исполнения наказаний, доктор юридических наук, доцент;

Победкин Александр Викторович, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Савенок Анатолий Леонидович, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Академии МВД Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор;

Солдатов Александр Петрович, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор;

Тарасов Анатолий Михайлович, главный советник генерального директора по юридическим вопросам АО «Лаборатория Касперского», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Цепелев Валерий Филиппович, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Мартыненко Наталия Эдуардовна (секретарь), профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор.

Editor-in-Chief

Andrei N. KONEV,

Dr. of Technology, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Nikolai V. PAVLICHENKO,

Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Deputy Head of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2021

№ 4 (60)

December

The Journal
has been published since
December 2006

Editorial Board of the Journal

Irina A. ANDREYEVA, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Vladimir S. AFANASYEV, Dr. of Law, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Mikhail Yu. VORONIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;

Boris Ya. GAVRILOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Arzygul' M. DZHOROBEKOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Science at General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;

Zhanat R. DILBARKHANOVA, Dr. of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Nur-Sultan. Republic of Kazakhstan;

Vage G. ENGIBARYAN, Dr. of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Yerevan State University of the Republic of Armenia. Yerevan. Republic of Armenia;

Alexander G. YELAGIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Management of Public Order Services (Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Ol'ga A. ZIGMUNT, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Educational and Social Sciences of the University of Vechta (Germany);

Evgeniy V. KIRICHYOK, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Anatolij M. KONONOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor of the Department of State Law Disciplines of the K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management (the Firs Cossack University). Moscow, Russian Federation;

Ilya P. KORYAKIN, Dr. of Law, Deputy Head for Scientific Work at the Barimbek Beysenov Karaganda Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Karaganda. Republic of Kazakhstan;

Ivan V. LEKSIN, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty of the Lomonosov Moscow State University. Moscow. Russian Federation;

Sergey F. MAZUR, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Civil Law and Civil Process of the Griboyedov Institute of the International Law and Economics. Moscow. Russian Federation;

Alexander V. MYELYOHIN, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the State Building and Law of the University of the Prosecutor's office

of the Russian Federation. Moscow. Russian Federation;

Anatolij N. MIRONOV, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Public Protection Bodies Management (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Irina P. MOZHAeva, Dr. of Law, Chief Researcher at the Department of the Studying Branch Management Problems at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Roland S. MULUKAYEV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Sergej A. NEVSKIJ, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center No. 1;

Roman B. OSOKIN, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;

Vladislav N. ORLOV, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of Execution of Punishments at the Saint Petersburg University of the Federal Penitentiary Service;

Alexander V. POBEDKIN, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation;

Anatolij L. SAVENOK, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus;

Alexander P. SOLDATOV, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Anatolij M. TARASOV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Chief Adviser of the General Director of the «Kaspersky Laboratory» for the Juridical Questions. Moscow. Russian Federation;

Valeriy F. TSEPELEV, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;

Natalia E. MARTYENKO (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). Moscow. Russian Federation.

Над номером работали

Е. В. Белик
П. А. Роголёв

М. А. Фильчагина
Н. А. Якушева

Техническая верстка: А. А. Мельникова

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75592 от 19 апреля 2019 г.

При использовании материалов ссылка на журнал «Труды Академии управления МВД России» обязательна.

Подписано в печать 24.12.2021.
Формат 60×84 1/8.
Объем 21,6 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 78 экз.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: <https://a.mvd.rf/folder/6891081>.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации журнал «Труды Академии управления МВД России» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 12.00.01, 12.00.02, 12.00.08, 12.00.09, 12.00.11, 12.00.12, 12.00.14.

© Академия управления МВД России, 2021

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2021
№ 4 (60)

декабрь

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Андреева И. А. Институциональные основы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел: к постановке проблемы 8
- Беляева Л. И., Павличенко Н. В. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание 19
- Елагин А. Г. Некоторые модели и концепции обеспечения общественной безопасности: их содержание и взаимосвязь 25
- Киричѐк Е. В. К вопросу о конституционной идентичности и правовой определенности 34
- Матанцев Д. А. Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса 41

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Безруков А. В., Пунтус С. А. Формирование оптимальной модели сотрудничества общественных формирований с полицией в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России 51
- Косых А. А. Интеллектуальные аспекты идеи законопроекта 60

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

- Майдыков А. Ф., Мелѐхин А. В., Синовод И. А. Об актуальных правовых вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) 68

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Волкова А. Ю. Информированное добровольное согласие физического лица на медицинское вмешательство: биомедицинский и уголовно-правовой аспекты 74
- Сизова В. Н. Прогнозные тенденции системы наказаний для юридических лиц 84
- Фильченко А. П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) 90

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

- Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы 101
- Иванов П. И., Пирожников С. А. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) 109
- Кольцов Д. В. Агентурная провокация. Определение термина 120
- Лавров В. П., Васильева М. А. Следственная практика как один из элементов базы для формирования методики расследования экологических преступлений 129
- Салева Ю. Е., Бессонов В. А. Профилактические мероприятия органов внутренних дел, направленные на реализацию антинаркотической политики Российской Федерации 136

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Варлакова Т. В. Экспертиза проектов нормативных правовых актов: выявление языковых единиц коррупциогенной направленности 146

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Абишев Э. Х. Организационно-правовые основы деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан (1991–2021 гг.) 154
Дорж Э. Криминологическая характеристика лиц, занимающихся легализацией (отмыванием) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем (на материалах России и Монголии) 164

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Борисов А. В., Стёпкин Е. Ю. Роль полиции в становлении Российской империи 173
Новикова Ю. О. Подходы к выработке понятия, правового статуса и классификации кооперативных объединений в период второй половины XIX – начала XX в. в трудах отечественных и зарубежных теоретиков и практиков кооперативной деятельности (историко-правовые аспекты) 179

Worked with issue

E. V. Belik
P. A. Rogulyov

M. A. Filchagina
N. A. Yakusheva

Technical layout: A. A. Melnikova

The journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal «Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» is required.

Print is signed 24.12.2021
Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 21,6 p. s.
Circulation 500 copies.
First edition: 78 copies.
Published 4 times a year.
Negotiable price.

Address of the Editorial Office
and Publisher:

125171, Zoi i Alexandra
Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.
Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: ebelik3@mvd.ru
Subscription index
at the General catalogue
«Pressa Rossii»: 15548.
Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and
Operative Printing

of the Publishing Department
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior of Russia.
125171, Zoi i Alexandra
Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.
Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher
Attestation Commission
of the Ministry of Science and High
Education the Russian Federation
journal «Proceedings
of the Management Academy
of the Ministry of the Interior
of Russia» is included in the list
of reviewed scientific journals,
in which major scientific results
of dissertations for the degree
of doctor and candidate of sciences
should be published
by scientific specialties: 12.00.01,
12.00.02, 12.00.08, 12.00.09,
12.00.11, 12.00.12, 12.00.14.

© Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia, 2021

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2021

№ 4 (60)

December

The Journal
has been published since
December 2006

CONTENT

SCIENTIFIC METHODOLOGICAL PROBLEMS

- Andreeva I. A.** Institutional Foundations of Scientific Support for the Activities of Internal Affairs Bodies: Towards the Formulation of the Problem.....8
- Belyaeva L. I., Pavlichenko N. V.** Operational Search Policy: Concept And Content 19
- Elagin A. G.** Some Models and Concepts of Public Safety: Their Content and Interrelation 25
- Kirichek E. V.** On the Issue of Constitutional Identity and Legal Certainty 34
- Matantsev D. A.** Development of Legal Personality in the Conditions of Scientific and Technological Progress..... 41

STATE MANAGEMENT: METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

- Bezrukov A. V., Puntus S. A.** Formation of an Optimal Model of Cooperation Between Public Formations and the Police in the Field of Ensuring Constitutional Law and Order in Russia..... 51
- Kosykh A. A.** Intellectual Aspects of the Idea of the Bill 60

MANAGEMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

- Majdykov A. F., Melyohin A. V., Sinodov I. A.** On the Topical Legal Issues of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in the Context of the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19) 68

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

- Volkova A. Yu.** Informed Voluntary Consent of an Individual for Medical Intervention: Biomedical and Criminal Law Aspects..... 74
- Sizova V. N.** Forecast Trends of the System of Punishments for Legal Entities..... 84
- Filchenko A. P.** Protection of Public Morality From Encroachments in the Form of Live Broadcasts of Illegal Behavior (Trash Streams) 90

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

- Gavrilin Yu. V., Bederov I. S.** Identification of Digital Currency Owners: Methodological Foundations..... 101
- Ivanov P. I., Pirozhenkov S. A.** On the Issue of Private Forensic Methods of Crime Investigation (Structure and Content) 109
- Koltsov D. V.** An Agent Provocation. Definition of the Term 120
- Lavrov V. P., Vasilyeva M. A.** Investigative Practice as Part of the Database to Develop a Methodology for Investigating Environmental Crimes 129
- Saleeva Yu. E., Bessonov V. A.** Preventive Measures of the Internal Affairs Bodies Aimed at the Implementation of Anti-Drug Policy of the Russian Federation 136

For attention of the authors

The journal «Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia» publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the «Science» section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double «blind» peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

JUDICIAL-EXPERT ACTIVITY

Varlakova T. V. Examination of Draft Normative Legal Acts: Identification of Linguistic Units of Corruption Orientation 146

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

Abishev E. H. Organizational and Legal Framework for the Activities of the Police (Militia) of the Republic of Kazakhstan (1991–2021) 154
Dorj E. Criminological Characteristics of Persons Concerning the Legalization (Laundering) of Money or Property Acquired by Criminal Ways (on the Materials of Russia and Mongolia)..... 164

LAW ENFORCEMENT RETROSPECTIVE

Borisov A. V., Styopkin E. Yu. The Role of the Police in the Formation of the Russian Empire..... 173
Novikova Yu. O. Approaches to the Development of the Concept, Legal Status and Classification of Cooperative Associations During the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Works of Domestic and Foreign Theorists and Practitioners of Cooperative Activity (Historical and Legal Aspects)..... 179

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА АНДРЕЕВА,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: irinandreeva3812@rambler.ru

IRINA ANATOL'EVNA ANDREEVA,
Professor of the State and Law Disciplines
Department, Doctor of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: irinandreeva3812@rambler.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of the Teachings of Law and State.

ORCID 0000-0002-7735-0362

УДК 351.85

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-8-18

Дата поступления: 15 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Институциональные основы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел: к постановке проблемы

Institutional Foundations of Scientific Support for the Activities of Internal Affairs Bodies: Towards the Formulation of the Problem

Аннотация

Актуальность: актуальность работы обусловлена включением действующими документами стратегического планирования задачи по укреплению научного потенциала в число ключевых факторов обеспечения независимости и конкурентоспособности страны.

Постановка проблемы: обусловленность развития науки и научной деятельности качеством и эффективностью институциональной среды находит подтверждение в многочисленных работах ученых. Трансформация российской науки как самостоятельного социального института осмыслена еще недостаточно, не преодолена недооцененность влияния институциональной среды на результаты научной деятельности. Все это превращает комплексный теоретический анализ институциональных основ научной деятельности и уточнение на его основе характеристики инсти-

Abstract

The relevance: the relevance of the work is due to the inclusion of the current strategic planning documents of the task of strengthening scientific potential among the key factors in ensuring the independence and competitiveness of the country.

The problem statement: the conditionality of the development of science and scientific activity with the quality and effectiveness of the institutional environment is confirmed in numerous works of scientists. The transformation of Russian science as an independent social institution has not yet been sufficiently understood, the underestimation of the influence of the institutional environment on the results of scientific activity has not been overcome. All this turns a comprehensive theoretical analysis of the institutional foundations of scientific activity and the clari-

туциональных основ научного обеспечения деятельности органов внутренних дел в весьма значимую исследовательскую задачу.

Цель исследования: определение проблематики и перспектив исследования институциональных основ научной и научно-технической деятельности (научных исследований), осуществляемой сотрудниками образовательных и научных организаций системы МВД России на основе определения содержания понятия «институциональные основы научной деятельности» и их структурных компонентов, выявления содержания понятия «институт» и его уточнения применительно к научной деятельности, общей характеристики проблем развития российской науки.

Методы исследования: институциональный подход, сравнительный, системный, метод экспликации понятия, общелогические методы и приемы познания.

Результаты и ключевые выводы: научная деятельность современными исследователями осуществляется в сложной институциональной среде, под которой понимается совокупность всех действующих в данный момент в государстве институтов, определяющих человеческое поведение и условия деятельности субъектов в различных сферах. Институциональные основы научной деятельности составляют те институты, которые фиксируют существенные связи между субъектами научной деятельности, то есть базовые, основополагающие институты этой институциональной структуры, выполняющие интегрирующую роль в функционировании и развитии науки как целостного социального института.

Рассмотрение ведомственной наукой системы органов внутренних дел как компонента социального института российской науки предполагает характеристику ее структуры с определением институтов, обеспечивающих исследования, институтов управления (ведомственной бюрократии науки) и их взаимодействия; выявление в соответствующих нормативных актах и стратегических документах макросоциальных функций ведомственной науки; выделение главных, ключевых, формальных институтов ведомственной науки, отвечающих за реализацию макросоциальных функций. Изучение ведомственной науки как социального института с позиций выполнения им внутренних функций предполагает реализацию следующих задач: детализированное описание структуры института, то есть множества образований разного типа, участвующих в проведении исследований; выявление основных неформальных институтов науки (профессиональные структуры научного сообщества, исследовательские ассоциации и союзы, дисциплинарные сообщества, научные общества, «невидимые колледжи», сетевые структуры и др.); анализ выполнения институтом внутренних функций. Перспективным

направлением является выявление на его основе характеристик институциональных основ научной деятельности органов внутренних дел в весьма значимую исследовательскую задачу.

The purpose of the study: to determine the problems and prospects of studying the institutional foundations of scientific and scientific-technical activities (scientific research) carried out by employees of educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the basis of determining the content of the concept of «institutional foundations of scientific activity» and their structural components, identifying the content of the concept of «institute» and its clarification in relation to scientific activity, general characteristics of the problems of development of Russian science.

The research methods: institutional approach, comparative, systematic, method of explication of the concept, general logical methods and techniques of cognition.

The results and key conclusions: scientific activity by modern researchers is carried out in a complex institutional environment, which is understood as the totality of all institutions currently operating in the state that determine human behavior and the conditions of activity of subjects in various fields. The institutional foundations of scientific activity are those institutions that fix the essential links between the subjects of scientific activity, that is, the basic, fundamental institutions of this institutional structure that perform an integrating role in the functioning and development of science as an integral social institution.

The consideration by departmental science of the system of internal affairs bodies as a component of the social institute of Russian science involves the characterization of its structure with the definition of institutions providing research, management institutions (departmental bureaucracy of science) and their interaction; identification in the relevant regulations and strategic documents of the macrosocial functions of departmental science; identification of the main, key, formal institutions of departmental science responsible for the implementation of macrosocial functions. The study of departmental science as a social institution from the standpoint of its internal functions involves the implementation of the following tasks: a detailed description of the structure of the institute, that is, a variety of entities of different types involved in conducting research; identification of the main informal institutions of science (professional structures of the scientific community, research associations and unions, disciplinary communities, scientific societies, «invisible colleges», network structures, etc.); analysis of the institute's internal functions. A promising direction in the study of institution-

направлением в изучении институциональных основ является противоречие между регулятивным воздействием на научного исследователя – сотрудника органов внутренних дел двух разных институтов (наука и государство), к которым он принадлежит в равной мере.

Ключевые слова: институт; институциональные основы; правовые основы; наука; научная деятельность; научное обеспечение.

al foundations is the contradiction between the regulatory impact on a researcher – an employee of the internal affairs bodies of two different institutions (science and the state), to which he belongs equally.

Key words: institute; institutional foundations; legal foundations; science; scientific activity; scientific support.

Термин «научное обеспечение системы МВД» в данной работе трактуется в смысле, определенном в Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной приказом МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767¹ (далее – Концепция научного обеспечения до 2030 г.), в Положении об основах организации научного обеспечения в системе МВД России, утвержденном приказом МВД России от 18 марта 2013 г. № 150², как научная и научно-техническая деятельность, осуществляемая сотрудниками образовательных и научных организаций системы МВД России.

В анализе ведомственной науки системы МВД России применяется методологический институционализм, позволяющий рассматривать социальные системы как некие целостности, обеспеченные совокупностью формальных и неформальных правил (институтов), и объяснять их развитие изменением институциональных образований [10, с. 56]. Данный подход, складывающийся и развивающийся в рамках предметных областей разных наук, но раньше всего – в экономической науке, обеспечивает междисциплинарность исследования, востребованную в случае изучения такого сложного социального феномена, как наука.

Институциональный подход основан на идее институтов как основной единице анализа общественных отношений. В современных науках термин «институт» обычно понимается шире,

чем термин «учреждение», «орган» или «организация». В различных определениях понятия «институт» можно выделить смысловое ядро: институт стабилизирует общественную жизнь, закрепляя определенные модели поведения. Сам процесс упорядочения, формализации и стандартизации общественных связей и отношений называется институционализацией. Большинство дефиниций института (М. Вебер, Т. Веблен, Д. Норт), предложенных классиками и современными учеными, делают акцент на структурировании взаимодействий (коллективных действий) как ключевом предназначении институтов.

Институты (*institutum* (лат.) – устройство, организация, установление, заведенный порядок, обычай, начинание, план), согласно часто цитируемому определению Д. Норта, – это «разработанные людьми ограничения, которые структурируют политические, экономические и социальные взаимодействия», это совокупность неформальных и формальных правил [11].

В целом институт можно определить как исторически сложившуюся систему норм, правил, убеждений, способов организации совместной деятельности в определенной сфере общества. Функции институтов: снижение неопределенности, снижение издержек взаимодействия, а значит, обеспечение эффективности деятельности, формирование возможности для действий субъектов и одновременно ограничение их, создание элементов порядка и предсказуемости [11]. Обобщенно говоря, институты – правила, убеждения, нормы и организации – мотивируют, направляют индивидов.

При всем многообразии главное их предназначение состоит в упорядочении жизни, предотвращении хаоса и дезорганизации. В институте осуществляется диалектическое согласование индивидуальных интересов и социальных целей.

Для того чтобы описать институциональные основы научной деятельности (научных исследований), мы должны рассматривать ее

¹ Научное обеспечение органов внутренних дел – это «осуществляемые в установленном порядке в интересах органов внутренних дел сотрудниками образовательных и научных организаций системы МВД России теоретические и прикладные научные исследования, результаты которых имеют научно-практическое значение и внедряются в управленческую практику, конкретную оперативно-служебную деятельность, образовательный и научный процессы».

² «Научное обеспечение органов внутренних дел определяется как организованная установленным образом в пределах предоставленных полномочий научная деятельность и научно-техническая деятельность подразделений системы МВД России, направленная на повышение эффективности выполнения поставленных перед ними задач и осуществления возложенных функций».

как совокупность разнообразных общественных отношений, в рамках которых с разной долей эффективности реализуется множество взаимодействий акторов [15, с. 241], формируется внутренняя институционализованная социальность науки. Белорусский ученый Е. М. Бабосов выделяет в качестве институтов науки профессиональные научные сообщества, научные организации, правовые и этические нормы научной деятельности, научные дисциплины, междисциплинарные объединения людей, коллективов и организаций [20, с. 79]. В числе институтов науки другими учеными называются также: ценности, институты самоорганизации научной профессии, институты независимой оценки деятельности научных организаций, институты научной бюрократии, научные, благотворительные, венчурные фонды, исследовательские лаборатории, другие подобные структуры [18, с. 234].

Социальный институт науки – это «механизм, обеспечивающий набор постоянно повторяющихся и воспроизводящихся социальных отношений и социальных практик людей в сфере исследовательской деятельности» [2, с. 11]. «Социальный институт науки – это высокоорганизованная система социальных взаимодействий и отношений людей и организаций, профессионально занимающихся научной деятельностью, отличающаяся устойчивой социальной структурой, глубокой интегрированностью своих элементов, многообразием и динамичностью их функций, наличием рационально установленных норм и правил поведения, predeterminedенных содержанием главной цели – производством новых знаний – и вытекающими из этого задачами» [20, с. 78].

Научная деятельность современными исследователями осуществляется в сложной институциональной среде, которую можно представить как сумму действующих в данный момент в государстве институтов, определяющих человеческое поведение и условия деятельности субъектов в различных сферах. Разные компоненты институциональной среды в разной степени влияют на содержание и результаты научных исследований, институциональные основы научной деятельности составят те институты, которые фиксируют существенные связи между субъектами научной деятельности, то есть базовые, основополагающие институты этой институциональной структуры, выполняющие интегрирующую роль в функционировании и развитии науки как целостного социального института.

Производство знаний, как это широко признается в научной литературе, явля-

ется по своему существу социальным процессом. Это следует не только из общественной обусловленности любой человеческой деятельности, но и из коллективного характера научного творчества, его профессиональной и организационной закреплённости. Наука в современном обществе функционирует как социальный институт, что предполагает разветвленную сеть научных организаций, специализированные механизмы научных коммуникаций, а также наличие особых нормативно-ценностных систем, регулирующих научно-познавательную деятельность.

В структуре институциональных основ научной деятельности принято выделять формальные и неформальные институты.

Формальные или государственные институты науки называют также институтами научной бюрократии, бюрократическими институтами или институтами государственной бюрократии [18, с. 235].

Государственный институт управления наукой существует везде в мире, соответственно, обойтись без научной бюрократии ни одно государство не способно, однако существуют разные модели управления наукой, по крайней мере, исследователи выделяют два главных типа – бюрократически иерархизированную и конкурентную. Каждая из моделей имеет свои плюсы и минусы, а в своих крайних формах одинаково губительна для науки, поскольку способна подменить цели научного производства сугубо управленческими задачами. Для российской практики управления наукой в большей степени актуальны осмысление бюрократического типа управления наукой и его критика в связи с допустимым чрезмерным вмешательством во внутреннюю логику развития науки [2, с. 12]. Бюрократизм как патология бюрократического управления, безусловно, является причиной неэффективности научного производства. Свой «вклад» вносят и государственная бюрократия и внутринаучная бюрократия, осуществляющая функцию согласования интересов государства и научного сообщества. Вместе с тем и конкурентный тип управления наукой посредством осуществления финансирования исследований по проектам на основе метода конкурентного отбора, отвечающего международным стандартам, в нашу науку внедряется, но также имеет свои недостатки. Противоречие (конфликт) между логикой организации, управления и логикой науки, научного исследования пронизывает отношения в сфере науки, оно отмечается как универсальная характеристика научного производства в западной социологии науки [22].

Взаимоотношения между институтами государственной бюрократии и научным сообществом выстраиваются непросто, поскольку, в принципе, у них разные цели, ценности, правила функционирования [21, с. 6]. Бюрократия науки (государственная, академическая, вузовская, ведомственная, корпоративная и т. д.), или менеджмент науки, стремится к обеспечению эффективности деятельности научных организаций с помощью методов и инструментов, используемых любыми сферами производства, единственное, что меняется в зависимости от конкретных условий, — это понимание эффективности. Однако воздействие имеющихся в распоряжении государственных структур правовых, административных и ресурсных инструментов на научную деятельность ограничено спецификой сферы воздействия — природой научной деятельности. Очевидно, что какой бы ни утверждался и как бы ни менялся тип управления, он должен учитывать специфику научного производства, способы производства знания в науке.

Для того чтобы наука (как система знаний) достигала своих целей, должен сохраняться и поддерживаться, не разрушаться, а при неразвитости инициироваться и поощряться механизм саморегулирования, самоуправления в науке. В российской науке в связи с особенностями управления научной сферой в советское время, несмотря на существование неформальных институтов, институт саморегулирования развит слабо.

Неформальные институты в науке обусловлены особой природой науки как сферы, в которой производится знание на основе сочетания творческого индивидуально-личностного начала и коллективно-коммуникативной среды рождения нового знания [2, с. 11]. Вспомним, например, идею «невидимого колледжа» (Д. Бернал, Д. де Солла Прайс) как группы ученых, работающих в разных научных организациях, имеющих схожие научные интересы, поддерживающих неформальные отношения либо просто учитывающих научные результаты, полученные в рамках этого неинституционализованного сообщества [13, с. 17]. Концепция Т. Парсонса и Н. Сторера трактует науку как институционализированную сферу деятельности, сохраняющую традиции свободной профессии и в этом качестве являющуюся образцом самоуправления и самоорганизации. Ее особенности (обладание совокупностью специальных знаний, ответственность за их хранение, трансляцию и постоянное расширение) порождают такие неформальные институты, гарантирующие качество и целостность массива знаний, как экспертиза результатов исследований и конт-

роль их качества, сообщества ученых, коммуникативные сети, престиж и статус ученого, подготовка новых поколений исследователей [13, с. 18].

Научная профессия при этом представляет собой систему интеллектуальной деятельности, которая сосредоточена вокруг научных дисциплин. Р. Мертон в ее характеристике сделал акцент на стремлении к достижению нового истинного знания. На этой основе он сформировал модель этоса научного сообщества, нормы которого позволяют ученым производить новое знание, получать профессиональное признание, обеспечивают относительную автономность научных сообществ при операциях со знанием.

Известный науковед доктор философских наук И. Г. Дежина выделяет ряд «особенных черт» научной деятельности, которые требуют учета в управлении: креативность; занятость в производстве лиц, обладающих высочайшим уровнем квалификации, обеспеченной значительной продолжительностью периода обучения по сравнению с иными сферами производства; значимость человеческого фактора; трудности в оценке индивидуального вклада ученого в научный результат; рисковый характер деятельности; необходимость освоения одновременно со специальными знаниями экономических и правовых аспектов научной деятельности; зависимость результата от коллективных действий и, следовательно, от творческой организации работы научной группы [7, с. 12].

В последние десятилетия везде в мире конструируется этика научного исследования как вид прикладной этики для нормативного регулирования (саморегулирования) деятельности работников науки. В этом смысле она представляет собой систему стандартов должного поведения ученых и занятых в науке лиц в их межличностных взаимодействиях на основе соблюдения предписаний профессиональной морали. Формирование поведения исследователей, соответствующего нормам этики научного исследования, вытекающим из самой природы науки, имеет первостепенное значение в любой отрасли научного знания. От этого зависят качество и надежность научной продукции. «Добротность» ученого, научная честность не формируются в рамках усвоения норм общей морали, хотя этика научного исследования опирается на универсальные моральные принципы, согласно которым плохо лгать, воровать и т. п. В научном контексте этичность ученого («в этом случае ученый — не только факт, это еще и долг» [5, с. 161]) — это личная приверженность исследователей ценностям, разделяемым научным сообще-

ством, выражающаяся в соблюдении правил надлежащей научной практики.

Данная специфика научной деятельности предопределяет близость этических и методологических стандартов (когнитивных институциональных основ научной деятельности) в содержательном отношении. Однако само по себе знание методологических стандартов научной дисциплины, в рамках которой реализует свои творческие и человеческие амбиции начинающий ученый, не гарантирует научному сообществу и обществу в целом получение качественного результата; он возможен лишь только при соединении когнитивного и этического компонентов профессионализма. Выдающийся ученый и методолог науки Майкл Полани (англ. Michael Polanyi) основной движущей силой процесса познания считал внутреннее стремление ученых к истине, придавая поиску решения научной проблемы значимость религиозного служения истине [16, с. 3].

В нашей стране представления о необходимости самоорганизации и самоуправления научного сообщества не отрицаются. Напротив, подчеркивается, что наиболее эффективным путем преодоления переживаемых российской наукой затруднений является самоорганизация научного сообщества, повышение качества научных работ гарантируется исключительно укреплением неформальных институтов – правил, ценностей научного сообщества [8]. Однако практически они не изучаются и не учитываются при выработке организационных мер по совершенствованию эффективности научных исследований.

Итак, большое значение в формировании оснований для консолидации научного сообщества имеют внутринаучные ценности. Ценности и этические нормы научного исследования тесно взаимосвязаны. Этические нормы научного исследования служат для утверждения и защиты специфических, характерных именно для науки ценностей, выступая в привычной форме обязательств, дозволений, запретов. Ценности же определяют цели деятельности, устанавливают ориентиры, определяющие не только внешние формы, но и смысл поведения личности. Они обладают способностью формировать жизненные идеалы. Нормы же детерминируют рамки и способы деятельности, стандартизируют ценностное поведение личности, определяя те границы, в рамках которых человек может свободно действовать, и нарушение норм (а значит, и общественно признанных ценностных ориентаций) влечет за собой санкции со стороны сообщества.

Для успешного развития науки необходимы формальные и неформальные, государственные и общественные институты. Они должны фор-

мировать единую, непротиворечивую систему социального регулирования, обеспечивающую достаточную степень автономии научного исследования и выполнение наукой социальных функций.

Полагаем, что для анализа институциональных основ научной деятельности научных работников необходимо учитывать микро-, мезо- и макроуровни развития науки [10, с. 56], выделить институциональные характеристики российской науки в целом – макроуровень, характеристики ее мезоинститутов – академической, вузовской, ведомственной (отраслевой) науки, а также научных организаций, научных коллективов на микроуровне.

На основе изученной литературы представляется возможным выделить следующие обобщенные характеристики российской науки. Изменение, обновление институтов оказывается в центре усилий реформаторов науки, с одной стороны. С другой стороны, институциональная среда в сфере науки обладает важным свойством инерционности [14, с. 202; 15, с. 242]. В этом смысле институциональное наследие советской науки стало важным ресурсом, преимуществом развития российской науки, позволившим ей выжить в кризисные 1990-е гг., но в то же время барьером внедрения институциональных изменений, соответствующих вызовам времени или, как представлялось реформаторам, способных обеспечить реагирование науки на актуальные проблемы. Несмотря на попытки реформирования ее институциональных основ в постсоветский период, она сохранила и даже укрепила государственную бюрократическую (иерархизированную) модель управления. Далее, российская наука, раздробленная на необозримое множество научных дисциплин, развивается по пути гиперспециализации. Кроме деления согласно классификатору направлений и специальностей высшего профессионального образования, классификатору номенклатуры специальностей научных работников, науки в зависимости от связи с практической деятельностью делятся на фундаментальные и прикладные [12, с. 16].

Институциональную специфику российской науки также характеризует наличие трех главных секторов академической, вузовской, отраслевой науки с явным традиционным преобладанием первого сектора. Развитие каждого из секторов имеет свои особенности. В частности, в России всегда существовала и не решена на сегодняшний день проблема интеграции высшего образования с сектором науки и технологий, поскольку в отличие от остальных развитых стран основная доля исследований велась не в университетах, а в специализированных

научных учреждениях, не связанных с высшей школой. В настоящее время даже ведущие федеральные университеты не могут предложить профессорско-преподавательскому составу условия, сопоставимые с западными университетами, позволяющие эффективно сочетать научную работу и преподавание [17, с. 15; 6, с. 88].

В структуре ведомственной науки МВД России преобладает вузовская наука, во всех нормативных правовых актах субъектами научной деятельности первыми называются образовательные организации, которые не являются научными организациями в узком смысле и согласно Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике в Российской Федерации» (далее – ФЗ о науке и государственной научно-технической политике). Однако органами управления ведомственной наукой МВД России, судя по Концепции научного обеспечения до 2030 г., проблема нерешенности интеграции высшего образования и научно-технических исследований не осознается как институциональная проблема.

Наиболее изученным компонентом институциональных основ российской науки на всех ее уровнях являются правовые основы научной деятельности (можно назвать работы В. В. Лапаевой, А. В. Габова, Л. Н. Берг, Н. В. Путило, Д. В. Грибанова и др.), хотя для юридической науки вопросы правового регулирования научной деятельности до сих пор остаются своего рода «экзотикой» [1, с. 54]. Требуют изучения и соответствующей корректировки в законодательстве такие аспекты правового регулирования научной деятельности: модели правового регулирования научной деятельности; принципы, предмет, методы, способы правового регулирования научной деятельности; субъекты, объекты, содержание правоотношений в сфере научной деятельности; пределы правового регулирования в сфере науки; правовая природа норм права, регулирующих научную деятельность; вопросы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества; правовые аспекты финансирования научных исследований [1, с. 55].

В ФЗ о науке и государственной научно-технической политике вместо термина «наука» используется легальное определение научной деятельности (деятельность, направленная на получение и применение новых знаний) и научно-технической деятельности (деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем). В юридической литературе отмечается, что законодатель использует неполное понятие научной деятельности,

не включая важнейший признак – творчество. Занятие наукой связано с творческой деятельностью, которая не терпит вмешательства извне и предполагает как автономию исследователя, так и признание риска возможного неполучения научного продукта. Соответственно, в предмет правового регулирования не может включаться сам творческий процесс по получению нового знания. Праву под силу воздействовать на «околонаучные отношения», связанные с управлением, организацией, финансированием, созданием условий для успешного занятия научной деятельностью.

В сфере науки традиционным для России является императивный метод регулирования как воплощение командного стиля и средства защиты национальных интересов. Избыточность норм может негативно сказываться на эффективности научной деятельности. Использование неадекватных методов и способов правового регулирования отражает волюнтаризм и субъективность правотворческих органов. Соответственно, одной из задач в правовом регулировании науки должно быть снижение числа излишних правил поведения, затрудняющих деятельность ученых. Безусловно, при этом необходимо соблюдение интересов национальной безопасности и ограничение возможного ущерба от научной деятельности. Идея разумного и осторожного сочетания государственного регулирования и свободы научного творчества находит поддержку в положениях ФЗ о науке и государственной научно-технической политике [1, с. 61].

Свидетельством назревшей потребности в совершенствовании правовых основ научной деятельности на общероссийском уровне являются неоднократные попытки (с 2014 г.) принятия нового кодифицированного закона о науке.

Институт ведомственной или отраслевой науки сложился в советский период, когда научные учреждения создавались для решения государственных задач. Каждая отрасль управления формировала собственную систему научного обеспечения деятельности преимущественно в форме отраслевых научно-исследовательских институтов. В результате система отраслевой науки была полностью настроена на соответствующий государственный орган и его узкоотраслевые задачи, что не исключало проработку вопросов государственного управления общего характера в рамках академических научных центров [21, с. 61]. Поскольку ведомственная наука является структурным компонентом российской науки, то ей свойственны институциональные черты российской науки, общие формальные институты, определяемые законодательством, документами стратегического планирова-

ния. В качестве особого института она обладает и иными обусловленными специфическими целями и задачами характеристиками, например, внутренними организационными формами управления наукой, организациями, нормами и ценностями.

Ведомственная наука МВД России как социальный институт представляет собой систему социальных ролей, отношений и стандартов поведения субъектов, занятых в производстве научного знания в рамках обеспечения нормативно определенных целей системы.

Вышесказанное позволяет с большой долей определенности утверждать, что изменению институтов в совершенствовании сферы научной деятельности принадлежит значительная роль. Не случайно в Указе Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в числе важнейших направлений научно-технологического развития страны преобладают задачи «институционального» содержания. Можно особо выделить задачу по формированию «эффективной современной системы управления в области науки, технологий и инноваций».

Однако вопрос о том, какие институты поддерживать, развивать, упразднить или внедрять, является наиболее сложным для решения. К примеру, в последние десятилетия традиционно развивается и поддерживается такой институт, как научная школа – и в рамках российской, и в рамках ведомственной науки МВД России ей придан формальный статус. Однако ученые высказывают сомнения в том, что это дало положительный результат [7, с. 6].

Проблема неэффективной трансформации институтов, выявление ее причин привлекает все большее внимание исследователей и практиков. В концентрированной форме эта проблематика охватывается термином «институциональная ловушка». При всей своей неоднозначности содержательно она охватывает неэффективные, но устойчивые общественные институты, препятствующие нормальному течению того или иного процесса. На выбор того или иного организационного решения могут повлиять самые разнообразные факторы, порой принимаются менее эффективные институты, которые блокируют развитие более эффективных, потому что однажды принятое решение трудно отменить [9, с. 792]. В сфере науки такой институциональной ловушкой является институт наукометрии, он искажает мотивацию научных работников, ориентируя их на увеличение (иногда и завышение) количественных показателей деятельности в ущерб качеству научного исследования. Наукометрия представляет

типичный пример институциональной ловушки, так как все участники научной деятельности и каждый в отдельности понимают губительность для науки правила «научное признание – по количеству публикаций», но отказаться от него в индивидуальном порядке не могут себе позволить.

Начиная с 1995 г. задача создания эффективной системы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации ставилась неоднократно. В рамках Концепции совершенствования научно-исследовательской деятельности в системе МВД России до 2000 г. проведена работа по созданию правовых основ научной деятельности, создана система управления и координации научно-исследовательской деятельности, включавшая научный совет МВД России и научно-практические секции научного совета. До 2004 г. в целях организации и координации научной деятельности в системе МВД России действовало Организационно-научное управление в составе Главного организационно-инспекторского управления МВД России. Нерешенность проблемы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел вызвала новое решение коллегии МВД России 2009 г. [3, с. 8]. Стремление к созданию прочных научных основ деятельности органов внутренних дел было подкреплено на законодательном уровне, когда в числе принципов деятельности полиции (ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции») было определено использование науки и техники, современных технологий и информационных систем.

Примерная структура формальных институциональных основ научной деятельности в органах внутренних дел включает: нормативно-правовые рамки; органы руководства и планирования научной деятельности; консультативные, координационные и программные органы; структуры и механизмы финансирования; институты оценивания результатов исследования; учреждения, осуществляющие исследования.

Анализ положений Концепции научного обеспечения до 2030 г. на основе институциональной методологии позволяет сделать вывод, что специфика организации научной деятельности в системе МВД России, являющейся в большинстве случаев коллективным действием, на современном этапе характеризуется наличием зачастую не гармонизированных интересов, различных по силе влияния возможностей, а также условий для формирования поведения субъектов научной деятельности, не удовлетворяющего потребностям практических задач, стоящих перед государственным органом в сфере внутренних дел, институцио-

нальных ловушек и других институциональных дисфункций. Например, по-прежнему не найден баланс между фундаментальными и прикладными исследованиями, «смещение вектора развития ведомственной науки к практико-ориентированной и узкоспециализированной модели» не позволяет выйти на «высокий уровень научного обеспечения не только потребностей практических органов, но и задач, стоящих перед Министерством как органом исполнительной власти, по разработке и реализации государственной политики в сфере внутренних дел» [4, с. 14].

Следует учитывать, что ведомственная наука развивается в нестабильной институциональной среде, подверженной постоянным трансформациям и разноуровневому регулирующему воздействию.

В связи с этим рассмотрение ведомственной наукой системы органов внутренних дел как компонента социального института российской науки предполагает характеристику ее структуры с определением институтов, обеспечивающих исследования, институтов управления (ведомственной бюрократии науки) и их взаимодействия; выявление в соответствующих

нормативных актах и стратегических документах макросоциальных функций ведомственной науки; выделение главных, ключевых, формальных институтов ведомственной науки, отвечающих за реализацию макросоциальных функций.

В свою очередь, изучение ведомственной науки как социального института с позиций выполнения им внутренних функций предполагает реализацию следующих задач: детализированное описание структуры института, то есть множества образований разного типа, участвующих в проведении исследований; выявление основных неформальных институтов науки (профессиональные структуры научного сообщества, исследовательские ассоциации и союзы, дисциплинарные сообщества, научные общества, «невидимые колледжи», сетевые структуры и др.); анализ выполнения институтом внутренних функций. Перспективным направлением в изучении институциональных основ является противоречие между регулятивным воздействием на научного исследователя — сотрудника органов внутренних дел двух разных институтов (наука и государство), к которым он принадлежит в равной мере [19].

Список литературы:

1. Балакин В. С. Российская наука на рубеже веков: институциональные особенности, механизм самоорганизации и личностный фактор // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. Екатеринбург, 2014.
2. Васильев А. А. Научное право как отрасль российского права // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 4.
3. Гирько С. И. Решения апрельской коллегии МВД России как принципиальная научная основа развития органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2009. № 4.
4. Гончаров И. В. Стратегическое развитие ведомственной науки // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 3 (31).
5. Гусейнов А. А. Этика науки // История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей / под ред. М. А. Эскиндарова, А. Н. Чумакова. Москва, 2017.
6. Дежина И. Г. Научные «центры превосходства» в российских университетах: смена моделей // ЭКО. 2020. № 4.
7. Дежина И. Г., Киселева В. В. Тенденции развития научных школ в современной России. Москва, 2009.

References:

1. Balakin V. S. Rossijskaya nauka na rubezhe vekov: institucional'ny'e osobennosti, mekhanizm samoorganizacii i lichnostny'j faktor // Ural industrial'ny'j. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizaciya Urala v XVIII—XXI vv. Ekaterinburg, 2014.
2. Vasil'ev A. A. Nauchnoe pravo kak otrasl' rossijskogo prava // Upravlenie naukoj: teoriya i praktika. 2020. T. 2. № 4.
3. Gir'ko S. I. Resheniya aprel'skoj kollegii MVD Rossii kak principial'naya nauchnaya osnova razvitiya organov vnutrennikh del // Nauchny'j portal MVD Rossii. 2009. № 4.
4. Goncharov I. V. Trends in the Development of Legislation in Post-Industrial Society // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2014. № 3 (31).
5. Gusejnov A. A. E'tika nauki // Istoriya i filosofiya nauki: uchebnik dlya aspirantov i soiskatelej / pod red. M. A. E'skindarova, A. N. Chumakova. Moskva, 2017.
6. Dezhina I. G. Nauchny'e «centry` prevoskhodstva» v rossijskikh universitetakh: smena modelej // E'KO. 2020. № 4.
7. Dezhina I. G., Kiseleva V. V. Tendencii razvitiya nauchny'kh shkol v sovremennoj Rossii. Moskva, 2009.

8. Диссертационное исследование: Технологии подготовки: монография: в 2 ч. / Н. В. Павличенко [и др.]. Москва, 2020. Ч. 2.
9. Жук А. А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12. № 4.
10. Кирдина С. Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12.
11. Козловская В. Н. Институциональная теория и предпринимательство в современной науке // Вестник БДУ. Сер. 3. 2015. № 2. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154715/1/49-53.PDF> (дата обращения: 10.09.2021).
12. Куркова О. П. Организация и планирование научно-технических исследований и разработок: монография. Санкт-Петербург, 2018. URL: <http://publishing.intelgr.com/archive/research-organization.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
13. Мирский Э. М. Социология науки – новые вызовы // Социология науки и технологий. 2011. № 3.
14. Молокова Е. Л. Теоретические подходы к исследованию институциональных ловушек высшего образования // Креативная экономика. 2018. № 12.
15. Молокова Е. Л. Университетская научная деятельность: институциональная методология исследования // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4 (33).
16. Мороз В. В., Яровов А. Н. Взаимосвязь традиций и свободы в концепции развития научного знания Майкла Полани // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vzaimosvyaz-traditsii-i-svobody-v-kontseptsii-razvitiya-nauchnogo-znaniya-maykla-polani> (дата обращения: 18.09.2019).
17. От знаний к благосостоянию: интеграция науки и высшего образования для развития России. Москва, 2006.
18. Современный социум в мире глобальных перемен (к 85-летию академика Е. М. Бабосова / отв. ред. А. Н. Данилов. Минск, 2016.
19. Филимонов О. В. Предметное поле социологических исследований в правоохранительной сфере: проблемы определения и согласие заказчика // Социолог 2.0: трансформация профессии: материалы VIII Международной социологической Грушинской конференции (Москва, 18–19 апреля 2018 г.) / отв. ред. А. В. Кулешова. Москва, 2017.
8. Dissertaczionnoe issledovanie: Tekhnologii podgotovki: monografiya: V 2 ch. / N. V. Pavlichenko [i dr.]. Moskva, 2020. Ch. 2.
9. Zhuk A. A. Instytucjonal'ny'e lovushki v sfere vy'sshego obrazovaniya // Aktual'ny'e problemy' e'konomiki i prava. 2018. T. 12. № 4.
10. Kirdina S. G. Metodologicheskij institucjonalizm i mezouroven' soczial'nogo analiza // Socziologicheskie issledovaniya. 2015. № 12.
11. Kozlovskaya V. N. Institucjonal'naya teoriya i predprinimatel'stvo v sovremennoj nauke // Vestnik BDU. Ser. 3. 2015. № 2. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/154715/1/49-53.PDF> (data obrashheniya: 10.09.2021).
12. Kurkova O. P. Organizacziya i planirovanie nauchno-tekhnicheskikh issledovanij i razrabotok: monografiya. Sankt-Peterburg, 2018. URL: <http://publishing.intelgr.com/archive/research-organization.pdf> (data obrashheniya: 10.09.2021).
13. Mirskij E. M. Socziologiya nauki – novy'e vy'zovy' // Socziologiya nauki i tekhnologij. 2011. № 3.
14. Molokova E. L. Teoreticheskie podkhody' k issledovaniyu institucjonal'ny'kh lovushek vy'sshego obrazovaniya // Kreativnaya e'konomika. 2018. № 12.
15. Molokova E. L. Universitetskaya nauchnaya deyatel'nost': institucjonal'naya metodologiya issledovaniya // Azimut nauchny'kh issledovanij: e'konomika i upravlenie. 2020. T. 9. № 4 (33).
16. Moroz V. V., Yarovov A. N. Vzaimosvyaz' tradiczij i svobody' v koncepczii razvitiya nauchnogo znaniya Majkla Polani // Ucheny'e zapiski. E'lektronny'j nauchny'j zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vzaimosvyaz-traditsii-i-svobody-v-kontseptsii-razvitiya-nauchnogo-znaniya-maykla-polani> (data obrashheniya: 18.09.2019).
17. Ot znaniy k blagosostoyaniyu: integracziya nauki i vy'sshego obrazovaniya dlya razvitiya Rossii. Moskva, 2006.
18. Sovremenny'j socziom v mire global'ny'kh peremen (k 85-letiyu akademika E. M. Babosova / otv. red. A. N. Danilov. Minsk, 2016.
19. Filimonov O. V. Predmetnoe pole socziologicheskikh issledovanij v pravookhranitel'noj sfere: problemy' opredeleniya i soglasie zakazchika // Socziolog 2.0: transformacziya professii: materialy' VIII Mezhdunarodnoj socziologicheskoy Grushinskoj konferenczii (Moskva, 18–19 aprelya 2018 g.) / otv. red. A. V. Kuleshova. Moskva, 2017.

20. Шербин В. К. Формальные и неформальные социальные институты науки как сложная система взаимодействий и взаимоограничений // Социология. 2015. № 4.
21. Якунин В. И., Сулакшин С. С., Вилисов М. В., Соколов Д. В. Наука и власть. Проблема коммуникаций. Москва, 2009.
22. Ragouet P. Diff renciation, antidiff renciation: la sociologie des sciences dans l'impasse? // Revue europ enne des sciences sociaux. 2002. XL-124. URL: <https://journals.openedition.org/ress/583?lang=en> (дата обращения: 10.09.2021).
20. Shcherbin V. K. Formal'ny'e i neformal'ny'e soczial'ny'e instituty` nauki kak slozhnaya sistema vzaimodejstvij i vzaimoogranichenij // Sociologiya. 2015. № 4.
21. Yakunin V. I., Sulakshin S. S., Vilisov M. V., Sokolov D. V. Nauka i vlast`. Problema kommunikacij. Moskva, 2009.
22. Ragouet P. Diff renciation, antidiff renciation: la sociologie des sciences dans l'impasse? // Revue europ enne des sciences sociaux. 2002. XL-124. URL: <https://journals.openedition.org/ress/583?lang=en> (data obrashheniya: 10.09.2021).

Для цитирования:

Андреева Ирина Анатольевна. Институциональные основы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел: к постановке проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 8–18.

For citation:

Andreeva Irina Anantol'evna. Institutional Foundations of Scientific Support for the Activities of Internal Affairs Bodies: Towards the Formulation of the Problem // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 8–18.

ЛАРИСА ИВАНОВНА БЕЛЯЕВА,
 профессор кафедры уголовной политики,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист Российской Федерации
 Академия управления МВД России
 Российская Федерация, 125171, г. Москва,
 ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
 E-mail: Lbeliaeva5@mvd.ru

ORCID: 0000-0002-8245-2435

LARISA IVANOVNA BELYAEVA,
 Professor of the Department of Criminal Policy,
 Doctor of Law, Professor,
 Merited Lawyer of Russian Federation
 Management Academy of the Ministry
 of the Interior of Russia
 Russian Federation, 125171, Moscow,
 Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
 E-mail: Lbeliaeva5@mvd.ru

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПАВЛИЧЕНКО,
 заместитель начальника
 Академии управления МВД России,
 доктор юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист Российской Федерации
 Российская Федерация, 125171, г. Москва,
 ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
 E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7889-4743

NIKOLAY VLADIMIROVICH PAVLICHENKO,
 Deputy Head of Management Academy
 of the Ministry of the Interior of Russia,
 Doctor of Law, Professor,
 Merited Lawyer of Russian Federation
 Russian Federation, 125171, Moscow,
 Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
 E-mail: pavlichenko.pro@mail.ru

Научная специальность:
 12.00.08 — уголовное право и криминология;
 уголовно-исполнительное право.

УДК 343.98

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-19-24

Scientific Speciality:
 12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
 Criminal Executive Law.

Дата поступления: 21 июля 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание

Operational Search Policy: Concept And Content

Аннотация

В статье изучаются современные подходы к формированию понятия и содержания оперативно-розыскной политики. Дается понятие оперативно-розыскной политики. Рассматриваются ее место и роль в системе уголовной политики, характеристика ее основных форм и направлений реализации, основные субъекты реализации оперативно-розыскной политики.

Методы: методологическую основу данного исследования составляет аксиологический подход. Решению исследовательской задачи способствовало использование общеправовых принципов диалектики и специальных методов познания: систематического, формально-юридического, социологического и др.

Результаты: развитие учения об уголовной политике способствовало формированию си-

Abstract

The article examines modern approaches to the formation of the concept and content of operational investigative policy. The concept of operational search policy is given. Its place and role in the system of criminal policy, the characteristics of its main forms and directions of implementation, the main subjects of the implementation of operational investigative policy are considered.

The methods: the methodological basis of this study is an axiological approach. The solution of the research problem was facilitated by the use of general philosophical principles of dialectics and special methods of cognition: systematic, formal legal, sociological, etc.

The results: the development of the doctrine of criminal policy contributed to the formation of a system of scientific views on its structure, features

стемы научных взглядов о ее структуре, особенностях и роли структурных элементов в общей системе. Это способствовало зарождению научного интереса к исследованию оперативно-розыскной политики и особенностей ее реализации, хотя сложившихся устойчивых понятий в этой области пока нет.

Обсуждение: примечательно, что в работах ученых разных периодов, связанных с исследованием проблем оперативно-розыскной политики, отмечается отсутствие общности и единства взглядов, несмотря на то что общее учение об уголовной политике получило значительное развитие.

Выводы: в настоящее время в общей системе учения об уголовной политике явно недостаточное внимание уделено научному осмыслению понятия, роли и значения, особенностей реализации оперативно-розыскной политики, характеристики ее субъектов. Существующие по этому поводу взгляды дают возможность говорить о необходимости формирования ее основных понятий и характеристик. Сейчас важно с аксиологических позиций выявить то, что является ценным для развития научных основ оперативно-розыскной политики и ее социальной практики, что способно стимулировать развитие научной инициативы в решении вопросов, связанных с исследованием проблем реализации оперативно-розыскной политики, ее роли и значения для всей системы уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; оперативно-розыскная политика; формы оперативно-розыскной политики; реализация оперативно-розыскной политики; направления реализации; субъекты реализации.

and the role of structural elements in the general system. This contributed to the emergence of scientific interest in the study of operational investigative policy and the specifics of its implementation, although there are no established stable concepts in this area yet.

The discussion: it is noteworthy that in the works of scientists from different periods related to the study of the operational investigative problems policy, there is a lack of commonality and unity of views, despite the fact that the general doctrine of criminal policy has received significant development.

The conclusions: currently, in the general system of the doctrine of criminal policy, insufficient attention is paid to the scientific understanding of the concept, role and meaning, features of the implementation of operational investigative policy, characteristics of its subjects. The existing views on this issue make it possible to talk about the need to form its basic concepts and characteristics. Now it is important from an axiological standpoint to identify what is valuable for the development of the scientific foundations of operational investigative policy and its social practice, which can stimulate the development of scientific initiative in solving issues related to the study of the problems of the implementation of operational investigative policy, its role and significance for the entire system of criminal policy.

Key words: criminal policy; operational search policy; forms of operational search policy; implementation of operational search policy; directions of implementation; subjects of implementation.

Первые работы по вопросам оперативно-розыскной политики относятся к концу XX в. До этого времени оперативно-розыскная политика, а именно ее содержание, соотношение с уголовной политикой государства, принципы и т. п. в научных работах не затрагивались. Это было связано с тем, что только с 1992 г. — с принятия Закона Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» данная деятельность приобрела официальный (нормативный) статус, что повлияло на активное исследование проблем оперативно-розыскной деятельности, поиск ее места среди форм борьбы с преступностью.

В настоящее время отмечается известная активность в рассуждениях об оперативно-розыскной политике, влекущая за собой, как нам представляется, некоторую поспешность

и поверхностность выводов. Наибольшая последовательность, логичность и обоснованность в суждениях по этой теме свойственны работам В.П. Хомколова, В.М. Аتماжитова, Н.П. Водько. Это имеет свое объяснение. Во-первых, все они знали практическую работу и имели глубокие теоретические познания в оперативно-розыскной науке, а во-вторых, что является ключевым в данном случае, все они окончили Академию МВД СССР, в которой преподавался курс уголовной политики. Полученные знания позволили обнаружить имеющиеся в них пробелы и разработать предложения по их восполнению.

Анализ научных взглядов, связанных с особенностями оперативно-розыскной политики, осуществлен на основе нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы обеспечения безопасности личности, общества и госу-

дарства от криминальных посягательств: Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности»¹, Уголовный кодекс Российской Федерации² (далее – УК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ)³, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ)⁴, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД)⁵, Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁶ и др.

Круг источников, использованных в ходе исследования, достаточно разнообразен: это нормативные правовые акты, научные работы: монографии, статьи, помещенные в научных и специализированных журналах разных периодов, учебники, а также материалы, представленные в средствах массовой информации.

Анализ исследовательских материалов осуществлен на основе известных принципов научного исторического познания.

Обсуждение вопроса об оперативно-розыскной политике оценить однозначно невозможно. С одной стороны, однажды возникнув, он вызывает научный интерес, и работы по этой проблематике периодически появляются. С другой стороны, крупных исследовательских работ по этой проблеме практически нет, если не принять во внимание работы В. П. Хомколова [18] и Н. П. Водько [5].

Примечательно, что работы по указанной проблематике распадаются на две группы. Первая группа затрагивает общие вопросы уголовной политики, преимущественно на основе пересказа известных положений [6; 10; 11]. Вторая группа представлена работами, в которых предприняты попытки рассмотрения сути оперативно-розыскной политики, ее места и роли в системе уголовной политики [1; 5; 8; 17; 18]. Неоднозначность понимания места, роли и содержания оперативно-розыскной политики, стремление некоторых авторов к ее обособлению, с нашей точки зрения, не способствует развитию ее научных основ.

Целью данной статьи является определение устоявшихся научных взглядов на обозначенные вопросы и формирование новых подходов

к раскрытию содержания оперативно-розыскной политики, ее места и роли в развитии уголовной политики. Соответственно, задачами исследования являются:

- формирование научного понятия оперативно-розыскной политики;
- общая характеристика форм реализации оперативно-розыскной политики;
- анализ основных направлений реализации оперативно-розыскной политики;
- общая характеристика субъектов реализации оперативно-розыскной политики.

Среди многих работ по рассматриваемой проблеме стоит выделить те, которые принадлежат В. М. Аتماжитову, К. К. Горяинову, А. В. Федорову, В. П. Хомколову, отличающиеся оправданной осторожностью, обоснованностью и объективностью выводов.

Это позволяет считать, что роль и значение оперативно-розыскной политики в системе уголовной политики до конца не познана. Этим определяется актуальность исследования, результаты которого могут способствовать восполнению пробелов в знаниях об уголовной политике.

К настоящему времени сложилось полное понимание того, что уголовная политика есть стратегическая научно обоснованная деятельность государства по защите личности, общества и самого государства от криминальных посягательств [2; 16]. В основе уголовной политики Российской Федерации лежат конституционные постулаты (гл. 2 Конституции Российской Федерации)⁷.

В самом начале становления современного учения об уголовной политике его основатели пришли к выводу, что уголовная политика системна и структурна. Первым на это обратил внимание профессор Н. А. Стручков [14; 15]. Дальнейшее исследование проблем уголовной политики привело к вполне определенным выводам о том, что структура уголовной политики включает в себя уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, судебную и исправительно-трудовую составляющие [3; 4; 7; 9; 13].

Как видно, оперативно-розыскная составляющая со всеми ее специфическими методами борьбы с преступностью выпала из общей структуры уголовной политики. На этот пробел первым обратил внимание В. П. Хомколов, который показал место и роль оперативно-розыскной политики в системе уголовной политики и значение для реализации последней [18, с. 43–48]. С этого момента в научный оборот входит термин «оперативно-розыскная политика», хотя на тот период понятия ее не было дано.

¹ О Стратегии национальной безопасности [Электронный ресурс]: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

⁶ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851.

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2021).

Как следует из работы В. П. Хомколова, соотношение уголовной и оперативно-розыскной политики как общего и частного приводит к пониманию того, что все характеристики уголовной политики как общего свойственны и оперативно-розыскной политике как части этого общего. Вместе с тем оперативно-розыскная политика не поглощается уголовной и не растворяется в ней, поскольку имеет свой предмет, свои особенности, обусловленные специфическими средствами и методами реализации.

Не вызывает возражения тот факт, что все структурные элементы уголовной политики тесно, неразрывно связаны между собой при относительной самостоятельности.

В некоторых работах высказываются предложения рассматривать оперативно-розыскную политику как самостоятельную часть внутренней политики государства [10, с. 138]. В нашем понимании это не только не соответствует общим положениям теории уголовной политики, но и является опасным. История нашей страны знает периоды, когда оперативно-розыскная политика являлась таковой. О результатах этого свидетельствуют ее трагические страницы.

Развитие учения об уголовной политике позволило вести ее дальнейшее структурирование. В настоящее время принято считать, что структуру уголовной политики составляют: криминологическая, уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, оперативно-розыскная политика. При этом в ряде случаев происходит дальнейшая градация и рассмотрение таких элементов, как судебная, криминалистическая политика, что соответствует отдельным направлениям, свойственным структурным частям уголовной политики [12, с. 137]. Такой подход имеет право на существование, способствует более глубокому постижению сущности рассматриваемого вопроса и на его контент не влияет.

Поскольку оперативно-розыскная политика является структурным элементом уголовной политики, то их связывает общая цель, совокупность общих средств и методов, форм и направлений реализации. Разделяют их специфические характеристики и признаки, типичные не для всех элементов уголовной политики. Однако познание каждого из элементов уголовной политики, в том числе и оперативно-розыскного, невозможно без учета общих положений теории уголовной политики.

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что оперативно-розыскная политика представляет собой научно обоснованную крупномасштабную деятельность стратегического характера, связанную с проведением специально уполномоченными на то оперативными подразделениями государственных органов опера-

тивно-розыскных мероприятий и направленную на защиту жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 Закона об ОРД).

Безопасность личности, общества и государства от криминальных посягательств и является стратегической целью оперативно-розыскной политики. Составляющими стратегической цели являются основные, текущие, тактические. При этом они распадаются на долгосрочные, среднесрочные, краткосрочные.

Суть оперативно-розыскной политики составляют принятие и воплощение в реальную действительность управленческих решений, направленных на достижение поставленных целей с использованием оперативно-розыскных возможностей.

Оперативно-розыскная политика имеет свои особенности, к которым можно отнести следующие:

- она имеет строго регламентированный законом характер;
- носит комплексный характер, так как связана с общими целями и задачами уголовной политики;
- в ней сочетаются публичность и закрытость деятельности субъектов;
- субъекты оперативно-розыскной политики наделены специальными полномочиями на использование оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Круг субъектов оперативно-розыскной политики шире, чем круг субъектов оперативно-розыскной деятельности. Они могут быть представлены двумя крупными группами. В первую входят субъекты, определяющие общую стратегию оперативно-розыскной политики, ее правовые и организационные основы. К их числу следует отнести Президента Российской Федерации, Государственную Думу и Федеральное Собрание Российской Федерации, Правительство Российской Федерации и ряд других.

Вторая группа образуется совокупностью органов, имеющих полномочия на реализацию оперативно-розыскной политики. Она затрагивает не только органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (ст. 13 Закона об ОРД), но и лиц, оказывающих им содействие на гласной и конфиденциальной основе (ст. 17 Закона об ОРД), лиц, осуществляющих ведомственный и вневедомственный контроль (ст. 20–22 Закона об ОРД), и т. п.

Оперативно-розыскная политика реализуется в нескольких формах:

- доктринальная форма, связанная с формированием и установлением принципиальных

положений, ориентирующих на возможность или необходимость использования оперативно-розыскных начал для достижения социально значимых целей;

– нормотворческая форма, связанная с созданием правовых норм, касающихся оперативно-розыскных мероприятий, их обоснованности, порядка осуществления и т. д.;

– правоприменительная форма, то есть собственно правоприменение, претворение в жизнь правовых предписаний, связанных с осуществлением указанных мероприятий;

– правообучающая, состоящая в обучении правоприменителя правилам и порядку применения норм, предусматривающих использование оперативно-розыскных возможностей;

– правовоспитательная, суть которой состоит в воспитании уважения к праву в целом и оперативно-розыскному праву в частности со стороны правоприменителей и лиц, оказывающих им содействие.

Каждая из этих форм предопределяет направления оперативно-розыскной политики, которые характеризуются широким разнообразием. Их разновидности можно представить, взяв за основу определенные признаки: например, лиц, совершивших (могущих совершить) преступления. В этом случае направлением может быть реализация оперативно-розыскной политики: в отношении рецидивистов; в отношении женщин; в отношении несовершеннолетних и т. д.

В зависимости от объекта посягательств можно выделить реализацию оперативно-розыскной политики в сфере обеспечения безопасности: личности; собственности; здоровья населения и т. д.

Направления оперативно-розыскной политики определяются также характером посягательств: насильственные посягательства, ко-

рыстные и пр. Соответственно этому можно рассматривать такие направления оперативно-розыскной политики, как ее реализация в сфере обеспечения безопасности от посягательств насильственного характера; от посягательств, связанных с применением оружия, и пр.

В зависимости от функциональной направленности можно рассматривать такие направления, как выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, а также розыска без вести пропавших; добывание информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации; установление имущества, подлежащего конфискации (ст. 2 Закона об ОРД).

Оперативно-розыскная политика характеризуется тем, что в зависимости от ее масштаба усиливается, активизируется то или иное направление. По масштабу оперативно-розыскная политика может рассматриваться как международная (СНГ, ЕС), межгосударственная (Россия – Беларусь), федеральная, региональная (на уровне субъекта федерации), локальная.

Обозначенные в настоящей статье положения свидетельствуют о том, что, с одной стороны, научные знания об оперативно-розыскной политике являются довольно объемными, однако не в полной мере систематизированными, а с другой – о том, что существует ряд вопросов и тем, пока не изученных исследователями. Это указывает на необходимость дальнейших исследований основных ее проблем и формирования стройного учения.

Список литературы:

1. *Атмажитов В. М.* О сущности оперативно-розыскной политики // Академическая мысль. 2020. № 4.
2. *Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е.* Российская уголовная политика и уголовный закон: монография. Москва, 2017.
3. *Бородин С. В.* Теоретические проблемы советской уголовной политики // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. Москва, 1977.
4. *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве. Москва, 1979.
5. *Водько Н. П.* Оперативно-розыскная политика Российской Федерации: монография. Москва, 2018.

References:

1. *Atmazhitov V. M.* O sushchnosti operativno-rozysknoj politiki // Akademicheskaya mysl'. 2020. № 4.
2. *Babaev M. M., Pudovochkin Yu. E.* Rossijskaya ugolovnaya politika i ugolovnyj zakon: monografiya. Moskva, 2017.
3. *Borodin S. V.* Teoreticheskie problemy sovetskoj ugolovnoj politiki // НКНВ s"ezd КПСС i dal'nejshee ukreplenie socialisticheskoj zakonnosti. Moskva, 1977.
4. *Vladimirov V. A., Lyapunov Yu. I.* Sovetskaya ugolovnaya politika i ee otrazhenie v dejstvuyushchem zakonodatel'stve. Moskva, 1979.
5. *Vod'ko N. P.* Operativno-rozysknaya politika Rossijskoj Federacii: monografiya. Moskva, 2018.

6. *Воронцова С. В.* Оперативно-розыскная политика как часть уголовно-правовой политики Российской Федерации // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2015. № 2.
7. *Гальперин И. М., Курляндский В. И.* Предмет уголовной политики и основные направления его изучения // Основные направления борьбы с преступностью. Москва, 1975.
8. *Горяинов К. К.* Оперативно-розыскная политика и развитие законодательства // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы международной межведомственной научно-практической конференции (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А. А. Воотинова. Самара, 2016.
9. *Гришанин П. Ф.* Уголовная политика Советского государства и уголовно-правовая социология. Москва, 1977.
10. *Захарцев С. И., Сальников В. П.* Размышления об оперативно-розыскной политике // Ученые записки юридического факультета. 2015. Вып. 39 (49).
11. *Кудрявцев А. В.* О месте оперативно-розыскной политики в структуре уголовной политики государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4.
12. *Малько А. В.* Судебная политика и судебная практика: проблемы взаимосвязи // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 3.
13. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел. Москва, 1979.
14. *Стручков Н. А.* Советская исправительно-трудовая политика. Саратов, 1978.
15. *Стручков Н. А.* Советское исправительно-трудовое право. Москва, 1963.
16. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник / под ред. Л. И. Беляевой. Москва, 2018.
17. *Федоров А. В.* Российская оперативно-розыскная политика: некоторые вопросы теории // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов / под общ. ред. К. К. Горяинова и В. С. Овчинского. Москва, 2017.
18. *Хомколов В. П.* Организация управления оперативно-розыскной деятельностью: системный подход. Москва, 1999.
6. *Voroncova S. V.* Operativno-rozysknaya politika kak chast' ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. 2015. № 2.
7. *Gal'perin I. M., Kurlyandskij V. I.* Predmet ugolovnoj politiki i osnovnye napravleniya ego izucheniya // Osnovnye napravleniya bor'by s prestupnost'yu. Moskva, 1975.
8. *Goryainov K. K.* Operativno-rozysknaya politika i razvitie zakonodatel'stva // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodejstvie nauki i praktiki: materialy mezhdunarodnoj mezhdedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii (16–17 iyunya 2016 g.) / pod obshch. red. A. A. Votinova. Samara, 2016.
9. *Grishanin P. F.* Ugolovnaya politika Sovetskogo gosudarstva i ugolovno-pravovaya sociologiya. Moskva, 1977.
10. *Zaharcev S. I., Sal'nikov V. P.* Razmyshleniya ob operativno-rozysknoj politike // Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta. 2015. Vyp. 39 (49).
11. *Kudryavcev A. V.* O meste operativno-rozysknoj politiki v strukture ugolovnoj politiki gosudarstva // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2014. № 4.
12. *Mal'ko A. V.* Sudebnaya politika i sudebnaya praktika: problemy vzaimosvyazi // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2011. № 3.
13. Sovetskaya ugolovnaya politika i deyatel'nost' organov vnutrennih del. Moskva, 1979.
14. *Struchkov N. A.* Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika. Saratov, 1978.
15. *Struchkov N. A.* Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo. Moskva, 1963.
16. Ugolovnaya politika i ee realizaciya organami vnutrennih del: uchebnik / pod red. L. I. Belyaevoy. Moskva, 2018.
17. *Fedorov A. V.* Rossijskaya operativno-rozysknaya politika: nekotorye voprosy teorii // Aktual'nye problemy teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik nauchnyh trudov / pod obshch. red. K. K. Goryainova i V. S. Ovchinskogo. Moskva, 2017.
18. *Homkolov V. P.* Organizaciya upravleniya operativno-rozysknoj deyatel'nost'yu: sistemnyj podhod. Moskva, 1999.

Для цитирования:

Беляева Лариса Ивановна, Павличенко Николай Владимирович. Оперативно-розыскная политика: понятие и содержание // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 19–24.

For citation:

Belyaeva Larisa Ivanovna, Pavlichenko Nikolay Vladimirovich. Operational Search Policy: Concept And Content // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 19–24.

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ ЕЛАГИН,
 профессор кафедры управления
 деятельностью подразделений
 обеспечения охраны общественного порядка
 центра командно-штабных учений,
 доктор юридических наук, профессор
 Академия управления МВД России
 Российская Федерация, 125171, г. Москва,
 ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
 E-mail: 9031848622@mail.ru

ALEKSANDR GEORGIEVICH ELAGIN,
 Professor of the Department of Management of the
 Activities of Public Order Units of the Center for
 Command and Staff Exercises,
 Doctor of Law, Professor
 Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
 Russian Federation, 125171, Moscow,
 Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
 E-mail: 9031848622@mail.ru

Научная специальность:
 12.00.11 – судебная власть;
 прокурорский надзор;
 организация правоохранительной деятельности.

Scientific Specialty:
 12.00.11 – Judicial Power;
 Prosecutor's Supervision;
 Organization of Law Enforcement Activities.

УДК 351.741

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-25-33

Дата поступления статьи: 31 августа 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Некоторые модели и концепции обеспечения общественной безопасности: их содержание и взаимосвязь

Some Models and Concepts of Public Safety: Their Content and Interrelation

Аннотация

Актуальность исследования: выражена в необходимости формирования моделей обеспечения безопасности теоретического и методологического характера. Их реализация позволит существенно повысить уровень безопасности.

Постановка проблемы. Обеспечить безопасность человека, общества, государства сложно без теоретических исследований закономерностей, законов, моделей. Их формирование и реализация ставит перед субъектами защиты новые задачи на достижение определенных целей. В нашем случае – быть в безопасности.

Цель исследования: формирование и разработка классификаций моделей безопасности.

Методы исследования: анализ, синтез, моделирование, включенное наблюдение, сравнение.

Ключевые слова: безопасность; модель; управление; деятельность; теория; человеческий фактор; концепция; управление безопасностью; компетентность; миссия.

Abstract

The relevance of the study: expressed in the need to form models of security of a theoretical and methodological nature. Their implementation will significantly increase the level of security.

The problem statement. It is difficult to ensure the security of a person, society, and the state without theoretical studies of patterns, laws, and models. Their formation and implementation sets new tasks for the subjects of protection to achieve certain goals. In our case, to be safe.

The purpose of the study: the formation and development of classifications of security models.

The research methods: analysis, synthesis, modeling, included observation, comparison.

Key words: security; model; management; activity; theory; human factor; concept; security management; competence; mission.

Научный подход к разрешению многочисленных проблем обеспечения человека, общества, государства, происходящих от воздействия угроз природного, техногенного, социального характера, заключается в умозрительном формировании, а затем в исследовании различных моделей и концепций, в которых изложены определенные идеи, взгляды на комплекс проблем, который существенно расширился, стал более взаимосвязанным и приобрел качественно новый характер¹. Это дает возможность исследователям, практическим работникам определить оптимальные пути (варианты) многочисленных, целенаправленных действий для достижения поставленного результата.

Модели могут служить для разработки политики, стратегий безопасности, а также совершенствовать систему управления деятельностью по обеспечению комплексной безопасности на различных уровнях. Иными словами, определение того, что потребуется в будущем. Модели обладают свойствами абстрактности, простоты и адекватности моделируемых систем.

Они (модели) в целом раскрывают сущностное содержание формулы: «опасность — человек — безопасность».

Модели, предложенные ниже, основаны на созерцании реальной действительности, наблюдении (порой грустном), эмпирическом опыте и, конечно же, на научных разработках в области безопасности. Автор предлагает читателю следующие модели и концепции общественной безопасности:

1. Модели теоретического характера (для научных работников, руководителей, собственников):

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

— методологическая модель исследования (познания) проблем обеспечения безопасности.

2. Модели функционального характера (для руководителей, собственников, бизнес-структур, человека):

- поведенческая модель;
- деятельностная модель;
- управленческая модель.

3. Интегрированная модель обеспечения безопасности (для всех).

Все предложенные модели обеспечения безопасности взаимосвязаны между собой с точки зрения ее достижения. В этом случае мы можем говорить об интегральной модели обеспечения безопасности.

1. Методологическая модель исследования (познания) проблем обеспечения безопасности.

Современный этап обеспечения безопасности предполагает формирование и построение моделей в качестве методологических основ управления безопасностью и применение их в жизнедеятельности человека. Их основная идея состоит в выявлении противоречий, закономерностей возникновения опасностей, связей между человеком и опасностями в процессе его жизнедеятельности. Они (опасности) должны изучаться с целью дальнейшего их парирования.

Советскими и российскими методологами (Г. И. Щедровицким, О. С. Анисимовым, М. В. Рацем и др.) было подмечено, что систематические затруднения в практической деятельности порождают потребность в аналитике и науке. С этой точки зрения методология безопасности представляет собой совокупность теоретических, научных, философских, познавательных средств, позволяющих выявлять и решать проблемы обеспечения безопасности. Представленная модель состоит из совокупности взаимосвязанных научных категорий (рис. 1).

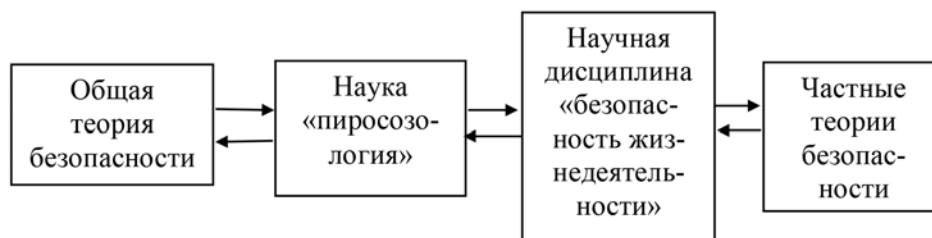

Рис. 1. Взаимосвязь научных категорий в сфере общественной безопасности

Краткое раскрытие некоторых категорий: общая теория безопасности как самостоятельная область фундаментальной науки развивается на основе междисциплинарного подхода. Общая теория безопасности — служит для одновременной реализации обществом двух путей обеспечения безопасности в современных условиях:

а) во-первых, через формирование целостного видения обществом всего современного комплекса проблем безопасности; б) во-вторых, через создание общей теоретической базы для частных теорий безопасности, что позволяет при решении локальных практических задач учитывать последствия принятых решений на всех

уровнях. В ее основу заложены следующие постулаты: 1) безопасность не бывает абсолютной; 2) уровень безопасности можно оценивать только косвенно; 3) исследователями отмечается, что методология перспективных научных исследований по безопасности должна быть качественно изменена и должна идти не только от практики, но и от теории, то есть реализовывать принцип «двойного продвижения к истине». Это утверждение снимет, по нашему мнению, вопрос, часто возникающий в ходе обучения, что больше надо давать — теории или практики.

Теория безопасности является базовым элементом науки «пирозология» (науки о защите от опасностей), которая изучает (познает) опасности, методы, способы и средства защиты от них. Ее нравственные основы лежат в философии, этике, морали, понимании добра и зла. Поведенческие аспекты — в психологии. Ее выводы учитываются всеми общественными науками и воплощаются в социальной жизни через законы и правила безопасности.

Безопасность жизнедеятельности как учебная дисциплина появилась в конце 1990 г. XX столетия. Это общепрофессиональная дисциплина, в которой рассмотрены основы безопасного взаимодействия человека со средой обитания (производственной, бытовой, городской, природной) и основы защиты от негативных факторов в опасных и чрезвычайно опасных ситуациях. Это интегрированная дисциплина гуманитарно-технического направления. Она формирует первичные навыки и умения, компетенции для решения задач собственной безопасности и безопасности в целом. Основная цель: выработка идеологии безопасности, формирование у обучаемых безопасного мышления (стратегическая цель) и поведения человека, формирование культуры безопасности.

Частные теории безопасности. Они согласуются с общей теорией безопасности, единством общих понятий, принципов, методологии, которые трансформируются в частные методологические положения, методики с учетом специфики опасностей, угроз и решаемых задач. Существует множество таких теорий. Среди них: теории экономической, информационной, промышленной, пожарной, ядерной безопасности. Имеется теория безопасности полетов, частная теория развития. Формируется частная теория человеческой безопасности (теория безопасности человека) — «Human Security». Главная идея теории человеческой безопасности — опровержение гипотезы, согласно которой безопасность индивидов вытекает из безопасности государства.

В целом можно говорить о системе частных теорий безопасности, положения которых распространяются на процесс обеспече-

ния безопасности. Все они базируются, как уже отмечалось, на определенной совокупности законов безопасности, общих принципов, вытекающих из анализа и раскрытия каждого элемента триады: «опасность — человек — безопасность».

Все частные теории безопасности, как, впрочем, и общая, выполняют основную функцию — объяснить существующие явления и события, в том числе и такого феномена, как безопасность. При этом надо учитывать, что описать этот феномен и попытаться его объяснить — не одно и то же.

Представленные выше модели обеспечения общественной безопасности основываются на следующих концепциях.

Во-первых, на концепции устойчивого развития, которая направлена на развитие цивилизации и исходит из необходимости соблюдения баланса между решением социальных, экономических проблем, сохранением окружающей среды и безопасности. Она также обусловлена угрозой экологической катастрофы.

На Всемирной встрече (Йоханнесбург, 2002 г.) на высшем уровне было также подчеркнуто, что существенное значение для достижения устойчивого развития имеют мир, безопасность, свобода. Кроме этого, в устойчивом развитии определяют основное место и его антропоцентрическую направленность.

При этом исследователи (А. А. Прохожев) отмечают, что первичным является развитие как личности, так и всего человечества в целом, а безопасность вторична и призвана обеспечить это развитие. При банальном соединении (интеграции) слов «развитие» и «безопасность» с добавлением прилагательного «устойчивый» мы получаем целостную конструкцию «устойчивое безопасное развитие», которая определяет сущность концепции устойчивого развития в контексте нашего исследования и в дальнейшем должна являться определяющей при разработке и формировании стратегических решений в сфере обеспечения безопасности.

Во-вторых, современный мир отверг концепцию абсолютной безопасности и пришел к модели концепции приемлемого (допустимого) риска, суть которой в стремлении достичь такой опасности (уровня), которую приемлет общество в данный период времени в зависимости от социально-экономического развития государства.

В теории безопасности считается, что приемлемый риск определяет компромисс между уровнем безопасности и возможностями ее достижения.

Максимально приемлемым уровнем риска гибели человека считается 10^{-6} в год. Неприемлемый риск имеет уровень 10^{-3} в год. Ины-

ми словами, сущность концепции приемлемого риска сводится к обеспечению безопасности, уровень которой допускает общество в данный период времени и гарантируется государством. Основной здесь принцип: оптимальный баланс между приемлемым уровнем безопасности и затратами на его обеспечение. Проведенные исследования показывают, что допустимый уровень 10^{-6} не соответствует реальной действительности.

В-третьих, концепция оправданного риска. Она представляет собой определенную систему взглядов на общественно оправданные риски. При этом непосредственно рискующие члены общества, безопасность которых на данном этапе развития не может быть обеспечена на приемлемом уровне, получают социально-экономические компенсации от общества. Оправданный риск — качество личности, проявляющееся в умении противостоять страхам и идти на оправданный риск для достижения своей цели. В недалеком прошлом Д. Ф. Устинов (бывший министр обороны СССР) говорил: «Риск оправдан только тогда, когда он необходим, когда без него не достичь нужных результатов».

В-четвертых, концепция всеобщей безопасности. Она основывается на многомерном характере обеспечения международной безопасности, учитывая не только интересы узкой группы государств, но и всех членов мирового сообщества. И здесь институциональную основу всеобщей безопасности составляет глобальная организация СБ ООН, которая в последнее время не всегда и не вовремя принимает решения по обеспечению безопасности.

В-пятых, концепция академика В. А. Легасова («Дамоклов меч»). Метафора здесь неслучайна. В научных работах академика дается обстоятельный анализ потенциальных и гипотетических аварий, катастроф. В результате анализа причин, хода и последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (1986 г.) им было признано, что главным в нашей жизни должен быть принцип безопасности, который должен противостоять явлению системной опасности не только в военной сфере, но и в техносфере. Нужна безопасность и от разжигания любых форм международной вражды, конфликтов, актуальность которых для нашей страны в те годы не была для многих очевидна. Он обращал внимание и на терроризм, его развитие как средство решения личностных, национальных или политических конфликтов. Уже в те времена он писал о комплексной безопасности и обращал внимание на то, что новые виды человеческой деятельности несут новые опасности [3, с. 14].

Не отрицая влияния человеческого фактора на возникновение опасностей, рисков из-за ошибок персонала, недисциплинирован-

ности и неподготовленности, В. А. Легасов утверждал, что центр тяжести проблем лежит все-таки в области управления, где человеческий фактор наиболее существенен. Как актуально звучат эти слова в настоящее время.

Его работы были направлены на доказательство необходимости методологии обеспечения безопасности. Сегодня надо отвечать не на вопросы «что» и «сколько», а «как», «зачем», «с каким материальным и социальным риском» [5, с. 147]. Он разрабатывал новые идеи о безопасности ядерной энергетики, о возможных стратегиях поведения. Необходимо отметить и выделенную им уже тогда закономерность, связанную с научно-техническим прогрессом, который, привнося новые процессы, методы и средства воздействия, без должного анализа безопасности приводит к расширению спектра факторов, от которых следует защищаться. Из этой закономерности автором статьи предложен читателям закон управления безопасностью: «любые решения во всех сферах жизнедеятельности человека должны иметь “экспертизу безопасности”» [2, с. 19].

Еще несколько утверждений В. А. Легасова: новые серьезные опасности не должны приводить к потере уверенности и полезности развития научно-технического прогресса. Важно только хорошо знать природу возникающих проблем и найти средства их решения;

— принимаемые решения в области безопасности должны обладать необходимой полнотой проработки и оптимальности;

— принцип «реагировать и выпрямлять» более неприемлем;

— необходимы единые критерии безопасности, которые позволяли бы сравнивать различные подходы с позиций минимального риска для людей и природы;

— нужна политика «приемлемого риска» в рамках стратегии устойчивого развития;

— необходимо осознать, что жизнь в сложившейся ситуации в техносфере и в других сферах налагает особую ответственность на каждого члена общества;

— необходимо сформулировать новые критерии безопасности и иметь современную методологию ее обеспечения.

Таковы основные положения концепции безопасности академика В. А. Легасова, которые, по нашему мнению, были и остаются предметом дальнейшего научного осмысления и разрешения существующих проблем безопасности.

В-шестых, концепция общественного договора и обеспечение безопасности. Общественный договор Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо — наилучший способ удовлетворения потребности национальной безопасности. В контексте рассматриваемой проблемы (безопасности)

общественный договор весьма прост: заключив договор, люди передают часть своих прав государству, а государство обязано охранять безопасность граждан, собственность. При этом люди чувствуют потребность подчинения. Таким образом, безопасность рассматривается как базовое условие общественного договора.

На наш взгляд, эти договоренности приводят к патерналистской (pater – отец) парадигме обеспечения безопасности, которая приводит человека к чувству успокоения, стопроцентной защищенности от катастроф, невосприимчивости реальных и потенциальных угроз. Настало время поменять мышление человека. Он сам должен заботиться о собственной безопасности (через правомерное поведение), а государство должно создавать условия безопасного его существования.

В современных условиях в целях обеспечения безопасности важен общественный договор (государственно-частное партнерство) между государством и бизнесом.

2. Модели функционального характера.

Поведенческая модель обеспечения безопасности. Применительно к теме нашего исследования поведение представляет собой совокупность реальных действий, поступков человека, при которых им соблюдаются (выполняются) общепринятые нормы, правила безопасности без внутреннего и внешнего принуждения и соответствуют требованиям морали и нравственности. В современной психологии поведение понимается как синоним деятельности, как образ жизни. В этой связи И. Гете писал: «поведение — это зеркало, в котором каждый показывает свой истинный облик». Он (облик) может проявляться в различных видах человеческого поведения: агрессивное поведение (агрессивное вождение автотранспорта); девиантное поведение (отклоняющееся); асоциальное поведе-

ние (употребление наркотиков, алкоголя, кражи, вымогательство, вандализм, драки и др.); суицидальное поведение; осознанное, неосознанное, бессознательное поведение; безопасное поведение.

Н. Бердяев, рассматривая «человека как великую загадку для самого себя», пишет, что человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности [1, с. 19].

Смысловое значение словосочетания «безопасное поведение» сводится к поведению человека, действия, поступки которого не приводят к правонарушению и возникновению опасности, вреда от них как самому человеку, так и окружающим. Однако вышеперечисленные виды поведения зачастую приводят к нарушению правовых норм, зафиксированных в различных прописях, регламентах, требованиях безопасности. В этом случае мы говорим о правонарушениях, которые влекут юридическую ответственность. Можно утверждать, что в реальной действительности человек по-прежнему пока остается основным носителем различных по виду опасностей и угроз, или, как пишут исследователи, является регулятором безопасности и регулятором своего поведения. По Н. Бердяеву: «в человеке пересекаются все круги бытия» [1, с. 77].

Одним из этапов поведенческой модели обеспечения безопасности (причем основным) является формирование безопасного поведения как школьников, так и взрослых людей. Это сложный педагогический процесс, который включает общую теоретическую подготовку к безопасности жизнедеятельности, формирование предметных умений и навыков, развитие качеств человека, формирование культуры безопасности в быту, социуме, природе (рис. 2):

Рис. 2. Элементы формирования безопасного поведения

Культура безопасности (безопасная культура поведения) является одним из решающих элементов поведенческой модели и управления безопасностью в целом, а также как составная часть превентивных мер. В целом культура безопасности — это набор кодов (норм, правил), которые предписывают человечеству определенное безопасное поведение, как вести себя в различных ситуациях на основе позитивных

знаний, умений и предшествующего опыта. Это системообразующий фактор снижения рисков и основа выживания человечества.

В теории безопасности жизнедеятельности выделяются следующие уровни культуры безопасности: а) индивидуальный — это мировоззрение, нормы поведения, индивидуальные ценности и подготовленность человека; б) коллективный — корпоративные ценности, про-

фессиональная этика, мораль и подготовленность персонала; в) общественно-государственный — традиции безопасного поведения, общественные ценности, подготовленность всего населения в сфере безопасности.

Процесс воспитания культуры безопасности и формирования безопасного поведения должен носить всеобщий, непрерывный, комплексный характер. На важность этой деятельности обращал внимание С. К. Шойгу, отмечая, что самые строгие законы и правила не помогут уменьшить количество людских потерь от чрезвычайных ситуаций и других негативных факторов, если не будут созданы система и условия для формирования культуры безопасной личности. В этой работе должны принимать участие все без исключения органы исполнительной власти, и начинаться она должна с детского возраста. Справедливость этих слов не вызывает сомнения, и эта деятельность стала приоритетом в деле обеспечения национальной безопасности от внутренних и внешних угроз.

Деятельностная модель обеспечения безопасности. Совершенно очевидно, что гарантированный уровень безопасности достигается системной деятельностью субъектов защиты по реализации совокупности мер (методологических, организационных, правовых, технических, ресурсных, информационных, знаниевых), направленных на устранение (по возможности) причин и условий возникновения чрезвычайных ситуаций природного, техногенного, социального, террористического характера и минимизацию социально-экономических последствий от них. Эта деятельность осуществляется в трех режимах: повседневном, повышенной готовности, чрезвычайной ситуации (как правило, при ограниченных временных и материальных ресурсах).

В этих условиях требуется более высокий уровень достижения целей, исполнения задач в сфере безопасности. Ученым сообществом признается, что парадигма деятельности «реагировать и выпрямлять» (по-прежнему является опреде-

ляющей) должна уступить место деятельности по «прогнозированию и предупреждению», которая также «страдает» неопределенностью и неполнотой ее критериев, среди которых отмечали два — быстрота и эффективность. Отсюда крайне важны в рассматриваемой модели современные методы, средства, подходы к достижению результатов. Здесь важен процесс самоорганизации субъектов защиты, которые должны стремиться к всестороннему и глубокому пониманию своих ресурсов и возможностей на основе их интеграции. В этом случае мы говорим о системно-деятельностном подходе обеспечения безопасности, который адаптируется к быстрым изменениям и ориентирован на мыслительный процесс, прогнозирование, моделирование и стратегическое планирование. В противном случае возникающие опасности, угрозы, риски — это последствия нашей собственной деятельности или бездеятельности (часто непреднамеренной). Эксперты ранее писали: «опасными или безопасным являются сами наши системы деятельности, и зависит это не от свойств материала, с которым нам приходится иметь дело (природы, конструкций, действий и др. людей и пр.), а от наличия или отсутствия у нас форм организации, методов и средств деятельности с данным материалом и протекающими в нем процессами в данных условиях» [4, с. 15].

Это может быть эвристическая деятельность (от греч. — отыскиваю, открываю), мыслительная, творческая деятельность человека (иногда отсутствуют требования безопасности, алгоритмы прямого риска и т. д.). Решив проблему, мы восклицаем: «Эврика! (Нашел!)». Это касается в первую очередь нахождения новых специальных методов решения проблемы, идей (главная основная мысль), мотивации и, конечно же, желания, стремления к безопасной жизнедеятельности.

Основные этапы деятельностной модели обеспечения безопасности представлены на рисунке 3.

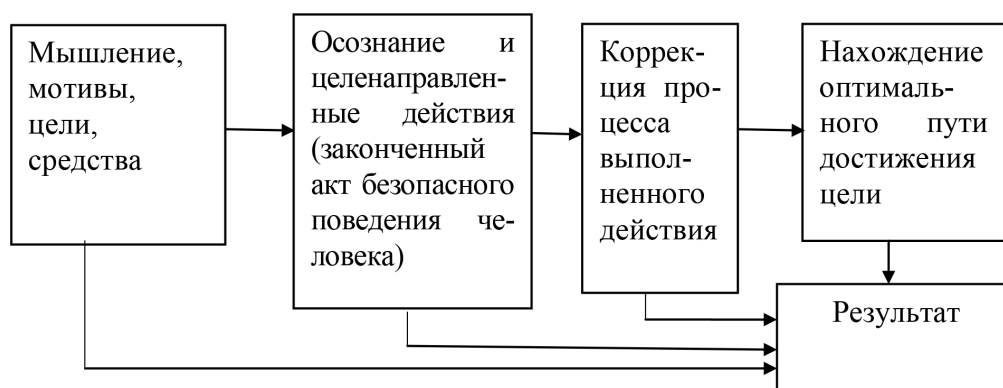

Рис. 3. Этапы деятельностного подхода обеспечения общественной безопасности

В целом деятельностная модель направлена на повышение эффективности работы организации, усиление мотивации персонала, внедрение новых методик, компетенций, обеспечение организационного развития, ориентации на результат.

Деятельностная модель основана на знании существующих проблем безопасности, на знаниях об опасностях различного характера, методах, способах защиты от них. В этой связи хочется еще раз напомнить слова Э. Хэмингуэя (главная тема его творчества – тема любви и смерти, ответственность человека за все, что происходит в мире): «Безопасность – это если знаешь, как вернуться от опасности» [6, с. 121].

Управленческая модель обеспечения безопасности. Обеспечение безопасности – это всегда деятельность, а любая деятельность требует управления. Это аксиома. В современной специальной литературе существуют различные модели управления (американская, японская, европейская).

Европейская модель управления основана на формировании профессионального управления через высшее профессиональное образование, повышение квалификации руководителей и на профессиональной подготовке. Она легко адаптируется в нашей стране в целом, а также в Академии управления МВД России в частности.

Японский менеджмент основан на коллективизме, на чувстве долга перед коллективом и, что очень важно, – на доверии. Эта особенность присуща странам Востока. На Западе по-прежнему очень многое основывается на контроле. Мы находимся где-то посередине.

В самом простом виде управление представляет собой процесс организации деятельности объекта управления, субъектов управления для достижения поставленных целей. Кроме процесса, слово «управление» обозначает – аппарат, функция, результат, деятельность и др. Управление следует рассматривать и как науку, которая представляет собой определенные закономерности, теории, учение, концепции, стратегии и т. д.

Как мы уже отмечали, безопасностью можно и нужно управлять как на мировом уровне, так и на уровне государства, региона, отрасли и различных объектов. Управлять можно и рисками [7, с. 43]. Управляя рисками, мы управляем и обеспечиваем безопасность. Таковы простейшая диалектика и задача исключительной важности.

Управление безопасностью – это принятие и реализация (очень важно) управленческих решений в реальной действительности

и в долгосрочной перспективе. Это прежде всего: вовлечение в процесс обеспечения безопасности всех сотрудников системы (эффект синергии), эффективное взаимосвязанное сочетание субъектов защиты, повышение уровня компетентности в принятии решений, подготовка профессиональных кадров («безопасников»), т. к. управлять безопасностью должны профессионалы.

Управленческая модель обеспечения безопасности должна быть комплексной (системной), целостной. Сложность формирования такой модели заключается в нахождении тех ее элементов (измеримых), которые в заданных параметрах гарантируют приемлемый уровень безопасности. Она включает в себя следующие компоненты и элементы управленческого процесса по формированию определения управленческих воздействий от выявленных угроз и минимизации их последствий в случае ее (угрозы) реализации (реактивное управление) и переход к проактивному управлению, модель которого направлена на недопущение нежелательных результатов (рис. 4). Не менее важным является непрерывность управления в течение всего жизненного цикла.

Основным элементом рассматриваемой модели является высшее руководство системы (организации), которое определяет новые управленческие идеи, задачи. Так, например, управление безопасностью необходимо осуществлять не только через контроль (отрицать его, видимо, нельзя), а через доверие к сотрудникам и гражданам, надзорным органам. Надзорный орган – это «привилегия» для бизнеса, не говоря о том, что они партнеры, а не конкуренты. В современных условиях это становится очевидным. Очень важно довести до сотрудников ценности и мировоззрение организации в области безопасности.

Концентрация на лидерстве руководителей, выполняющих функции управления в сфере безопасности, и безопасное поведение человека, основанное на правилах и базовых законах безопасности, определяет привлекательность управленческой модели обеспечения безопасности.

Модель не может быть эффективной если не определена миссия организации в сфере обеспечения деятельности. Миссия, как правило, связана с деятельностью и описывает текущие цели организации. Это объединяющая идея. Для этого ее нужно четко и ясно сформулировать.

Интегративная модель обеспечения безопасности. Модель является инструментом повышения качества управленческих решений в сфере

безопасности, которые должны быть согласованы между собой. Это можно решить путем интегрированного моделирования, представляющего собой совокупность рассмотренных ранее «частных» моделей, объединенных в единое целое, при котором формируется качественно новое образование. Объединяя их в одну модель, мы формируем целостное восприятие социально-правового явления безопасности; формиру-

ем мировоззрения в этой сфере; даем представление о непрерывном комплексном процессе обеспечения национальной безопасности, о влиянии (синергии) различных наук (исследований) на этот процесс, о стратегическом партнерстве субъектов системы обеспечения безопасности; сближаем теоретические положения в сфере безопасности с практическими действиями по его обеспечению.

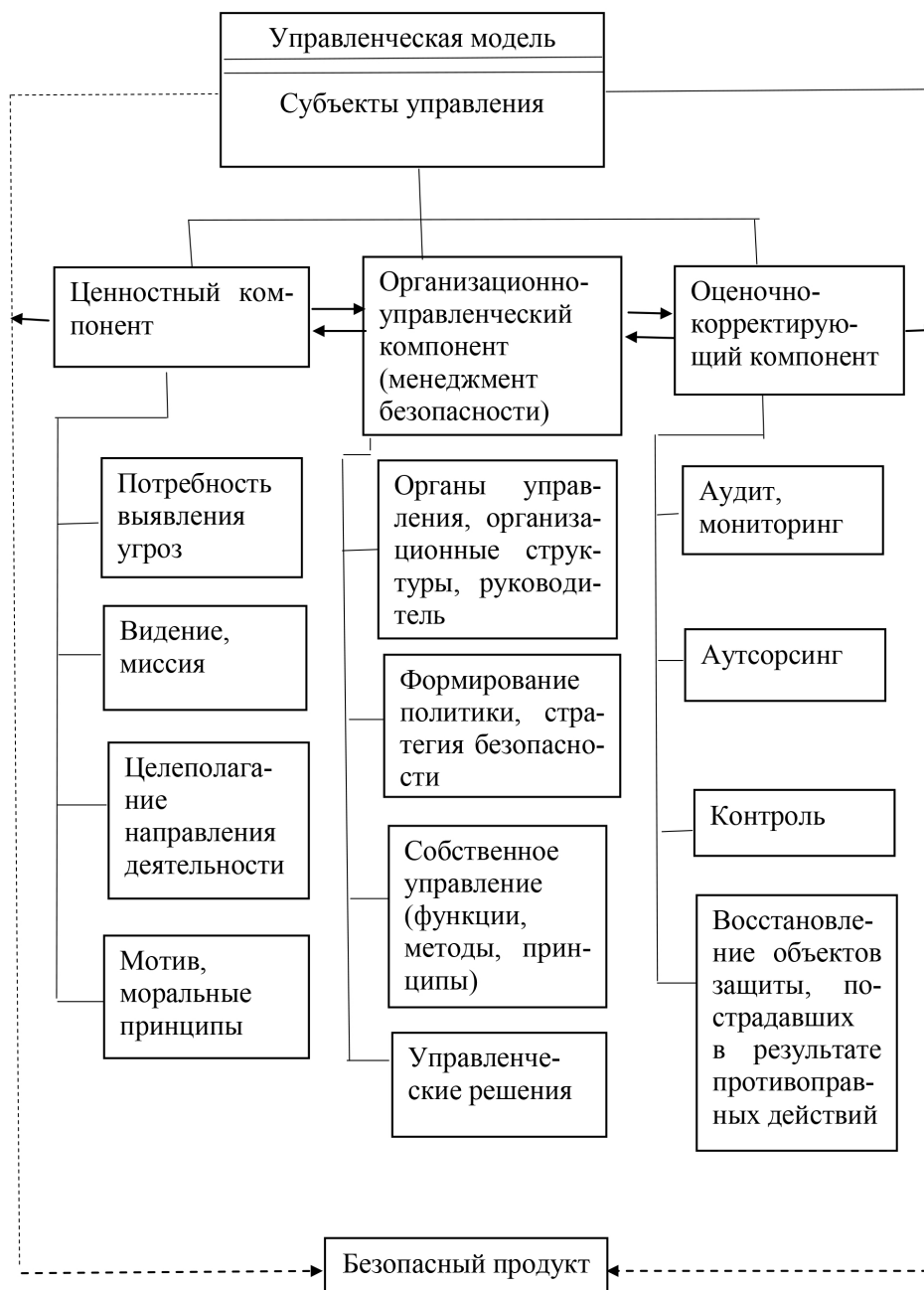

Рис. 4. Управленческая модель обеспечения общественной безопасности

Интегрированная модель базируется на иерархии пяти «частных» моделей, каждая из которых раскрывает ее содержание от методологических основ до корректирующих действий с целью достижения результата. В некоторых случаях они раскрывались через очевидные,

опирающиеся на здравый смысл предположения (рис. 5). В такой интерпретации мы обращаем внимание на универсальность этой модели, которая в будущем будет вписываться в интегрированную модель управления развитием общества.

Рис. 5. Интегративная модель обеспечения общественной безопасности

Интегрированные модели (модели безопасности) относятся к четвертому поколению инновационных процессов. Пятое поколение будет основано на создании цифровых интегрированных моделей для создания безопасного продукта (приемлемого уровня безопасности), организационной коммуникации, синергии научных дисциплин в исследуемой сфере, и они будут способствовать интеграции человеческих ресурсов и повышенной эффективности их деятельности через процесс управления.

С учетом вышеизложенного представляется возможным сделать выводы:

1. Модели при их применении обеспечивают системно-деятельностный подход к управлению безопасностью на основе некоторых концепций, описывающих различные аспекты и позволяющих решать многие задачи, направленные на защиту человека, обще-

ства, государства от воздействия перманентных опасностей.

2. Модели используются в следующих случаях: при разработке формальной политики безопасности, выборе базовых принципов архитектуры безопасности, построения систем.

3. Интегрированная модель обеспечения общественной безопасности – это больше чем сумма входящих в нее функциональных моделей. Это единая комплексная система, обеспечивающая защиту объекта (в том числе и человека) от опасностей на гораздо более высоком уровне.

4. Продолжением исследований должна стать детализация системно-деятельностного подхода при созданных цифровых интегрированных моделях в целях получения безопасного продукта путем принятия целенаправленных скоординированных управленческих решений.

Список литературы:

1. Бердяев Н. О назначении человека. Москва, 2006.
2. Елагин А. Г. Некоторые законы безопасности и их характеристики // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56).
3. Легасов В. А. Проблемы безопасного развития техноформ // Коммунист. 1987. № 8.
4. Рац М. В., Копылов Г. Г., Слепцов Б. Г. Концепция обеспечения безопасности. Москва, 1995.
5. Феоктистов Л. П. Академик В. А. Легасов // Проблемы анализа риска. 2006. Т. 2. № 2.
6. Хэмингуэй Э. По ком звонит колокол. 1940.
7. Чернова Г. В., Кудрявцев А. А. Управление рисками. Москва, 2005.

Для цитирования:

Елагин Александр Георгиевич. Некоторые модели и концепции обеспечения общественной безопасности: их содержание и взаимосвязь // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 25–33.

References:

1. Berdyaev N. O naznachenii cheloveka. Moskva, 2006.
2. Elagin A. G. Some Safety Laws and Their Characteristics // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56).
3. Legasov V. A. Problemy bezopasnogo razvitiya tekhniform // Kommunist. 1987. № 8.
4. Rac M. V., Kopylov G. G., Slepcev B. G. Konceptiya obespecheniya bezopasnosti. Moskva, 1995.
5. Feoktistov L. P. Akademik V. A. Legasov // Problemy analiza riska. 2006. T. 2. № 2.
6. Heminguej E. Po kom zvonit kolokol. 1940.
7. Chernova G. V., Kudryavcev A. A. Upravlenie riskami. Moskva, 2005.

For citation:

Elagin Aleksandr Georgievich. Some Models and Concepts of Public Safety: Their Content and Interrelation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 25–33.

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КИРИЧЁК,
начальник управления
учебно-методической работы,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: Kirichek79@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.02 – конституционное право;
конституционный судебный процесс;
муниципальное право.

ORCID 0000-0003-2798-3812

УДК 342.4

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-34-40

Дата поступления: 24 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

К вопросу о конституционной идентичности и правовой определенности

On the Issue of Constitutional Identity and Legal Certainty

Аннотация

Актуальность: 2020 год был ознаменован важным для России историческим событием – подготовкой и принятием изменений в Конституцию Российской Федерации, отражающих и правовую идентичность, и богатый многолетний опыт конституционного строительства Российского государства. Разработка изменений происходила с учетом мнений различных слоев населения, широкого общественного обсуждения и последующим совершенствованием нормативной правовой базы. В этом смысле приоритетным является вопрос качества конституционных поправок и других нормативных правовых актов. Речь идет, во-первых, о его четкости, понятности, однозначности, а во-вторых, об отсутствии пробелов, дефектов и двусмысленностей, что поневоле призывает обратить свой взор на проблемы правовой определенности.

Постановка проблемы: реализация комплекса мер, направленных на обеспечение социально-экономических прав таким образом, чтобы граждане действительно ощущали свою принадлежность к многонациональному народу, соединенному общей судьбой на своей земле, как следует из текста преамбулы Конституции

EVGENY VLADIMIROVICH KIRICHEK,
Head of the Department of Educational
and Methodical Work,
Doctor of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: Kirichek79@yandex.ru

Scientific Specialty:
12.00.02 – Constitutional Law;
Constitutional Judicial Process;
Municipal Law.

Abstract

The relevance: 2020 was marked by an important historical event for Russia – the preparation and adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation, reflecting both the legal identity and the rich long-term experience of the constitutional construction of the Russian state. The development of changes took place taking into account the opinions of various segments of the population, broad public discussion and subsequent improvement of the regulatory framework. In this sense, the issue of the quality of constitutional amendments and other normative legal acts is a priority. We are talking, firstly, about its clarity, comprehensibility, unambiguity, and secondly, about the absence of gaps, defects and ambiguities, which inevitably calls for turning your attention to the problems of legal certainty.

The problem statement: implementation of a set of measures aimed at ensuring socio-economic rights in such a way that citizens really feel their belonging to a multinational people united by a common destiny on their land, as follows from the text of the preamble to the Constitution of the Russian Federation.

The purpose of the study: based on the analysis of doctrinal and practical issues, normative legal

Российской Федерации.

Цель исследования: на основе анализа доктринальных и практических вопросов, нормативных правовых актов, решений Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, статистических данных показать особую роль Конституции Российской Федерации с позиции ее верховенства в сочетании с доктриной конституционной идентичности и принципом правовой определенности, являющимися трендом современных процессов глобализации.

Методологическая основа исследования состоит в применении как общенаучных, так и специальных методов, выработанных в правоведении. При проведении исследования особую роль сыграли следующие методы научного познания: диалектический, исторический, сравнительно-правовой, статистический, логический и др.

Выводы: сделаны ряд умозаключений, касающихся, с одной стороны, развития правового потенциала Конституции Российской Федерации, являющегося определяющим вектором на пути предотвращения социально-политической дестабилизации, а с другой – конституционной идентичности, в самом широком смысле проявляющейся в стремлении познать и сформулировать свою национальную, религиозную и др. идентичность, следовать традиционным семейным ценностям и т. д., а на государственном уровне – в предотвращении нарушения территориальной целостности, государственного суверенитета, признании конституционно-правовой идентичности государства, а также относительно правовой определенности (правовой стабильности) как одной из важнейших характеристик конституционной идентичности.

Ключевые слова: конституция; конституционная идентичность; правовая определенность; Конституционный Суд Российской Федерации; Европейский Суд по правам человека.

acts, decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights, statistical data, to show the special role of the Constitution of the Russian Federation from the position of its supremacy in combination with the doctrine of constitutional identity and the principle of legal certainty, which are a trend of modern globalization processes.

The methodological basis of the research consists in the application of both general scientific and special methods developed in jurisprudence. During the research, the following methods of scientific cognition played a special role: dialectical, historical, comparative legal, statistical, logical, etc.

The conclusions: a number of conclusions have been drawn concerning, on the one hand, the development of the legal potential of the Constitution of the Russian Federation, which is a determining vector on the way to prevent socio-political destabilization, and on the other – constitutional identity, in the broadest sense manifested in the desire to know and formulate their national, religious, etc. identity, to follow traditional family values, etc. and at the state level – in preventing violations of territorial integrity, state sovereignty, recognition of the constitutional and legal identity of the state, as well as regarding legal certainty (legal stability) as one of the most important characteristics of constitutional identity.

Key words: constitution; constitutional identity; legal certainty; Constitutional Court of the Russian Federation; European Court of Human Rights.

Современный период развития российской государственности характеризуется модернизацией различных сфер общественной и государственной жизни, важным этапом которой явилось внесение изменений в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция, Конституция РФ)¹, одобренных в ходе общероссийского голо-

сования 1 июля 2020 г. и вступивших в силу 4 июля 2020 г.

Конституцию нельзя воспринимать только лишь как итог социального компромисса, поскольку потребность в нем, а значит, и в кардинальных конституционных изменениях может возникнуть в любой момент времени. В основных положениях Конституции заложен потенциал перспективного развития нашей страны в будущем, что является определяющей характеристикой такого юридического свойства Конституции, как программность. Важно своевременно реагировать на вызовы,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.06.2021).

выявлять социально-негативные тенденции и находить способы выхода из сложившейся ситуации, в том числе прибегая и к правовым формам.

Как показывает практика, наибольшая раздражительность и напряженность в российском обществе наблюдаются из-за нерешенности многих социально-экономических проблем, касающихся чрезмерного социального расслоения (если в 2015 г. соотношение бедных/богатых составляло 66%/56%, то в 2020 г. — 78%/65% соответственно [9]), уровня пенсионного обеспечения, безработицы (по состоянию на сентябрь 2020 г. — 4,5%) и т. д.² Такая ситуация усугубляется естественной усталостью населения от непрекращающихся реформ. Это говорит о том, что мы все еще далеки от полноценной реализации положений Конституции, касающихся построения социального государства.

Решение этих и многих других проблем видится в реализации комплекса мер, направленных на обеспечение социально-экономических прав таким образом, чтобы граждане действительно ощущали свою принадлежность к многонациональному народу, соединенному общей судьбой на своей земле, как следует из текста преамбулы Конституции РФ.

В этом смысле резонно говорить о конституционной идентичности, которая является по сути трендом современных процессов глобализации. Причем в самом широком смысле она проявляется в стремлении познать и сформулировать свою национальную, религиозную и др. идентичность, следовать традиционным семейным ценностям и т. д., а на государственном уровне — в предотвращении нарушения территориальной целостности, государственного суверенитета, признании конституционно-правовой идентичности государства.

В конституционно-правовой сфере особую актуальность приобретает проблема «возвеличивания» так называемых наднациональных органов, таких как, например, Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ), способных, используя свой статус и активную позицию, корректировать конвенционную систему. Минимизация влияния на ЕСПЧ государств-участников, с одной стороны, является своего рода гарантией его независимости, но с другой — отдаляет его от насущных потребностей и реалий, характерных для национальных государств. Все это дает возможность говорить об определенных ограничениях в деятельности ЕСПЧ, не позволяющих ему выходить за рамки дозволенного. Здесь важно помнить,

что ЕСПЧ действует в границах разработанных им же пределов усмотрения, в то время как национальные государства руководствуются своими пределами уступчивости, прямо вытекающим из формулировок их же конституций, исходя из собственного понимания национальной конституционной идентичности. То, насколько ЕСПЧ готов воспринимать и уважать национальную конституционную идентичность, во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском конституционном правопорядке³.

Что же собой представляет термин «конституционная идентичность»? Термин «конституционная идентичность» (тождественный чему/кому-либо, совпадающий с чем/кем-либо) в правовой практике России впервые появился в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации. И это закономерно, поскольку именно органы конституционного контроля, в том числе зарубежных государств, используют доктрину конституционной идентичности для рассмотрения наиболее сложных дел.

В отечественной конституционно-правовой науке существуют различные трактовки данного термина. Одни авторы рассматривают его как сложное системное явление, включающее в себя характеристику элементов формы государства, конституционные нормы, принципы, гарантии и др. [10, с. 36], или как целостную, универсальную, интегрирующую категорию, занимающую важное место в системе ценностей, отображающую особенности конституционного строя государства, его правовые реалии, степень идентичности правовой системы государства [8, с. 98], другие — как совокупность конституционных особенностей, присущих государствам и позволяющих отграничивать их от других государств [1, с. 318].

Согласно позиции Г.А. Гаджиева, в сущности конституционной идентичности кроется в первую очередь нетекстуальное восприятие конституционных изменений, что укладывается в рамки современной герменевтики [2, с. 33].

А.А. Клишас, говоря о преемственности и динамизме конституционного развития, определяет конституционную идентичность как принципиальное требование к вновь устанавливаемому регулированию. Отражается она, по его мнению, в реальной социальной практи-

² Уровень безработицы (по методологии МОТ) в июле 2021 г. // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.09.2021).

³ По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО "Нефтяная компания «ЮКОС»» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 января 2017 г. № 1-П // СЗ РФ. 2017. № 5. Ст. 866.

ке, проявляющейся в нормативных правовых актах либо в общественных отношениях, возникающих вновь [5].

Идеи конституционной идентичности не являются чуждыми и для зарубежной юриспруденции [11, с. 82–98; 12, с. 81–98; 13, с. 1595–1616; 14, с. 326; 16, с. 671–676]. Так, например, французский правовед М. Тропер предлагает рассматривать конституционную идентичность через призму сущностных принципов, отличающихся от иных норм конституции и обладающих для нее особым защитным свойством [15, с. 11].

Особого внимания заслуживает позиция Конституционного Суда Российской Федерации, который к базовым элементам конституционной идентичности относит «внутригосударственные нормы о фундаментальных правах, а также гарантирующие эти права нормы об основах конституционного строя»⁴.

Важно отметить, что при схожести правовых норм их интерпретация и, соответственно, восприятие субъектами реализации права могут существенно отличаться. Степень же восприятия зависит от неотъемлемой характеристики правовой идентичности — правовой определенности (правовой стабильности). Это говорит о том, что абсолютно одинаковых конституционных идентичностей в различных государствах нет и быть не может [4, с. 10].

Бессмысленно отрицать, что охрана и защита прав и свобод человека и гражданина напрямую зависит от качества законодательства. Речь идет, во-первых, о его четкости, понятности, однозначности, а во-вторых, об отсутствии пробелов, дефектов и двусмысленностей. К сожалению, проблемы разнообразного толкования законов правоприменителями поневоле призывают обратить свой взор на проблемы правовой определенности, которая, как бы нам этого не хотелось, с разной степенью проявления существовала всегда, особенно в условиях нестабильности правового регулирования, когда практика бесконечных переписываний законов, внесения в них поправок и изменений существенно тормозит достижение общественно полезных целей, способствует развитию

бюрократии, безответственности, коррупции [6, с. 151–152].

В этом смысле взаимосвязь правовой определенности с принципами правового государства, в частности верховенством права, очевидна. С одной стороны, определенность правовой нормы позволяет обеспечить соответствие смысла, выраженного разработчиком, реальному нормативному предписанию, заложенному в акт, а с другой — является показателем качества и эффективности законотворческой деятельности в целом.

Напротив, игнорирование принципа правовой определенности влечет неоднозначность толкования нормативных правовых актов, терминологическую путаницу, а наблюдающаяся тенденция роста актов создает условия для появления пробелов, неоднозначных, недостаточно проработанных юридических конструкций, неточных, а то и противоречивых правовых предписаний. В итоге на практике восполнение пробелов в той или иной мере ложится на правоприменителей и зависит от уровня их правосознания, правовой культуры и правопонимания, что довольно часто расходится с мнениями разработчиков правовых норм и влечет принятие судами разноплановых решений при рассмотрении однотипных дел.

Безусловно, идеального законодательства, охватывающего все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, нет и быть не может. В такой ситуации важное значение приобретает правоприменительная практика и в первую очередь судебная, тесно соприкасающаяся с научно обоснованными взглядами, идеями, доктринами. В.В. Лазарев совершенно оправданно подчеркнул, что именно суд является творцом права, субъектом толкования и разрешения конфликтов, правоприменителем, гарантом правовой системы и институтом, ее гармонизирующим [7, с. 18].

Особое место здесь занимает Конституционный Суд Российской Федерации, который посредством конституционного правосудия стоит на страже обеспечения прав и свобод человека и гражданина, верховенства Конституции РФ, ее прямого действия, препятствует произвольному толкованию правовых норм в угоду каким-либо социальным слоям, группам, отдельным индивидам и в случае признания соответствующих правовых норм в части или полностью неконституционными может парализовать их действие.

Конституционный Суд Российской Федерации справедливо отметил, что дефекты закона, приводящие в правоприменительной деятельности к нарушению конституционных прав и свобод человека и гражданина, позволяют признать практику применения такого закона

⁴ По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П// СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

неконституционной⁵. По статистике наибольшее количество обращений граждан в Конституционный Суд Российской Федерации связано именно с конституционным статусом личности, причем эта тенденция из года в год сохраняется. Так, в 2018 г. доля таких обращений составила 29,6 % (4 487) от общего количества — 15 149, в 2019 г. — 29 % (4 296) от общего количества — 14 809, в 2020 г. — 30,1 % (3 874) от 12 864 соответственно⁶.

Важно отметить, что в практике Конституционного Суда Российской Федерации ситуации, связанные с пробельностью, неточностью, неясностью закона, встречаются довольно часто. Это позволяет обратить внимание законодателя на устранение недостатков в целях достижения правовой определенности и согласованности норм.

В сферу деятельности Конституционного Суда Российской Федерации попадают не только законы, но и подзаконные нормативные правовые акты федерального уровня, восполняющие пробелы в правовом регулировании. Речь идет, например, о постановлениях Правительства Российской Федерации⁷, но только в том случае, когда Правительству правовое регулирование какого-либо вопроса, не получившего содержательной регламентации, предоставлено законом⁸. Особый статус в системе действующих нормативных правовых актов имеют постановления Государственной Думы об амнистии, которые по уровню и содержанию могут быть приравнены только к принимаемым ей же законам⁹.

⁵ По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 г. № 3-П // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1708.

⁶ Статистика по обращениям в Конституционный Суд Российской Федерации / Тематика обращений в Конституционный Суд Российской Федерации // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> (дата обращения: 15.09.2021).

⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мальцевой Елены Михайловны на нарушение ее конституционных прав положением постановления Правительства Российской Федерации «О списках работ, производств, профессий, должностей, специальностей и учреждений (организаций), с учетом которых досрочно назначается страховая пенсия по старости, и правилах исчисления периодов работы (деятельности), дающей право на досрочное пенсионное обеспечение» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 1025-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 27 января 2004 г. № 1-П // СЗ РФ. 2004. № 5. Ст. 403.

⁹ По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябин-

Все это позволяет без преувеличения говорить о делегированном нормотворчестве в данном контексте, как на уровне Правительства Российской Федерации, так и федеральных органов исполнительной власти¹⁰, а в некоторых случаях государственных органов с особым (специальным) статусом, например Банка России¹¹.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Сейчас нужно признать, что доктрина конституционной идентичности требует детальной проработки. Ясно одно, что она служит неким «водоразделом» между желаемыми изменениями внутреннего конституционного правопорядка и принципами, которым государства, признавшие безоговорочную юрисдикцию наднациональных органов, обязаны следовать [3]. Россия же, как видится, должна двигаться по пути, который бы отвечал ожиданиям общества и представлениям о правах и свободах, их неотчуждаемости, справедливости.

2. Стремление России соответствовать статусу социального государства возлагает на органы публичной власти ответственность за обеспечение высокого уровня благосостояния наших граждан. Здесь конституционная идентичность проявляется уже тогда, когда национальным законодательством предоставляются более широкие социальные гарантии по сравнению с международным, что является свидетельством приоритетности его применения.

3. Приоритет положений самой Конституции РФ над нормами международного права очевиден и вытекает из ее сущности как нормативного правового акта наивысшей юридической силы, обладающего свойством верховенства. Это вовсе не означает, что доктрина конституционной идентичности каким-либо образом отрицает саму возможность межгосударственного регулирования. Напротив, она дает возможность для выработки сбалансированного курса, сочетающего механизмы национального и наднационального регулирования.

ска и жалобами ряда граждан»: постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3059.

¹⁰ По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3059.

¹¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации (ч. 1 ст. 5): Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5017.

4. В своем поступательном государственном-правовом развитии Россия ориентирована, прежде всего, на обеспечение, с одной стороны, государственного суверенитета, а с другой – взятых на себя международных обязательств. В этом отношении изменения в Конституцию РФ 2020 г., определяющие ее приоритетное положение перед международными актами, позволят России с учетом внутрисоциальной конституционно-правовой специфики не допустить имплементацию

норм международного права, вступающих в противоречие с Конституцией РФ.

5. Высокая степень правовой определенности (правовой стабильности) является одной из важнейших характеристик конституционной идентичности, которая неминуемо сказывается на стабильности и гармонизации возникающих на их основе правовых отношений, что, в свою очередь, является свидетельством проявления социальной ценности права.

Список литературы:

1. Васильева Т. А. Верховенство права ЕС и уважение национальной идентичности государств – членов Союза // Тенденции развития права в социокультурном пространстве. Жидковские чтения: материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 24–25 марта 2017 г.) / отв. ред. М. В. Немытина. Москва, 2018.
2. Гаджиев Г. А. О судебной доктрине конституционной идентичности // Судья. 2017. № 12.
3. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Рос. газ. 2018. 9 окт.
4. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4.
5. Клишас А. Поправки в Конституцию и конституционная идентичность // Рос. газ. 2020. 10 февр.
6. Кутафин О. Е. Российский конституционализм. Москва, 2008.
7. Лазарев В. В. Место и роль суда в правовой системе // Журнал российского права. 2014. № 10.
8. Подольян Д. А. Формирование доктрины конституционной идентичности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 4.
9. Четверикова А. Счет в пользу бедных // Рос. газ. 2020. 16 марта.
10. Чигринов С. П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XX веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3.
11. Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2016. № 45 (2).
12. Manasyan A. The Idea of Constitutional Identity in the Modern Constitutional Thought // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2018. № 3.

References:

1. Vasil'eva T. A. Verhovenstvo prava ES i uvazhenie nacional'noj identichnosti gosudarstv – chlenov Soyuza // Tendencii razvitiya prava v sociokul'turnom prostranstve. Zhidkovskie chteniya: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Moskva, 24–25 marta 2017 g.) / отв. ред. М. В. Немытина. Москва, 2018.
2. Gadzhiev G. A. O sudebnoj doktrine konstitucionnoj identichnosti // Sud'ya. 2017. № 12.
3. Zor'kin V. D. Bukva i duh Konstitucii // Ros. gaz. 2018. 9 okt.
4. Zor'kin V. D. Konstitucionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2017. № 4.
5. Klishas A. Popravki v Konstituciyu i konstitucionnaya identichnost' // Ros. gaz. 2020. 10 fevr.
6. Kutafin O. E. Rossijskij konstitucionalizm. Moskva, 2008.
7. Lazarev V. V. Mesto i rol' suda v pravovoj sisteme // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 10.
8. Podolyan D. A. Formirovanie doktriny konstitucionnoj identichnosti // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2017. № 4.
9. Chetverikova A. Schet v pol'zu bednyh // Ros. gaz. 2020. 16 marta.
10. Chigrinov S. P. Konstitucionnaya identichnost' i konstitucionnoe razvitie v XX veke // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 3.
11. Cloots E. National Identity, Constitutional Identity, and Sovereignty in the EU // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2016. № 45 (2).
12. Manasyan A. The Idea of Constitutional Identity in the Modern Constitutional Thought // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. 2018. № 3.
13. Polzin M. Constitutional Identity as a Constructed Reality and a Restless Soul // German Law Journal. 2017. Vol. 18. № 7.
14. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture and Community. New York, 2010.

13. *Polzin M.* Constitutional Identity as a Constructed Reality and a Restless Soul // *German Law Journal*. 2017. Vol. 18. № 7.
14. *Rosenfeld M.* The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture and Community. New York, 2010.
15. *Troper M.* «Behind the Constitution? The Principle of Constitutional Identity in France» in Andras Sajó and Renata Uitz (eds.) // *Constitutional Topography: Values and Constitutions*. 2010. № 2.
16. *Tushnet M.* How Do Constitutions Constitute Constitutional Identity? // *International Journal of Constitutional Law*. 2010. Vol. 8. № 3.
15. *Troper M.* «Behind the Constitution? The Principle of Constitutional Identity in France» in Andras Sajó and Renata Uitz (eds.) // *Constitutional Topography: Values and Constitutions*. 2010. № 2.
16. *Tushnet M.* How Do Constitutions Constitute Constitutional Identity? // *International Journal of Constitutional Law*. 2010. Vol. 8. № 3.

Для цитирования:

Киричек Евгений Владимирович. К вопросу о конституционной идентичности и правовой определенности // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 34–40.

For citation:

Kirichek Evgeny Vladimirovich. On the Issue of Constitutional Identity and Legal Certainty // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2021. № 4 (60). P. 34–40.

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МАТАНЦЕВ,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: matantcevda@gmail.com

DMITRIY ALEKSANDROVICH MATANTCEV,
Associate Professor of the Department
of State and Law Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: matantcevda@gmail.com

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

УДК 340.1

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-41-50

Дата поступления статьи: 10 сентября 2021 г.
Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса

Development of Legal Personality in the Conditions of Scientific and Technological Progress

Аннотация

Проблема: Современный уровень развития науки и техники обеспечивает человеку все более комфортное и одновременно автономное от природы существование. Человек не только создает по своей воле «социальный мир», но и пытается с помощью науки влиять на естественные законы мироздания. Развитие современных биомедицинских технологий, генной инженерии, робототехники и искусственного интеллекта приводят к трансформации традиционных представлений о правовом регулировании общественных отношений, ключевое место в котором занимает категория правосубъектности. Все эти процессы требуют своего научного осмысления.

Цель: определить степень влияния современных технологий на правосубъектность и возможные перспективы ее развития в условиях научно-технического прогресса.

Методы: исследование проведено с опорой на диалектический подход, с применением общелогических приемов, частнонаучных и специально-юридических средств научного познания.

Выводы:

1. Правосубъектность является ключевой правовой категорией, обеспечивая приобщение ее обладателей к правопорядку в целом

Abstract

The problem: The modern level of development of science and technology provides a person with an increasingly comfortable and at the same time autonomous existence from nature. Man not only creates a «social world» of his own will, but also tries to influence the natural laws of the universe with the help of science. The development of modern biomedical technologies, genetic engineering, robotics and artificial intelligence lead to the transformation of traditional ideas about the legal regulation of social relations, the key place in which is occupied by the category of legal personality. All these processes require their scientific investigation.

The objective: to determine the degree of influence of modern technologies on legal personality and possible prospects for its development in the conditions of scientific and technological progress.

The methods: the investigation was conducted based on a dialectical approach, using general logical techniques, private scientific and special legal means of scientific cognition.

The conclusions:

1. Legal personality is a important legal category, ensuring that its holders are identified to the rule of law in general and the opportunity to participate in specific legal relations. Based on this, two

и возможность участия в конкретных правоотношениях. Исходя из этого выделено два уровня ее проявления: общий (абстрактный) и конкретный. Правоспособность, дееспособность и деликтоспособность рассматриваются в качестве компонентов конкретного уровня правосубъектности.

2. Правосубъектность не может рассматриваться лишь как средство обеспечения правовых возможностей ее обладателя. Возможность ее возникновения и содержательное наполнение детерминируется основами правопорядка, необходимостью обеспечения правовой определенности и баланса интересов.

3. Современные биомедицинских технологии оказывают различное влияние на правосубъектность физических лиц. Изменение человеком биологического пола не прекращает общую правосубъектность, но приводит к трансформации отдельных отраслевых ее компонентов. Технологии клонирования и крионирования приводят к переосмыслению оснований возникновения правосубъектности.

4. Обоснован вывод о том, что искусственный интеллект не может обладать общей правосубъектностью, а должен иметь лишь ограниченную законом специальную правоспособность и деликтоспособность с учетом обеспечения баланса частных и публичных интересов и реализации технико-юридического контроля за его действиями.

Ключевые слова: правосубъектность; правоспособность; субъект права; биомедицинские технологии; клонирование; крионирование; искусственный интеллект.

levels of its manifestation are distinguished: general (abstract) and concrete. Legal capacity are considered as components of a concrete level of legal personality.

2. Legal personality cannot be considered only as a means of ensuring the legal capabilities of its owner. The possibility of its occurrence and its content is determined by the fundamentals of the rule of law, the need to ensure legal certainty and a balance of interests.

3. Modern biomedical technologies have a different impact on the legal personality of individuals. The change of a person's biological sex does not terminate the general legal personality, but leads to the transformation of its individual sectoral components. Cloning and cryonics technologies lead to a rethinking of the grounds for the emergence of legal personality.

4. The conclusion is substantiated that artificial intelligence cannot have a general legal personality, but should have only a special legal capacity limited by law, taking into account the balance of private and public interests and the implementation of technical and legal control over its actions.

Key words: legal personality; legal capacity; legal subject; biomedical technologies; cloning; cryonics; artificial intelligence.

Вся история развития цивилизации демонстрирует стремление человека обособиться от природы, создать свою собственную среду обитания, в меньшей степени подчиняемую действию естественных природных сил. Человек конструирует свою собственную реальность, создаваемую и воспроизводимую под действием различных социальных регуляторов. Последние достижения науки и техники свидетельствуют не только об автономизации человеческой цивилизации от природы, но и о попытках изменить сами естественные законы. Благодаря развитию биомедицинских технологий, геной инженерии стало возможным осуществлять воздействие на репродуктивные процессы, изменять половую принадлежность человека, производить клонирование. В перспективе рассматривается возможность возвращения человека к жизни благодаря криотехнологиям.

Развитие информационных технологий существенным образом преобразует и саму социальную реальность. Многие сюжеты, еще вчера казавшиеся плодом воображения писателей-фантастов, сегодня становятся вполне реальными. Робототехника, большие данные, облачные технологии, искусственный интеллект – все эти технологии современного общества, внедряемые в различные сферы человеческой жизнедеятельности, актуализируют экзистенциальные вопросы места и роли человека в мироустройстве. В философии все чаще обращается внимание на утрату человеком своей «субъектности». По замечанию В. А. Лекторского, современный человек представляет собой симбиоз биологического организма и технологий, при этом последние, все чаще воздействуя на организм, приводят к тому, что «от человека остается только лишь совокупность разного рода технологий и техник» [6, с. 254].

Юридическая наука не может оставаться в стороне от этого дискурса. Какую роль право играет в научно-техническом прогрессе? Может ли и должно оно ограничивать научно-технологические устремления человечества с учетом их потенциального разрушительного воздействия на социум или призвано выполнять исключительно инструментальную роль, лишь придавая необходимую юридическую форму объективно складывающимся общественным отношениям?

Сегодня в исследовательском поле ученых-юристов находятся вопросы влияния современных технологий на само право — его форму, содержание, институциональные проявления [4; 16]. Однако роль права в техническом развитии общества представляется не менее важной проблемой для изучения. При этом следует учитывать, что одной из ключевых юридических категорий, через познание которой открывается возможность исследования данной проблемы, является категория правосубъектности. Именно через наделение правосубъектностью, то есть возможностью быть субъектом права, приобретать и осуществлять субъективные права и обязанности, происходит приобщение человека и юридических лиц к правопорядку со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями (участие в правоотношениях, наделение конкретными правами и обязанностями, их реализация и пр.).

В юридической литературе высказывались различные суждения о соотношении понятий «правосубъектность», «правоспособность», «дееспособность». Мы исходим из получившей широкое признание точки зрения, согласно которой правосубъектность выступает интегральной категорией, охватывающей собой правоспособность (способность обладать субъективными правами и юридическими обязанностями), дееспособность (способность самостоятельной реализации прав и обязанностей), деликтоспособность (способность самостоятельно нести юридическую ответственность за неблагоприятные последствия своего поведения) [7, с. 71]. При этом методологически важным представляется рассматривать правосубъектность на двух уровнях правового бытия: всеобщем (абстрактном) и конкретном. На абстрактном уровне правосубъектность как социально-правовая категория отражает в целом возможность человека и иных лиц быть участником правовой жизни (правопорядка). На конкретном уровне правосубъектность через свои составные компоненты (правоспособность, дееспособность, деликтоспособность) обеспечивает участие субъектов в конкретных правоотношениях [1, с. 104].

Наделение субъекта возможностью участвовать в правоотношениях, встраивание его в правовые связи с другими субъектами предпола-

гает необходимость корреляции его интересов с интересами других участников правоотношений и общества в целом. Поэтому правосубъектность необходимо рассматривать не только в контексте средства обеспечения правовой свободы и интересов ее обладателя, но также в контексте прав и интересов других субъектов права. Эти замечания представляются важными для определения возможности расширения круга обладателей правосубъектности.

Учитывая обозначенные ранее векторы научно-технического развития, можно отметить два направления влияния современных технологий на правосубъектность: трансформация правосубъектности, изменение ее содержания; расширение правосубъектности, наделение данным качеством новых субъектов (а если быть более точным, скорее, продуктов технологического развития). Первое направление можно обнаружить на примере развития биомедицинских технологий, второе — как на примере развития данных технологий, так и результатов информационно-технического прогресса. Именно в таком русле и предлагается изложить проблемы развития правосубъектности в современных условиях.

Биомедицинские технологии и проблемы правосубъектности

Жизнь и смерть — две границы существования человека и его правосубъектности тесно связаны с успехами развития медицины.

Понятием «биотехнология» охватывается широкий спектр научных достижений — от создания лекарств и витаминов до трансплантации органов и тканей, пластической хирургии, изменения пола, искусственного оплодотворения и современных генно-инженерных технологий.

В соответствии со ст. 2 Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.¹ биотехнология определяется как «любой вид технологии, связанный с использованием биологических систем, живых организмов или их производных для изготовления или изменения продуктов или процессов с целью их конкретного использования».

Использование биотехнологий в медицине способствовало активизации споров о допустимости вторжения науки в естественные (признаваемые многими сакральными) процессы зарождения человеческой жизни и появлению нового научного направления — биоэтики [14, с. 54]. Наряду с вопросами этического характера возникает немало и правовых проблем, касающихся обеспечения прав личности. Однако в аспекте правосубъектности наибольший

¹ О ратификации Конвенции о биологическом разнообразии: Федеральный закон от 17 февраля 1995 г. № 16-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 601.

интерес представляют трансформация физического и правового состояния лица в результате смены биологического пола и возможность возникновения правосубъектности клонированных лиц, а также умерших лиц, подвергшихся крионированию.

Изменение биологического пола не влечет утрату человеком физических и социальных качеств, необходимых для его участия в правоотношениях. Кроме того, законодательство исходит из равенства правосубъектности, независимости от половой принадлежности (ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)). На первый взгляд, эти постулаты снимают вопрос о сохранении или прекращении правосубъектности в результате изменения пола. Однако гендерный фактор имеет важное правовое значение и в действительности оказывает определяющее воздействие на регулирование семейных, трудовых отношений, уголовной ответственности, воинской обязанности. Поэтому смена биологического пола существенно трансформирует правовой статус личности.

В отечественном и зарубежном праве возможность изменения человеком своего пола обусловлена не произвольным усмотрением физического лица, а медицинскими показаниями, свидетельствующими о наличии у него психического заболевания, получившего название «транссексуализм». При данном заболевании человек идентифицирует себя с противоположным полом, что сопровождается чувством дискомфорта от своего биологического пола и стремлением привести свое тело в соответствие с избранным полом посредством гормонального и хирургического лечения [8, с. 51].

В юридической литературе справедливо отмечается, что смена биологического пола приводит не только к физической трансформации, но также изменению сознания человека, его социальной роли, отношения к нему общества [9, с. 19]. В связи с этим возникает вопрос, можно ли говорить в данном случае о появлении нового субъекта права? Однозначно ответить на него достаточно сложно. С одной стороны, ментальные характеристики, лежащие в основе право- и дееспособности, в результате изменения пола остаются неизменными. Меняются внешние, идентифицирующие признаки человека, в правовом смысле отображаемые путем внесения изменений в запись актов гражданского состояния, документы, удостоверяющие личность (паспорт, СНИЛС, ИНН и пр.). Кроме того, половая принадлежность не оказывает влияния на возможность обладания гражданскими имущественными правами и обязанностями. С другой стороны, в ряде случаев трансформируется сама возможность участия в правоотношениях. Так, изменение пола

с мужского на женский приводит к освобождению от призыва на военную службу (ч. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе»²), невозможности применения к такому лицу наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни (ч. 2 ст. 57, ч. 2 ст. 59 Уголовного кодекса Российской Федерации), изменению условий труда (гл. 41 Трудового кодекса Российской Федерации).

Наиболее сложные вопросы возникают в области семейных отношений. Российское законодательство исходит из традиционного понимания брака как союза мужчины и женщины (п. ж. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, ст. 1, 12 Семейного кодекса Российской Федерации). Очевидно, что при таком подходе сохранение брака при изменении пола невозможно. Однако действующее семейное законодательство Российской Федерации адекватного решения данной проблемы не предусматривает. Расторжение брака по данному основанию невозможно в случае отсутствия волеизъявления супругов. Оснований для признания брака недействительным также нет. Кроме того, признание брака недействительным приводит к аннулированию последствий брачных правоотношений с момента их возникновения, что может негативно сказаться на интересах другого супруга. В зарубежных странах решение данной проблемы происходит путем трансформации брака в партнерство [17, с. 60], однако это не согласуется с основам нашего публичного правопорядка.

Не ясна судьба правоотношений родителей и детей, поскольку традиционное понимание брака предопределяет и традиционный подход к статусу родителей. Одним из возможных решений является установление в ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации возможности лишения родительских прав при изменении пола. В юридической литературе высказывались еще более радикальные предложения наряду с лишением родительских прав привлекать таких родителей к административной ответственности за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений [20, с. 270]. Однако вряд ли такое решение является верным, поскольку лишение родительских прав является мерой семейно-правовой ответственности, являющейся последствием противоправного поведения родителя. Изменение пола сложно оценивать как правонарушение.

Совместное проживание двух однополых родителей с ребенком способно оказать негативное воздействие на его психическое и нравственное развитие, не соответствует этическим и правовым представлениям о семье. В этой

² О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

связи актуальной задачей законодательства является поиск иных вариантов прекращения правовой связи между супругами и супругом, сменившим пол, и ребенком.

В этой связи было высказано предложение приравнять факт смены пола к социальной смерти человека и объявить человека умершим в судебном порядке [15, с. 81]. Правовые последствия такого судебного решения неизбежно отразились бы на всех проявлениях правосубъектности лица, поскольку абсурдно считать человека умершим в одних правоотношениях и живым – в других. Это, в свою очередь, привело бы к необоснованному прекращению тех прав, которые от гендерной идентификации не зависят. Кроме того, как справедливо отмечает Е. А. Яковлева, данное решение повлекло бы освобождение такого родителя от обязанности платить ребенку алименты и возложение на государство обязательства по выплате пособия по потере кормильца [20, с. 268], что не отвечает ни интересам ребенка, ни государства.

Все эти, на первый взгляд, узкоотраслевые правовые вопросы выводят нас на необходимость формирования новой теоретической модели правосубъектности, которая бы учла отраслевую специфику и обеспечила баланс интересов всех лиц, на которых прямо или косвенно оказывает влияние изменение человеком своего пола. Если взять за основу ранее сделанное методологическое замечание о двухуровневом проявлении правосубъектности, то из этого можно сделать вывод, что смена биологического пола не должна оказывать влияния на абстрактную возможность человека быть субъектом права, тогда как частные проявления этой правосубъектности в отдельных отраслях права в той или иной степени подвергаются трансформации. В таком контексте правосубъектность рассматривается одновременно и как статичное и как динамичное явление. При этом на примере семейной правосубъектности лиц, изменивших биологический пол, мы наблюдаем необходимость переосмысления категории правоспособности. Действующее законодательство исходит из возможности существования частичной или ограниченной дееспособности, тогда как прекращение социально-правовой связи лица, изменившего пол, со своим ребенком с одновременным сохранением его алиментных обязательств свидетельствует о необходимости вести речь об ограничении или частичном прекращении правоспособности (в части субъективных прав родителей на общение, воспитание ребенка).

Еще один сценарий – рассмотрение семейно-правового состояния как обстоятельства, исключающего возможность самого изменения биологического пола. Поскольку, образно

выражаясь, правосубъектность выступает неким «входным билетом», пропускающим индивида в мир права, заложенные в ней возможности должны, исходя из системных свойств права, интегрироваться в существующий правопорядок. Если правовые последствия изменения биологического пола не согласуются с существующей моделью правового регулирования, противоречат основам публичного правопорядка, вполне закономерно представляется вывод о возможности ограничения данной возможности. Такая позиция нашла отражение в отечественной судебной практике. Так, суд, отказывая гражданину в иске, отметил, что внести изменения в запись акта о рождении заявителя в связи с переменной пола нельзя, поскольку это может повлечь нарушение прав и законных интересов других лиц [17, с. 60]. Такая практика идет вразрез с принятым в западных странах принципом недопустимости постановки реализации гендерных прав в зависимость от прекращения брака. Однако существующий там подход фокусирует внимание только на обеспечении интересов самого лица, изменяющего пол, не учитывая публичных интересов и интересов иных лиц.

Независимо от того, какой путь выберет отечественный законодатель в отношении лиц, сменивших биологических пол, необходимо признать, что сама технологическая возможность изменения естественных качеств человека неизбежно порождает изменения и его юридических качеств. Допустимые пределы таких изменений должны определяться исходя из общеправовых принципов обеспечения правовой определенности и баланса интересов. Одним из условий реализации данных принципов является использование статично-динамичной модели правосубъектности таких лиц.

Следующей технологией, приковывающей к себе внимание ученых-юристов, является клонирование человека. Законодательство определяет данную технологию как создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишённую ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека³.

Сегодня и на уровне национального законодательства многих государств, и на уровне международных правовых актов установлен запрет на применение данной технологии. Исключением не является и наша страна. Однако данный запрет, исходя из посыла самого законодателя, носит временный характер, и его последующая отмена обусловлена даль-

³ О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

нейшим развитием научных знаний, формированием моральных, социальных и этических норм, определяющих возможности использования данной технологии⁴. А раз так, то юридическая наука должна, хоть пока и в гипотетическом ключе, определить контуры участия таких лиц в общественных отношениях. Заслуживает принципиальной поддержки такая позиция, в соответствии с которой клон должен быть подобен человеку не только в генетическом смысле, но и в социально-правовом. Это предопределяет необходимость наделяния его аналогичной правосубъектностью, гражданством, иными социально значимыми качествами, которые присущи людям. Главное отличие в данном случае состоит лишь в способе появления такого лица на свет [12, с. 181]. Учитывая специфику данного способа, тайна клонирования должна охраняться законодательством по аналогии с тайной усыновления.

В силу признания за клонами качества субъектов права закономерным будет установление запрета на продажу клонированных эмбрионов, использование клонов в целях научных опытов, эксплуатации в качестве рабочей силы (фактически рабство).

Легализация технологии клонирования потребует расширение соматических прав самого человека. Исходным началом применения данной процедуры должно быть свободное волеизъявление человека. Это не означает, что клонирование человека, осуществленное помимо его воли, должно служить обстоятельством, препятствующим возникновению правосубъектности клона. Однако в этом случае не может возникать правовая связь клона с человеком по аналогии с отношениями между родителями и детьми.

В юридической литературе высказывались и иные заслуживающие внимание рассуждения о будущем правовом статусе клона. Так, М.Э. Гурылева и Г.М. Хамитова считают необходимым запретить клонирование умерших людей, недееспособных и несовершеннолетних лиц, предусмотреть возможность вынашивания и рождения клона только взрослой женщиной на основе ее добровольного согласия [3, с. 998].

Интерес представляет использование криотехнологий – хранение органов и тканей умершего человека в состоянии глубокого охлаждения в целях последующей его реанимации при условии развития соответствующих медицинских технологий. В результате развития научных представлений о крионике в 1960-е гг. в США начинают формироваться общественные организации «продления жизни» – Нью-

Йоркское, Калифорнийское крионические общества, корпорация CryoCare (штат Аризона). Первым криопациентом стал американский профессор Джеймс Бедфорд [14, с. 54]. В России услуги крионирования предоставляются организацией «КриоРус», по сведениям которой с 2003 года был крионирован 81 человек [21]. Хотя количество криопациентов не свидетельствует о массовом применении данной технологии и сами криоорганизации акцентируют внимание на экспериментальном характере их деятельности, даже гипотетическая возможность оживления данных криопациентов порождает ряд вопросов, не разрешимых с точки зрения действующих правовых норм.

Неясно правовое состояние пациента в период нахождения его в криолаборатории. Действующее законодательство считает биологическую смерть, фиксируемую смертью головного мозга, фактом, прекращающим правосубъектность и правовой статус лица. Иными словами, для правопорядка такой человек прекращает свое существование. Физическое тело умершего человека может рассматриваться лишь как объект правового воздействия (например, объект правоотношений, возникающих в связи с необходимостью его погребения или крионирования). Однако такое положение дел не соответствует идеям крионирования, которые исходят из того, что клетки живого организма продолжают жить и сохранять информацию и после наступления смерти при условии размещения их в определенной криосреде [11].

Признание человека умершим прекращает все его имущественные и личные неимущественные права, одновременно выступая основанием возникновения наследственных правоотношений. Если исходить из того, что находящийся в криосостоянии человек не умер, данная ситуация порождает правовую неопределенность в отношении его личного статуса (возможность сохранения брачных, родительских правоотношений), правового режима имущества (необходимость доверительного управления), не говоря уже о том, что она в аналогичное неопределенное правовое состояние вводит его родственников, необоснованно ограничивая их права. Усугубляется это тем, что медицинские технологии реанимации криопациентов в настоящее время отсутствуют и достоверно неизвестно, когда они возникнут.

Если исходить из существующих подходов к смерти человека, мы должны признать, что биологическая смерть является правопрекращающим фактом, а последующая возможная реанимация человека – фактом, порождающим новую правосубъектность. Несмотря на то что психофизиологические свойства человека гипотетически могут быть восстановлены,

⁴ О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

это не должно служить основанием восстановления принадлежащих ему ранее прав и обязанностей. Такое решение в большей степени отвечает балансу интересов всех участников правоотношений, хотя и не согласуется в полной мере с идеями крионики о возрождении или продлении жизни.

Специфика криотехнологий и способов реанимации человека, возможно, приведет к одновременному возникновению как правоспособности, так и дееспособности человека, с учетом устремления науки к полноценному оживлению человека со всеми его когнитивными способностями и тем уровнем ментального развития, на котором он находился в момент смерти.

Таким образом, технологии клонирования и крионирования с учетом их возможного применения в будущем свидетельствуют о необходимости изменения представлений об основаниях возникновения правосубъектности человека, различных этапах возникновения правоспособности и дееспособности в отдельных областях правоотношений.

Перспективы правосубъектности искусственного интеллекта

Сегодня этот вопрос является, пожалуй, одним из самых обсуждаемых на страницах юридической литературы. Можно встретить как сторонников наделяния искусственного интеллекта (робота) качествами субъекта права, апеллирующих к известному тезису «прогресс не остановить», так и скептиков, полагающих, что ни одна даже самая совершенная программа не может заменить человека. Эта тема порождает немало страхов, связанных с «восстанием машин». Следует согласиться с Д. В. Пожарским в том, что при оценке юридического потенциала искусственного интеллекта нельзя впадать в две крайности: преувеличение и фобии [10, с. 14].

Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» определяет искусственный интеллект как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека»⁵.

В юридической литературе также содержатся различные интерпретации данного понятия, акцентирующие внимание на главных его признаках [5]:

– искусственный интеллект, в первую очередь, представляет собой технологический продукт, аппаратно-программную систему;

– данная система способна к самообучению, самостоятельному принятию решений. Еще одним признаком в дополнение к данным в литературе предлагается рассматривать способность искусственного интеллекта к самопознанию [19, с. 96];

– искусственный интеллект призван имитировать когнитивные человеческие способности. В этом видится его инструментальная роль, которая изначально свидетельствует о том, что он не может и не должен рассматриваться как замена человека, но лишь как способ освоения человеком окружающей действительности и нового проявления в ней.

Сегодня технологические возможности искусственного интеллекта еще весьма ограничены параметрами тех алгоритмов, которые заложил в него создатель программы, поэтому вопросы правосубъектности искусственного интеллекта являются преждевременными. Однако стремительное развитие информационных технологий свидетельствует о необходимости уже сейчас правовыми средствами регулировать операции, производимые искусственным интеллектом, и разрабатывать концептуальные подходы к обеспечению его автономности в правовой сфере в будущем.

Основное внимание при обсуждении правосубъектности искусственного интеллекта фокусируется на проблемах его деликтоспособности. В. А. Лаптев прогнозирует три этапа развития законодательства об ответственности искусственного интеллекта: краткосрочный (ближайшие десятилетия), среднесрочный (середина – конец XXI в.), долгосрочный (XXII в.) [5, с. 89].

На первом этапе искусственный интеллект можно рассматривать лишь в качестве объекта правоотношения. При этом ответственность за неблагоприятные последствия его применения должна возлагаться на лицо, осуществляющее владение данной программой, по правилам, установленным ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако поскольку владелец программы не всегда имеет техническую возможность воздействовать на поведение робота, возможно также привлечение к ответственности создателя программы (здесь важно разграничивать зоны ответственности создателя программы и производителя внешней, материальной оболочки) в соответствии со ст. 1095 Гражданского кодекса Российской Федерации.

На втором этапе предполагается наделять искусственного интеллекта правосубъектностью, которая, однако, не имеет универсального характера и связана больше с совершением цифровых операций. Роботы-агенты в этом случае

⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

от своего имени будут участвовать в правоотношениях, нести самостоятельную юридическую ответственность. При этом для обозначения специфики последней предлагается использовать особый понятийный ряд – «цифровая ответственность», «киберфизическая ответственность». Данная ответственность может проявляться как в классических формах имущественной, административной ответственности, так и предполагать применение специфических технических средств (изменение настроек искусственного интеллекта, временное или окончательное блокирование программы, утилизация робота). Наличие у робота самостоятельной юридической ответственности не должно исключать возможность привлечения к ответственности создателя программы, если в ней содержатся дефекты, препятствующие добросовестному поведению роботов-агентов.

Третий этап характеризуется окончательным формированием правосубъектности робота. По замечанию В. А. Лаптева, «искусственный интеллект в киберфизическом пространстве в будущем будет приобретать правосубъектность и признаваться участником киберфизических отношений в цифровом пространстве даже с учетом того, что AI-система привязана к материальному носителю (вычислительному процессору) [5, с. 97]. Юридическая ответственность создателя искусственного интеллекта будет возможна лишь в исключительных случаях социально вредных последствий действий робота.

В юридической литературе при обосновании возможности искусственного интеллекта быть субъектом права нередко обращаются к конструкции юридического лица, рассматриваемой в качестве юридической фикции. Логика таких размышлений сводится к следующему. Придумав однажды для удовлетворения собственных интересов понятие юридического лица и наделив его возможностью самостоятельного участия в правоотношениях, человек может создавать и другие подобные фикции. Учитывая, что правосубъектность своим источником имеет позитивное право, законодательство может признать правосубъектным кого угодно и что угодно. Тем более в истории не раз встречались случаи наделения юридическими качествами животных, зданий, иных неодушевленных предметов. Г. Ф. Шершеневич по этому поводу отмечал, что «субъект права есть искусственный продукт творчества объективного права» [18, с. 173].

Однако попытки объяснить правосубъектность искусственного интеллекта через институт юридического лица содержат в себе внутренние противоречия. С одной стороны, искусственный интеллект по своим функциональным возможностям стремится стать подобным человеку, то есть вполне реальному субъек-

ту с осязаемыми результатами своей жизнедеятельности. С другой стороны, его юридическую характеристику пытаются дать через правовую фикцию. Справедливости ради надо сказать, что в широком понимании правопорядок в целом рассматривается как фикция, состоящая из юридических абстракций. Поэтому и физическое лицо – это лишь проекция человека в юридическом мире, «юридическая маска», которую он на себя надевает [2, с. 20]. Однако такая сугубо логико-рациональная интерпретация сущности правовой материи выхолащивает ее глубокие гуманистические основания. Любое решение человека в области права проходит через сознание, аккумулирующее в себе в том числе ценности и морально-нравственные установки, накопленные обществом в процессе исторического развития и самим индивидом на основе житейского опыта.

«Субъектность» искусственного интеллекта не может быть объяснена ни с позиции природы человека, ни с позиции природы юридического лица.

Искусственный интеллект, даже в самых смелых фантастических предположениях, остается рациональной технологической системой. Чувственно-эмоциональная сторона человеческой природы ни одной технологией воспроизведена быть не может. Однако эта сторона имеет не меньшее значение в правовом регулировании, чем рациональная, поэтому та же юридическая ответственность несет в себе воспитательную роль, а уголовное наказание имеет цель исправления осужденного. Эти начала юридической ответственности абсолютно не применимы к искусственному интеллекту.

Говоря о юридическом лице, мы должны помнить, что хотя оно признается самостоятельным субъектом права, за ним всегда стоит определенный человеческий субстрат. Этот факт признавали многие советские цивилисты (С. Н. Братусь, О. . Иоффе, Ю. К. Толстой и др.) [13, с. 109]. В связи с этим воля юридического лица в юридическом смысле может быть отделена от воли человека, а с точки зрения неправовой реальности – нет. Иными словами, автономия юридического лица от физических лиц (то, ради чего эта конструкция и создавалась) имеет весьма условный характер.

С искусственным интеллектом дела обстоят совсем по другому. Наука стремится к наделению его качествами, совершенно автономными от человека. Если юридическое лицо является дополнением и продолжением человека, то искусственный интеллект технически позволяет замещать человека. Как справедливо отмечает А. В. Габов, «никогда ранее признание иного субъекта не вело к такой неопределенности в судьбе человечества» [1, с. 105]. Именно из это-

го проистекают все опасения активного развития технологий искусственного интеллекта.

С учетом сказанного, считаем, что искусственный интеллект общей (абстрактной) правосубъектностью наделен быть не может. Он может наделяться возможностью участия в отдельных правоотношениях от своего имени, но в интересах человека (памятуя его инструментальную роль), в других отношениях оставаясь лишь объектом права. Поэтому правосубъектность искусственного интеллекта должна иметь специальный характер с четко определенными законом границами. В этом вопросе юридической науки предстоит еще немало дискуссий о разграничении сфер влияния самого человека и искусственного интеллекта. Закон должен предусмотреть и эффективный технико-юридический контроль деятельности искусственного интеллекта. Возлагать субсидиарную ответственность на создателя программы — очевидное и, по сути, верное решение. Но как быть, если искусственный интеллект переживет своего создателя? Кто должен принимать решения о его дальнейшем функционировании, особенно в случаях программных сбоев, ведущих к негативным социальным последствиям? Все эти вопросы уже сейчас нуждаются в научном осмыслении.

Список литературы:

1. *Габов А. В.* Правосубъектность: традиционная категория права в современную эпоху // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 2.
2. *Гаджиев Г. А.* Является ли робот-агент лицом? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1.
3. *Гурьева М. Э., Хамитова Г. М.* Этико-правовые проблемы клонирования человека // Казанский медицинский журнал. 2019. Т. 100. № 6.
4. *Косых А. А.* Перспективы использования искусственного интеллекта в правовом регулировании общественных отношений // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56).
5. *Лантев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2.
6. *Лекторский В. А.* Современные технологии и человеческие ценности // Человек и его будущее: Новые технологии и возможности человека / отв. ред. Г. Л. Белкина. Москва, 2012.
7. *Алексеев С. С.* Общая теория социалистического права: учебное пособие. Вып. 2: Нор-

Очевидно, что объект-субъектная юридическая характеристика искусственного интеллекта не вписывается в существующую объяснительную модель правосубъектности, поэтому заслуживает внимания предложение рассматривать его в качестве «квазисубъекта права» [2, с. 24].

Завершая анализ влияния научно-технического прогресса на развитие представлений о правосубъектности, мы должны отметить, что, безусловно, право не может и не должно препятствовать развитию технологий, способствующих устойчивому развитию общества. Однако все социальные нормы в той или иной степени ограничивают человека ради его же самосохранения. Поэтому право не может быть лишь инструментом реализации «креативных» идей человека в сфере науки, а также должно выполнять охранительную роль. Правосубъектность будучи исходной категорией, через которую начинает воплощаться социальная деятельность в правовой сфере, должна исходить из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов. Незыблемой же аксиомой, какие бы векторы не приобрел в дальнейшем научно-технический прогресс, должно оставаться то, что истинная возможность быть субъектом права есть только у человека.

References:

1. *Gabov A. V.* Pravosubyeektnost: traditsionnaya kategoriya prava v sovremennuyu epokhu // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2018. № 2.
2. *Gadzhiyev G. A.* Yavlyayetsya li robot-agent litsom? (Poisk pravovykh form dlya regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki) // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 1.
3. *Guryleva M. E., Khamitova G. M.* Etiko-pravovyye problemy klonirovaniya cheloveka // Kazanskiy meditsinskiy zhurnal. 2019. T. 100. № 6.
4. *Kosykh A. A.* Prospects for Using Artificial Intelligence in tge Legal Regulation of Public Relations // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56).
5. *Laptev V. A.* Ponyatiye iskusstvennogo intellekta i yuridicheskaya otvetstvennost za ego rabotu // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2019. № 2.
6. *Lektorskiy V. A.* Sovremennyye tekhnologii i chelovecheskiye tsennosti // Chelovek i ego budushcheye: Novyye tekhnologii i vozmozhnosti cheloveka / отв. red. G. L. Belkina. Moscow, 2012.
7. *Alekseyev S. S.* Obshchaya teoriya sotsialisticheskogo prava: uchebnoye posobiye. Vyp. 2:

- мы права и правоотношения. Свердловск, 1964.
8. *Отставнова Е. А.* Вопросы смены пола в международном праве и российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3.
  9. *Палькина Т. Н.* Проблемы реализации права на изменение пола // Семейное и жилищное право. 2010. № 6.
  10. *Пожарский Д. В.* Искусственный интеллект и человеческий разум в государственно-правовой реальности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53).
  11. Правовой аспект продления жизни. URL: <http://www.rusadvocat.com/node/244> (дата обращения: 16.06.2021).
  12. *Рябков А. А., Рябков А. А.* Перспективы правового регулирования репродуктивного клонирования человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-4.
  13. *Сидорова Б. В.* Волевая природа юридического лица // Наука, техника и образование. 2016. № 7.
  14. *Старовойтова О. Э.* Биомедицинские технологии как предмет правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1.
  15. *Степанов Д. И.* Правовые проблемы, связанные с изменением пола человека // Законодательство. 2000. № 10.
  16. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9.
  17. *Шелютто М. Л.* О юридическом признании изменения пола // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 5.
  18. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права: учебное пособие: в 2 т. Вып. 2-4. Москва, 1995. Т. 2.
  19. *Щитова А. А.* О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2019. № 5.
  20. *Яковлева Е. А.* Особенности правового положения лиц, сменивших пол в период брака // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 4.
  21. URL: <https://krorius.ru/Krionirovannyye-lyudi> (дата обращения: 20.06.2021).
- Normy prava i pravootnosheniya. Sverdlovsk, 1964.
8. *Ostavnova E. A.* Voprosy smeny pola v mezhdunarodnom prave i rossiyskom zakonodatelstve // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. 2017. № 3.
  9. *Palkina T. N.* Problemy realizatsii prava na izmeneniye pola // Semeynoye i zhilishchnoye pravo. 2010. № 6.
  10. *Pozharskiy D. V.* Artificial Intelligence and the Human Mind in the State-Legal Reality // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 1. (53).
  11. Pravovoy aspekt prodleniya zhizni [Elektronnyy resurs] // URL: <http://www.rusadvocat.com/node/244> (data obrashcheniya: 16.06.2021).
  12. *Ryabkov A. A., Ryabkov A. A.* Perspektivy pravovogo regulirovaniya reproduktivnogo klonirovaniya cheloveka // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2019. № 5-4.
  13. *Sidorova B. V.* Volevaya priroda yuridicheskogo litsa // Nauka, tekhnika i obrazovaniye. 2016. № 7.
  14. *Starovoytova O. E.* Biomeditsinskiye tekhnologii kak predmet pravovogo regulirovaniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 1.
  15. *Stepanov D. I.* Pravovyye problemy, svyazannyye s izmeneniyem pola cheloveka // Zakonodatelstvo. 2000. № 10.
  16. *Khabriyeva T. Ya.* Pravo pered vyzovami tsifrovoy realnosti // Zhurnal rossiyskogo prava. 2018. № 9.
  17. *Shelyutto M. L.* O yuridicheskom priznanii izmeneniya pola // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 5.
  18. *Shershenevich G. F.* Obshchaya teoriya prava: uchebnoye posobiye: v 2 t. Vyp. 2-4. Moscow, 1995. T. 2.
  19. *Shchitova A. A.* O potentsialnoy pravospobnosti iskusstvennogo intellekta // Agrarnoye i zemelnoye pravo. 2019. № 5.
  20. *Yakovleva E. A.* Osobennosti pravovogo polozheniya lits, smenivshikh pol v period braka // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2015. № 4.
  21. URL: <https://krorius.ru/Krionirovannyye-lyudi> (дата обращения: 20.06.2021).

Для цитирования:

Матанцев Дмитрий Александрович. Развитие правосубъектности в условиях научно-технического прогресса // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 41–50.

For citation:

Matantcev Dmitriy Aleksandrovich. Development of Legal Personality in the Conditions of Scientific and Technological Progress // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 41–50.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ БЕЗРУКОВ,
главный научный сотрудник научно-
исследовательского центра,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: abezrukov@bk.ru

ANDREJ VIKTOROVICH BEZRUKOV,
Chief Researcher of the Research Center,
Doctor of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: abezrukov@bk.ru

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПУНТУС,
начальник учебного отдела,
кандидат юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 660131,
г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20
E-mail: puntus_sergey@mail.ru

SERGEJ ALEKSANDROVICH PUNTUS,
Head of the Training Department,
Candidate of Law, Associate Professor
Siberian Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, 660131, Krasnoyarsk,
Rokossovskogo St., 20
E-mail: puntus_sergey@mail.ru

Научная специальность:
12.00.02 — конституционное право;
муниципальное право;
конституционный судебный процесс.

Scientific Specialty:
12.00.02 — Constitutional Law;
Municipal Law;
Constitutional Judicial Process.

УДК 342

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-51-59

Дата поступления: 16 августа 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Формирование оптимальной модели сотрудничества общественных формирований с полицией в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России

Formation of an Optimal Model of Cooperation Between Public Formations and the Police in the Field of Ensuring Constitutional Law and Order in Russia

Аннотация

Актуальность взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в сфере обеспечения конституционного правопорядка обусловлена как неизбежным влиянием общественности на деятельность правоохранитель-

Abstract

The relevance of interaction between the police and civil society institutions in the field of ensuring constitutional law and order is due both to the inevitable influence of the public on the activities of law enforcement agencies, and the effectiveness

ных органов, так и эффективностью сотрудничества граждан, общественных формирований и органов внутренних дел по профилактике правонарушений, обеспечению прав и свобод личности, безопасности общества и государства.

Постановка проблемы: научное осмысление практики сотрудничества полиции и институтов гражданского общества показывает, что к настоящему времени не сложилась оптимальная модель их взаимодействия в сфере обеспечения конституционного правопорядка. Существующие формы и способы привлечения общественных институтов к участию в обеспечении безопасности, соблюдении прав и свобод требуют своей систематизации и последующей выработки предложений по модернизации. В основном сформировавшаяся правовая база в сфере сотрудничества полиции и институтов гражданского общества по обеспечению конституционного правопорядка подлежит дальнейшему развитию на основе конституционных принципов.

Цель исследования: выработка новых подходов к научно-практическому осмыслению участия общественности в укреплении конституционного правопорядка, рассмотрение и оценка различных форм сотрудничества институтов гражданского общества и полиции в сфере обеспечения конституционного правопорядка, прав и свобод личности.

Методы исследования: диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-функционального анализа.

Результаты и ключевые выводы: системное взаимодействие публичной власти и гражданского общества (его институтов) способствует достижению конституционного правопорядка. Сотрудничество полиции с общественными формированиями должно базироваться на фундаменте всей системы конституционных ценностей. Эффективность такого взаимодействия во многом обуславливается надлежащей нормативной правовой базой, которая в настоящее время несовершенна.

Оптимизация форм сотрудничества полиции и институтов гражданского общества на основе конструктивного диалога позволит значительно повысить уровень профилактики правонарушений, укрепить имидж органов внутренних дел (полиции).

Ключевые слова: конституционный правопорядок; институты гражданского общества; сотрудничество полиции и общественности; общественные объединения правоохранительной направленности.

of cooperation between citizens, public formations and internal affairs bodies in the prevention of offenses, ensuring the rights and freedoms of the individual, the security of society and the state.

The problem statement: a scientific understanding of the practice of cooperation between the police and civil society institutions shows that to date there has not been an optimal model of their interaction in the field of ensuring constitutional law and order. The existing forms and methods of attracting public institutions to participate in ensuring security, respect for rights and freedoms require their systematization and subsequent development of proposals for modernization. Basically, the legal framework that has been formed in the field of cooperation between the police and civil society institutions to ensure constitutional law and order is subject to further development on the basis of constitutional principles.

The purpose of the study: to develop new approaches to the scientific and practical understanding of public participation in strengthening the constitutional order, to consider and evaluate various forms of cooperation between civil society institutions and the police in the field of ensuring the constitutional order, individual rights and freedoms.

The research methods: dialectical, formal legal, comparative legal, system functional analysis.

The results and key conclusions: systemic interaction of public authorities and civil society (its institutions) contributes to the achievement of constitutional law and order. Police cooperation with public formations should be based on the foundation of the entire system of constitutional values. The effectiveness of such interaction is largely determined by the proper regulatory framework, which is currently imperfect.

Optimization of forms of cooperation between the police and civil society institutions on the basis of constructive dialogue will significantly increase the level of crime prevention, strengthen the image of the internal affairs bodies (police).

Key words: constitutional law and order; civil society institutions; police and public cooperation; public associations of law enforcement orientation.

Приоритет прав и свобод личности как одна из фундаментальных конституционных ценностей задает целевые установки органам публичной власти на эффективное функционирование в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, предопределяя условия для привлечения в этом направлении институтов общественности, которые в различных формах в той или иной мере участвуют в обеспечении конституционного правопорядка.

Основными субъектами обеспечения конституционного правопорядка выступают органы правопорядка и в первую очередь органы внутренних дел Российской Федерации (далее – органы внутренних дел), на которые возлагается основная нагрузка по его обеспечению. Реальное привлечение институтов общественности формирует в этом направлении конструкцию оптимального механизма сотрудничества полиции и общественности, которые посредством реализации основных направлений и различных форм взаимодействия достигают эффективных результатов в обеспечении конституционного правопорядка.

Действительно, ощутимую помощь органам внутренних дел в обеспечении конституционного правопорядка оказывают представители различных общественных формирований правоохранительной направленности и граждане. Глава Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) В.А. Колокольцев, отмечая роль общественности, подчеркнул, что в 2020 г. к мероприятиям по обеспечению правопорядка привлекались почти 2 млн человек. Благодаря поступившей от граждан информации пресечено 361 тыс. правонарушений в сфере дорожного движения, задержано 28 тыс. водителей с признаками опьянения. При непосредственном участии граждан и волонтерских организаций установлена судьба свыше 18,5 тыс. безвестно отсутствующих, в том числе более 5 тыс. несовершеннолетних [2].

Достижение конституционного правопорядка диктует потребность консолидированных действий государственных и негосударственных субъектов, задействованных в его поддержании. Нивелирование общественных инициатив, игнорирование потенциала общественности по укреплению правопорядка негативно влияют как на эффективность системы мероприятий по его качественному обеспечению, так и снижают уровень конституционной законности, степень защиты прав и свобод личности.

Обеспечение взаимодействия публичной власти и гражданского общества (его институтов) на системной основе является фундаментом, обуславливающим современное государственно-правовое развитие. Данный базис способствует достижению конституционных целей от обеспечения прав и свобод личности до закрепления и стабилизации конституционного правопо-

рядка. Проектирование публичной власти (в том числе и полиции) на общественные интересы через сотрудничество государства и гражданских институтов – мировой тренд.

Новый вектор взаимодействия полиции с общественными формированиями выступает ключевым признаком модернизации ее деятельности. Степень участия институтов гражданского общества в реализации правоохранительных функций заложена в концепцию эффективности деятельности полиции.

Такая модель сотрудничества полиции и общественности, стремящаяся создать социальную стабильность, закономерно ставит проблему вопроса о степени готовности к конструктивному сотрудничеству полиции и институтов гражданского общества [8, с. 28–29; 12, с. 3–5], формировании партнерской модели их взаимоотношений [11, с. 3–4].

Полагаем, что взаимодействие общественных институтов и полиции базируется на фундаменте системы конституционных ценностей, а идея конституционализации должна стать «красной нитью» всех векторов реализации механизма обеспечения конституционного правопорядка. Конституционная законность предполагает воплощение в жизнь данной модели и в законодательстве (например, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; федеральные законы «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон об общественном контроле); «О полиции»; «Об Общественной палате Российской Федерации»; «Об участии граждан в охране общественного порядка» и др.

Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (принята в 2013 г.) [5] предусматривает открытость и опору на население обязательными условиями организации работы полиции и предполагает (п. 2.2) принятие Концепции взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества (далее – Концепция). В связи с тем, что предыдущая концепция утратила силу (приказ МВД России от 23 января 2016 г. № 34 «О признании утратившими силу нормативных правовых актов МВД России»¹), а новая до сих пор не разработана, то интересен взгляд на проект Стратегии развития взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества [6, с. 9–15] (далее – Стратегия).

Не ставя целью критику формы документа (стратегия вместо концепции), обратим внимание на магистральное направление Стратегии в виде

¹ Об утверждении Концепции совершенствования взаимодействия подразделений системы Министерства внутренних дел Российской Федерации со средствами массовой информации и институтами гражданского общества на 2009–2014 годы: приказ МВД России от 1 января 2009 г. № 1.

системной связи органов внутренних дел с институтами гражданского общества, направленной на обеспечение правопорядка. Ориентиры такого взаимодействия состоят не просто в формировании средств общественного контроля за полицией, а в создании режима общественно-государственного партнерства. По мнению А. В. Зимина, достижение таких целей обеспечивается: совершенствованием организационно-правовых основ рассматриваемого сотрудничества; повышением уровня открытости и прозрачности деятельности полиции в допустимых законом пределах; информационным обеспечением процесса взаимодействия и его результатов с целью стимулирования к нему сотрудников органов внутренних дел и представителей общественности, а также граждан [6, с. 12–13].

На наш взгляд, достижению указанных целей будут способствовать множественные формы привлечения общественных институтов к обеспечению правопорядка от надзора за соблюдением избирательного законодательства (деятельность общественных наблюдателей и т. п.) до содействия в обнаружении пропавших без вести и противодействии экстремистским проявлениям (организация и участие в мероприятиях по неприятию идеологии терроризма и воспитанию традиционных ценностей и др.).

Эффективность сотрудничества исследуемых субъектов во многом обуславливается надлежащей нормативной правовой базой. Необходимо признать, что система таких актов уже сформирована: соответствующие конституционные нормы получают дальнейшее развитие в отраслевом (в том числе конституционном) законодательстве.

При этом необходимо принятие значительного количества подзаконных актов, имеющих целью расширение участия общественности в обеспечении правопорядка, в том числе путем разработки и реализации программ (от федерального до муниципального уровня) сотрудничества полиции и общественных структур по укреплению правопорядка и обеспечению общественной безопасности.

Конституционное закрепление права на объединение (ст. 30 Конституции Российской Федерации) предопределило создание общественных объединений правоохранительной направленности (далее – ООПН). Их цель – сотрудничество с правоохранительными органами по обеспечению правопорядка. Они созданы во всех субъектах Российской Федерации, а общая численность населения, участвующего в их деятельности, доходит до 500 тыс. человек. Так, лишь на территории Красноярского края действует 76 добровольных народных дружин [16]. В Московской области региональный реестр народных дружин и ООПН насчитывает уже 119 единиц (включая казачьи дружины) [15].

Следуя логике законодателя, ООПН подразделяются:

1) на ООПН как не имеющие членства общественные объединения, сформированные по инициативе граждан для участия в охране общественного порядка;

2) народные дружины как основанные на членстве общественные объединения, участвующие в охране общественного порядка на основании Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее – Закон об участии граждан в ООП).

Претворение в жизнь Закона об участии граждан в ООП фиксируется через находящиеся в ведении территориальных органов МВД России региональные реестры народных дружин и ООПН². Министерство в лице руководства территориальных органов осуществляет контроль за деятельностью народных дружин путем согласования кандидатур командиров народных дружин и количества дружинников, их планов работы, проведения мероприятий по охране общественного порядка³.

История добровольных народных дружин ведется со второй половины XX в. За почти 70 лет своего существования они успешно организовывали население на охрану общественного порядка. Но и в наши дни глава Российского государства неоднократно отмечает необходимость использования в полной мере помощи общественности в деле укрепления правопорядка, развития системы профилактики правонарушений [3].

В соответствии с Законом об участии граждан в ООП под участием граждан в охране общественного порядка понимается оказание гражданами помощи органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах (ст. 2).

Определяя формы участия граждан в охране общественного порядка, Закон об участии граждан в ООП (гл. 2) на первичную роль выводит содействие полиции и иным правоохранительным органам (ст. 8), которое предполагает:

– информирование органов правопорядка о правонарушениях и угрозах общественному порядку;

² О Порядке формирования и ведения регионального реестра народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности: приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 599 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2021).

³ Вопросы взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и народных дружин: приказ МВД России от 21 июля 2014 г. № 597 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.08.2021).

– участие в мероприятиях по охране общественного порядка как по приглашению полиции (иных правоохранительных органов), так и организаторов массовых мероприятий (культурно-зрелищных, спортивно-массовых и др.);

– работу в составе совещательных (экспертных, консультативных, координационных) органов по вопросам охраны общественного порядка.

Закон об участии граждан в ООП устанавливает и иные формы: участие граждан в поиске лиц, пропавших без вести; внештатное сотрудничество с полицией; участие граждан в создании и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, целью которых является участие в охране общественного порядка, а также их участие в создании и деятельности народных дружин (ст. 9–12).

Все названное развивает положения ст. 10 Федерального закона «О полиции», определяющей взаимодействие и сотрудничество полиции с общественностью (гражданами и их объединениями).

Обратим внимание, что Закон об участии граждан в ООП (ст. 4) задает систему координат для взаимодействия и сотрудничества полиции с общественностью, а именно соответствующие принципы: добровольность; законность; приоритетность защиты прав и свобод человека и гражданина; и т. д.

Невозможно обойти стороной и факторы, снижающие эффективность сотрудничества полиции с общественностью. К таковым следует отнести резкое социальное расслоение общества, высокий уровень преступности и виктимизации населения, низкий уровень правовой культуры и образования населения, отсутствие государственной поддержки лицам, находящимся в социально опасном положении, нарастающее социальное напряжение в обществе в целом [8, с. 31–32]. Полагаем, что все государственные структуры должны стремиться к снижению влияния таких факторов, в конечном итоге стимулируя институты гражданского общества к участию в обеспечении правопорядка.

Заметим, что уровень взаимодействия общественности и полиции напрямую влияет на качество деятельности последней (и причиной этого является не только лишь тот факт, что общественное мнение выступает ключевым критерием оценки деятельности полиции). Невозможно представить современную полицию, которая в своей работе не опирается на институты гражданского общества.

Исторический опыт и анализ отечественной литературы показывает, что во многих современных странах отказ от военного стиля управления полицейскими структурами приближает полицию к гражданам, позволяя полиции гораздо эффективнее сотрудничать с различными социальными группами населения

[10, с. 59–62]. Кроме того, активное привлечение населения к охране правопорядка, в том числе посредством создания добровольных общественных движений, как, например, в Индии «Друзья полиции», существенно способствует повышению доверия граждан к полиции и снижению преступности, для чего необходимы новые каналы для коммуникации и определенный запас доброжелательности, обратной связи и разума [9, с. 59–63].

Плюрализм коллабораций полиции и общественности не позволяет разработать единую модель сотрудничества между ними, сконструировать общий алгоритм взаимодействия. Однако научная мысль позволяет создать прототипы, теоретические конструкции взаимодействия органов внутренних дел с общественными формированиями, среди последних заслуживают внимания следующие:

– оказание содействия полиции в охране общественного порядка, пресечении, раскрытии преступлений и административных правонарушений;

– общественный контроль за деятельностью полиции;

– совместный анализ состояния правопорядка;

– профилактическая работа;

– мониторинг общественного мнения о деятельности полиции;

– повышение правовой грамотности населения;

– общественная экспертиза проектов документов (нормативных правовых актов, отчетов и т. п.);

– участие в разработке программ в сфере обеспечения правопорядка;

– создание совещательных органов;

– организация научно-представительских мероприятий по актуальным вопросам обеспечения правопорядка;

– информирование населения о деятельности полиции и ООПН;

– поощрение членов ООПН, внештатных сотрудников, а также граждан, отличившихся в охране общественного порядка;

– отчет полиции перед населением о проделанной работе и др.

Часть названных форм уже упоминалась в научной литературе (в той или иной форме) [8, с. 28–30; 17, с. 7–8, 13–15].

Несмотря на широкий спектр форм содействия общественности полиции – народные дружины, внештатные подразделения по отдельным направлениям деятельности (например, безопасность дорожного движения), казачьи объединения, студотряды и др., говорить о систематизации всех разновидностей ООПН преждевременно. Это является одной из приоритетных задач в организации сотрудничества полиции и институтов гражданского общества.

Региональное законодательство включает специализированные законы, регулирующие

участие населения в обеспечении правопорядка. Традиционно основу взаимодействия полиции и народных дружин составляют решения муниципальных органов власти и соответствующих территориальных органов МВД России. Координация работы дружин, действующих на уровне муниципалитета, возлагается на коллегиальные органы, функционирующие на общественных началах (например, в Московской области — координирующий орган (штаб)⁴).

Но наиболее удачным видится способ организации такой деятельности, когда на уровне субъекта Российской Федерации существует общий координационный орган. Так, Правительством Красноярского края создается координирующий орган (штаб) Красноярского края, цель которого согласовывание работы дружинников не только с полицией и иными правоохранителями, но и органами публичной власти края⁵.

На протяжении многих лет уникальными народными дружинами выступают казачьи общества (ст. 23 Закона об участии граждан в ООП). Их историческая роль во многом предопределяет участие в проведении массовых и праздничных мероприятий на территории ряда субъектов Российской Федерации, где это стало уже традиционным (например, регионы ЮФО).

Профилактическая деятельность казачьих дружин совместно с полицией, также как и участие в охране общественного порядка при культурно-массовых мероприятиях, широко освещается на официальных интернет-сайтах не только территориальных органов МВД России, но и большинства казачьих обществ, внесенных в государственный реестр.

Так, по информации ГУ МВД России по Ростовской области, значимую поддержку в обеспечении охраны общественного порядка оказывают представители казачьих дружин (свыше 1 тыс. человек), из которых 104 единицы конных подразделений. Казаками оказано содействие полиции в раскрытии более тысячи преступлений, пресечении порядка 19 тыс. административных правонарушений, выявлении и уничтожении дикорастущей конопли [7].

При этом даже законодательное оформление казачьих формирований как особой формы самоорганизации граждан⁶ не привело к созданию от-

лаженного механизма их привлечения к обеспечению конституционного правопорядка и взаимодействию с органами внутренних дел [14, с. 84–85.]. Неслучайно подразделения полиции чаще рассчитывают на «адекватную» работу организаторов мероприятий (в том числе по привлечению частных охранных структур), чем на помощь казаков.

Самым значимым, по нашему мнению, компонентом институтов гражданского общества, содействующим полицейским структурам в обеспечении правопорядка, должны стать добровольные молодежные дружины.

Важность их роли восходит не столько к участию в противодействии преступным проявлениям, сколько к правовому просвещению населения (особенно лиц из числа молодежи) и воспитательно-патриотической деятельности (включая привитие навыков ЗОЖ). Полагаем, что создание ООПН на базе молодежных партийных структур может значительно повысить имидж соответствующей политической партии.

Кроме того, обращают на себя внимание и специфический подход молодежных формирований к решению вопросов обеспечения правопорядка, нестандартное мышление, а также особые возможности и навыки. Например, в Рязани в 2017 г. (совместной инициативой УМВД по Рязанской области и общественного совета) был создан отряд волонтеров, который помогает полиции выявлять противоправный контент в соцсетях [13]. Такой позитивный пример (лишь за 2018 г. обнаружено 395 фактов противоправного контента) нашел отклик во многих регионах страны — подобные объединения созданы почти в половине субъектов Российской Федерации.

Мы видим, что коллективные формы — от обычных народных дружин до иных ООПН (казачьи сообщества, молодежные формирования и др.) — есть основной способ участия граждан в обеспечении правопорядка.

Но невозможно игнорировать и значительный потенциал личной инициативы, индивидуального участия в обеспечении правопорядка. Такое сотрудничество граждан и правоохранителей имеет разнообразные формы: внештатное сотрудничество; профилактическая работа с отдельными лицами; участие в работе общественных пунктов охраны правопорядка; иные способы оказания помощи полиции (в том числе и защита гражданами собственных прав и свобод законными способами).

Общественные советы, функционирующие по всей системе МВД России, заняли собственную нишу в системе сотрудничества институтов гражданского общества с полицией. С момента создания их роль в работе органов внутренних

⁴ Об отдельных вопросах участия граждан в охране общественного порядка на территории Московской области: закон Московской области от 21 января 2015 г. № 2/2015-ОЗ // Интернет-портал Правительства Московской области. URL: <https://mosreg.ru/search?q=23.01.2015> (дата обращения: 13.08.2021).

⁵ О регулировании отдельных отношений, связанных с участием граждан и их объединений в охране общественного порядка на территории Красноярского края: закон Красноярского края от 25 июня 2015 г. № 8-3598 // Официальный интернет-портал правовой информации Красноярского края. URL: <http://www.zakon.krskstate.ru> (дата обращения: 13.08.2021).

⁶ О государственной службе Российского казачества: Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ // Официальный интернет-

портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 03.08.2021).

дел значительно возросла: в настоящее время это не только участие в координации вопросов по обеспечению правопорядка, но и согласование общественно значимых интересов граждан и органов публичной власти, решение наиболее важных вопросов деятельности полиции (органов внутренних дел).

Благодаря работе данных органов удается вести учет мнения общественных институтов по различным вопросам обеспечения безопасности и правопорядка в деятельности полиции, что в конечном итоге приводит и к снижению социальной напряженности.

Именно в деятельности общественных советов (в рамках ч. 7 ст. 9 Федерального закона «О полиции») получают развитие определенные нами выше наиболее эффективные формы взаимодействия общественности и органов внутренних дел по актуальным вопросам деятельности полиции:

- 1) привлечение общественности к реализации соответствующей государственной политики;
- 2) участие в оценке концепций, программ, общественных инициатив;
- 3) проведение общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов;
- 4) обсуждение вопросов в средствах массовой информации;
- 5) осуществление общественного контроля.

Все указанные формы направлены на решение вопросов, имеющих важное значение для полиции, и это неизбежно накладывает свой отпечаток на организацию оперативно-служебной деятельности различных подразделений территориальных органов МВД России.

Представители общественности, члены общественных советов принимают участие в подведении итогов оперативно-служебной деятельности, их приглашают на различные совещания и коллегии (открытого характера), привлекают для проведения занятий в рамках профессиональной служебной и физической подготовки, с ними организуются совместные научно-представительские мероприятия (конференции, круглые столы и др.). Неоднократно в выступлениях руководителей министерства и общественных советов давалась позитивная оценка традиционных встреч представителей общественности с обучающимися ведомственных вузов.

Как и общественные советы при иных органах исполнительной власти, общественные советы в системе МВД России выступают объектом пристального внимания со стороны научного сообщества. Регулярно высказываются предложения по совершенствованию их организационной структуры, статусу членов и направлениям контрольной деятельности [4, с. 56–61].

Особое внимание исследователей обращается именно на общественный контроль со стороны

данных органов, что обусловлено положениями Закона об общественном контроле (ст. 2), в которых последний осуществляется за деятельностью в области обеспечения общественной безопасности и правопорядка, за деятельностью полиции и других правоохранительных органов. Доктринальное понимание общественного контроля проводится с позиции его рассмотрения как функции гражданского общества, вида социального контроля и конституционно-правового института [1, с. 29–35; 18, с. 19–24].

Система субъектов контроля за полицией включает весь перечень, указанный в статье 9 Закона об общественном контроле, – от Общественной палаты Российской Федерации до общественных советов в системе МВД России. Но полагаем, что в субъекты общественного контроля должны войти граждане и негосударственные объединения. Такая позиция базируется на законодательном закреплении содержания и целей общественного контроля. Дополнительно заметим, что детальность Закона об общественном контроле ставит вопрос о целесообразности слова «основы» в его наименовании.

Таким образом, современная система сотрудничества полиции и гражданского общества характеризуется взаимным интересом и конструктивным диалогом, направленным на обеспечение конституционного правопорядка. В работе органов внутренних дел следует использовать весь потенциал исследуемого сотрудничества, что потребует от правоохранителей замены «палочной системы» показателей эффективности деятельности ориентиром на профилактику преступности и оценкой общественного мнения о деятельности полиции.

Реализация комплекса мероприятий по оптимизации сотрудничества граждан, общественных институтов и полиции позволит внести ощутимый вклад в систему профилактики правонарушений и будет способствовать повышению качества обеспечения конституционного правопорядка, прав и свобод человека. Такая деятельность неизбежно влечет и укрепление доверия общества к полиции, что значительно повышает имидж всей правоохранительной системы.

В современных условиях создание оптимальной модели сотрудничества общественных формирований с полицией в сфере обеспечения конституционного правопорядка необходимо продолжать и активно развивать. Современные тенденции общественно-государственного развития ориентируют публичную власть и общественные формирования находить точки соприкосновения и вырабатывать оптимальные формы и модели их конструктивного сотрудничества.

Для этого необходимо создавать условия посредством унифицированного законодательного регулирования вопросов сотрудничества по-

лиции и общественных формирований, установления четких критериев эффективности их взаимодействия, стимулирования субъектов рассматриваемого сотрудничества на совмест-

ное эффективное решение задач и осуществление функций, направленных на качественное обеспечение конституционного правопорядка в России.

Список литературы:

1. Бердникова Е. В. Правовые подходы к определению общественного контроля // Современное право. 2016. № 3.
2. Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 3 марта 2021 г. // МВД Медиа. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministra-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-v/> (дата обращения: 13.08.2021).
3. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллеги МВД России (15 марта 2016 г.; 9 марта 2017 г.) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 13.08.2021).
4. Дерюга А. Н., Ковалева И. В. Проблемы реализации полномочий общественных советов ОВД при осуществлении общественного контроля // Административное право и процесс. 2020. № 1.
5. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации, разработанная расширенной рабочей группой при Министре внутренних дел Российской Федерации по дальнейшему реформированию органов внутренних дел // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru/mvd/documents/829054> (дата обращения: 13.08.2021).
6. Зимин А. В. Стратегия развития взаимодействия МВД России с институтами гражданского общества (проект) // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 2 (34).
7. Информационно-аналитическая записка о результатах оперативно-служебной деятельности ГУ МВД России по Ростовской области за 2019 год // Официальный сайт ГУ МВД России по Ростовской области. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1784621> (дата обращения: 13.08.2021).
8. Киричѳк Е. В. Взаимодействие полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2015. № 7.
9. Кобец П. Н. Опыт полиции Республики Индия по взаимодействию с гражданским об-

References:

1. *Berdnikova E. V.* Pravovye podhody k opredeleniyu obshchestvennogo kontrolya // *Sovremennoe pravo*. 2016. № 3.
2. *Vystuplenie Ministra vnutrennih del Rossijskoj Federacii generala policii Rossijskoj Federacii Vladimira Kolokol'ceva na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii 3 marta 2021 g.* // *MVD Media*. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-ministra-vnutrennikh-del-rossiyskoy-federatsii-general-politsii-rossiyskoy-federatsii-v/> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
3. *Vystuplenie Prezidenta Rossijskoj Federacii V. V. Putina na rasshirennom zasedanii kollegi MVD Rossii (15 marta 2016 g.; 9 marta 2017 g.)* // *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossijskoj Federacii*. URL: <http://www.kremlin.ru> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
4. *Deryuga A. N., Kovaleva I. V.* Problemy realizacii polnomochij obshchestvennyh sovetov OVD pri osushchestvlenii obshchestvennogo kontrolya // *Administrativnoe pravo i process*. 2020. № 1.
5. *Dorozhnaya karta dal'nejshego reformirovaniya organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, razrabotannaya rasshirennoj rabochej gruppoj pri Ministre vnutrennih del Rossijskoj Federacii po dal'nejsheму reformirovaniyu organov vnutrennih del* // *Oficial'nyj sajt MVD Rossii*. URL: <https://mvd.ru/mvd/documents/829054> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
6. *Zimin A. V.* Strategy developments of interaction of the Ministry for Internal Affairs of Russia with institutes of civil society (project) // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2015. № 2 (34).
7. *Informacionno-analiticheskaya zapiska o rezul'tatah operativno-sluzhebnoj deyatel'nosti GU MVD Rossii po Rostovskoj oblasti za 2019 god* // *Oficial'nyj sajt GU MVD Rossii po Rostovskoj oblasti*. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1784621> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
8. *Kirichyok E. V.* Vzaimodejstvie policii i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federacii // *Administrativnoe pravo i process*. 2015. № 7.
9. *Kobec P. N.* Opyt policii Respubliki Indiya po vzaimodejstviyu s grazhdanskim obshchestvom v sfere podderzhaniya pravoporyadka // *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2019. № 1.

- ществом в сфере поддержания правопорядка // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 1.
10. *Кобец П. Н.* Особенности процесса реформирования полицейских органов в Республике Польша // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 4.
  11. *Кокорев В. Ю., Яковлев О. В.* Взаимодействие территориальных органов МВД России с институтами гражданского общества: научно-методическое пособие. Москва, 2018.
  12. *Меньшикова Н. С.* Полиция и гражданское общество: проблемы формирования партнерских отношений в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2020.
  13. Отчет о работе Общественного совета при МВД России за 2017–2019 годы. URL: <https://ос.мвд.рф/document/21172653> (дата обращения: 13.08.2021).
  14. *Пождаев С. Г.* Управление органами внутренних дел при проведении крупномасштабных мероприятий в современных условиях: монография. Москва, 2015.
  15. Региональный реестр народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности Московской области // Официальный сайт ГУ МВД России по Московской области. URL: <https://50.мвд.рф/DEJATELNOST/ogv/narodnye-druzhiny> (дата обращения: 13.08.2021).
  16. Сведения о добровольных народных дружинах на территории Красноярского края // Официальный сайт ГУ МВД России по Красноярскому краю. URL: <https://24.мвд.рф/slujba/narodnye-druzhiny> (дата обращения: 13.08.2021).
  17. *Стахов Я. Г.* Организационно-правовой механизм взаимодействия органов внутренних дел с другими правоохранительными органами в городе, районе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1991.
  18. *Шугрина Е. С.* Возможные направления повышения эффективности деятельности субъектов общественного контроля в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 3.
  10. *Kobec P. N.* Osobennosti processa reformirovaniya policejskih organov v Respublike Pol'sha // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2018. № 4.
  11. *Kokorev V. Yu., Yakovlev O. V.* Vzaimodejstvie territorial'nyh organov MVD Rossii s institutami grazhdanskogo obshchestva: nauchno-metodicheskoe posobie. Moskva, 2018.
  12. *Men'shikova N. S.* Policiya i grazhdanskoe obshchestvo: problemy formirovaniya partnerskih otnoshenij v Rossijskoj Federacii (teoretiko-pravovoj aspekt): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2020.
  13. Otchet o rabote Obshchestvennogo soveta pri MVD Rossii za 2017–2019 gody. URL: <https://os.mvd.rf/document/21172653> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
  14. *Pozhidaev S. G.* Upravlenie organami vnutrennih del pri provedenii krupnomasshtabnyh meropriyatij v sovremennyh usloviyah: monografiya. Moskva, 2015.
  15. Regional'nyj reestr narodnyh druzhin i obshchestvennyh ob"edinenij pravoohranitel'noj napravlenosti Moskovskoj oblasti // Oficial'nyj sajt GU MVD Rossii po Moskovskoj oblasti. URL: <https://50.mvd.rf/DEJATELNOST/ogv/narodnye-druzhiny> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
  16. Svedeniya o dobrovol'nyh narodnyh druzhinah na territorii Krasnoyarskogo kraja // Oficial'nyj sajt GU MVD Rossii po Krasnoyarskomu kraju. URL: <https://24.mvd.rf/slujba/narodnye-druzhiny> (data obrashcheniya: 13.08.2021).
  17. *Stahov Ya. G.* Organizacionno-pravovoj mekhanizm vzaimodejstviya organov vnutrennih del s drugimi pravoohranitel'nymi organami v gorode, rajone: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 1991.
  18. *Shugrina E. S.* Vozmozhnye napravleniya povysheniya effektivnosti deyatel'nosti sub"ektov obshchestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2016. № 3.

Для цитирования:

Безруков Андрей Викторович, Пунтус Сергей Александрович. Формирование оптимальной модели сотрудничества общественных формирований с полицией в сфере обеспечения конституционного правопорядка в России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 51–59.

For citation:

Bezrukov Andrej Viktorovich, Puntus Sergej Aleksandrovich. Formation of an Optimal Model of Cooperation Between Public Formations and the Police in the Field of Ensuring Constitutional Law and Order in Russia // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 51–59.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КОСЫХ,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: lexovip36@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

УДК 340.1

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-60-67

Дата поступления статьи: 2 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

ALEKSEY ALEKSEEVICH KOSYKH,
Associate Professor of the Department
of State and Law Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: lexovip36@mail.ru

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

Интеллектуальные аспекты идеи законопроекта

Intellectual Aspects of the Idea of the Bill

Аннотация

Проблема: создание правовых норм вне интеллектуально-психологических особенностей людей, выдвигающих идеи законопроектов, принимающих или утверждающих различные по своей юридической силе правовые акты, представляется невозможным. Вместе с тем предлагаемые идеи законопроектов зачастую не имеют разумного обоснования, по смыслу расходятся с концепциями и текстами законопроектов, не соответствуют нормам действующего законодательства и правоприменительной практики. Формирование и выдвижение идеи законопроекта должно основываться на результатах довольно «тонкой», кропотливой и в ряде случаев длительной интеллектуально-волевой деятельности человека, которая, как представляется, должна проводиться с учетом сформулированных в статье предложений.

Цель: на основе анализа интеллектуальных аспектов идеи законопроекта сформулировать рекомендации по повышению качества законодательного процесса.

Методы: выводы основываются на использовании материалистической диалектики, сравнительно-правовом методе, формально-юридическом анализе.

Выводы: 1) идею законопроекта предлагается определить как систему интеллектуально выработанных суждений о возможности, целе-

Abstract

The problem: it seems impossible to create legal norms outside of the people intellectual and psychological characteristics who put forward the draft laws ideas, adopt or approve legal acts that are different in their legal force. At the same time, the proposed draft laws ideas often do not have a reasonable justification, differ in meaning from the concepts and draft laws texts, do not comply with the norms of current legislation and law enforcement practice. The formation and promotion of the draft law idea should be based on the results of a rather «subtle», painstaking and, in some cases, long-term person intellectual and volitional activity, which, as it seems, should be carried out taking into account the proposals formulated in the article.

The purpose of the study: based on the analysis of the intellectual aspects of the draft law idea, formulate recommendations for improving the quality of the legislative process.

The methods: conclusions are based on the use of materialistic dialectics, comparative legal method, and formal legal analysis.

The conclusions: 1) the draft law idea is proposed to be defined as a system of intellectually developed judgments about the possibility, expediency and projected results of the proposed draft law. This concept, and the requirement that the draft law idea must be reflected in the explanatory note, is proposed to be fixed in the Regulations of

сообразности и прогнозируемых результатах предлагаемого законопроекта. Данное понятие, а также требование обязательности отражения идеи законопроекта в пояснительной записке предлагается закрепить в Регламенте Государственной Думы; 2) формулирование и реализацию идеи законопроекта следует осуществлять с учетом следующих обстоятельств: закрепление идеи законопроекта в тексте концепции; обязательность прогнозирования ожидаемых результатов как элемент интеллектуального обоснования идеи законопроекта; интеллектуально-волевое «сопровождение» идеи законопроекта; предварительное изучение правового материала по предметной области; временные рамки осознания идеи законопроекта; учет иных факторов социально-экономического и политического характера.

Ключевые слова: интеллект; разум; идея законопроекта; законотворчество.

the State Duma; 2) the formulation and implementation of the draft law idea should be carried out taking into account the following circumstances: the consolidation of the draft law idea in the text of the concept; the obligation to predict the expected results as the draft law idea intellectual justification element; intellectual and volitional «support» of the draft law idea; preliminary study of legal material on the subject area; the time frame of awareness of the draft law idea; consideration of other socio-economic and political factors.

Key words: intelligence; mind; the draft law idea; law-making.

Введение. Законодательство на протяжении многих лет было и, стоит признать, остается важным и эффективным средством управления обществом. Причина тому кроется в его сущности, которая состоит в способности привести порядок в общественную жизнь, в правильном отражении в текстах нормативных правовых актов потребностей общества и государства, общесоциальных ценностей и интересов, выступающих факторами экономического, политического, социального и духовного развития современного государства.

В настоящее время стремительное развитие общественных отношений стимулирует трансформацию устоявшихся и обуславливает появление и интеграцию новых явлений общественного прогресса, обладающих наряду с возможными рисками и угрозами значительным ценностным потенциалом для общества и государства. Передовые технологии в области военного дела, машиностроения, химической, топливной или пищевой промышленности всегда выступали показателем уровня интеллектуального развития того или иного народа, его способности конкурировать с другими народами и нациями, возможности удовлетворять потребности всех и каждого, упрощая жизнь, делая ее доступной и комфортной. Если несколько веков назад количество профессий, удовлетворяющих потребности общества, можно было пересчитать по пальцам, то сейчас число профессий достигает нескольких сотен, а с учетом узких специализаций — нескольких тысяч. По этому поводу Хосе Ортега-и-Гассет написал в одном из своих произведений так: «Жизнь

потенциально стала больше» [12, с. 37]. В числе передовых современных информационных технологий можно отметить биоинженерию, робототехнику, технологии искусственного интеллекта, «блокчейн», «большие данные», которые требуют своевременного правового регулирования и не позволяют правотворческому процессу остановиться даже, как говорится, «на пике своей формы», застыть на определенный срок, заставляя его постоянно находиться в движении, развиваться и совершенствоваться подобно вечному двигателю.

Профессор А. В. Васильев в своей кандидатской диссертации отмечал, что правовые нормы «не должны и отставать от развития экономики, политики и культуры, иначе могут утратить свое значение для общественного развития» [5, с. 3]. Схожую позицию относительно результата правотворческой деятельности высказал вот уже более полувека назад в диссертационном исследовании Е. В. Назаренко: «Деятельность правотворческих органов должна привести к созданию таких норм и институтов права, которые достигнут оптимального результата в своем воздействии на развитие общественных отношений в коммунистические общественные отношения» [11, с. 13]. Однако достижение того самого «оптимального», интеллектуально обоснованного и разумного результата правотворчества, способного стать не «поверхностным чертежом общественной жизни», а реально существующим инструментом, выступающим основой правового порядка и гарантом прогресса, остается актуальным по сей день. Да и в целом справедливо задаться вопросом: способно

ли законодательство идти «в ногу со временем» и какова роль человеческого интеллекта в процессе его создания? Дать однозначный ответ на поставленный вопрос весьма сложно, однако рассмотрение отправной точки законотворческого процесса — его начальной стадии, условий ее формирования и выработка определенной теоретической базы на ее основе, безусловно, поможет в поиске ответа.

Идея как интеллектуально-волевой элемент законотворчества. Достаточно распространенным в правовой доктрине является подход, согласно которому правотворчество — это деятельность государственных органов или уполномоченных государством общественных организаций по созданию (изменению или отмене) правовых норм. Государство, создавая правовые нормы, опирается на уровень экономического, социального, духовного развития, что в совокупности составляет уровень интеллектуального развития общества. Вместе с тем создание правовых норм вне интеллектуально-психологических особенностей людей, выдвигающих идеи законопроектов, обсуждающих и корректирующих содержание законопроектов, принимающих или утверждающих различные по своей юридической силе правовые акты, то есть «помимо нормально функционирующего человеческого мозга» [14, с. 14], представляется невозможным.

С точки зрения реальных закономерностей законотворческого¹ процесса (а не с позиции его формально-юридического оформления) начальной стадией законотворческой деятельности выступает идея правового акта. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на рассмотрении идеи законопроекта с точки зрения интеллекта (разума, рассудка), то есть интеллектуальные аспекты идеи законопроекта предлагается понимать достаточно широко — как совокупность различных факторов, имеющих в разной степени интеллектуально-волевое начало: обоснованность, своевременность, технико-юридическая грамотность, ответственность, системность и т. д.

В философии идея выступает неким проводником, переходным этапом из возможного в действительное. Гегель сравнивал идею с сущностью предмета в объективном смысле или импульсом познания в субъективном смысле, отмечая, что идея есть разумное, «адекватное понятие, объективно истинное (Wahre) или истинное, как таковое» [6]. Выдвижение, формулирование теорий на основе идей предполагает веру в такие начала, как разум и спра-

ведливость, в возможность постичь жизнь при всем ее многообразии разумом. «Идея — это шаг истине. Кто жаждет идей, должен прежде них домогаться истины и принимать те правила игры, которых она требует» [12, с. 71]. Отказ от интеллектуальной обоснованности, разумности в формировании идей неминуемо обратит время вспять, обрежет общество на деградацию, вернув его во времена первобытно-общинной организации.

В представленной работе под идеей законопроекта предлагается понимать результат мыслительной, основанной на принципах разумности и здравого смысла, апробированной практическим опытом, целенаправленной деятельности, выражающийся в суждении о необходимости создания и реализации правового акта, его содержании, структуре, времени действия, форме и предполагаемых последствиях применения.

Идея законопроекта выступает той интеллектуальной конструкцией, на которой держится вся система законотворческого процесса и каждая его часть в отдельности. Как интеллектуально-волевой элемент законотворческого процесса идея законопроекта интегрирует в себе ценностно-целевую составляющую, состоящую в осознании необходимости урегулирования новых или уже устоявшихся общественных отношений, осознании возможности удовлетворить новые интересы и потребности общества, понимании необходимости с помощью правовых норм противостоять новым вызовам и проблемам общественного развития, вызванным в том числе изменениями в производственных отношениях, результатами так называемой четвертой производственной революции, внедрением цифровых технологий или технологий искусственного интеллекта. Отмечая интеллектуальную природу идеи законопроекта, В. М. Баранов пишет, что идея законопроекта представляет собой «систему теоретически обоснованных, практически апробированных либо *выработанных на основе здравого смысла суждений*» (курсив наш. — А. К.)... Именно правовая идея концентрирует в себе процесс и результат юридического мышления» [2, с. 148–149].

Как справедливо заметил В. В. Цветков, первоначальные истоки формирования идеи законопроекта довольно сложно проследить. Ими может выступить ранее принятый закон, программа политической партии, общественная дискуссия, назревшая экономическая или социальная потребность [17]. В этой связи факторы, обуславливающие возникновение идеи законопроекта, условно можно разделить на объективные (законы экономического развития, мировой финансовый кризис, дефолт, геогра-

¹ Далее речь пойдет о законотворчестве как деятельности специальных субъектов по созданию законов и иных нормативных правовых актов, поскольку законотворчество в узком его понимании (право=закон) есть правотворчество.

фические или климатические особенности, особенности правовой системы отдельного государства) и субъективные (поручения главы государства; доклады и отчеты о проделанной работе, а также предложения государственных органов и должностных лиц по изменению законодательства; деятельность политических партий, выработанные предложения в ходе работы собраний, круглых столов, конференций разного уровня; результаты рассмотрения обращений граждан в органы государственной власти, результаты научных исследований и др.). Так, предложения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2020 году были учтены и реализованы в 17 нормативных правовых актах, включая 13 федеральных законов и 4 подзаконных акта [7]. Многие законодательные идеи содержатся в Послании Президента Российской Федерации (далее – Президент РФ) Федеральному Собранию. Планом реализации Послания Президента РФ 2021 г. предусмотрено 48 пунктов из более 200 предлагаемых депутатами законопроектов и законодательных инициатив [16].

Идея законопроекта и условия ее формирования. Формирование и выдвижение идеи законопроекта должно основываться на результатах довольно «тонкой», кропотливой и в ряде случаев длительной интеллектуальной деятельности человека, которая, как представляется, должна проводиться с учетом следующих обстоятельств или условий.

Первое. Стоит обратить внимание на правовой статус идеи законопроекта, а точнее, на его отсутствие. Несмотря на закрепление в ряде ведомственных приказов требования обязательности отражения идеи законопроекта в пояснительной записке², ни в Регламенте Государственной Думы (далее – Регламент), ни в законодательных актах субъектов Российской Федерации или иных ведомственных нормативных правовых актах понятие идеи правового акта не закреплено.

С большой долей осторожности можно проводить параллель между идеей законопроекта и его концепцией, тем более отождествлять или подменять данные понятия (автор разделяет позицию В. М. Баранова, отмечающего, что идея и концепция законопроекта – разные стадии; идея законопроекта предшествует его концепции [3]). Как показывает практика, формулирование идеи законопроекта в тексте его

концепции в пояснительной записке не лишено недостатков. Так, в п. «а» ст. 105 Регламента закреплено, что субъект законодательной инициативы при внесении законопроекта *обязан* представить пояснительную записку к законопроекту, содержащую предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также мотивированное обоснование. Юридический анализ размещенных на официальном сайте Государственной Думы пояснительных записок к проектам федеральных законов показывает, что далеко не все из них соответствуют требованию Регламента: отсутствуют структурно выверенные концепции, в них не содержатся цели предлагаемых законопроектов, финансово-экономические обоснования, социальные или иные прогнозы, а идею отдельных законопроектов зачастую довольно сложно понять. Или наоборот: встречаются законопроекты с весьма понятной идеей, однако ее исполнение – теоретическое обоснование в концепции, формулирование проблемной области, предмета и цели законопроекта, результатов проведенных социологических исследований, прогнозирования возможных результатов – требует существенно го научного и технико-юридического усиления.

В качестве примера можно привести внесенный на рассмотрение Государственной Думы законопроект № 1221711-7 «Об установлении порядка присвоения государственных регистрационных знаков с «особой» серией» (внесен на рассмотрение депутатом А. Н. Шериным 26 июля 2021 г.). Идея законопроекта понятна: автор предлагает продавать регистрационные знаки с «особой» серией через аукцион. Но реализация данной идеи, как говорится, «оставляет желать лучшего». В пояснительной записке, содержащей менее 1 страницы текста (которая в соответствии с Регламентом должна содержать предмет, концепцию и мотивированное обоснование), автором не обозначена ни цель, ни предмет правового регулирования, ни его концепция. Кроме того, депутатом А. Н. Шериным используются далеко не юридические термины и словосочетания: «лица, которые обладают определенными связями в структурах Госавтоинспекции»; «легализация присвоения государственных регистрационных знаков»; «регистрационные знаки с «особой» серией» и др.

В этой связи юридическое закрепление в Регламенте понятия идеи законопроекта как *выработанного в результате мыслительной деятельности суждения о необходимости создания и реализации правового акта, его содержании, структуре, времени действия, форме и предполагаемых последствиях применения* и требования обязательности ее отражения в пояснительной записке представляется обоснованным.

² См., например: Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Министерстве просвещения Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минпросвещения России от 18 марта 2019 г. № 121. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об утверждении Регламента Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минфина России от 14 сентября 2018 г. № 194н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Второе. Элементом интеллектуального обоснования процесса формирования и выдвижения идеи законопроекта должно стать прогнозирование ожидаемых результатов от принятия закона. Как показывает практика, качество и эффективность сегодняшнего законодательства имеют «догоняющий» характер, то есть регулируют общественные отношения уже по факту их существования. Особенно если речь идет о частноправовой сфере. Вместе с тем как в сфере частных, так и в сфере публичных правоотношений субъекту законодательной инициативы следует реализовывать идею закона и разрабатывать законопроекты с учетом результатов проводимых социальных, экономических, технологических, демографических и иных форм прогнозирования. В правовой доктрине (Ю. А. Тихомиров, В. Н. Карташов, К. В. Агамиров, С. В. Бахвалов) выработана позиция, согласно которой прогнозирование рассматривается как самостоятельная стадия законотворческого процесса. Т. Е. Зяблова и Я. Б. Комарова небезосновательно связывают прогнозирование «исключительно с начальной стадией законотворческого процесса» [9, с. 21].

В Российской Федерации прогнозирование законодательной деятельности осуществляется такими учреждениями, как Российская академия наук, НИУ «Высшая школа экономики», Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и др. Однако данная деятельность реализуется по запросам компаний, организаций, предприятий, органов государственной власти и носит, скорее, индивидуальный, фрагментарный, а не системный характер для столь большого объема федерального, регионального или ведомственного нормотворчества. Весьма обоснованной видится точка зрения К. В. Агамирова, считающего, что «на федеральном уровне юридическое прогнозирование как направление научного обеспечения законотворчества, по сути дела, отсутствует...» [1, с. 4]. В данном вопросе позитивным видится зарубежный опыт Республики Беларусь. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» прогнозирование является обязательным элементом подготовки проекта нормативного правового акта, позволяющим оценить регулирующее воздействие и соответствие проекта нормативного правового акта социально-экономическим потребностям и возможностям общества и государства. В свою очередь, концепция проекта нормативного правового акта в Республике Беларусь должна содержать всесторонний и объективный прогноз предпола-

гаемых последствий принятия (издания) нормативного правового акта³.

Если обратиться к прогнозированию в рамках ведомственного нормотворчества, например, в рамках системы МВД России, то приказ МВД России от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России» закрепляет только криминологический прогноз в качестве элемента концепции нормативного правового акта. Вместе с тем представляется целесообразным внести изменения в указанный приказ и включать не только криминологическое, но и экономическое, социальное, технологическое или иное прогнозирование в зависимости от предмета правового регулирования разрабатываемого ведомственного нормативного правового акта с возможным привлечением специалистов соответствующей области на безвозмездной или договорной основе.

Третье. При формировании идеи законопроекта, а главное – в ходе ее дальнейшей реализации следует понимать и учитывать такие факторы, как уровень социального развития государства, состояние экономики, включая возможность выделения дополнительных средств из бюджета, состояние политической системы, особенности взаимоотношений органов законодательной и исполнительной власти (наличие или отсутствие единства и согласованности деятельности).

Так, например, идеей законопроекта № 642309-7 «О внесении изменения в статью 8 Федерального закона “О страховых пенсиях” в части установления права на досрочное назначение страховой пенсии отдельным категориям граждан» (внесен на рассмотрение депутатом А. Н. Шериным 11 февраля 2019 г.) было сохранение за ветеранами боевых действий права на страховую пенсию по старости по достижении возраста 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Правительство Российской Федерации (далее – Правительство РФ) в своем заключении на данный законопроект от 14 марта 2019 г. отметило отсутствие средств, предусмотренных федеральным бюджетом на указанные в законопроекте цели. Однако данное заключение было учтено не сразу, а спустя более двух лет длительной и безрезультатной работы ответственного комитета Государственной Думы и ряда других задействованных в обеспечении законодательного процесса должностных лиц, сопряженной с подготовкой документов, писем, постанов-

³ О нормативных правовых актах: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (дата обращения: 30.06.2021).

лений, решений, заключений. Постановлением Государственной Думы от 1 июня 2021 г. законопроект № 642309-7 был отклонен.

В этой связи ряд идей законопроектов могут потерять свою актуальность на этапе формирования, когда в рабочем порядке можно получить информацию о возможной перспективе реализации идеи законопроекта путем осуществления взаимодействия с органами государственной власти, направления депутатского запроса или представителя в соответствующий орган, проведения рабочих встреч с депутатами или их помощниками.

Четвертое. Обязательным видится не только интеллектуальное, но и волевое сопровождение идеи законопроекта. Здесь важно отметить организаторские способности автора идеи законопроекта и во многом желание довести начатое дело до конца, способности научно обосновать, выработать осознанное решение и в случае необходимости скорректировать текст законопроекта. Как справедливо отметил профессор В. М. Баранов, «оценить четко сформулированную идею законопроекта в состоянии почти все депутаты» [3, с. 10]. В ряде случаев важны ораторские способности законодателя «донести» идею законопроекта. Если законодательные инициативы Президента РФ, Правительства РФ и депутатов от партии, занимающей большинство мест в Государственной Думе, в большинстве своем имеют законодательно оформленный результат, то идеи законопроектов других субъектов законодательной

инициативы подобной гарантией не обладают (например, за время работы Государственной Думы VII созыва снято с рассмотрения всего 11 законопроектов Президента РФ, из них 8 – по собственной инициативе⁴).

Вместе с тем стоит оградить законотворческий процесс от многих необоснованных и ненаучных идей законопроекта. В качестве предложения может стать законодательное закрепление минимального количества авторов законопроекта в Регламенте Государственной Думы (речь идет не о фракции в полном составе, а о рабочей группе из 15–20 депутатов). В Государственную Думу седьмого созыва с октября 2016 года по июнь 2021 г. было внесено 5 500 законопроектов, из них рассмотрено 4 485 (81,5 %) [8]. Только за осеннюю сессию 2020 г. было внесено на рассмотрение 590 законопроектов, из которых депутатами и сенаторами внесено 332 законопроекта (56,3 %). Самыми активными депутатами весенней сессии 2020 г. по числу внесенных законопроектов стали С. Миронов (36 законопроектов), М. Емельянов (34 законопроекта), О. Нилов (30 законопроектов) [15]. Общее количество внесенных законопроектов и принятых законов Государственной Думой VII созыва (осень 2016 – июнь 2021) отражено в нижеприведенной таблице.

⁴ Система обеспечения законодательной деятельности // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/stat/spziends> (дата обращения: 06.10.2021).

Таблица

Законотворческий процесс в Российской Федерации

Год	Количество законопроектов, внесенных в Государственную Думу	Количество законопроектов, рассмотренных Государственной Думой (в первом, во втором или в третьем чтении)	Количество законов, принятых (одобренных) Государственной Думой	Количество законов, отклонившихся (или возвращавшихся в Государственную Думу без рассмотрения) из принятых (одобренных) Государственной Думой в данный период		Количество законов, подписанных Президентом РФ в данный период
				Советом Федерации	Президентом РФ	
осенняя сессия 2016	374	379	142	0	1	141
2017	1 210	1 625	514	2	0	512
2018	1 167	1 234	576	0	0	575
2019	1 138	996	531	2	0	530
2020	1 110	1 011	551	2	0	550
июнь 2021	583	721	363	0	1	217

Пятое. Формированию идеи законопроекта должна предшествовать тщательная работа по изучению правового материала по пред-

метной области: федерального и регионального законодательства в регулируемой и смежных сферах деятельности, правоприменительной,

в частности, судебной практики, зарубежного опыта правового регулирования. А. С. Пиголкин писал, что «невозможно сформулировать норму или акт в целом, если не организовано изучение всего предшествующего законодательства по этому вопросу» [13, с. 9]. Подготовка проекта нормативного акта – очень ответственная и сложная работа, не терпящая излишней торопливости, требующая от работников напряженного кропотливого труда, вдумчивого творческого подхода, большого опыта и специальных знаний [13, с. 12].

Приведем еще один пример. Идеей законопроекта № 1103069-7 «О внесении изменения в статью 134 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”» (внесен на рассмотрение депутатами С. М. Мироновым и М. В. Емельяновым 29 января 2021 г.) было уточнение очередности требований кредиторов в случае признания должника банкротом в части, касающейся выплаты сумм страховых взносов в государственные фонды (Пенсионный фонд Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования Российской Федерации). Однако данный законопроект был отклонен, поскольку не была учтена сложившаяся правоприменительная практика и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, четко определяющая очередность проведения выплат по страховым взносам.

Шестое. Процесс осознания выдвинутой идеи законопроекта с целью дальнейшего оформления его концепции, выработки обоснования требует определенного времени. Депутаты, отклоняющие или принимающие законопроекты «наспех», зачастую не способны уяснить цель законопроекта и его основную идею, не говоря уже о технико-юридической стороне вопроса. В частности, речь идет о рассмотрении законопроектов, выдвинутых Правительством РФ или Президентом РФ, принимаемых в ряде случаев за 2–3 дня (например, на принятие Федерального закона от 29 января 2021 г. № 1-ФЗ «О ратификации Соглашения о продлении Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по даль-

нейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 года» с момента регистрации законопроекта до момента опубликования закона ушло 4 дня). Стремление исполнить поручение первых лиц государства с опережением установленных сроков может привести к искажению выдвинутой Президентом РФ идеи (а воспринятое иначе ведет, как известно, к печальным недоразумениям!), что приводит к внесению ряда последующих изменений и поправок, снижает качество и регулятивные возможности принимаемых законов. Здесь следует поднять вопрос о пределах вносимых законодательных изменений в действующее законодательство. Какое количество изменений в действующий закон допускается вносить? Можно ли одним изменением или поправкой изменить идею или цель закона? Очевидно, ответ положительный. Как справедливо заметили С. В. Бошно и Г. Г. Васюта, дополнение ст. 123 Регламента ч. 7.3, устанавливающей сложную процедуру внесения поправок, противоречащих концепции законопроекта, осуществило окончательную «легитимацию безграничного преобразования закона между чтениями» [4, с. 12].

Заключение. Учет рассмотренных интеллектуальных по своему содержанию условий формирования и реализации идей законопроектов с большой долей вероятности улучшит качество законотворчества в Российской Федерации. Без подлинно разумного, научно обоснованного подхода, пронизывающего весь процесс создания норм права, требующего интеллектуальных усилий абсолютно всех должностных лиц, задействованных в столь сложном механизме, не обойтись. Ведь, как отмечал В. И. Ленин, «...одних наших пяти чувств еще недостаточно для опыта... для этого требуется еще участие интеллекта...» [10, с. 348].

В заключение хотелось бы выразить надежду на скорейшее принятие федерального закона «О нормативных правовых актах» (о чем неоднократно писали и пишут теоретики в своих научных трудах), который будет способствовать не только качественному улучшению формирования и реализации идей законопроектов, но и всего законотворческого процесса.

Список литературы:

1. Агамиров К. В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2020.
2. Баранов В. М. Идея законопроекта как средство ранней диагностики качества современного российского законода-

References:

1. Agamirov K. V. Yuridicheskoe prognozirovanie kak faktor sovershenstvovaniya rossijskoj pravovoj sistemy: avtoref. dis. ... d-ra jurid. Moskva, 2020.
2. Baranov V. M. Ideya zakonoproekta kak sredstvo rannej diagnostiki kachestva sovremennogo rossijskogo zakonodatel'stva // Yuridicheskaya

- тельства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22.
3. Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2 (134).
  4. Бошно С. В., Васюта Г. Г. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. № 3.
  5. Васильев А. В. Правотворчество в советском социалистическом обществе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1972.
  6. Гегель Г. Наука логики. URL: <https://www.marxists.org/russkij/hegel/nauka-logiki.pdf> (дата обращения: 30.06.2021).
  7. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (дата обращения: 30.06.2021).
  8. Замахина Т. Госдума седьмого созыва провела последнее заседание. URL: <https://rg.ru/2021/06/17/gosduma-sedmogo-sozyva-provela-poslednee-zasedanie.html> (дата обращения: 30.06.2021).
  9. Зяблова Т. Е., Комарова Я. Б. Прогнозирование как элемент законотворчества // Colloquium-journal. 2020. № 4-7 (56).
  10. Ленин В. И. Философские тетради. Москва, 1990.
  11. Назаренко Е. В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1970.
  12. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Москва, 2017.
  13. Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов (организация и методика). Москва, 1968.
  14. Правотворчество в СССР. Москва, 1974.
  15. Сдали сессию. Как и над чем работали депутаты Госдумы – в восьми графиках и таблицах. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4426337> (дата обращения: 30.06.2021).
  16. Утвержден план реализации Послания-2021. URL: <http://duma.gov.ru/news/51479/> (дата обращения: 30.06.2021).
  17. Цветков В. В. Идея законопроекта: поиск предмета правового регулирования // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2016.
  18. наука i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013. № 22.
  19. Baranov V. M. Ideya zakonoproekta: sushchnost', prakticheskaya cennost', tekhniko-yuridicheskoe oformlenie // Zhurnal rossijskogo prava. 2008. № 2 (134).
  20. Boshno S. V., Vasyuta G. G. Popravki k zakonoproektu i predely transformacii koncepcii zakona // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2017. № 3.
  21. Vasil'ev A. V. Pravotvorchestvo v sovetskom socialisticheskom obshchestve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Moskva, 1972.
  22. Gegel' G. Nauka logiki. URL: <https://www.marxists.org/russkij/hegel/nauka-logiki.pdf> (data obrashcheniya: 30.06.2021).
  23. Doklad Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2020 god. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020> (data obrashcheniya: 30.06.2021).
  24. Zamahina T. Gosduma sed'mogo sozyva provela poslednee zasedanie. URL: <https://rg.ru/2021/06/17/gosduma-sedmogo-sozyva-provela-poslednee-zasedanie.html> (data obrashcheniya: 30.06.2021).
  25. Zyablova T. E., Komarova Ya. B. Prognozirovaniye kak element zakonotvorchestva // Colloquium-journal. 2020. № 4-7 (56).
  26. Lenin V. I. Filosofskie tetradi. Moskva, 1990.
  27. Nazarenko E. V. Socialisticheskoye pravosoznanie i sovetskoye pravotvorchestvo: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Kiev, 1970.
  28. Ortega-i-Gasset H. Vosstanie mass. Moskva, 2017.
  29. Pigolkin A. S. Podgotovka proektov normativnyh aktov (organizaciya i metodika). Moskva, 1968.
  30. Pravotvorchestvo v SSSR. Moskva, 1974.
  31. Sdali sessiyu. Kak i nad chem rabotali deputaty Gosdumy – v vos'mi grafikah i tablicah. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4426337> (data obrashcheniya: 30.06.2021).
  32. Utverzhden plan realizacii Poslaniya-2021. URL: <http://duma.gov.ru/news/51479/> (data obrashcheniya: 30.06.2021).
  33. Cvetkov V. V. Ideya zakonoproekta: poisk predmeta pravovogo regulirovaniya // Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii: materialy V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar, 2016.

Для цитирования:

Косых Алексей Алексеевич. Интеллектуальные аспекты идеи законопроекта // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 60–67.

For citation:

Kosykh Aleksey Alekseevich. Intellectual Aspects of the Idea of the Bill // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 60–67.

УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ органов внутренних дел

АНАТОЛИЙ ФЕДОРОВИЧ МАЙДЫКОВ,
профессор кафедры управления
органами внутренних дел в особых условиях,
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: amaidykov2@mvd.ru

ANATOLIY FEDOROVICH MAJDYKOV,
Professor of the Department
of Internal Affairs Management in Special Conditions,
Doctor of Law, Professor,
Honoured Lawyer of Russian Federation
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: amaidykov2@mvd.ru

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ МЕЛЁХИН,
профессор кафедры государственного
строительства и права,
доктор юридических наук, профессор
Университет прокуратуры Российской Федерации
Российская Федерация, 117638, г. Москва,
ул. Азовская, д. 2, корп. 1
E-mail: amelehin@list.ru

ALEKSANDR VLADIMIROVICH MELYOHIN,
Professor of the Department
of State Construction and Law,
Doctor of Law, Professor
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Russian Federation, 117638, Moscow,
Azovskaya St., 2, building 1
E-mail: amelehin@list.ru

ИВАН АНАТОЛЬЕВИЧ СИНОДОВ,
доцент кафедры управления органами внутренних дел
в особых условиях, кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

IVAN ANATOL'EVICH SINODOV,
Associate Professor of the Department of Internal
Affairs Management in Special Conditions,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: isin.50@ya.ru

E-mail: isin.50@ya.ru

Научная специальность:
12.00.11 – судебная деятельность;
прокурорская деятельность;
правозащитная и правоохранительная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.11 – Judicial Activity;
Prosecutorial Activity;
Human Rights and Law Enforcement Activities.

УДК 34

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-68-73

Дата поступления: 16 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

**Об актуальных правовых вопросах деятельности
органов внутренних дел Российской
Федерации в условиях распространения новой
коронавирусной инфекции (COVID-19)**

**On Topical Legal Issues of the Activities of the Internal Affairs
Bodies of the Russian Federation in the Context of the Spread
of a New Coronavirus Infection (COVID-19)**

Аннотация

Актуальность: распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной новым коронавирусом SARS-CoV-2, а также последствия эпидемии в России проявились лишь в начале 2020 года. Потребность в ее научной проработке очевидна и необходима. Эта потребность, на наш взгляд, правового свойства.

Проблема: главная проблема касается необходимости разработки правовых основ деятельности органов внутренних дел в новой для них обстановке. Суть этой проблемы состоит в следующем. Анализ современного состояния законодательства Российской Федерации, предназначенного для регулирования правоотношений, складывающихся в условиях распространения эпидемии, показал его несовершенство. В частности, на эффективность государственного управления в рассматриваемых условиях обстановки негативное влияние оказывают такие факторы, как: логическая незавершенность материального и процессуального законодательства Российской Федерации, применяемого в условиях чрезвычайной ситуации; нестабильность законодательства Российской Федерации. Научных же работ по данной проблематике явно недостаточно, а применительно к органам внутренних дел Российской Федерации их практически нет.

Цель исследования: на основе современного состояния законодательства Российской Федерации, предназначенного для регулирования правоотношений, складывающихся в условиях эпидемии, предложить обоснованные пути совершенствования процесса государственного управления.

Методы: выводы и суждения авторов основаны на диалектико-материалистическом методе.

Выводы: авторы выделяют остающиеся нерешенными правовые проблемы и предлагают обоснованные пути совершенствования процесса государственного управления в рассматриваемых условиях обстановки.

Ключевые слова: *Временный штаб МВД России; законодательство; группа управления; новая коронавирусная инфекция (COVID-19); органы внутренних дел Российской Федерации; органы оперативного управления; оперативный штаб; право; режим функционирования; управление; чрезвычайная ситуация; факторы; эпидемия.*

Abstract

The relevance: the spread of the new coronavirus infection COVID-19 caused by the new coronavirus SARS-CoV-2, as well as the consequences of the epidemic in Russia began only at the beginning of 2020. The need for its scientific study is obvious and necessary. This need, in our opinion, is of a legal nature.

The problem statement: the main problem concerns the need to develop a legal framework for the activities of internal affairs bodies in a new environment for them. The essence of this the problem is as follows. The analysis of the current state of the legislation of the Russian Federation, designed to regulate legal relations developing in the conditions of the spread of the epidemic, showed its imperfection. In particular, the effectiveness of public administration in the considered conditions of the situation is negatively affected by such factors as: logical incompleteness of material and procedural legislation of the Russian Federation applied in an emergency situation (hereinafter referred to as an emergency); instability of the legislation of the Russian Federation. Scientific works on this issue are clearly insufficient, and in relation to the internal affairs bodies of the Russian Federation there are practically none. The purpose of the study. Based on the current state of the legislation of the Russian Federation, designed to regulate legal relations emerging in the conditions of the epidemic, to propose reasonable ways to improve the process of public administration.

The methods: the conclusions and judgments of the authors are based on the dialectical-materialistic method.

The conclusions: the authors identify the remaining unresolved legal problems and propose reasonable ways to improve the process of public administration in the considered conditions of the situation.

Key words: *Temporary headquarters of the Ministry of Internal Affairs of Russia; legislation; management group; new coronavirus infection (COVID-19); internal affairs bodies of the Russian Federation; operational management bodies; operational headquarters; law; mode of operation; management; emergency situation; factors; epidemic.*

На протяжении последних двух лет с учетом национального и приобретенного опыта сформирован и достаточно эффективно действует в условиях эпидемии

соответствующий государственно-правовой механизм.

Распространение эпидемии в России началось в 2020 году. Первый случай заболевания

был выявлен 2 марта в Москве у туриста, вернувшегося из Италии.

Анализируя законодательство Российской Федерации (далее — законодательство) в области организации деятельности органов государственной власти [4, с. 35] (далее — ОГВ) в период эпидемии, можно сделать вывод о его достаточности. Его основу составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы¹ и принимаемые на их основе указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, акты субъектов Российской Федерации.

С накоплением эмпирического опыта по противодействию эпидемии совершенствовалась и данная область права, основным предназначением которого стало стремление государства эффективно противодействовать в рамках правового пространства возникающим угрозам на национальном уровне [3, с. 22]. Современные исследователи обоснованно привлекают внимание к его пониманию в условиях эпидемии не только с возможностью установления различных чрезвычайных административно-правовых режимов [5, с. 15], но и к новым более жестким подходам в формах и методах государственного управления, направленных на стабилизацию и реанимацию различных сфер национальной экономики.

Практика применяемых государством форм и методов в условиях эпидемии свидетельствует о прагматизме его действий с целью выхода из сложившегося положения с наименьшими потерями. По своей сути законодательство государства в отношении провозглашенных конституционных прав и свобод носит ограничительный характер [1, с. 41].

Анализ особенностей правового регулирования организации органов публичной власти в период распространения коронавируса и введения карантина на территории Российской Федерации дает нам право сказать о том, что ими (органами публичной власти) принят комплекс мер по предупреждению угрозы возникновения и ликвидации эпидемии. Данный комплекс включает в себя такие меры, как контроль прибывающих из неблагополучных мест людей, изоляцию, госпитализацию, масочный режим [2, с. 78].

При анализе принятых руководством страны мер в период распространения коронавируса и введения карантина на территории Рос-

сийской Федерации становится очевидным, что опыт, приобретенный государством за прошедший период, должен быть проработан и оценен не только с позиции права, но и с позиции соразмерности. Несомненно, данный опыт «оголил» определенные пробелы в используемых правоотношениях. Примером могут служить масочный режим и режим самоизоляции, которые привели к непониманию гражданами особенностей поведения в рассматриваемый период времени, а это, в свою очередь, отразилось на работе ОГВ.

Сущность правового обеспечения деятельности ОГВ в условиях эпидемии позволяет нам говорить о том, что на его содержательную характеристику непосредственное влияние оказывают многочисленные, часто имеющие системный характер факторы. К наиболее основным из них следует отнести:

- роль и место государства в мировом обществе;
- менталитет населения;
- демократические традиции общества и его готовность к жесткой ограничительной политике государства;
- форма территориального устройства;
- форма государственного правления;
- существующий политический режим;
- «демократичность» действующего чрезвычайного законодательства;
- острота кризисной ситуации;
- характер и вид чрезвычайной ситуации.

Можно ли рассматривать законодательство в условиях эпидемии как особый правовой режим? Аргументируя свою позицию, авторы отвечают однозначно утвердительно, исходя из следующих позиций.

Во-первых, особенность правовому режиму в условиях эпидемии придает временный характер, но без указания периода его действия.

Во-вторых, правовой режим в условиях эпидемии ограничивает права и свободы граждан пропорционально угрозе, однако он остро воспринимается «демократической» частью населения страны.

В-третьих, в рассматриваемых условиях обстановки органы внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД) создают органы оперативного управления (такие как оперативный штаб МВД России, оперативные штабы (далее — ОШ), группы управления (далее — ГУ) территориальных органов МВД России, комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности (далее — Комиссии), рабочие группы²), которые наделяются широким объемом

¹ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648; О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² О комплексе дополнительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции: распоряжение МВД России от 17 марта 2020 г. № 1/2851.

полномочий. К таким полномочиям относят одновременно надзорные, контрольные и ограничительные полномочия. Однако, как показывает анализ ведомственного законодательства, к сожалению, имеется ряд недостатков.

Так, например, при угрозе или возникновении чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС), в том числе в условиях эпидемии, на федеральном и межрегиональном уровнях координационным органом управления функциональной подсистемы охраны общественного порядка (далее – ФП ООП) создается Комиссия, которая, по сути, является органом оперативного управления при возникновении ЧС³. При этом следует обратить внимание на то, что в системе органов оперативного управления в особых условиях обстановки, в том числе и при возникновении ЧС, о создании такого органа не упоминается. И, соответственно, в связи с этим в настоящее время не определены порядок ее формирования и функционирования.

В этом же нормативном правовом акте (далее – НПА) указано, что исходя из складывающейся оперативной обстановки функции органа повседневного управления могут возлагаться на создаваемый Временный штаб МВД России (далее – ВШ). При этом терминология, порядок формирования и функционирования ВШ в настоящее время также не определены нормативно.

Кроме этого, следует обратить внимание на неопределенность соподчиненности ВШ, создаваемых органов оперативного управления (ОШ, ГУ) и Комиссии. Как правило, формы их полномочий различны: организационные, правообеспечительные, правоисполнительные, правоприменительные.

В-четвертых, в условиях эпидемии происходит резкое усиление централизации власти. Практически все властные полномочия сосредоточиваются у федеральных органов исполнительной власти. В рамках поступающих директивных указаний они наделяются правоустановительными и правоприменительными полномочиями.

Так, например, руководители регионов в соответствии с предоставляемыми им полномочиями самостоятельно принимают решения о возможности проведения массовых мероприятий. Указанные предписания готовятся ими на основании ежедневного мониторинга показателей, которые в зависимости от количества участников массового мероприятия должны соответствовать определенным значениям.

В-пятых, нормы правового режима в условиях эпидемии носят доминирующий характер в правоустановительном и правоприменительном процессах по отношению к другим видам отраслевых законодательных норм. Тем самым подтверждается правило о том, что если установлен период созидательного процесса государственного строительства, то востребованными становятся, прежде всего, нормы частного материального и процессуально-го права.

Правовой режим в условиях эпидемии весьма активно применяют в зависимости от интенсивности заболеваний региональные ОГВ.

При этом в период эпидемии ОГВ был принят комплекс мер по предупреждению угрозы возникновения и ликвидации эпидемии, который включал в себя такие меры, как контроль прибывающих из неблагополучных мест людей, изоляцию, госпитализацию, масочный режим. Кроме этого, ОГВ субъектов Российской Федерации продолжают применять ограничительные меры противодействия эпидемии.

Можно констатировать, что эпидемия в июне 2021 года вызвала новый всплеск заболеваемости в России.

Органы государственной власти прогнозируют рост случаев заражения из-за появления новых более заразных штаммов возбудителя, низких темпов вакцинации и пренебрежения мерами профилактики.

Следует признать, что эпидемия, начавшаяся в 2020 г., с большой степенью вероятности продолжит свое распространение и в 2022 г. Можно сделать вывод и о том, что здоровью населения страны в будущем будет нанесен определенный ущерб, а масштаб экономических потерь и связанное с ними падение уровня жизни населения продолжатся.

Вместе с тем стало очевидным и то, что опыт, приобретенный нашим государством за прошедший период, должен быть проанализирован и оценен не только с позиции права, но и с позиции соразмерности его применения в указанной обстановке. Говоря о законодательстве в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, можно сделать вывод о его довольно высокой степени достаточности. Вместе с тем выявлены пробелы в используемых правоотношениях (таких как масочный режим и режим самоизоляции), которые проявились в непонимании отдельными гражданами особенностей поведения в рассматриваемый период времени.

Несмотря на некоторые пробелы в праве как особом социальном регуляторе, которые проявились наиболее выражено в период эпидемии и введения карантина на территории страны, следует отметить, что принятые руководством

³ Об утверждении Положения о функциональной подсистеме охраны общественного порядка единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: приказ МВД России от 1 апреля 2021 г. № 191.

страны меры и ограничения являлись и продолжают являться обоснованными.

Стабильность и несменяемость фундаментальных оснований права являются необходимым условием обеспечения режима законности и правопорядка в Российской Федерации.

В современных условиях обстановки наряду с повседневными задачами МВД России во взаимодействии с иными федеральными органами исполнительной власти осуществляет целый комплекс дополнительных мер по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19):

- по обеспечению безопасности граждан в период действия ограничительных мер (в том числе карантина), введенных в связи с распространением опасных инфекционных заболеваний;

- ограничению движения в населенных пунктах (въезд и выезд), в которых действовали ограничительные меры (в том числе карантин), введенные в связи с распространением опасных инфекционных заболеваний;

- оказанию содействия органам здравоохранения, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, иным уполномоченным органам в решении вопросов недопущения распространения COVID-19;

- организации мониторинга информации, связанной с пребыванием на территории субъекта Российской Федерации граждан и лиц без гражданства, прибывших из государств с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой;

- организации взаимодействия с филиалами ОАО «РЖД», подразделениями Роспотребнадзора на железнодорожном транспорте, администрациями аэропортов по обмену информацией об эпидемическом состоянии на объектах транспортной инфраструктуры и транспортных средствах с учетом возможного распространения инфекции;

- оказанию содействия подразделениям Роспотребнадзора и органам здравоохранения в проведении мероприятий по контролю за пребыванием (проживанием) на территории Российской Федерации граждан, прибывающих на территорию Российской Федерации из стран с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, связанной с распространением COVID-19;

- дополнительной проработке совместно с территориальными органами Федеральной службы судебных приставов (ФССП России) вопросов реализации в первоочередном порядке процедур административного выдворения нарушивших карантинные мероприятия иностранных граждан;

- обеспечению мониторинга и контроля в установленном порядке ценообразования в отношении лекарств, средств индивидуальной защиты, товаров первой необходимости, продуктов, горюче-смазочных материалов и ин-

формированию органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также подразделений Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) о возможных нарушениях.

Появление дополнительных задач, а также увеличение объема выполняемых функций привели к необходимости изменения нормативного правового обеспечения организации деятельности ОВД в условиях эпидемии.

Однако, как показал анализ принятых нормативных правовых актов в рассматриваемой сфере, имелись определенные пробелы, связанные с организацией деятельности органов оперативного управления МВД России в период эпидемии, в том числе при проведении карантинных мероприятий на отдельных территориях, которые, к сожалению, не всегда учитывались.

На сегодняшний день стало очевидным, что в целях устранения пробелов создания и функционирования координационных органов и органов оперативного управления и для более качественной организации деятельности органов оперативного управления МВД России в период эпидемии, в том числе при проведении карантинных мероприятий на отдельных территориях, требуется внести изменения в отдельные НПА.

Для этого в нормативном правовом акте МВД России, регламентирующем его деятельность в условиях возникновения ЧС, следует указать, что компетенции Комиссий, создаваемых в рассматриваемых условиях обстановки, определяются положением о них, а также НПА, регламентирующими организацию деятельности органов внутренних дел при возникновении чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций). При этом, по мнению авторов, следует разработать приказ МВД России «Об утверждении Положения о Комиссии функциональной подсистемы охраны общественного порядка Министерства внутренних дел Российской Федерации, типовых положений о комиссиях территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации функциональной подсистемы охраны общественного порядка».

В приказе предлагается определить соподчиненность создаваемых Оперативного штаба МВД России, оперативных штабов, групп управления территориальных органов МВД России, комиссий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности, рабочих групп.

Кроме этого, предлагается усилить контроль и повысить ответственность руководителей территориальных органов МВД России за подготовку органов оперативного управления в период продолжающейся эпидемии, в том числе при проведении карантинных мероприятий на от-

дельных территориях. Данные предложения также требуют законодательного закрепления.

При этом не вызывает сомнения, что взамен «ручному» механизму урегулирования эпидемии должен быть разработан «пакет документов» (нормативных правовых актов), предусматривающих систему и порядок вводимых мер в данных условиях обстановки. Например, режимы самоизоляции, интернирования, отселения из зоны чрезвычайной ситуации и др. Успешное решение этих задач позволит, на наш взгляд, преодолеть определенные пробелы правового обеспечения организации деятельности ОВД в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

В этой связи в целях устранения пробелов в правовом и организационном обеспечении деятельности ОВД в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) основные усилия территориальных органов МВД России необходимо сосредоточить на выработке и реализации комплекса правовых и организационно-практических мер, направленных на повышение качества организации деятельности органов оперативного управления МВД России в рассматриваемый период времени в рамках Единой госу-

дарственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС).

В заключение следует отметить, что одним из недостатков правового режима в условиях эпидемии является не достаточно высокий уровень его научно обоснованного концептуального обеспечения, поэтому не всегда возможно своевременно решать стоящие перед обществом проблемы и эффективно противодействовать возникающим перед государством вызовам.

На эффективность государственного управления в условиях эпидемии негативно влияют и следующие факторы: несовершенство понятийного аппарата; логическая незавершенность материального и процессуального законодательства, применяемого в условиях ЧС; нестабильность законодательства.

Несмотря на некоторые пробелы в праве как особом социальном регуляторе, наиболее выражено проявившиеся в период распространения коронавируса и введения карантина на территории отдельных регионов Российской Федерации, следует отметить, что принятые руководством страны меры и ограничения являлись и продолжают являться обоснованными и соразмерными.

Список литературы:

1. Мелёхин А. В. Чрезвычайное законодательство Российской Федерации: теоретические, правовые и организационные проблемы его реализации: монография. Москва, 2013.
2. Организация деятельности органов внутренних дел в особых условиях: учебник. Москва, 2017. Ч. 1–2.
3. Попова Н. Ф. Специальные административно-правовые режимы: монография. Москва, 2008.
4. Пучков В. А., Авдоткина Ю. С., Авдоткин В. П. Административно-правовые режимы управления природным и техногенным рисками: монография. Москва, 2011.
5. Рушайло В. Б. Административно-правовые режимы. Москва, 2000.

Для цитирования:

Майдыков Анатолий Федорович, Мелёхин Александр Владимирович, Синодов Иван Анатольевич. Об актуальных правовых вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 68–73.

References:

1. Melyohin A. V. Chrezvychajnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: teoreticheskie, pravovye i organizacionnye problemy ego realizacii: monografiya. Moskva, 2013.
2. Organizaciya deyatel'nosti organov vnutrennih del v osobyh usloviyah: uchebnik. Moskva, 2017. Ch. 1–2.
3. Popova N. F. Special'nye administrativno-pravovye rezhimy: monografiya. Moskva, 2008.
4. Puchkov V. A., Avdot'ina Yu. S., Avdot'in V. P. Administrativno-pravovye rezhimy upravleniya prirodnyim i tekhnogenym riskami: monografiya. Moskva, 2011.
5. Rushajlo V. B. Administrativno-pravovye rezhimy. Moskva, 2000.

For citation:

Majdykov Anatolij Fedorovich, Melyohin Aleksandr Vladimirovich, Sinodov Ivan Anatol'evich. On Topical Legal Issues of the Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in the Context of the Spread of a New Coronavirus Infection (COVID-19) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 68–73.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО и уголовный процесс

АЛИНА ЮРЬЕВНА ВОЛКОВА,
адъюнкт адъюнктуры
Нижегородская академия МВД России
Российская Федерация, 603950,
г. Нижний Новгород,
Анкудиновское шоссе, д. 3
E-mail: auvolkovs@mail.ru

ALINA YURIEVNA VOLKOVA,
Adjunct
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Russian Federation, 603950, Nizhny Novgorod,
Ankudinovskoe highway, 3
E-mail: auvolkovs@mail.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

Scientific Specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Penal Enforcement Law.

УДК 343.2

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-74-83

Дата поступления: 6 апреля 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Информированное добровольное согласие физического лица на медицинское вмешательство: биомедицинский и уголовно-правовой аспекты

Informed Voluntary Consent of an Individual for Medical Intervention: Biomedical and Criminal Law Aspects

Аннотация

Актуальность: волеизъявление лица определяет специфику правоотношений, которые инициируются лицом и не всегда должным образом урегулированы нормами действующего законодательства. Комплексный институт информированного добровольного согласия физического лица должен быть рассмотрен в рамках уголовно-правового поля.

Постановка проблемы: зачастую развитию тех или иных сфер общественной жизни характерна деятельность, сопряженная с фактором сознательного риска. В подобном случае лицо добровольно и осознанно соглашается на допущение негативных последствий ввиду причинения вреда своим законным интересам, вследствие этого уголовно-правовая оценка

Abstract

The relevance: the expression of a person's will determines the specifics of legal relations that are initiated by a person and are not always properly regulated by the norms of current legislation. The complex institution of informed voluntary consent of an individual should be considered within the framework of the criminal legal field.

The problem statement: often the development of certain spheres of public life is characterized by activities associated with a conscious risk factor. In such a case, the person voluntarily and consciously agrees to the assumption of negative consequences in view of harming their legitimate interests, as a result, the criminal legal assessment of the informed voluntary consent of the person will allow us to talk about a more effective develop-

информированного добровольного согласия лица позволит говорить о более эффективном развитии биомедицинского законодательства.

Целью исследования является авторское определение уголовно-правового значения информированного добровольного согласия и перспективы его имплементации в уголовный закон.

Методы исследования включают общенаучные (анализ, синтез, экстраполяция, системный) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.).

Результаты и ключевые выводы: в статье анализируется действующее отечественное законодательство в сфере здравоохранения, предусматривающее информированное добровольное согласие физического лица на медицинское вмешательство. Добровольное волеизъявление лица на осуществление желаемой медицинской манипуляции определяет социальную допустимость и полезность такой манипуляции, что не позволяет признать содеянное, повлекшее вред в рамках указанного вмешательства, общественно опасным поведением. Установленная разобщенность федерального законодательства об информированном добровольном согласии лица на медицинское вмешательство как одного из оснований его проведения определяет необходимость разграничения общественно полезного и общественно вредного, согласие лица на претерпевание вреда должно содержаться в уголовном законодательстве Российской Федерации, тем самым подтверждается целесообразность расширения трактовки обозначенного риска.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие; причинение вреда; медицинское вмешательство; уголовное право; пациент; частный интерес; социально полезная деятельность.

ment of biomedical legislation.

The purpose of the study is the author's definition of the criminal-legal meaning of informed voluntary consent and the prospects for its implementation in the criminal law.

The research methods include general scientific (analysis, synthesis, extrapolation, systematic) and special (formal legal, comparative legal, etc.).

The results and key conclusions: the article analyzes the current domestic legislation in the field of healthcare, which provides for the informed voluntary consent of an individual to medical intervention. The voluntary expression of a person's will to carry out the desired medical manipulation determines the social acceptability and usefulness of such manipulation, which does not allow recognizing the deed that caused harm within the framework of the specified intervention as socially dangerous behavior. The established disunity of federal legislation on the informed voluntary consent of a person to medical intervention as one of the grounds for its conduct determines the need to distinguish between socially useful and socially harmful, the consent of a person to undergo harm must be contained in the criminal legislation of the Russian Federation. Thus, the expediency of expanding the interpretation of reasonable risk is confirmed.

Key words: informed voluntary consent; harm; medical intervention; criminal law; patient; private interest; socially useful activity.

Введение

Медицинская сфера применения информированного добровольного согласия (далее — ИДС) физического лица в качестве правового основания осуществления врачебной деятельности очень широка: согласие как основание производства медицинского вмешательства, в том числе и в узких сферах его применения — трансплантация, хирургическое вмешательство эстетического назначения, суррогатное материнство, а также проведение научного эксперимента и клинических исследований и испытаний. Модель получения согласия в рамках осуществле-

ния медицинского вмешательства реализуется согласно отечественному законодательству и сложившейся практике его применения с учетом международного требования, которое базируется на принципах биоэтики. В соответствии с федеральным законодательством, ИДС является необходимым предварительным условием осуществления медицинского вмешательства¹.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ИДС физического лица в рамках осуществления медицинского вмешательства не имеет отношения к обстоятельствам, исключаяющим преступность деяния, предусмотренным гл. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), ввиду того, что пациент дает согласие на конкретное медицинское вмешательство и претерпевание вследствие этого вреда. Получив такое согласие, медицинский работник осуществляет свою деятельность в установленном порядке и согласно регламенту соответствующей процедуры, что ни в коем случае не освобождает его от ответственности в случае наступления не предусмотренных согласием неблагоприятных последствий в ходе медицинского вмешательства. Согласие должно рассматриваться как допущение вреда в рамках риска медицинского вмешательства, его последствий и предполагаемых результатов. Вред, выходящий за рамки согласия, должен быть всесторонне исследован по природе происхождения, генезис причиненного вреда может быть обусловлен различными причинами, возможно, выходящими за рамки ИДС.

Результаты исследования

Специфика ИДС физического лица заключается в законодательном регулировании порядка и формы его дачи: реализация права согласия призвана обеспечивать гарантии защиты жизни и здоровья пациента, а именно, по мнению Е. С. Абдрахмановой, в основе ИДС лежит признание государством ценности личной и физической неприкосновенности человека, автономии человеческой личности [1, с. 425]. Установленный порядок дачи согласия на медицинское вмешательство призван обеспечивать должный уровень информированности пациента о потенциальных рисках, но отсутствие полного законодательного перечня медицинских вмешательств, на которое должно быть предварительно получено согласие пациента, создает сложности в определении правовой природы данного правового института в рамках медицинской деятельности².

Общая характеристика ИДС позволяет отметить важность осуществления права пациента на медицинское вмешательство, которое

должно реализовываться в условиях полной информированности о сути производимого вмешательства и его потенциальных последствиях. Это способствует достижению единства в охране частных и публичных интересов посредством обеспечения гарантий всем участникам рассматриваемого правоотношения: согласие будет трактоваться как некая мера защиты медицинских работников при осуществлении ими профессиональной деятельности, а лицу предоставляется свобода при распоряжении своей личной и физической неприкосновенностью. Благодаря законодательному закреплению ИДС *выступает в качестве основополагающего принципа осуществления медицинского вмешательства*, что позволяет реализовывать уважительное и гуманное отношение к пациенту с учетом его самостоятельного осознанного выбора.

ИДС физического лица не раз становилось объектом исследования, причем в совершенно разных областях осуществления медицинского вмешательства, но модель заблаговременно полученного согласия определяет принципиальное значение волеизъявления при оказании медицинской услуги. Таким образом, согласие является *условием правомерности* вмешательства, но его отсутствие в некоторых ситуациях не влечет уголовно-правовых последствий. При производстве серьезных медицинских манипуляций, связанных с потенциальным причинением вреда пациенту, его ИДС выступает наравне с медицинскими показаниями в качестве обоснования их производства. Это подтверждается материалами судебной практики по уголовным и гражданским делам, где процедура получения ИДС могла бы предотвратить тяжкие последствия производства медицинского вмешательства.

Согласно приговору Люберецкого городского суда от 26 мая 2020 г. по уголовному делу № 1-363/2020 лечащим врачом-стоматологом была оказана услуга, не отвечающая требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, повлекшая по неосторожности смерть пациента. Врач-стоматолог не получил ИДС пациента на производство медицинского вмешательства, не осуществил обязательный сбор аллергического анамнеза с акцентом на возможную в прошлом реакцию на анестетики при стоматологической помощи и на планируемые для введения лекарственные препараты, что повлекло допущение дефекта оказания медицинской помощи — введен препарат «Лидокаин», обусловивший отравление пациента по причине интоксикации лекарственным препаратом³. Если бы пациент был предупрежден и в полной мере проинформирован о возможных ри-

² На настоящий момент отсутствует законодательно определенный исчерпывающий перечень медицинских вмешательств, в отношении которых обязательно правило ИДС. Однако имеется ряд подзаконных нормативных правовых актов, которые регулируют отдельные сферы дачи информированного добровольного согласия, например: приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1177н «Об утверждении порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства в отношении определенных видов медицинских вмешательств, форм информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и форм отказа от медицинского вмешательства» устанавливает правило дачи ИДС пациента при выборе врача и медицинской организации.

³ Приговор Люберецкого городского суда от 26 мая 2020 г. по делу № 1-363/2020 в отношении В. П. Лугового.

сках с учетом индивидуальных особенностей, то это могло бы предотвратить наступление общественно опасных последствий.

Следовательно, ИДС физического лица надлежит рассматривать в качестве уголовно значимого обстоятельства. Оно выступает в качестве подтверждения социально полезной направленности поведения причинителя вреда, если охватывает возможные вредные последствия. В случаях же наступления не охваченного ИДС вреда – общественно опасных последствий – возникает обстоятельство, инициирующее экспертную оценку медицинской деятельности, сбор доказательств ненадлежащего оказания медицинской помощи, что приведет к привлечению медицинского работника к соответствующему виду юридической ответственности [4, с. 34].

Модель испрошенного согласия направлена на предотвращение последствий производства медицинских манипуляций посредством информированности лица о результате их производства. Информированность лица о предполагаемом результате причинения вреда (медицинского вмешательства) представляет собой многокомпонентный критерий правомерности волеизъявления лица при нарушении его личной и физической неприкосновенности. Объективные сведения о характере вмешательства и его возможных последствиях, риски, сопряженные с производством медицинских манипуляций, учет личных особенностей «потерпевшего» – все это в совокупности позволяет дать оценку значению ИДС для возникновения уголовно-правовых отношений. В рамках медицинской сферы оно не только играет превентивную функцию, но и способствует формированию объективной оценки поведения причинителя вреда.

Одной из распространенных медицинских сфер применения ИДС на причинение вреда своему здоровью является область трансплантологии и донорства. Модель *согласия на трансплантацию* подразумевает возможность выступать в качестве донора как при жизни, так и посмертно, что говорит о продолжительном действии его ИДС. Проблема отечественного трансплантологического законодательства заключается в неоднозначном регулировании вопросов, касающихся волеизъявления гражданина о согласии или несогласии выступать в качестве донора органов/тканей, а также рисков, сопряженных с медицинским вмешательством, связанным с изъятием и пересадкой органов/тканей. Законодательное регулирование вопросов трансплантации не отличается динамичностью и, по многочисленным оценкам ученых и практикующих врачей, не способно удовлетворить запросы, исходя из современных тех-

нологических и морально-этических составляющих медицинских вмешательств подобного рода [3, с. 301; 7, с. 108; 5, с. 14]. Неоднозначные ситуации, которые возникают из-за недостаточного уровня правового регулирования вопросов волеизъявления пациента или его родственников, порождают судебные споры⁴, отдельно отмечается, что в практической деятельности обнаружено отсутствие правового механизма осуществления гражданами права на отказ от изъятия у них или их родственников органов для трансплантации.

На основании действующего отечественного законодательства согласие на производство трансплантации и участие в качестве донора рассматривается в двух ипостасях: *граница причинения вреда и условие правомерности медицинского вмешательства* с целью трансплантации органов или тканей человека. Согласно ст. 13 Закона Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» у живого донора может быть изъят только парный орган, часть органа или ткань, что не должно повлечь необратимого расстройства здоровья⁵. Утрата органа донором при трансплантации по всем признакам может быть квалифицирована как причинение тяжкого вреда здоровью, но согласие лица является основанием ненаказуемости данного деяния, показывает его социально полезную правовую природу. Также А. А. Рерих отмечает прикладное значение согласия в рамках медицинской деятельности: согласие на вмешательство, согласие на подтверждение опасности и согласие на взимание данных [10, с. 147]. При аккумуляровании перечисленных правопониманий согласия лица на производство трансплантации большее внимание должно уделять-

⁴ Широкий общественный резонанс приобретают судебные споры между родственниками и медицинскими организациями по факту посмертного изъятия органов, о котором родственники узнают из актов исследования трупа. Это расценивается как неуважение к частной и семейной жизни истцов, нарушение их религиозных прав, а также права собственности на органы. Подробнее см.: Определение Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2016 г. № 224-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Бирюковой Татьяны Михайловны, Саблиной Елены Владимировны и Саблиной Нэллы Степановны на нарушение их конституционных прав статьей 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»; апелляционное определение Московского городского суда от 4 июня 2019 г. по делу № 33-23636 об отказе исковых требований Мардарь С., Мардарь О., Мардарь Ю. А. к ГБУЗ г. Москвы «Городская клиническая больница им. В. П. Демидова» ДЗМ, ГБУЗ г. Москвы «Городская клиническая больница им. С. П. Боткина» ДЗМ, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В. И. Шумакова» Министерства здравоохранения Российской Федерации // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/ts/kuzminskij/services/cases/civil/details/372677dd-4658-4407-8cd0-294cbbaf2e04?caseNum=02-0835/2019> (дата обращения: 20.12.2020).

⁵ О трансплантации органов и (или) тканей человека [Электронный ресурс]: Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ся модели волеизъявления лица, выступающего в качестве донора.

В рамках отечественного законодательства, регулирующего вопросы трансплантации, действует *презумпция согласия лица* на производство трансплантации: совершеннолетнее и дееспособное лицо выступает в качестве посмертного донора без выражения на то своего согласия. Таким образом, отсутствие согласия для изъятия органов/тканей у посмертного донора не является препятствием для его осуществления.

В отношении законодательства о трансплантации органов/тканей человека неоднократно предпринимались попытки его реформирования, но ни одна из них не увенчалась успехом. Последний проект федерального закона «О донорстве органов человека и их трансплантации» (по состоянию на 5 июня 2020 г. не внесен в Государственную Думу Российской Федерации), который должен заменить Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека», вызвал волну неоднозначных оценок как со стороны общественности, так и со стороны представителей медицинского сообщества⁶. В указанном проекте подробно описано значение согласия в рамках прижизненного и посмертного донорства, а также согласия реципиента на производство трансплантации. Но модель согласия осталась прежней, что порождает вопрос о том, какую модель стоит разрабатывать в рамках отечественных реалий: презумпция согласия или модель прижизненного согласия? Положительной стороной данного законопроекта можно назвать идею регистра согласия на трансплантацию — регистр прижизненных волеизъявлений граждан, что позволит устранить спорность положения презумпции согласия на изъятие органов или тканей. В большинстве европейских государств и в Соединенных Штатах Америки подобные регистры действуют уже давно, что позволяет более эффективно развивать сферу трансплантологии.

Апробация международного положительно опыта в российском правовом регулировании не только позволит достичь достаточного уровня решения вопросов трансплантологии, но и снизить уровень судебных споров. В рамках просветительской работы должны быть разрешены этические проблемы — спасение или продление жизни больного человека за счет причинения вреда другому человеку [8, с. 14].

Добровольное прижизненное согласие донора является условием правомерности и нрав-

ственной приемлемости эксплантации [6, с. 10]. При совершенствовании законодательства в сфере донорства и трансплантологии будут исключены проблемы квалификации действий медицинских работников по изъятию органов, их частей или тканей у пациентов как преступного деяния. Действующее уголовное законодательство признает преступными ряд деяний, сопряженных с осуществлением донорства органов/тканей и их трансплантацией, где волеизъявление лица играет важную роль — не допускается принуждение к изъятию, умышленное причинение вреда здоровью или лишение жизни с целью использования органов/тканей потерпевшего. Ввиду этого согласие донора как правовое основание производства трансплантации следует признать основанием ненаказуемости действий медицинских работников, преследующих социально полезную цель.

Проведение *медицинских исследований и экспериментов* также основывается на принципе ИДС физического лица на участие в проведении подобного рода научных мероприятий. Роль добровольного волеизъявления лица и его этическая оценка в рамках научного эксперимента становится неоднозначной. Участие в исследованиях, хотя и сопряжено с определенными рисками, тем не менее оно представляет возможность получения испытуемым определенных благ: современные методы диагностики и лечения, доступ к дорогостоящим лекарственным препаратам и т. п. [12, с. 21]. Участие лица в проведении научного исследования при его успешности способствует не только достижению общей социально полезной цели, но и индивидуальной выгоды для человека, изъявившего согласие на участие в медицинском исследовании в качестве субъекта.

Помимо медицинских исследований и экспериментов, согласно ст. 36.1 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» на практике реализуется оказание медицинской помощи, предоставляемой в рамках клинической апробации, которая представляет собой практическое применение разработанных и ранее не применявшихся методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи для подтверждения доказательств их эффективности⁷. Допустимость подобной формы оказания ме-

⁶ Опрос: посмертное донорство органов «по умолчанию» большинство россиян считает неправильным. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Oпрос-posmertnoe-donorstvo-organov-po-umolchaniu-bolshinstvo-rossiyan-schitaet-nepravilnym.html> (дата обращения: 20.12.2020).

⁷ Об утверждении Положения об организации клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации и оказания медицинской помощи в рамках клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации (в том числе порядка направления пациентов для оказания такой медицинской помощи), типовой формы протокола клинической апробации методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 10 июля 2015 г. № 433н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дицинской помощи должна базироваться на заключении Этического комитета Министерства здравоохранения Российской Федерации об этической обоснованности или необоснованности возможности применения подобных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации⁸. В положении о работе указанного комитета приводятся лишь основные критерии, влияющие на рассмотрение протоколов клинической апробации, что не в полной мере отражает морально-нравственную обоснованность медицинского вмешательства подобного типа.

Согласно терминологии Всемирной организации здравоохранения «научные исследования в целях здравоохранения» являются непременным условием решения приоритетных многообразных проблем общественного здравоохранения, будь то борьба с болезнями нищеты, реагирование на глобальный эпидемиологический переход к хроническим заболеваниям, обеспечение доступа женщин к безопасному родовспоможению или обеспечение готовности к глобальным угрозам для безопасности здравоохранения⁹. Подобное определение биомедицинских исследований актуализирует проведение научных экспериментов и иных изысканий с участием человека ввиду противодействия многочисленным угрозам современного мира.

Признанное международным сообществом право человека на свободу исследований находит выражение в обязанности лица выразить свое ИДС на участие в качестве объекта научного поиска¹⁰. Указанные международные требования имплементированы в отечественные правовые реалии при помощи обязательного правила получения согласия для участия в медицинских экспериментах, клинических

и не клинических испытаниях. При этом процедура дачи ИДС лица, выступающего в качестве объекта, должна быть совершена до включения его в исследование¹¹.

Отдельными нормами законодательства регулируется форма участия лица в качестве объекта исследования в узкоспециализированных медицинских исследованиях, тем самым обеспечивается гарантия конституционного права на охрану здоровья при проведении клинических (биомедицинских) исследований. Например, ст. 43 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» регламентируются права пациентов, принимающих участие в клиническом исследовании лекарственного препарата для медицинского применения, где обязательным условием участия в исследованиях подобного рода является ИДС лица¹².

Важно отметить тот факт, что с развитием медицины и технологий меняется ценностная картина мира. По мнению ряда авторов, происходит трансформация прав человека, что находит отражение в развитии биомедицинского права [11]. Научные исследования с участием человека поражают своим многообразием. В рамках Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года использование передовых технологий медицинской науки и внедрение на их основе инновационных продуктов обеспечивает сохранение и улучшение здоровья населения, при этом развитие медицинской науки и инноваций в сфере здравоохранения рассматривается в совершенно новых областях научных знаний, в которых потенциально фигурирует человек в качестве объекта проведения клинических и неклинических исследований: клеточные и нейрокогнитивные технологии, геномные и протеомные исследования и др.¹³ Привлечение человека к подобного рода высокотехнологичным исследованиям представляет собой риск ввиду их малоизученности влияния на человеческий организм.

Угроза причинения вреда жизни и здоровью человека в ходе научных экспериментов и клинических испытаний предусмотре-

⁸ Об Этическом комитете Министерства здравоохранения Российской Федерации (вместе с Положением об Этическом комитете Министерства здравоохранения Российской Федерации, Порядком вынесения Этическим комитетом Министерства здравоохранения Российской Федерации заключения об этической обоснованности либо об этической необоснованности возможности применения методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи в рамках клинической апробации [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 10 июля 2015 г. № 435н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Доклад секретариата Всемирной организации здравоохранения в рамках 62-ой сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения от 25 марта 2010 г. № A63/22. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/4862/A63_22-ru.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁰ Этические принципы медицинских исследований с участием людей: Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации, принята на 18-ой Генеральной Ассамблее ВМА, Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г. URL: <https://jamanetwork.com/journals/jama/fullarticle/1760318> (дата обращения: 29.12.2020); Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины [Электронный ресурс]: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164). (Заключена 4 апреля 1997 г. в г. Овьедо). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ ГОСТ Р 52379-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Надлежащая клиническая практика [Электронный ресурс]: утвержден приказом Ростехрегулирования от 2 мая 2005 г. № 232-ст: введен в действие с 1 апреля 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Об утверждении Стратегии развития медицинской науки в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2580-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», где говорится о том, что органы государственной власти в Российской Федерации признают право на обоснованный риск в рамках научной и (или) научно-технической деятельности¹⁴. Но важна граница социальной допустимости вмешательства в нормальное функционирование человеческого организма в научно-исследовательских целях — цель эксперимента или исследования должна достигаться посредством допустимых и обоснованных действий. Совокупное развитие медицины и права позволит достичь решения приоритетных задач, стоящих перед медицинской наукой, на благо человечества, тем самым положение о факторе сознательного риска должно быть применимо ко всей сфере здравоохранения ввиду ее социальной полезности. Так, проект федерального закона № 365581-3 «О внесении дополнений в УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за проведение медицинских экспериментов (опытов) на людях без их добровольного согласия» базировался на случаях неправомерного проведения научных исследований в рамках медицинского вмешательства без ИДС пациента. Введение в уголовный закон ответственности за подобное деяние позволило бы ограничить производство исследований с участием человека — должен производиться только тот объем исследований, на который дано ИДС. Данный проект не был реализован. В настоящее время, отталкиваясь от действующего уголовного и биомедицинского законодательства, медицинский или иной научный эксперимент с участием человека должен проводиться с учетом условий правомерности, установленных для обоснованного риска как обстоятельства, исключая преступность деяния.

Динамичное развитие науки и техники влияет на сложность правоотношений, складывающихся в области медицины — пограничные ситуации должны рассматриваться с учетом совокупности знаний юриспруденции и медицины. Это обеспечит соблюдение основополагающих прав человека и гражданина. Прогресс в области медицинских и биологических наук, успехи в биомедицинских исследованиях способствуют сохранению жизни и улучшению качества жизни человека¹⁵. Объединенные усилия

медицинского и правового сообщества позволят достичь более эффективного решения вопросов обеспечения жизни и здоровья людей, исходя из современных угроз человеку, обществу и государству в динамично развивающемся современном мире.

В рамках производства *реконструктивных и (или) эстетических пластических операций с применением хирургических (в том числе микрохирургических) методов в соответствии с клиническими рекомендациями ИДС* также играет роль подтверждения допустимости и обоснованности производимой процедуры¹⁶. В большинстве своем пластические операции производятся на возмездной основе, что обуславливает правовую регламентацию указанных процедур гражданским законодательством. Согласие на производство медицинского вмешательства занимает должное место в системе юридических фактов — юридическое основание сделки между медицинской организацией и клиентом (пациентом), что формирует определенный подход к возможному причинению вреда в рамках хирургического вмешательства эстетического назначения.

Наиболее сложным вопросом реализации согласия лица на причинение вреда своим правам и интересам является посягательство на неотъемлемое право человека — *право на жизнь*. Право на жизнь, относящееся к числу общепризнанных основных неотчуждаемых прав человека и гражданина, выступает в качестве основы человеческого существования. Российская Федерация как правовое и социальное государство возложило на себя обязанность по защите жизни и здоровья граждан, что корреспондирует с правом каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, предусмотренным ч. 1 ст. 41 Конституции Российской Федерации. Оценку эвтаназии в отечественных реалиях здравоохранения стоит давать исходя из ее юридической, медицинской и этической характеристик.

Согласно Основам социальной концепции Русской православной церкви, эвтаназия является формой убийства или самоубийства в зависимости от субъекта ее осуществления — самим пациентом или врачом¹⁷. Совершение самоубийства или помощь в нем по каноническим правилам признается тяжким грехом. Причинение врачом или медицинским работником смерти человеку с его согласия или по его

¹⁴ О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине в области биомедицинских исследований (Страсбург, 25 января 2005 г.). URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/55c1d3cc4.html> (дата обращения: 21.12.2020).

¹⁶ Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «пластическая хирургия» [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 31 мая 2018 г. № 298н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ Основы социальной концепции Русской православной церкви [Электронный ресурс]: утверждены на Архиерейском соборе 2000 г. // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 29.12.2020).

просьбе расценивается как преднамеренное умерщвление.

Действующим отечественным законодательством предусмотрен запрет на производство эвтаназии. Это положение предусмотрено ст. 45 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая не допускает ускорения по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, а также посредством прекращения искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента¹⁸. Также запрет на производство эвтаназии в России содержится в клятве врача, текст которой закреплен в ст. 71 указанного закона, где каждый врач клятвенно обещает: «...проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии». Противоречивым является положение ст. 20 названного Федерального закона об отказе лица от медицинского вмешательства, об отказе от лечения, что можно интерпретировать как пассивную эвтаназию – прекращение осуществления лечебных мероприятий и иных медицинских манипуляций по поддержанию и продлению жизни пациента.

Отказ от медицинского вмешательства коррелирует с правами пациента, перечень которых приведен в ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», где также содержится право на отказ от медицинского вмешательства и право на облегчение боли, в том числе наркотическими и психотропными препаратами. Таким образом, общее правило о запрете производства эвтаназии идет вразрез с положением о добровольном отказе лица от лечения и паллиативной помощи в целом. Среди ученых также нет единого понимания подобной «автономии личности» [2, с. 139; 10, с. 103; 9, с. 194], что также создает сложность трактовки действующего законодательства о значении волеизъявления лица при решении вопроса о жизни и смерти.

По вопросу реализации эвтаназии в отечественных реалиях мы согласны с мнением главы Федерального медико-биологического агентства России В. И. Сковрцовой о том, что население должно решить, готово ли общество пойти на это. Также В. И. Сковрцовой предлагается решение проблемы легализации эвтаназии путем проведения референдума, поскольку поликонфессиональность населения

формирует отличающиеся друг от друга взгляды на добровольный уход из жизни¹⁹.

В 2019 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения было проведено исследование по вопросам эвтаназии, которое показало: только 51 % населения нашей страны знает, что такое эвтаназия. Респонденты молодого возраста относятся к эвтаназии более спокойно, чем представители старшего поколения, особенно в части применения пассивной эвтаназии²⁰. Подобное приемлемое отношение к реализации эвтаназии объясняется более мягкими представлениями общественной морали и ценности свободы воли каждого человека.

Отсутствие единого правопонимания эвтаназии и процедуры ее производства не препятствуют ее осуществлению в «бытовых» целях. О вынужденном уходе из жизни неизлечимо больных людей с помощью иных лиц свидетельствуют многочисленные публикации в средствах массовой информации и судебная практика²¹. Безусловно, применение эвтаназии открывает широкий простор возможностей для врачебных злоупотреблений при реализации отчаяния неизлечимо больных людей. Возможно ли такое отчаяние уместить в рамки правового регулирования? При этом подобная ситуация с «бытовой» эвтаназией является хотя и добровольным выбором лица, но все же вынужденной мерой. Перечисленные примеры свидетельствуют о благих намерениях лиц, причинивших смерть безнадежно больным людям. Однако и благое намерение может созреть (получить подкрепление) на материальной или нематериальной выгоде причинителя вреда...

Ныне привлечение лица за осуществление активной эвтаназии не образует единый подход в рамках правоприменительной практики. Содеянное, как правило, подлежит квалификации по ст. 105 УК РФ. Медицинские работники чаще привлекаются к уголовной ответст-

¹⁹ Вопрос об эвтаназии в России должно решать население. URL: <https://ria.ru/20191028/1560287122.html> (дата обращения: 11.02.2021).

²⁰ Эвтаназия: за и против: аналитический обзор Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/evtanaziya-za-i-protiv> (дата обращения: 20.11.2020).

²¹ См.: Ростовский суд отказался признать убийство из сострадания. URL: https://vsluh.ru/novosti/proisshestviya/rostovskiy-sud-otkazalsya-priznat-ubiystvo-iz-sostradaniya_39973/ (дата обращения: 20.01.2021); В Подмоскowie полицейский, задушивший из «сострадания» свою мать, осужден условно. URL: <https://pravo.ru/news/view/73994/> (дата обращения: 20.01.2021); За эвтаназию раковой больной назначен приговор в 3,5 года строгого режима. URL: <https://pravo.ru/news/view/47162/> (дата обращения: 20.01.2021); Преподаватель московского вуза, убивший больную мать, получил 9 лет. URL: <https://ria.ru/20120712/697774748.html> (дата обращения: 20.01.2021); приговор Курганского областного суда от 2 сентября 2011 г. по делу № 2-52/2011 // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uf9YS8E1biN1/> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁸ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

венности по специальным статьям, содержащим положения о неоказании помощи больному или об оставлении в опасности.

Нельзя не согласиться с М. М. Антоненко, которая считает, что легализация эвтаназии не может быть допустима до тех пор, пока обществом не будут достигнуты показатели развития, необходимые для того, чтобы уровень здравоохранения и вопросы материального обеспечения в рамках оказания медицинской помощи были полностью исключены из списка возможных причин ее применения [2, с. 139]. Нельзя сказать, что перспектива легализации эвтаназии не ясна в отечественных реалиях, но решение данной проблемы должно происходить путем совместного совершенствования норм морали и права, которые должны соответствовать современной ценностной картине мира. Ведь даже существование пассивной эвтаназии свидетельствует о реализации такого категорического проявления частного интереса лица как волеизъявление на причинение смерти.

Многие законодательные инициативы по регулированию сферы здравоохранения и медицинской науки не были претворены в жизнь. Проекты нормативных правовых актов, возможно, опережали потребность регламентации отдельных аспектов производства медицинского вмешательства. Но общие положения, содержащиеся в проекте федерального закона «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения», были бы применимы к современной конструкции волеизъявления человека на осуществление в отношении него конкретной медицинской манипуляции²². Также разделяем мнения авторов указанного законопроекта о том, что его принятие обусловлено социальной потребностью включения нравственного фактора в решение вопросов здравоохранения в России²³.

Заключение

Модель согласия пациента при медицинском вмешательстве должна представлять собой не формализованную процедуру по заполнению бланка ИДС, а обширную процедуру

по раскрытию всех особенностей предполагаемых медицинских манипуляций, что показывает *нравственно-этическую основу такого вмешательства*. ИДС с правовой точки зрения представляет собой диспозитивное начало, является свободным волеизъявлением физического лица, одобрением конкретной медицинской манипуляции (медицинских манипуляций).

Медицинская сфера реализации согласия физического лица на причинение вреда своим правам и законным интересам обширна и многообразна. Уголовно-правовое значение ИДС зависит от его социальной допустимости и полезности. Установленная разобщенность федерального законодательства свидетельствует о том, что *единое начало разграничения общественно полезного и общественно вредного должно содержаться в уголовном законодательстве Российской Федерации*. Это будет способствовать тому, что в пограничных ситуациях, когда диспозитивные нормы отдельных нормативных правовых актов не позволят поставить точку в разрешении спора о правомерности/неправомерности вредоносного деяния в медицинской сфере, ключевую роль в принятии правоприменителем решения выполнит УК РФ.

Таким образом, целесообразно ст. 41 УК РФ дополнить частью 21 следующего содержания: *«Риск признается обоснованным, если для достижения названной цели вред причинен лицу при его информированном добровольном согласии в пределах допустимой профессиональной деятельности»*.

Критерий социальной полезности и допустимости обществом и государством отдельных видов деятельности лежит в основе ненаказуемости вреда, причиненного при осуществлении отдельных видов профессиональной деятельности, сопряженных с сознательным риском. Такой критерий характеризуется поощрением профессиональной деятельности со стороны общества и государства и наличием мер государственной поддержки, направленных на развитие определенной сферы и привлечение к участию в данной деятельности большего количества людей.

С учетом указанного критерия *допустимую профессиональную деятельность* целесообразно определить в присоединенном к ст. 41 УК РФ примечании следующего содержания:

«Примечание. Под допустимой профессиональной деятельностью в части 21 настоящей статьи понимается последовательность регламентированных законодательством действий, которая направлена на решение стоящих перед обществом и государством задач, где получение результата связано с угрозой лишения жизни или причинения вреда здоровью человека».

²² Проект федерального закона от 20 июня 1997 г. № 97802181-2 «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» содержал правовые основы биоэтики отдельных сфер медицинской деятельности: государственной политики в области здоровья и здравоохранения, биоэтики научных исследований, в области трансплантации органов и тканей и др. В каждом разделе основополагающей идеей правовой основы биоэтики является согласие лица на вмешательство в сферу его личного здоровья.

²³ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 97802181-2 «О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения» [Электронный ресурс]. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

Список литературы:

1. Абдрахманова Е. С. Право на информированное добровольное согласие гражданина // Восток – Запад: сборник научных трудов научно-практической конференции по офтальмохирургии с международным участием / под ред. М. М. Бикбова. Уфа, 2013.
2. Антоненко М. М. Эвтаназия как разновидность убийства в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2018.
3. Безрукова О. В., Живодрова Н. А. Правовое регулирование трансплантации органов и (или) тканей человека // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». 2014. Т. 2.
4. Бударин Г. Ю., Эртель Л. А. Реализация права граждан на информированное добровольное согласие в рамках действующего законодательства РФ // Медицинское право. 2013. № 4.
5. Готье С. В., Хомяков С. М. Проблемы применения отдельных правовых норм в трансплантологической практике и пути их решения // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2016. № 3. Т. 18.
6. Капитонова Е. А., Романовская О. В., Романовский Г. Б. Правовое регулирование трансплантологии: монография. Москва, 2016.
7. Козьякова Н. С. Правовое регулирование трансплантации органного донорства в России и зарубежных странах (компаративный анализ) // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2017. № 3.
8. Кудашов А. Н. Уголовно-правовые проблемы трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2009.
9. Летов О. В. Этические проблемы эвтаназии // Размышления, сообщения, комментарии. 2007. № 4.
10. Рерихт А. А. Теоретические основы медицинского права. Проблемы формирования и развития: монография. Москва, 2011.
11. Романовский Г. Б., Тарусина Н. Н., Мохов А. А. [и др.]. Биомедицинское право в России и за рубежом: монография. Москва, 2015.
12. Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Проблемы биоэтики в СМИ. Москва, 2006.

Для цитирования:

Волкова Алина Юрьевна. Информированное добровольное согласие физического лица на медицинское вмешательство: биомедицинский и уголовно-правовой аспекты // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 74–83.

References:

1. Abdrahmanova E. S. Pravo na informirovannoe dobrovol'noe soglasie grazhdanina // Vostok – Zapad: sbornik nauchnyh trudov nauchno-prakticheskoy konferencii po oftal'mohirurgii s mezhdunarodnym uchastiem / pod red. M. M. Bikbova. Ufa, 2013.
2. Antonenko M. M. Evtanaziya kak raznovidnost' ubijstva v ugovnom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2018.
3. Bezrukova O. V., Zhivodrova N. A. Pravovoe regulirovanie transplantacii organov i (ili) tkanej cheloveka // Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma «Nadezhnost' i kachestvo». 2014. T. 2.
4. Budarin G. Yu., Ertel' L. A. Realizaciya prava grazhdan na informirovannoe dobrovol'noe soglasie v ramkah dejstvuyushchego zakonodatel'stva RF // Medicinskoe pravo. 2013. № 4.
5. Got'e S. V., Homyakov S. M. Problemy primeneniya otdel'nyh pravovyh norm v transplantologicheskoy praktike i puti ih resheniya // Vestnik transplantologii i iskusstvennyh organov. 2016. № 3. T. 18.
6. Kapitonova E. A., Romanovskaya O. V., Romanovskij G. B. Pravovoe regulirovanie transplantologii: monografiya. Moskva, 2016.
7. Koz'yakova N. S. Pravovoe regulirovanie transplantacii organnogo donorstva v Rossii i zarubezhnyh stranah (komparativnyj analiz) // Vestnik MGOU. Seriya: Yurisprudenciya. 2017. № 3.
8. Kudashov A. N. Ugolovno-pravovye problemy transplantacii organov i tkanej cheloveka v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Stavropol', 2009.
9. Letov O. V. Eticheskie problemy evtanazii // Razmyshleniya, soobshcheniya, kommentarii. 2007. № 4.
10. Rerihht A. A. Teoreticheskie osnovy medicinskogo prava. Problemy formirovaniya i razvitiya: monografiya. Moskva, 2011.
11. Romanovskij G. B., Tarusina N. N., Mohov A. A. [i dr.]. Biomedicinskoe pravo v Rossii i za rubezhom: monografiya. Moskva, 2015.
12. Tishchenko P. D., Yudin B. G. Problemy bioetiki v SMI. Moskva, 2006.

For citation:

Volkova Alina Yurievna. Informed Voluntary Consent of an Individual for Medical Intervention: Biomedical and Criminal Law Aspects // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 74–83.

ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА СИЗОВА,
ведущий научный сотрудник научно-
исследовательского центра,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: svnn@inbox.ru

VICTORIA NIKOLAEVNA SIZOVA,
Leading Researcher of the Research Center,
Candidate of Law
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: svnn@inbox.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

Scientific Specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Penal Enforcement Law.

ORCID 0000-0002-0996-4389

УДК 343.271

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-84-89

Дата поступления статьи: 15 июня 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Прогнозные тенденции системы наказаний для юридических лиц

Forecast Trends of the System of Punishments for Legal Entities

Аннотация

Актуальность: вопрос, связанный с привлечением к уголовной ответственности юридических лиц, не является новым, что, однако, не исключает его дискуссионности. Следует отметить, что на сегодняшний день во многих экономически развитых странах институт уголовной ответственности юридических лиц нашел закрепление в уголовно-правовой доктрине ответственности юридических лиц, чего нельзя сказать об уголовном законодательстве современной России. Вместе с тем дискуссии о возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц продолжают в юридической литературе с указанием на их безнаказанность при совершении преступлений, характеризующихся высокой общественной опасностью. Общеизвестно, что российское законодательство предусматривает возможность их привлечения к административной и гражданской ответственности, но не регламентирует возможность применения такого эффективного ее вида, как уголовная ответственность, невзирая на то, что оценка ущерба, причиняемого в результате совершения юридическими лицами преступлений, например, в сфере экологии, дает возможность

Abstract

The relevance: the issue of bringing legal entities to criminal responsibility is not new, which, however, does not exclude its discussion. To date, in many economically developed countries, this problem has been consolidated in the criminal law doctrine of the responsibility of legal entities, which cannot be said about the criminal legislation of modern Russia. At the same time, discussions about the possibility of bringing legal entities to criminal responsibility continue in the legal literature, pointing to their impunity in the commission of crimes characterized by high public danger. It is well known that Russian legislation provides for the possibility of bringing these persons to administrative and civil liability, but does not regulate the possibility of applying such an effective type of criminal liability, despite the fact that the assessment of damage caused as a result of crimes committed by legal entities, for example, in the field of ecology, makes it possible to formulate a conclusion about the inadequacy of penalties imposed in accordance with administrative and civil legislation. The above indicates the relevance of issues related to the feasibility of strengthening the responsibility of legal entities and the development of an appropriate system of penalties for them.

сформулировать вывод о неадекватности налагаемых в соответствии с административным и гражданским законодательством штрафных санкций. Изложенное свидетельствует об актуальности вопросов, связанных с целесообразностью установления уголовной ответственности юридических лиц и разработки соответствующей системы наказаний для них.

Постановка проблемы: наиболее дискуссионным вопросом по поводу необходимости включения института уголовной ответственности юридических лиц в систему современного российского законодательства является важность соблюдения принципа личной виновной уголовной ответственности. Принимая во внимание два обстоятельства, связанные, во-первых, с тем, что организованные преступные группы на сегодняшний день при реализации своих противоправных целей все чаще используют те или иные формы юридического лица; во-вторых, с тем, что наносимый преступлениями, совершаемыми юридическими лицами, ущерб исчисляется десятками, сотнями миллиардов рублей, становится вполне закономерным вывод о том, что применяемые к юридическим лицам санкции по своему характеру и содержанию явно несоразмерны причиняемому вреду. В этой связи в настоящей статье автором в порядке научного прогнозирования предпринята попытка установить возможные особенности системы наказаний, которые могли бы применяться к юридическим лицам в случае совершения ими преступных деяний.

Цель исследования состоит в развитии научного понимания системы возможных наказаний для юридических лиц в случае включения соответствующего уголовно-правового института в действующее российское уголовное законодательство.

Методы исследования: диалектика, анализ, системно-структурный; сравнительно-правовой.

Результаты и ключевые выводы: установлены специфические особенности, присущие системе наказаний для юридических лиц в зарубежных странах; разработаны конкретные виды наказаний, которые могли бы применяться в отношении юридических лиц, совершивших преступные деяния.

Ключевые слова: система наказаний; действующее российское уголовное законодательство; уголовно-правовая политика; прогнозные тенденции; зарубежный опыт.

The problem statement: the most controversial issue in the debate on the need to include the institution of criminal liability of legal entities in the system of modern Russian criminal legislation is the importance of observing the principle of personal criminal responsibility. At the same time, taking into account two circumstances related, first, to the fact that organized criminal groups today are increasingly using certain forms of legal entities in the implementation of their criminal goals; secondly, the fact that the damage caused by crimes committed by legal entities increases more and more from year to year, it becomes quite natural to conclude that the sanctions applied to legal entities are clearly disproportionate in their nature and content to the harm caused. In this regard, in this article, the author, in the order of scientific forecasting, attempts to establish possible features of the system of penalties that could be applied to legal entities in the event of their committing criminal acts.

The purpose of the study is to develop a scientific understanding of the system of possible penalties for legal entities in the case of the inclusion of the relevant criminal law institution in the current Russian criminal legislation.

The research methods: dialectics, analysis, system-structural; comparative-legal.

The results and key conclusions: the specific features inherent in the system of punishments for legal entities have been identified; specific types of punishments that could be applied to legal entities that have committed criminal acts have been developed.

Key words: the system of punishments; the current Russian criminal legislation; criminal law policy; forecast trends; foreign experience.

Как уже отмечалось ранее, проблема привлечения к уголовной ответственности юридических лиц отнюдь не нова и напрямую

связана с такими актуальными вопросами, как обоснованность включения в систему российского уголовного законодательства категории

уголовного проступка [6; 14; 16], проблемы противодействия цифровой преступности [3; 7; 9] и многие другие.

Приступая к исследованию обозначенного вопроса, автор прежде всего обращается к зарубежному опыту установления уголовной ответственности с соответствующей системой наказаний для юридических лиц, отмечая, что на сегодняшний день уже более чем в 70 странах имеет место данный вид ответственности. При этом в большинстве случаев речь идет о двух системах санкций — для физических и для юридических лиц, что в значительной степени обусловлено спецификой субъектов, в отношении которых применяются санкции [2].

Учитывая важность и значимость сравнительного исследования, автор отмечает, что изучаемый институт уголовной ответственности юридических лиц предусмотрен, например, французским уголовным законодательством, специфической чертой которого выступает наделение компетентных должностных лиц возможностью привлекать к ответственности при совершении корпорациями преступных деяний в сфере экономики и финансов в процессе реализации своих функций¹. Кроме того, французский законодатель предусматривает в случае доказанности вины привлечение к уголовной ответственности руководителя предприятия, на котором по причине халатности данного лица имел место несчастный случай, с применением к нему штрафа либо тюремного заключения условно. При этом не исключается и гражданско-правовая и уголовно-правовая ответственность юридического лица. За совершение мошенничества в налоговой сфере наказанию подлежат конкретные виновные физические лица и сама организация, которой в данном случае может грозить принудительная ликвидация по решению суда.

В систему наказаний для юридических лиц по уголовному законодательству Французской Республики включены такие виды, как штраф, прекращение деятельности, помещение под судебный надзор, запрет на осуществление деятельности (срочный и бессрочный), на размещение вкладов либо ценных бумаг, на получение государственных субсидий и иной финансовой помощи, оказываемой частными лицами, отстранение от права заключения договоров от имени государства, афиширование приговора [13, с. 379].

По законодательству Великобритании компания может быть привлечена к ответственности в случае совершения преступных деяний,

посягающих на общественный порядок и благосостояние (например нелегальную продажу алкогольных напитков) [18]. За совершение отдельных преступлений ответственность устанавливается общим правом, при этом на суд возлагается обязанность определить наказание по своему усмотрению [11, с. 614–615]. Исходя из законодательных установлений в отношении корпораций подлежат применению такие виды наказаний, которые применяются и к физическим лицам. Речь, однако, не идет о лишении свободы. Вместе с тем штрафные санкции в отношении корпораций не ограничиваются какой-либо определенной денежной суммой (размер штрафа определяется судьей). При этом все нелегальные доходы корпораций в обязательном порядке подлежат конфискации.

Что касается американского уголовного законодательства (федерального и штатов) [17], здесь корпорации привлекаются к уголовной ответственности отдельно либо в лице представителей, которые, реализуя свои должностные обязанности, имели намерение осуществить извлечение финансовой выгоды для юридического лица [5]. В целом речь об уголовной ответственности идет в случае совершения корпорациями любых преступных деяний, поскольку американское уголовное законодательство не имеет ограничительного перечня уголовно наказуемых деяний, совершение которых предусматривает наступление такой ответственности. К юридическим лицам, виновным в совершении преступлений, применяются наказания приоритетно имущественного свойства — штраф и конфискация имущества, хотя отдельные штаты содержат законодательные установления, предусматривающие ликвидацию юридического лица [2, с. 134–135].

Проведя сравнительно-правовое исследование института уголовной ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве государств бывшего постсоветского пространства, автор отмечает, что, например, уголовное законодательство Латвийской Республики регламентирует особенности уголовной ответственности юридического лица и виды принудительных мер воздействия, которые могут быть к нему применены в случае совершения преступного деяния, а именно ликвидация; ограничение прав; конфискация имущества; денежное взыскание².

Уголовное законодательство Украины предусматривает возможность привлечения юридических лиц к уголовной ответственности с применением к ним таких мер уголовно-правово-

¹ Уголовный кодекс Франции от 22 июня 1992 г. URL: https://legifrance.gouv.fr/affichCode.do?sessionId=0ED80937514DC9AEF1FBAB94370A6349.tplgfr44s_lcidTexte=LEGITEXT000006070719&dateTexte=20191111 (дата обращения: 29.05.2021).

² Уголовный закон Латвийской Республики от 17 июня 1998 г. URL: http://www.pravo.lv/likumi/07_uz.html (дата обращения: 23.05.2021).

го характера, как штраф; конфискация имущества; ликвидация. Кроме того, украинский законодатель установил, что штраф и ликвидация назначаются только в качестве основных мер уголовно-правового характера, в качестве дополнительной меры выступает конфискация имущества³.

Отмечая опыт российского законодателя в уголовно-правовой сфере, автор отмечает, что еще в первом из проектов Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 года предусматривалось, что субъектом уголовной ответственности может являться исключительно физическое лицо [15]. И лишь спустя некоторое время авторы проекта высказали идеи о целесообразности включения положений, которые позволяли бы привлекать юридическое лицо к уголовной ответственности. В систему наказаний, применяемых в отношении юридических лиц, должны были войти возложение обязанности загладить причиненный вред, денежное взыскание, запрещение заниматься хозяйственной и иной деятельностью [17, с. 707].

Разработчики еще одного проекта УК РФ указывали на обусловленность введения уголовной ответственности в отношении юридических лиц необходимостью повышения результативности и действенности в противодействии преступным деяниям, прежде всего, в сфере экологии и других важных объектов [8, с. 188]. Предполагалась возможность привлекать юридическое лицо к уголовной ответственности в регламентируемых уголовно-правовыми нормами случаях совершения преступления в интересах или от имени юридического лица, повлекшего за собой причинение (угрозу причинения) вреда. При этом указывалось на важность строгого выявления соответствующих причинно-следственных связей с обязательным установлением вины конкретного физического лица [4].

В проекте Общей части УК РФ, опубликованном в 1994 г., содержалось законодательное установление, позволяющее привлекать юридических лиц к уголовной ответственности за осуществление незаконной либо не указанной в уставе компании деятельности с обязательным причинением либо угрозой причинения вреда [1, с. 10]. *К системе наказаний относились денежные взыскания с компании; недопущение осуществления компанией той или иной деятельности. Кроме того, компания могла быть полностью ликвидирована с применением конфискации в полном или частичном размере по усмотрению суда.* Конкретизировались в проекте и положения, касающиеся рецидива преступлений,

совершенных юридическим лицом, что должно было влечь усиление уголовной ответственности. Указанные положения были встречены положительно, однако в результате дискуссий и голосования в первом чтении данная законодательная инициатива не была воспринята.

Что касается системы действующего российского уголовного законодательства, законодательное решение о включении в него исследуемого уголовно-правового института, по мнению автора, не только обосновано с учетом складывающихся социально-экономических и политико-правовых реалий, но и необходимо, исходя из положений многочисленных международных правовых актов.

В этой связи на сегодняшний день очевидно:

– институт уголовной ответственности юридических лиц имеет весьма успешный опыт в зарубежном уголовном законодательстве, в том числе государств бывшего постсоветского пространства, что направлено на реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности не только физических, но и юридических лиц, зачастую своими преступными действиями причиняющими колоссальный ущерб личным, общественным и государственным интересам;

– имеющийся в России административно-правовой потенциал не представляется достаточным в случае, когда речь идет о преступлениях, влекущих, например, экологические катастрофы и иные общественно опасные последствия в результате неправомерных действий юридических лиц, что обуславливает вопрос о необходимости принятия более строгих, по сравнению с гражданским и административным законодательством, мер уголовно-правового характера, не исключая при этом гражданско-правовой ответственности. Сказанное подтверждают соответствующие законопроекты об установлении уголовной ответственности юридических лиц, которые, как отмечается в юридической литературе, являются сегодня весьма своевременными, подтверждая вывод о том, что вопрос о реформе российского уголовного законодательства, как совершенно справедливо указывает А. В. Федоров, «не только созрел, но и перезрел», в связи с чем крайне важным является принятие соответствующего федерального закона, поскольку появление такой нормы направлено на возможность преследовать организации, финансирующие терроризм, а также арестовывать счета зарубежных организаций, участвующих в легализации преступных средств, нелегальном выводе денег из России и т. п. [10];

– включение соответствующих уголовно-правовых норм в действующее уголовное законодательство возможно без нарушения имеющегося структурного построения УК РФ, что

³ Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8679kon.kz/?doc_id=30418109 (дата обращения: 06.05.2021).

является важным с позиции сохранения его системности в целом. С учетом изложенного становится очевидной потребность в модернизации положений уголовно-правовых норм, регламентирующих общие условия уголовной ответственности, для чего представляется целесообразным дополнение ст. 19 УК РФ указанием на то, что наряду с физическим лицом уголовной ответственности подлежит и юридическое лицо.

В систему наказаний для юридических лиц представляется возможным включить штраф; лишение лицензии, квоты, преференций или льгот, а также лишение права заниматься определенным видом деятельности; запрещение занятия определенным видом деятельности и принудительную ликвидацию, опре-

делив в качестве основных видов наказаний штраф, запрещение занятия определенным видом деятельности и принудительную ликвидацию, а лишение лицензии, квоты, преференций или льгот, а также лишение права заниматься определенным видом деятельности — в качестве дополнительных видов наказаний.

Сущность и содержание предложенных видов наказаний, а также порядок их применения в отношении юридических лиц, особенности освобождения юридического лица от уголовной ответственности, обстоятельства, учитываемые при назначении наказания, ограничения и запреты, связанные с уголовной ответственностью юридического лица и особенности погашения судимости предполагаются автором к рассмотрению в последующих публикациях.

Список литературы:

1. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». Санкт-Петербург, 1998.
2. Зарубежное законодательство об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право. Академический курс: в 10 т. Кн. 1. Субъект преступления / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва, 2016. Т. VII.
3. Ищук Я. Г., Пинкевич Т. В., Смольянинов Е. С. Цифровая криминология. Москва, 2021.
4. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи / под ред. С. Г. Келиной и А. В. Наумова. Москва, 1994.
5. Коцюбас С. М., Моргун И. А. Зарубежный опыт уголовной ответственности юридических лиц и перспективы его «имплементации» в отечественное законодательство // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10.
6. Мартыненко Н. Э., Мартыненко Э. В. Уголовный проступок: вторая попытка Верховного Суда Российской Федерации ввести новую уголовно-правовую категорию // Российский следователь. 2021. № 1.
7. Овчинский В. С. Преступность и борьба с ней в цифровом мире // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности: труды 1-й Международной конференции (8–9 февраля 2018 г., Москва). Москва, 2018.
8. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / Голлик Ю. В. [и др.]. Санкт-Петербург, 2008.
9. Поляков И. В. Цифровая преступность: проблемы понятийного аппарата, система-

References:

1. Volzhenkin B. V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic: Seriya «Sovremennye standarty v ugolovnom prave i ugolovnom processe». Sankt-Peterburg, 1998.
2. Zarubezhnoe zakonodatel'stvo ob ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Ugolovnoe pravo. Akademicheskij kurs: v 10 t. Kn. 1. Sub'ekt prestupleniya / pod red. N. A. Lopashenko. Moskva, 2016. T. VII.
3. Ishchuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smol'yaninov E. S. Cifrovaya kriminologiya. Moskva, 2021.
4. Kelina S. G. Otvetstvennost' yuridicheskikh lic v proekte novogo UK RF // Ugolovnoe pravo: novye idei / pod red. S. G. Kelinoj i A. V. Naumova. Moskva, 1994.
5. Kocyubas S. M., Morgun I. A. Zarubezhnyj opyt ugolovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic i perspektivy ego «implementacii» v otechestvennoe zakonodatel'stvo // Vestnik sudejskogo soobshchestva Belgorodskoj oblasti. 2019. № 10.
6. Martynenko N. E., Martynenko E. V. Ugolovnyj prostupok: vtoraya popytka Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii vvesti novuyu ugolovno-pravovuyu kategoriyu // Rossijskij sledovatel'. 2021. № 1.
7. Ovchinskij V. S. Prestupnost' i bor'ba s nej v cifrovom mire // Proektirovanie budushchego. Problemy cifrovoj real'nosti: trudy 1-j Mezhdunarodnoj konferencii (8–9 fevralya 2018 g., Moskva). Moskva, 2018.
8. Polnyj kurs ugolovnogo prava: v 5 t. T. 1: Prestuplenie i nakazanie / Golik Yu. V. [i dr.]. Sankt-Peterburg, 2008.
9. Polyakov I. V. Cifrovaya prestupnost': problemy ponyatijnogo apparata, sistematizacii i pravoprimitel'noj praktiki // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2020. № 4.

- тизации и правоприменительной практики // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 4.
10. Представители Следственного комитета настаивают на введении уголовной ответственности для юридических лиц // Рос. газ. 2019. 23 окт.
  11. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 2. Правовые системы Западной Европы / под ред. В. И. Лафитского. Москва, 2012.
  12. *Тонков Е. Е.* Цифровизация права: проблемы и перспективы // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10.
  13. Уголовное право. Академический курс: в 10 т. Т. 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2. Цели, система и эффективность уголовного наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. Москва, 2021.
  14. *Хутов К. М.* Законопроект о введении в УК РФ уголовного проступка: за и против // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 1 (138).
  15. *Хутов К. М.* Социальные и правовые предпосылки формирования Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г.: сборник трудов конференции. Саратов, 2014.
  16. *Щербakov А. Д.* Уголовный проступок: никто к ветхой одежде не приставляет заплаты из небеленой ткани // Российский следователь. 2021. № 5.
  17. Энциклопедия уголовного права. Т. 1: Понятие уголовного права / принимают участие В. Н. Кудрявцев [и др.]. Санкт-Петербург, изд. проф. В. Б. Малинина, 2005.
  18. The national Academies press. Juvenile crime, juvenile justice. Chapter 4. Preventing Juvenile Crime. URL: <https://www.nap.edu/read/9747/chapter/6> (дата обращения: 29.05.2021).
  19. Interstate Commerce Act United States [1887]. URL: <https://www.britannica.com/event/Interstate-Commerce-Act> (дата обращения: 29.05.2021).
  10. Predstavители Sledstvennogo komiteta nastai-ayut na vvedenii ugovolnoj otvetstvennosti dlya yuridicheskikh lic // Ros. gaz. 2019. 23 okt.
  11. Sravnitel'noe pravovedenie: nacional'nye pravovye sistemy. T. 2. Pravovye sistemy Zapadnoj Evropy / pod red. V. I. Lafitskogo. Moskva, 2012.
  12. *Tonkov E. E.* Cifrovizaciya prava: problemy i perspektivy // Vestnik sudejskogo soobshchestva Belgorodskoj oblasti. 2019. № 10.
  13. Ugolovnoe pravo. Akademicheskij kurs: v 10 t. T. 1. Ponyatie, celi ugovolnogo nakazaniya. Sistema ugovolnogo nakazaniya. Kn. 2. Celi, sistema i effektivnost' ugovolnogo nakazaniya / pod red. N. A. Lopashenko. Moskva, 2021.
  14. *Hutov K. M.* Zakonoproekt o vvedenii v UK RF ugovolnogo prostupka: za i protiv // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2021. № 1 (138).
  15. *Hutov K. M.* Social'nye i pravovye predposylki formirovaniya Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii 1996 g.: sbornik trudov konferencii. Saratov, 2014.
  16. *Shcherbakov A. D.* Ugolovnyj prostupok: nikto k vethoj odezhde ne pristavlyayet zaplaty iz nebele-noj tkani // Rossijskij sledovatel'. 2021. № 5.
  17. Enciklopediya ugovolnogo prava. T. 1: Ponyatie ugovolnogo prava / prinimayut uchastie V. N. Kudryavcev [i dr.]. Sankt-Peterburg, izd. prof. V. B. Malinina, 2005.
  18. The national Academies press. Juvenile crime, juvenile justice. Chapter 4. Preventing Juvenile Crime. URL: <https://www.nap.edu/read/9747/chapter/6> (data obrashcheniya: 29.05.2021).
  19. Interstate Commerce Act United States [1887]. URL: <https://www.britannica.com/event/Interstate-Commerce-Act> (data obrashcheniya: 29.05.2021).

Для цитирования:

Сизова Виктория Николаевна. Прогнозные тенденции системы наказаний для юридических лиц // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 84–89.

For citation:

Sizova Victoria Nikolaevna. Forecast Trends of the System of Punishments for Legal Entities // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 84–89.

АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧ ФИЛЬЧЕНКО,
профессор кафедры уголовной политики,
доктор юридических наук, профессор
Академии управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: apfilchenko@yandex.ru

ANDREY PETROVICH FILCHENKO,
Professor of the Criminal Policy Department,
Doctor of Law, Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: apfilchenko@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

Scientific Specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Penal Enforcement Law.

ORCID 0000-0002-0099-731X

УДК 343.5

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-90-100

Дата поступления: 2 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов)

Protection of Public Morality From Encroachments in the Form of Live Broadcasts of Illegal Behavior (Trash Streams)

Аннотация

Актуальность: развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению новой формы социальной коммуникации, обеспечивающей информационный обмен между участниками в режиме прямой трансляции. В условиях конкуренции за внимание аудитории и недостаточного контроля над поведением пользователей в Интернете, других сетях прямые трансляции (стримы) начали использоваться нечистоплотными организаторами для демонстрации антиобщественного, в том числе преступного поведения. Лишенные общественно-полезной цели, движимые корыстной целью, основанные на эксплуатации низменных чувств зрителей, треш-стримы быстро набирают популярность у морально неустойчивой части населения, особенно у несовершеннолетних и молодежи. Пропаганда насилия и ведения антиобщественного образа жизни, осуществляемая посредством треш-стримов, начала представлять угрозу общественной нравственности, охраняемой нормами административного и уголовного законодательства. Данные обстоятельства обуславливают необходимость исследования треш-стриминга как самостоятельного криминологического объек-

Abstract

The relevance: the development of information and communication technologies has led to the emergence of a new form of social communication that provides information exchange between participants in the live broadcast mode. In the conditions of competition for the attention of the audience and insufficient control over the behavior of users on the Internet and other networks, live broadcasts (streams) began to be used by unscrupulous organizers to demonstrate antisocial, including criminal behavior. Deprived of a socially useful goal, driven by a selfish goal, based on the exploitation of the base feelings of viewers, trash streams are rapidly gaining popularity among the morally unstable part of the population, especially among minors and young people. Propaganda of violence and anti-social lifestyle, carried out through trash streams, began to pose a threat to public morality, protected by the norms of administrative and criminal legislation. These circumstances make it necessary to study trash-streaming as an independent criminological object and subject of legal regulation.

The problem of the study: insufficient legislative regulation and lack of explanations on the issues of judicial practice of the application of existing

та и предмета правового регулирования.

Проблема: недостаточное законодательное регулирование и отсутствие разъяснений по вопросам судебной практики применения имеющихся норм административного и уголовного законодательства в сфере функционирования прямых трансляций противоправного поведения в информационно-коммуникационных сетях препятствует привлечению к ответственности лиц, организующих и участвующих в противоправной треш-стримминговой деятельности.

Цель: установить признаки треш-стримминга как связанного с преступностью социально-правового явления, определить характер его общественной опасности, оценить имеющиеся нормативные инструменты, используемые для борьбы с отдельными видами треш-стримов, и на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию действующего административного, уголовного и гражданского законодательства в направлении повышения эффективности выполнения задачи охраны общественной нравственности от новых угроз.

Методы: для выявления и исследования признаков треш-стримминга, формулирования его понятия как негативного социально-правового явления использовались методы анализа и синтеза; при выделении криминологически значимых видов треш-стримов применялся метод классификации; для выявления пробелов в действующем законодательстве, установления его соответствия новым угрозам общественной нравственности, формулирования предложений по его совершенствованию применялись сравнительный и логико-юридический методы исследования.

Выводы: треш-стримминг как негативная форма социальной коммуникации представляет угрозу общественной нравственности, противодействие которой должно носить комплексный характер, включая совершенствование действующих правовых инструментов: 1) уголовно-правовых – путем признания в качестве отягчающего обстоятельства совершения преступления публично с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей и 2) административно-правовых – в части введения ответственности за пропаганду антиобщественного поведения, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, а также расширения инструментов деанонимизации пользователей Интернета.

Ключевые слова: общественная нравственность; треш-стрим; отягчающие обстоятельства; анонимность в Интернете; подстрекатель; донат.

norms of administrative and criminal legislation in the field of the functioning of live broadcasts of illegal behavior in information and communication networks prevents the prosecution of persons organizing and participating in illegal trash-streaming activities.

The objective: to establish the signs of trash-streaming as a crime-related socio-legal phenomenon, to determine the nature of its public danger, to evaluate the available regulatory tools used to combat certain types of trash-streams and, on this basis, to formulate proposals for improving the current administrative, criminal and civil legislation in the direction of increasing the effectiveness of the task of protecting public morality from new threats.

The methods: methods of analysis and synthesis were used to identify and study the signs of trash streaming, formulate its concept as a negative socio-legal phenomenon; when identifying criminologically significant types of trash streams, the classification method was used; comparative and logical-legal research methods were used to identify gaps in current legislation, establish its compliance with new threats to public morality, formulate proposals for its improvement.

The conclusions: trash streaming as a negative form of social communication poses a threat to public morality, the counteraction of which should be of a comprehensive nature, including the improvement of existing legal instruments: 1) criminal law – by recognizing as an aggravating circumstance the commission of a crime in public with the use of mass media or electronic or information and telecommunication networks and 2) administrative law – regarding the introduction of responsibility for the promotion of antisocial behavior, including through the use of information and telecommunications networks, as well as the expansion of tools for de-anonymization of Internet users.

Key words: public morality; trash stream; aggravating circumstances; anonymity on the Internet; instigator; donation.

Стремительное развитие цифровых технологий изменило социальную коммуникацию, в структуре которой все больший объем стало занимать потребление пользователями информационного контента посредством подключения к глобальной и другим информационно-телекоммуникационным сетям.

Начиная с конца 2010-х годов русскоязычный сегмент Интернета начал наполняться новой формой дистанционного общения, получившей название стрима (от англ. *stream* – поток) – непрерывной передачи аудио- и видеоданных в режиме онлайн от провайдера к пользователям.

Первоначально завоевав игровую зону (первые стримы проводились с целью демонстрации прохождения различных компьютерных игр), прямые трансляции в Интернете постепенно приобрели персональный характер и стали использоваться для освещения повседневной жизни не только известными личностями, но и всеми желающими. Появились трансляции путешествий, кулинарного искусства, музыкальные, художественные и другие виды сетевого развлечения в форме онлайн-общения. Распространению такого вида коммуникации, породившего самостоятельный вид информационного обмена, способствовали доступность мобильных устройств, предоставляющих возможность подключения к вещанию в любой удобный момент из любой точки пространства, а также отсутствие необходимости устанавливать дополнительные программные средства, обеспечившее простоту доступа к содержимому информационного потока.

Став не только предметом молодежной моды, но также источником дополнительного заработка, стримы в лице их организаторов начали вовлекаться в конкуренцию за внимание аудитории. Гонка за популярностью требовала от ведущих поиска новых, оригинальных форм подачи информации, что привело к появлению такой их разновидности, как треш-стримы (от англ. *trash* – мусор) – прямые трансляции аморального и противоправного, включая преступное, поведения.

За последние два десятка лет популярность получали треш-стримы, транслирующие непотребное поведение, содержащее признаки деяний, запрещенных самыми разными нормами репрессивного законодательства. Среди них:

1) *употребление алкоголя, одурманивающих, иных психоактивных, наркотических или психотропных веществ, сопровождающееся неадекватным, в том числе конфликтным поведением участников зрелища.* Поведение участников подобных трансляций может содержать признаки деяний, за которые предусмотрена административная ответственность:

– за размещение рекламы алкогольной продукции в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, нарушающее законодательство о рекламе. В том случае если участник стрима во время трансляции привлекает внимание к алкогольной продукции в целях формирования или поддержания интереса к ней, а также ее продвижения на рынке (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» (далее – ФЗ о рекламе)), то это нарушает п. 8 ч. 2 ст. 21 ФЗ о рекламе, запрещающего размещение рекламы алкогольной продукции в Интернете, что является основанием для привлечения виновных к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ);

– за недопустимую в России рекламу табака, табачных изделий и никотинсодержащей продукции, в том числе курительных принадлежностей и устройств для их потребления, кальянов – по ч. 4 ст. 14.3.1 ст. КоАП РФ в связи с нарушением п. 8 ст. 7 ФЗ о рекламе;

– за пропаганду либо незаконную рекламу наркотиков, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ – по ст. 6.13 КоАП РФ, закиси азота – по ст. 6.13.1 КоАП РФ.

Сфера государственного контроля в отношении воспрепятствования рекламе алкогольной продукции и других контролируемых веществ стремится к расширению, о чем свидетельствует направление в Государственную Думу Российской Федерации соответствующего законопроекта¹. Весьма интересной инициативой стало сформулированное в 2017 году предложение Центра разработки национальной алкогольной политики о запрете с 6 до 23 часов местного времени демонстрации процессов потребления алкогольной продукции в теле-, видео-, кинопрограммах, документальных и художественных фильмах, что предполагало внесение соответствующего дополнения в ст. 4 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»². Предпринятая авторами проекта попытка ограничить пропаганду употребления алкоголя была направлена на решение задач действующей на тот момент Концепции реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения

¹ См.: О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении ответственности за нарушение запрета на размещение рекламы алкогольной продукции в сети «Интернет»); законопроект № 1150491-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1150491-7> (дата обращения: 14.06.2021).

² Письмо Председателю Правительства России Д. А. Медведеву (исх. № 311 от 15.05.2017). URL: <http://www.alcomarket.info/CRNAP/print.asp?NewsId=254858> (дата обращения: 14.06.2021).

Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р). Данная инициатива не нашла своего завершения и не была реализована, в результате употребление спиртных напитков не только во время прямых трансляций в Интернете, но и в средствах массовой информации (далее – СМИ) по сей день остается нерегламентированным.

С одной стороны, такое положение вещей расхожася с позицией законодателя в отношении необходимости охраны общественного здоровья и нравственности от посягательств в форме публичного потребления алкогольной продукции и других контролируемых веществ. Так, сегодня действуют и широко применяются ст. 20.20 КоАП РФ, устанавливающая ответственность за потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах либо потребление контролируемых веществ в общественных местах и ст. 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения». С другой стороны, формально потребление такой продукции и веществ во время треш-стрима не создает основания привлечения к административной ответственности по указанным статьям, поскольку, во-первых, сеть не подпадает под признаки ни «запрещенного» места, ни места «общественного», а, во-вторых, правоприменитель лишен возможности юридически удостовериться в том, что потребляемая участниками трансляции продукция является алкогольной, вещества – контролируемые, а сами участники пребывают в состоянии опьянения.

В этой связи единственным средством борьбы с подобным поведением остается возможность применения ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ об информации), регулирующей особенности распространения информации в социальных сетях. Норма, закрепленная в п. «ж» пп. 5 ч. 1 указанной статьи обязывает владельца сайта/страницы сайта в Интернете осуществлять мониторинг в целях выявления информации, выражающейся в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу и государству. Соответственно, в случае нарушения указанных требований применению подлежат ст. 6.17 и 13.36 КоАП РФ.

К слову, ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (далее – ФЗ об основных гарантиях прав ребенка) обязывает органы государственной власти России принимать меры по защите ребенка

от распространения аудио- и видеопродукции, пропагандирующей наркоманию, токсикоманию и антиобщественное поведение. Учитывая, что подключение к треш-стриму не обеспечивается удостоверением несовершеннолетия зрителя, полагаем, что употребление (реалистичная имитация употребления) алкоголя, одурманивающих, наркотических, иных контролируемых веществ, сопровождающееся неадекватным, в том числе конфликтным поведением участников трансляции, должно рассматриваться в качестве пропаганды антиобщественного поведения, то есть такого, которое посягает и причиняет ущерб общественной нравственности, развитию несовершеннолетних, и на этом основании подлежащего ограничению к распространению. При этом усиления предупредительного эффекта можно достичь путем введения ответственности за пропаганду антиобщественного поведения, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет. На сегодняшний день КоАП РФ предусматривает ответственность за пропаганду лишь отдельных видов поведения, чего явно недостаточно для такой борьбы;

2) *жестокое обращение с животными*. Мучение животных во время прямых трансляций в Интернете, а также выкладывание фото- и видеоотчетов о безжалостном отношении к питомцам оказались не менее популярными, чем демонстрация антиобщественного поведения. Ведущие позволяли себе их подбрасывание с последующим неудачным приземлением, попытки напоить алкоголем, наравливание на других животных, проведение боев, нанесение ударов, травмирование, умерщвление и пр. Грубое обращение с домашними питомцами периодически становится предметом жалоб организаций по защите животных и равнодушных зрителей, требующих закрыть стриминговые каналы на том основании, что такие действия посылают опасные сообщения любому, кто смотрит подобные видео.

Общероссийское голосование о внесении поправок в Конституцию России наделило Правительство РФ новой компетенцией – осуществлять меры, направленные на формирование в обществе ответственного отношения к животным (п. е.5 ч. 1 ст. 114). Правовые гарантии защиты животных содержит Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ об ответственном обращении с животными), целями которого провозглашены укрепление нравственности и соблюдение принципов гуманности при обращении с животными. Закрепив понятие жестокого обращения с живот-

ными (ст. 3), указанный закон оставил его предельно широким, распространив такое обращение и на случаи угрозы повреждения здоровья животного всевозможными действиями.

Кроме того, грубое обращение с животными во время прямой трансляции нарушает принцип, закрепленный в п. 3 ст. 4 ФЗ об ответственном обращении с животными, — воспитание у населения нравственного и гуманного отношения к животным. Однако имеющихся административно-правовых средств, способных обеспечить соблюдение данного принципа стримерами, явно недостаточно — гл. 6 КоАП РФ, предназначенная для охраны общественной нравственности, не содержит какого-либо запрета на осуществление подобных действий.

Некоторый опыт административно-правового регулирования в этом отношении накоплен на уровне отдельных субъектов Российской Федерации. Так, ст. 5.7 Кодекса города Москвы об административных правонарушениях (утв. Законом города Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45) предусматривает ответственность за совершение жестоких действий в отношении животных, повлекшее их гибель или увечье при отсутствии признаков преступления. Причинение животным побоев, истязания, совершение в их отношении других деяний, влекущих за собой увечье, травму, истощение от длительного голодания или гибель животных, жестокое умерщвление животных также при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, влечет административную ответственность по ст. 13 Кодекса Хабаровского края об административных правонарушениях (утв. Законом Хабаровского края от 24 июня 2009 г. № 256).

Надо сказать, что в 2020 году Минюстом России была предпринята попытка восполнить пробел на уровне федерального законодательства, — ведомство подготовило специальный проект Федерального закона о внесении изменений в КоАП РФ³, которым предлагалось ввести административную ответственность за несоблюдение общих требований к содержанию животных, за жестокое обращение с ними при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния, несоблюдение требований к использованию животных в культурно-зрелищных целях и их содержанию, а также несоблюдение требований к осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев.

Однако даже реализация рассматриваемой инициативы оставляет открытой проблему ответственности за жестокое обращение с животными во время прямых трансляций в Интернете. Во-первых, предложенный вариант не служит охране общественной нравственности, а направлен на расширение области охраны окружающей среды и природопользования. Во-вторых, треш-стримы вряд ли могут считаться разновидностью культурно-зрелищного мероприятия ввиду отсутствия какой бы то ни было их культурной ценности и направленности на достижение общественно полезной цели. В этой связи разумным решением может стать дополнение рассматриваемого законопроекта положением в части охраны общественной нравственности от жестокого обращения с животными, а также использования термина «культурно-зрелищные и иные развлекательные цели». Данное решение позволит не только обеспечить гарантии защиты животных от жестокого обращения, но и поставить в этой части под охрану административного законодательства общественную нравственность, выполнить требования ст. 12 ФЗ об ответственном обращении с животными, запрещающей пропаганду жестокого обращения с животными, включая изготовление, показ и распространение подобных аудио-, кино-, видео — и фотоматериалов в Интернете и других информационно-телекоммуникационных сетях.

Многочисленные петиции и обращения к Президенту Российской Федерации, к правительственным и правоохранительным органам, бурное обсуждение в СМИ, стимулируемые резонансными уголовными делами, привели к усилению уголовной ответственности за уголовно наказуемое жестокое обращение с животными⁴. Федеральным законом от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ состав преступления, предусмотренный ст. 245 УК РФ, был дополнен квалифицирующим признаком публичной демонстрации жестокого обращения с животными в Интернете, других информационно-телекоммуникационных сетях, а также СМИ. Своим решением законодатель признал наличие повышенной степени общественной опасности, достигаемой подобными деяниями за счет причинения дополнительного существенного вреда общественной нравственности в сфере взаимоотношений человека и животных. Увеличение вреда объясняется способом совершения преступления, позволяющим транслировать применение насилия массовой индивидуально не-

³ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления ответственности за нарушение законодательства в области обращения с животными: проект федерального закона подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/10-20/00109819) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.10.2020). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=200671#09161082638907221> (дата обращения: 14.06.2021).

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 245 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/308781-7> (дата обращения: 14.06.2021).

определенной аудитории, имеющей возможность беспрепятственно и в любой момент подключаться к просмотру видеоконтента.

Вместе с тем за три года действия внесенного дополнения судебная практика не смогла накопить опыта применения данного квалифицирующего признака. Фактическое отсутствие обвинительных приговоров по п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ может свидетельствовать как о реализовавшем себя предупредительном эффекте, так и обращении органов исполнительной власти к другим, более быстрым и менее затратным способам правового реагирования. В частности, в структуре принимаемых решений преобладает такая мера противодействия рассматриваемому поведению, как удовлетворение судом административных исков о признании информационных материалов, содержащихся в информационно-телекоммуникационных сетях, противоречащими требованиям закона о допустимой к распространению в России информации.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» запрещается для распространения среди детей информация, обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и/или жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к животным. Решение суда о признании размещенного в Интернете информационного материала направляется в Роскомнадзор для последующей блокировки обращения пользователей к соответствующему интернет-адресу.

В отсутствие доказанного участия несовершеннолетних в просмотре фото- и видеоматериалов с жестоким обращением с животными практика прибегает к использованию прокурорами при подаче заявлений в суд ч. 6 ст. 10 ФЗ об информации, где установлен запрет на распространение информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Однако данная модель обладает тремя уязвимостями, снижающими ее эффективность. Во-первых, как уже указывалось выше, это отсутствие в федеральном административном законодательстве ответственности за жестокое обращение с животными; во-вторых, достаточно длительный (не менее 3 месяцев) период судебной процедуры признания информации запрещенной к распространению на территории России; в-третьих, доступ к имеющей признаки запрещенной информации на ресурсах Интернета не ограничивается до вступления в законную силу решения суда и его последующей передачи в Роскомнадзор для введения ограничения доступа. Данные обстоятельства оправдывают инициативу по введению досудебного порядка ограничения досту-

па к информации о жестоком обращении с животными путем дополнения ФЗ об информации новым видом информации, содержащей материалы о жестоком обращении с животными⁵;

3) *приставание к гражданам, организация розыгрышей, связанных с оскорблением, провоцированием или унижением их участников, заставляющие объект шутки испытывать негативные эмоции.* Далеко не все пранки (от англ. *prank* — шалость) являются безобидными. Часто телефонные розыгрыши или спланированные шутки на улице выходят из-под контроля организаторов и причиняют потерпевшим физический и моральный (чаще — репутационный) ущерб. Навязчивые телефонные звонки мешают частной жизни, а уличные пранки могут затрагивать общественный порядок. Сами по себе подобные действия (вне трансляции) могут содержать составы хулиганства (ст. 213 УК РФ), мелкого хулиганства, если речь идет о федеральном законодательстве (ст. 20.1 КоАП РФ), либо, если мы имеем в виду законодательство об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации, — некоторые самостоятельные правонарушения против общественного порядка либо личности. В случае нарушения неприкосновенности частной жизни возникает основание для привлечения к уголовной ответственности по ст. 137 УК РФ.

Трансляция пранков, использующих изображение гражданина, допускается только с его согласия — права гражданина в этом отношении охраняются ст. 152¹ ГК РФ. Обнаружение видео с розыгрышем является основанием для удовлетворения администратором ресурса просьбы гражданина о его удалении и последующего возмещения морального вреда.

Вместе с тем уголовной или административной ответственности за трансляцию «жестких» пранков в российском уголовном законодательстве не предусмотрено. Общественный резонанс толкает правоприменителя к принятию некорректных решений, применению норм закона, лишь косвенно охватывающих признаки такого противоправного поведения. Примером может служить вменение ст. 213 УК РФ «Хулиганство» к лицам, распространяющим панику посредством инсценировки приступов от заражения коронавирусом, в том числе в Интернете [2]. Вполне закономерным на этом фоне стало дополнение в 2020 году УК РФ статьей 207¹ «Публичное распространение заведомо ложной

⁵ О внесении изменения в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части оперативного ограничения доступа к информации в сети «Интернет», содержащей материалы жестокого обращения с животными: проект Федерального закона (законопроект № 812541-7). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/812541-7> (дата обращения: 14.06.2021).

информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан».

С учетом возможного дополнения КоАП РФ в части ответственности за пропаганду антиобщественного поведения в целом перечень существующих гражданско-правовых, административно-правовых и уголовно-правовых средств противодействия провокационному поведению треш-стримеров следует признать достаточным;

4) *сцены издевательства в форме унижения, побоев, применения иного не наказуемого в уголовном порядке насилия к жертве.* Внешнее проявление признаков противоправного поведения во время треш-стрима часто является лишь имитацией применения насилия, что не позволяет обнаружить в подобных действиях основания уголовной или административной ответственности. В таких стримах ведущий («агрессор») и участник («жертва») выполняют заранее подготовленные роли, являясь обоюдозаинтересованными выгодоприобретателями. Это объясняет, почему «потерпевшие» в ролевых играх с коммерческой составляющей не обращаются в полицию и продолжают терпеть «унижение».

С позиций уголовно-правовой охраны подобное поведение является допустимым, если относится к делам частного или частно-публичного обвинения (ст. 20 УПК РФ). Умышленное причинение легкого вреда здоровью, некоторые виды побоев, клеветы в отсутствие частного обвинителя не обнаруживают всех признаков преступности деяния. Нежелание жертвы подавать заявление о нарушении ее прав является процессуальным обстоятельством, исключающим виновность агрессора, и на этом основании не позволяющим привлечь его к ответственности.

Вместе с тем согласие на применение не всякого насилия исключает преступность деяния. Насилие перестает быть допустимым поведением и зависеть от согласия потерпевшего на его применение при причинении вреда здоровью средней и большей степени тяжести. Также деяние не утрачивает преступности, если совершается в отношении лиц, которые находятся в беспомощном состоянии. Поэтому треш-стримы, в которых ведущий причиняет побои, иное насилие к маргиналам, инвалидам, просящим милостыню, страдающим психическими расстройствами, малолетним, иным лицам, находящимся в уязвимом состоянии, должны проверяться на предмет обнаружения основания уголовной ответственности в этом отношении;

5) *совершение преступления в прямом эфире.* Данные стримы хотя и встречаются в сетях, однако не показывают большой распространенности. Формирование криминальной ситуации в мире связано в основном с торговлей видео-

материалами, запечатлевающими преступное, как правило, связанное с сексуальным насилием поведение — именно данная проблема широко наполнила объект исследований западной криминологии. Наиболее глубокому изучению подвергались резонансные случаи разоблачений, представленные в делах по обвинению Matthew Graham [12, с. 9; 11] (создателя и администратора сети сайтов по обмену детским порно, включающим видео пыток-изнасилований); Andrew Picard [10] (уличен в хранении и распространении порнографических изображений детей в возрасте от 2 лет, включая изображения пыток-изнасилований и зоофилии, которые производил сам); Peter Gerard Scully [9, с. 16] (виновен в сексуальном насилии над маленькими детьми и загрузке видео для клиентов из Европы) и др.

Российским правоприменителем также накоплен некоторый опыт противодействия организации видеоблогов, предлагающих к просмотру, в том числе платному, сцен реального насилия. Ярким примером является неоднократное привлечение к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ видеоблогера неонацистского толка М. Марцинкевича. В качестве экстремизма суд расценил деяния участников созданной им организации по нападению на граждан, которых виновные относили к числу гастарбайтеров, бомжей, наркоторговцев и педофилов. Все издевательства фиксировались на видео, а затем видеоролики продавались или размещались в открытом доступе в Интернете. Интересно отметить, что квалификацию в качестве экстремистского получило также распространенное в Интернете видео инсценировки казни «таджикского наркоторговца». В результате созданное М. Марцинкевичем межрегиональное общественное объединение «Формат-18» было признано экстремистским, а его деятельность запрещена решением Московского городского суда от 20 декабря 2010 г.⁶

Ввиду очевидно преступного характера совершаемых действий оборот видеоматериалов, запечатлевающих преступления, а также объявления треш-стримов, связанных с трансляцией их совершения, скрываются организаторами в поле DarkNet — сети ресурсов, обеспечивающих анонимность своих пользователей посредством специальных способов шифрования информации и расположения сайтов в защищенном домене.

⁶ См.: п. 20 Перечня общественных объединений и религиозных организаций в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/> (дата обращения: 27.07.2021).

Ставшие известными случаи организации обмена и торговли запрещенными к распространению видеоматериалами показали, что абсолютное большинство из них были организованы среди участников закрытых клубов, с объявленным платным членством. Также следует констатировать, что судебная практика не располагает доказанными случаями организации треш-стримов совершения тяжких насильственных преступлений, хотя объявления о подобных трансляциях имели место в Интернете и даже получили название «красные комнаты» («red room» – измененное от обратного прочтения англ. *murder* – убийство), дав почву для сложения легенд среди пользователей [5]. Теоретически организация подобных сообществ может содержать признаки преступления вплоть до уровня уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ.

Рассмотренные виды треш-стримов объединяет ряд общих связанных между собой признаков, совокупность которых допускает их выделение в качестве самостоятельного объекта криминологического исследования и правового воздействия:

1. Использование развлекательной формы, эксплуатирующей низменные чувства человека и не обеспеченной культурным содержанием. Треш-стримы сложились и проявили себя в качестве элемента треш-культуры – доведенной до абсурда и вывернутой наизнанку культуры общества, распространяемой лицами с несформированной или растерянной нравственностью. Накопление антикультурных образцов поведения привело даже к формированию мирового тренда, заключающегося в поиске эстетичного в безобразном (треш-эстетики) [1].

Готовность транслировать преступное поведение на публику, игнорирование, а зачастую и намеренное создание доказательств собственной вины свидетельствуют о высшей степени цинизма организаторов, которая должна учитываться как значимая характеристика личности преступника при назначении наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ). В целях конкретизации закона и формирования правоприменительного правила в этом отношении целесообразно рассмотреть вопрос о дополнении ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающим обстоятельством совершения преступления публично с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Предложение о необходимости введения отягчающего обстоятельства «совершение преступления в условиях видеодемонстрации его события в прямом эфире» уже высказывалось исследователями [4, с. 36]. Полагаем, что расширение перечня отягчающих обстоятельств в силу своей уни-

версальности обеспечит более эффективное выполнение задач уголовного закона нежели предложения о введении уголовного наказания за трансляцию в сети актов насилия путем дополнения ст. 282 УК РФ [6; 7]. Внесение указанного дополнения позволит учитывать повышенную общественную опасность преступных деяний, в составах которых отсутствует квалифицирующий данный признак их совершения с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет).

2. Консенсусный (согласованный, взаимозаинтересованный) характер взаимодействия организаторов треш-стрима со зрителями-участниками. Данный признак означает взаимную заинтересованность всех причастных к треш-стриму лиц, организаторов и зрителей, в его проведении. Подключение и участие зрителей в форме донатирования желаемого поведения ведущих треш-стрима являются результатом их свободных, исключающих принуждение выбора и решения. Стримеры обслуживают спрос на низкопробные развлечения той части общества, которая формирует запрос на подобные услуги в силу уже имеющейся деформации этической и эстетической сферы личности. Другими словами, треш-стримы ориентированы на потребителей, которые в силу отсутствия, неразвитости или извращения вкуса, дефицита общения, привлекательности острых эмоциональных переживаний, потребности в самоутверждении, ощущения себя частью неформального сообщества готовы к вовлечению в процесс антиобщественного поведения и не считают себя потерпевшими.

Условием, способствующим возрастанию интереса к треш-стримам аудитории, является анонимность в сети, поскольку в ее условиях участники коммуникации ощущают большую безопасность и склонны к более раскованному поведению [8, с. 61]. Нравственность потребителей треш-контента, искажаясь, превращается из объекта уголовно-правовой охраны в почву для соучастия в антиобщественном, включая преступное, поведении.

С позиций уголовно-правового учения о соучастии донатирование зрителями преступных действий, производимых ведущими, представляет собой не что иное, как подстрекательство к совершению преступления. При этом дистанционность взаимодействия – отсутствие физического контакта между зрителем и ведущим – не исключает взаимообусловленности и взаимосвязанности действий (бездействия) соучастников. Предварительное оглашение ведущим стоимости произведения конкретных актов насилия охватывается понятием склонения к совершению преступления путем подкупа, поскольку донатирование воздействует на созна-

ние и волю исполнителя, определяя его решение совершить преступление. Таким образом, донаторы не обнаруживают признаков новой роли соучастника, которая в этой связи не требует ее закрепления в уголовном законе, а правоприменитель способен и должен пользоваться имеющимися уголовно-правовыми инструментами ст. 33 УК РФ.

Препятствием на пути установления донаторов-подстрекателей остаются механизмы анонимизации в сети — участники треш-стримов используют псевдонимы и уникальные имена для разных сайтов, регулярно чистят историю просмотров, используют программные методы «луковой» (TOR) и «чесночной» (SOCKS) маршрутизации, а также прокси-серверы и VPN-сервисы.

Обеспечиваемая за счет использования информационно-коммуникационных технологий анонимность названа угрозой информационной безопасности в п. 54 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июня 2021 г. № 400). Преодоление анонимности в Интернете является одной из самых обсуждаемых проблем на уровне государственной власти, органы которой постоянно ведут поиск эффективных в этом отношении инструментов. В частности, обсуждаются возможности привязки почтового адреса к номеру мобильного телефона, обязательной авторизации через банковский счет при пополнении интернет-кошельков, развитие цифрового профиля и создания «суверенного» контролируемого Интернета. Выработка системы доверия, исключающей анонимность и безответственность пользователей, а также безнаказанность правонарушителей поставлена задачей развития российского сегмента Интернета в пп. «д» п. 34 Стратегии развития информационного сообщества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203). Нет никаких сомнений в том, что принимаемые меры по преодолению анонимности в Интернете окажутся эффективными в противодействии распространению треш-стримов в его российском сегменте.

3. Причинение ущерба общественной нравственности. На то обстоятельство, что треш-стримы посягают на общественную нравственность, уже обращалось внимание исследователями [3, с. 206]. Есть у данного заключения и правовые предпосылки. Так, в соответствии с ФЗ об информации на территории Российской Федерации право передачи информации неопределенному кругу лиц (распространение информации) ограничивается требованиями к ее содержанию. При этом нравственность в соответствии с ч. 1 ст. 9 упомянутого закона

называется вторым по степени важности объектом (после основ конституционного строя), защита которого может обеспечиваться путем ограничения доступа к информации.

Практика сетевого поведения пользователей показывает, что треш-стримы обладают способностью к стремительному массовому воспроизведению. Существующая прямая зависимость количества просмотров от степени безрассудства и дикости демонстрируемого поведения приводит к его распространению подражателями, переснимающими получившие популярность маргинальные видео. При этом наиболее уязвимой в плане не критичного восприятия антикультурного информационного продукта категорией граждан остаются несовершеннолетние, которые в силу незрелости и несформированности защитных механизмов личности могут вовлекаться участниками в треш-стримы, воспроизводить их, в результате чего их нравственному развитию причиняется ущерб. На данном основании разумным представляется рассмотреть вопрос о расширении понятия «антиобщественных действий», использованном в ст. 151 УК РФ, до пределов, охватывающих помимо правонарушений любые опасные для нравственного и физического развития несовершеннолетних поступки, имея в виду, что они совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

4. Корыстная цель, достигаемая получением донатов от потребителей контента, заказывающих исполнение ведущими треш-стрима конкретных насильственных и других антиобщественных действий. С юридической точки зрения донат (от англ. *Donate* — жертвовать, безвозмездно предоставить) рассматривается в качестве благодарности, не обусловленной обязанностью по осуществлению какого-либо встречного предложения. Используя семантическое толкование рассматриваемого термина, треш-стримеры пытаются придать донатам правовой режим подарков и таким образом приравнять получаемые деньги к не облагаемым налогом пожертвованиям в порядке использования ст. 217 Налогового кодекса Российской Федерации.

Однако с позиции действующего законодательства (гл. 32 Гражданского кодекса Российской Федерации) подарок предполагает безвозмездность, тогда как в случае с треш-стримами деньги переводятся участникам за оказание хотя и весьма специфических, передаваемых в видеоформате, но все-таки услуг. В целях ограничения, перекрытия финансирования стримов финансовыми донатами целесообразно рассмотреть возможность регистрации их организаторов в качестве индивидуальных предпринимателей, чья деятельность направлена на получение дохода, подпадающего под на-

логообложение. Такое решение могло бы коснуться стримов, остающихся в рамках правового поля. В случае пересечения стримерами границы правовой дозволенности донаты должны подлежать конфискации в административно-правовом (ст. 3.7 КоАП РФ) или же уголовно-правовом порядке (ст. 104¹ УК РФ).

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд имеющих значение для теории и практики противодействия противоправной деятельности в форме треш-стрима положений.

1. Треш-стриминг – имеющая консенсусный характер и направляемая корыстью организаторов развлекательная форма социальной коммуникации, обеспечивающая информационный обмен в режиме прямой трансляции и причиняющая ущерб общественной нравственности посредством пропаганды противоправного и другого антиобщественного поведения на основе эксплуатации низменных чувств пользователей компьютерных сетей.

2. Среди причин, препятствующих привлечению к ответственности лиц, осуществляющих противоправную деятельность в формате треш-стримов, следует указать недостаточное законодательное регулирование и отсутствие разъяснений по вопросам судебной практики применения имеющихся норм административного и уголовного законодательства в сфере функционирования прямых трансляций противоправного поведения в информационно-коммуникационных сетях.

3. Действующих мер ответственности для обеспечения эффективного противодействия распространению запрещенной информации в формате треш-стримов недостаточно. Предупреждение нанесения ущерба от треш-стримов требует принятия комплекса мер по совершенствованию действующего российского законодательства:

1) уголовного – в части: а) дополнения ч. 1 ст. 63 УК РФ отягчающим обстоятельством совершения преступления публично с исполь-

зованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет); б) расширения понятия «антиобщественные действия» в ст. 151 УК РФ до пределов, охватывающих помимо правонарушений любые опасные для нравственного и физического развития несовершеннолетних поступки.

Требуются официальные разъяснения в адресованных правоприменителю руководящих документах, включая методические рекомендации, возможность привлечения к ответственности донаторов треш-стрима в качестве подстрекателей совершаемого в процессе трансляции преступления, учета при квалификации их действий положений ч. 4 ст. 33 УК РФ, а в отношении самих донатов – ст. 104¹ УК РФ «Конфискация имущества»;

2) административного – в части: а) введения ответственности за пропаганду антиобщественного поведения, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая Интернет, б) дополнения КоАП РФ отдельным составом правонарушения – жестокого обращения с животными, посягающего на общественную нравственность, при отсутствии признаков уголовно наказуемого деяния; введения досудебного порядка ограничения доступа к информации о жестоком обращении с животными путем дополнения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; в) введения инструментов деанонимизации пользователей Интернета;

3) гражданского – в части обязательной регистрации организаторов стримов в качестве индивидуальных предпринимателей с целью налогообложения их деятельности (при ее законности), направленной на получение дохода.

Применение мер правового совершенствования может стать эффективным только в условиях формирования общей культурологической основы противодействия треш-культуре.

Список литературы:

1. Антонян К. Г. «Очарование дурного вкуса»: трэш, кич, кэмп как тенденции // Вестник психофизиологии. 2014. № 3.
2. Воронов А. Пранкер пострадал от коронавируса // Коммерсантъ. 2020. 10 фев. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4250864> (дата обращения: 07.08.2021).
3. Грачева Ю. В., Маликов С. В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127).

References:

1. Antonyan K. G. «Ocharovanie durnogo vku-sa»: tresh, kich, kemp kak tendencii // Vestnik psihofiziologii. 2014. № 3.
2. Voronov A. Pranker postradal ot koronavirusa // Kommersant. 2020. 10 fev. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4250864> (data obrashcheniya: 07.08.2021).
3. Gracheva Yu. V., Malikov S. V. Tresh-strim: social'naya obuslovlennost' kriminalizacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 6 (127).

4. Григорьев В. Н., Терехов А. Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2 (57).
5. Кадочникова С. Смотри и убивай. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/04/27/redrum/> (дата обращения: 07.08.2021).
6. Полунина Е. Н., Антонова А. В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // Закон и право. 2021. № 3.
7. Смирнов А. М. «Треш-стримы» как новая криминологическая проблема современного мира // Дневник науки. 2021. № 5 (53).
8. Титлова А. С. Шейминг в онлайн-комментарии как следствие анонимности интернет-коммуникации // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 71-4.
9. Darknet Cybercrime Threats to Southeast Asia – United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2021/Darknet_Cybercrime_Threats_to_Southeast_Asia_report.pdf (дата обращения: 07.08.2021).
10. Fenton S. ‘Eton Pupil Andrew Picard Spared Jail after Creating and Sharing Thousands of “Appalling” Child Abuse Images’, Independent, 26 February 2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/crime/eton-pupil-andrewpicard-convicted-of-creating-and-sharing-child-abuse-images-a6896966.html> (дата обращения: 07.08.2021).
11. Morgans J. Everything We Know About the Melbourne Teen Who Founded a Child Porn Empire, 2016. URL: <https://www.vice.com/sv/article/7bd394/heres-everything-we-know-about-the-teenager-who-founded-a-child-porn-empire> (дата обращения: 07.08.2021).
12. Pringle H. Submission 324. Senate Environment and Communications References Committee Inquiry, 2016. Harm being done to Australian children through access to pornography on the Internet. URL: <https://www.aph.gov.au/DocumentStore.ashx?id=a3b86ec0-802f-4f8b-ba55-313a115e19c2&subId=411021> (дата обращения: 07.08.2021).
4. Grigor'ev V. N., Terekhov A. Yu. On strengthening the criminal liability of the creators of trash streams // Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 2 (57).
5. Kadochnikova S. Smotri i ubivaj. URL: <https://lenta.ru/articles/2018/04/27/redrum/> (data obrashcheniya: 07.08.2021).
6. Polunina E. N., Antonova A. V. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya otvetstvennosti za «tresh-strim» v Internete // Zakon i pravo. 2021. № 3.
7. Smirnov A. M. «Tresh-strimy» kak novaya kriminologicheskaya problema sovremennogo mira // Dnevnik nauki. 2021. № 5 (53).
8. Titlova A. S. Shejming v onlajn-kommentarii kak sledstvie anonimnosti internet-kommunikacii // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2021. № 71-4.
9. Darknet Cybercrime Threats to Southeast Asia – United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). 2020. URL: https://www.unodc.org/documents/southeastasiaandpacific/Publications/2021/Darknet_Cybercrime_Threats_to_Southeast_Asia_report.pdf (data obrashcheniya: 07.08.2021).
10. Fenton S. ‘Eton Pupil Andrew Picard Spared Jail after Creating and Sharing Thousands of “Appalling” Child Abuse Images’, Independent, 26 February 2016. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/crime/eton-pupil-andrewpicard-convicted-of-creating-and-sharing-child-abuse-images-a6896966.html> (data obrashcheniya: 07.08.2021).
11. Morgans J. Everything We Know About the Melbourne Teen Who Founded a Child Porn Empire, 2016. URL: <https://www.vice.com/sv/article/7bd394/heres-everything-we-know-about-the-teenager-who-founded-a-child-porn-empire> (data obrashcheniya: 07.08.2021).
12. Pringle H. Submission 324. Senate Environment and Communications References Committee Inquiry, 2016. Harm being done to Australian children through access to pornography on the Internet. URL: <https://www.aph.gov.au/DocumentStore.ashx?id=a3b86ec0-802f-4f8b-ba55-313a115e19c2&subId=411021> (data obrashcheniya: 07.08.2021).

Для цитирования:

Фильченко Андрей Петрович. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 90–100.

For citation:

Filchenko Andrey Petrovich. Protection of Public Morality From Encroachments in the Form of Live Broadcasts of Illegal Behavior (Trash Streams) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 90–100.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ и расследование преступлений

ЮРИЙ ВИКТОРОВИЧ ГАВРИЛИН,
начальник кафедры управления органами
расследования преступлений,
доктор юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8

E-mail: yuriy902@gmail.com

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ БЕДЕРОВ,
генеральный директор ООО «Интернет-розыск»

E-mail: office@irozysk.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

УДК 343.98

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-101-108

Дата поступления: 15 ноября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы

Identification of Digital Currency Owners: Methodological Foundations

Аннотация

Актуальность вопросов методологии установления личности владельцев цифровой валюты обусловлена особенностями преступной деятельности, связанной с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий, использованием криптовалюты в криминальных взаиморасчетах, что предполагает необходимость изучения объективных закономерностей в данной предметной области и разработки соответствующих научно обоснованных предложений, направленных на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов.

Постановка проблемы: действенный от-

YURIJ VIKTOROVICH GAVRILIN,
Head of the Department of Management
of Crime Investigation Bodies,
Doctor of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: yuriy902@gmail.com

IGOR' SERGEEVICH BEDEROV,
General Director of Internet Search LLC
(LLC «Internet-rozysk»)
E-mail: office@irozysk.ru

Scientific Specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

Abstract

The relevance of the methodology of identifying the owners of digital currency is due to the peculiarities of criminal activity associated with the use of modern information and telecommunications technologies, the use of cryptocurrencies in criminal settlements, which implies the need to study objective patterns in this subject area and develop appropriate scientifically sound proposals aimed at improving the effectiveness of law enforcement agencies.

The problem statement: an effective response from the law enforcement system to a new challenge related to the illegal use of digital currency involves a meaningful analysis of the methodologi-

вет со стороны правоохранительной системы на новый вызов, связанный с противоправным использованием цифровой валюты, предполагает содержательный анализ методологических основ деятельности по установлению владельцев цифровой валюты.

Цель исследования: совершенствование правоохранительной деятельности в процессе раскрытия и расследования преступлений, механизм совершения которых включает использование цифровой валюты, определение способов решения задачи по установлению личности владельца цифровой валюты.

Методы исследования: диалектический метод как всеобщий универсальный метод познания, общенаучные формально-логические методы познания (анализ и синтез, дедукция и индукция), чувственно-рациональные методы (сравнение), системный подход, взаимосвязь и взаимообусловленность теории и практики. Применительно к теме исследования в основу методологии положены методы прямого соотнесения данных, кластерного анализа и эвристики.

Результаты и ключевые выводы: анонимность цифровой валюты носит условный характер. Между личностью ее владельца и адресом соответствующего цифрового кошелька существуют связи, установление которых возможно на основе использования современных аналитических методов анализа больших данных.

Ключевые слова: цифровая валюта; криптовалюта; деанонимизация; расследование преступлений; информационно-телекоммуникационные технологии.

cal foundations of activities to identify the owners of digital currency.

The purpose of the study is to improve law enforcement activities in the process of disclosure and investigation of crimes, the mechanism of which includes the use of digital currency, determining ways to solve the problem of identifying the owner of digital currency.

The research methods: dialectical method as a universal universal method of cognition, general scientific formal-logical methods of cognition (analysis and synthesis, deduction and induction), sensory-rational methods (comparison), systematic approach, interrelation and interdependence of theory and practice. In relation to the research topic, the methodology is based on methods of direct correlation of data, cluster analysis and heuristics.

The results and key conclusions: the anonymity of the digital currency is conditional. There are connections between the identity of its owner and the address of the corresponding digital wallet, the establishment of which is possible based on the use of modern analytical methods of big data analysis.

Key words: digital currency; cryptocurrency; deanonymization; crime investigation; information and telecommunication technologies.

Одним из проявлений цифровой трансформации преступности является активное внедрение цифровых¹ валют в механизм совершения криминальных взаиморасчетов в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также иных объектов, изъятых из гражданского оборота [3; 7; 10]. Кроме того, они широко используются при создании «финансовых пирамид», легализации (отмывании) денежных средств, добытых преступным путем, а также как средство незаконного анонимного финансирования экстремистской и террористической деятельности.

Растущая «популярность» как вышеприведенных, так и иных криминальных направлений использования цифровых валют вызвана тем, что не всегда существует связь между

адресом определенного электронного кошелька (лицевого счета, личного кабинета в информационной системе), содержащего информацию об обладании его владельцем определенным количеством цифровой валюты, и личностью этого владельца. Подобная связь устанавливается антиотмывочным законодательством в отношении финансовых организаций. Так, п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»² установлено, что организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом, обязаны до приема на обслуживание идентифицировать

¹ Здесь и далее понятия «криптовалюта» и «цифровая валюта» употребляются как синонимы.

² О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3418.

клиента, представителя клиента и (или) выгодоприобретателя. Несмотря на то что данная норма распространяется и на операции с цифровой валютой, на практике данное требование исполняют лишь те организации, которые осуществляют легальную деятельность на территории Российской Федерации.

Приведенное обстоятельство существенно ограничивает возможности правоохранительных органов по использованию «финансового следа» для установления лиц, причастных к расследуемому преступлению, включая личности получателей подобных активов.

Сложившаяся ситуация усугубляется снижением уровня международного сотрудничества Российской Федерации в правоохранительной сфере с Украиной, Грузией и некоторыми иными государствами, чем, естественно, активно пользуются преступники в своих противоправных целях [2, с. 16].

Часть 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³ содержит определение цифровой валюты. С юридической точки зрения ее можно определить как имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств и учитываемое в распределенном реестре цифровых транзакций в соответствии с установленными правилами его ведения.

Основой создания и функционирования криптовалюты является технология блокчейн (от англ. *block chain* – «цепь из блоков»), обеспечивающая внесение записей в распределенный информационный реестр о владении лицом определенным количеством криптовалюты путем добавления взаимосвязанных информационных блоков. Подтверждение достоверности внесения новых записей в блокчейн обеспечивается выполнением расчетов контрольных сумм (хеш-сумм) для каждого нового блока информации. Считается, что подобная технология исключает возможность фальсификаций и подмены данных [1].

Реестр всех операций с цифровой валютой носит децентрализованный характер: все данные о произведенных переводах (транзакциях) хранятся на множестве отдельных компьютеров, являющихся узлами сети (информационной системы). Любые изменения текущего состояния системы регистрируются и подтверждаются каждым узлом. Новая запись (информационный блок) появляется в реестре

на основании консенсуса, будучи одобренной более чем 50 % узлов [6]. При этом новый блок добавляется к предыдущему, что позволяет видеть историю транзакций в блокчейне.

Функционирование подобных информационных систем носит автономный характер: в них отсутствует какой-либо внутренний или внешний администратор, который контролирует и координирует работу. Это повышает устойчивость системы к внешним воздействиям.

Механизм функционирования криптовалют требует большого количества вычислительных ресурсов, обеспечивающих расчет хеш-сумм для каждой новой транзакции. Для стимулирования привлечения вычислительных мощностей пользователей используется механизм майнинга, когда участники информационной системы предоставляют свои ресурсы за вознаграждение в виде премии (определенного количества этой самой криптовалюты) за каждую выполненную расчетную операцию [4].

На середину 2021 г. число криптовалют превышало 4 800, из которых обращалось на криптобиржах свыше 2 500. Наибольшей капитализацией из криптовалют обладают Bitcoin (на долю которой приходится свыше 55 % рынка), Ethereum, XRP, Bitcoin Cash, Litecoin и Stellar.

Приведенные технологические особенности криптовалюты обуславливают функциональные особенности их использования по сравнению с финансовыми транзакциями в национальных валютах, совершаемых при помощи банковских карт или иных средств платежа.

Во-первых, все операции, совершенные с использованием криптовалюты, носят публичный характер, поскольку единый реестр транзакций доступен неограниченному кругу лиц.

Во-вторых, технология блокчейн исключает возможность какого-либо воздействия на такие транзакции путем их отмены, наложения ареста, конфискации и пр.

В-третьих, анонимность владения криптовалютой обеспечивается возможностью открытия электронного криптокошелька на вымышленных лиц, а осуществление транзакций осуществляется не напрямую, а путем смешения групп транзакций в информационные блоки (отсюда и название «блокчейн»).

В-четвертых, криптовалюты являются как средством взаиморасчетов, так и объектом инвестирования, в связи с чем расчеты с их использованием не всегда завершаются выводом средств в национальные валюты. Криптовалюта может длительное время накапливаться в определенном цифровом кошельке, «консервируя» преступный доход.

Несмотря на то, что при использовании криптовалют во взаиморасчетах установление

³ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.

личности ее отправителя и получателя затруднено по вышеизложенным причинам, принципиальная возможность их установления все же существует.

Прежде всего, в сети Интернет находится значительное число общедоступных сервисов просмотра криптовалютных транзакций, позволяющих исследовать блокчейн. К ним относятся: btc.com, etherscan.io, localmonero.co и др. Блокчейн-обозреватели фиксируют и сохраняют следующие данные о совершенных транзакциях: дата и время их совершения, адреса криптовалютных кошельков отправителя и получателя, количество переводимой криптовалюты, гонорар за осуществление транзакции и зашифрованный идентификатор транзакции (хеш). Последний, как уже ранее отмечалось, служит доказательством достоверности транзакции и используется для ее проверки.

Для сбора данных о криптовалютных кошельках и анализа произведенных через них транзакций можно использовать как программы-обозреватели блокчейна конкретной криптовалюты (btc.com, etherscan.io, xrpxcharts.ripple.com/#/graph, explorer.bitcoin.com/bch, litecoinblockexplorer.net, steexpr.com), так и универсальные обозреватели, позволяющие анализировать несколько видов криптовалюты в одном окне. К числу таких универсальных обозревателей относятся: blockchair.com, tokenview.com, blockchain.com, bitaps.com и live.blockcypher.com.

Вместе с тем большинство вышеназванных обозревателей блокчейна имеют ряд существенных недостатков, которые делают их трудноприменимыми в практической деятельности по расследованию преступлений, а именно:

1. Отсутствие встроенных систем визуализации данных в графическом формате.
2. Отсутствие возможности постановки на контроль (отслеживание активности) определенных криптокошельков.
3. Ограниченность функциональных возможностей в части отнесения отдельных криптокошельков к биржам, обменникам или иным функциональным сервисам.

При этом важно отметить, что криптовалютные биржи и обменники, предназначенные для совершения сделок покупки/продажи криптовалюты, а также ее обмена на другие криптовалюты, располагают значительным объемом криминалистически значимой информации. Согласно рекомендациям ФАТФ, организация обращения цифровой валюты строится на основе принципа «Знай своего клиента» [9, с. 17]: организация, осуществляющая выпуск или обращения цифровой валюты, обязана идентифицировать и верифицировать личность каждого пользователя ее услугами. Причем выполнить

процедуру идентификации необходимо, прежде чем он сможет проводить финансовые операции [13].

С учетом изложенного легальные криптобиржи осуществляют идентификацию всех своих пользователей, а также на основании запроса правоохранительных органов предоставляют сведения о них. В частности, криптобиржи располагают такой информацией о зарегистрированных на них клиентах, как: фамилия; имя; отчество; дата рождения; электронная почта; номер телефона; страна и адрес проживания; документ, удостоверяющий личность; идентификатор социальной сети или мессенджера; IP-адрес, использованный при регистрации и входе в систему; геолокация мест входа устройства; цифровой профиль использованного для входа устройства; данные о проведенных их клиентами операциях, включая: статус обменной операции (выполнено/закрыта), сумму ввода, вывода, номера счетов получателя, дату и время транзакций и др.

Всего в русскоязычном сегменте сети Интернет (по данным мониторинга bestchange.ru) представлено более 400 интернет-площадок по обмену криптовалют на их рублевый эквивалент, большинство из которых функционируют вне правового поля.

Принадлежность криптовалюты определенному лицу устанавливается на основании следующих фактов:

- владение частным ключом доступа к криптовалютному кошельку, позволяющему совершать операции с находящейся в нем криптовалютой;
- указание адреса криптовалютного кошелька для приема платежей на странице в социальной сети, в переписке посредством сервисом мгновенных сообщений (мессенджеров), записи в блоге, сообщении на форуме или на сайте;
- указание сведений о личности в соответствии с правилами функционирования криптовалютной биржи или обменника.

Кроме того, связь между определенным лицом и используемым им криптокошельком устанавливается на основании сведений, предоставленных при его регистрации, включая ID (уникальный и неизменяемый идентификационный номер пользователя сервиса).

Установление вышеперечисленных фактов осуществляется на основе методов поиска информации в открытых источниках (OSINT) [5].

Визуальное отслеживание транзакций осуществляется при помощи таких общедоступных сервисов, как graphsense.info, blockpath.com, c-hound.ai, oxt.me, или репозитория github.com/s0md3v/Orbit, российского sicp.ueba.su, а также сервиса «Прозрачный блокчейн», разработан-

ного по заказу Росфинмониторинга. В работе Европола и Интерпола используется программный комплекс «Maltego». При этом сервисы oxt.me, sicr.ueba.su и «Прозрачный блокчейн» обладают собственными базами идентифицированных криптокошельков.

Установить наличие связи между двумя криптокошельками (аффилированность) можно в сервисе learnmeabitcoin.com/tools/path.

К числу специализированных коммерческих продуктов, предназначенных для деанонимизации криптокошельков, относятся *crystalblockchain*, *chainalysis*, *ciphertrace*, *elliptic* и ряд других. Платформа «GraphSense» позволяет анализировать блокчейн таких криптовалют, как *Bitcoin*, *Bitcoin Cash*, *Litecoin*, *Zcash*, а также *Ethereum*. Программный продукт доступен в виде открытого исходного кода на GitHub github.com/graphsense, а также в виде демонстрационного решения.

Сервисы «Blockpath», «SICP» и «ОХТ» позволяют анализировать «Блокчейн» криптовалюты Bitcoin. Они относительно просты в использовании и общедоступны. При этом сервис «SICP» обладает собственной аналитической моделью скоринговой оценки криптокошельков и базой данных криптокошельков, отнесенных к пользованию конкретными лицами, криптовалютными биржами, обменниками или преступными сообществами. Скоринговая оценка (от англ. *score* – счет или подсчет очков) применяется в финансовых структурах для оценки платежеспособности заемщика. Клиент банка при оформлении кредита проходит обязательное анкетирование. Его профессиональные, демографические и социальные характеристики имеют определенный балл. Программа автоматически «подсчитывает очки» из анкеты и выдает результат о благонадежности потенциального заемщика. Сотрудник банка на основании скоринговой оценки принимает решение: выдать кредит клиенту или же отказать ему. Этот же механизм положен в основу оценки криптокошельков.

Мониторинг движения криптовалюты, проходящей через определенный криптокошелек, возможен с использованием таких общедоступных сервисов, как cryptocurrencyalerting.com/wallet-watch.html и cryptotxalert.com. Их использование дает возможность своевременно зафиксировать начало движения средств на исследуемых кошельках.

Помимо использования вышеописанных специализированных сервисов, деанонимизация владельцев криптовалютных кошельков может вестись с использованием методов соотнесения данных, кластерного анализа и эвристического метода. Рассмотрим данные методы более подробно:

1. Прямое соотнесение данных о принадлежности криптовалютного кошелька основано на выявлении связи цифровых идентификаторов лица (аккаунт в социальных сетях, электронная почта, номер телефона и т. п.) с конкретным адресом криптокошелька.

Для этого, в частности, используется поиск упоминаний проверяемых криптокошельков в поисковых системах Яндекс, Google или Даркнет-поисковиках. Сведения о принадлежности криптокошельков могут быть опубликованы на различных Интернет и Даркнет сайтах, в форумах, блогах, социальных сетях, документах Google Docs, а также в специализированных сервисах-отзовиках.

Отнесение криптокошелька к бирже, обменнику или иному сервису, использующему цифровую валюту, возможно при помощи таких ресурсов, как: walletexplorer.com, bitinfocharts.com, oxt.me. Они также позволяют извлекать (методом парсинга) массивы информации для использования в собственных аналитических системах. Парсинг представляет собой метод собирания и систематизации информации, размещенной на определенных сайтах, с помощью специальных программ, автоматизирующих процесс. Задача последних – синтаксический анализ, разбор поступающей информации, ее структурирование [11, с. 201]. Иными словами, парсинг направлен на получение необходимых данных, соответствующих заданным параметрам.

Установление связи между покупкой криптовалюты конкретным лицом и зачислением схожего числа криптовалюты на один из криптовалютных кошельков обеспечивается выявлением следующих цифровых идентификаторов: никнейм, фотография, IP-адрес, адрес электронной почты, номер мобильного телефона, цифровой профиль устройства и др.

Никнейм (англ. *nickname*) – это псевдоним, применяемый пользователем в Интернете обычно в местах общения (блогах, форумах, чатах, социальных сетях, мессенджерах и электронной почте). Поиск совпадений по никнейму в сети Интернет проводится путем использования следующих сервисов: namechk.com, whatsmyname.app, instantusername.com, infotracer.com, intelx.io/tools?tab=username, go.mail.ru/search_social или t.me/maigret_osint_bot.

Фотография пользователя также может быть использована для установления личности путем ее сопоставления с существующими базами биометрических данных социальных сетей. Наиболее распространенными сервисами для этого являются: findclone.ru, search4faces.com, pimeyes.com. Для решения данной задачи можно использовать штатные возможности поис-

ковых сервисов: yandex.ru/images, go.mail.ru/search_images и images.google.com.

IP-адреса анализируются на предмет принадлежности к конкретному региону и использования средств анонимизации сетевого трафика. Для этого можно использовать следующие ресурсы: maxmind.com/en/geoip2-precision-demo, surxgeo.net/ru/demo/ или ipinfo.io/map.

Номер мобильного телефона и адрес электронной почты — это одни из самых распространенных идентификаторов, используемых в качестве средства подтверждения входа или двухфакторной идентификации в большинстве онлайн-сервисов и приложений. В российском сегменте Интернета функционирует значительное количество специализированных сервисов, позволяющих проводить автоматизированную проверку номеров телефонов и адресов электронной почты. К ним относятся: ТелПоиск, Инфосфера, NEO, Прима Информ, IDX, Spectrum Data и др.

Получение цифрового профиля устройства пользователя осуществляется посредством перенаправления его трафика на подконтрольный web-ресурс. Таким ресурсом может являться сайт в сети Интернет, на котором были заранее размещены специальные скрипты, предназначенные для идентификации посетителей. Существуют также общедоступные интернет-логгеры, такие как: iplogger.ru, grabify.link или canarytokens.org. Они позволяют пользователю создать уникальную ссылку на тот или иной объект в Интернете, проходя по которой пользователь оставит данные о своем устройстве.

2. Использование аналитических и статистических методов для идентификации криптокошельков.

2.1. Эвристический метод. Эвристика (от греч. *heurisko* — отыскиваю, открываю) — совокупность приемов и методов, облегчающих и упрощающих решение познавательных, конструктивных, практических задач. Эвристикой называют также специальную научную область, изучающую специфику творческой деятельности. Эвристические методы противопоставляются рутинному, формальному перебору вариантов по заданным правилам [12]. Применительно к решению кибернетических задач под эвристикой понимается способность делать логический вывод и обучать компьютерную нейросеть делать выводы без участия человека [8].

Эвристику при исследовании криптовалютных кошельков можно условно разделить на два направления: эвристический анализ повторения входов/выходов криптовалюты и эвристический анализ изменения адресов криптокошельков.

«Вход» криптокошелька содержит сведения об отправителе транзакции, а «выход» — получателе транзакции. Кроме этих данных, вход и выход содержат сведения о сумме и подтверждение факта транзакции. Если некий пользователь получает регулярные платежи с разных криптокошельков примерно схожими суммами, возможно спрогнозировать даты и суммы следующих выплат, а также выявить совокупность криптокошельков, осуществляющих подобные выплаты.

Эвристика с изменением адреса криптокошелька основана на том, что криптокошелек может генерировать неограниченное количество новых адресов для получения криптовалюты. Однако самый первый созданный пользователем криптокошелек при этом никуда не исчезает. Если отправить на него криптовалюту, то она дойдет до получателя. Зная эту особенность работы блокчейна, можно отнести большое число адресов к одному пользователю. Например, если установлено, что на криптокошелек наркоторгового магазина перестали осуществляться платежи, но сам магазин продолжал активную работу, то в результате сопоставления данных о тех криптокошельках, которые являлись частыми «клиентами», а также тех, через которые осуществлялось обналечение средств (перевод в фиатные активы), появляется возможность идентифицировать новый кошелек магазина, который не являлся публичным.

2.2. Кластерный анализ. Кластерный анализ — это многомерная статистическая процедура, выполняющая сбор данных, содержащих информацию о выборке объектов, и затем упорядочивающая объекты в сравнительно однородные группы. Кластерный анализ соединяет и усиливает достижения обоих направлений эвристики. При этом блокчейн разделяется на большое число кластеров по признакам относимости отдельных кошельков к криптобиржам, обменникам, нелегальным площадкам, казино и т. п. Затем осуществляется выделение дополнительных кластеров по признаку изменения адресов криптокошельков. Например, программный продукт bit-cluster.com позволяет анализировать транзакции на основе группировки адресов входящих и исходящих кошельков.

2.3. Система анализа графов. Анализ графов предполагает ранжирование и группировку условно анонимных кошельков по отношению к крупнейшим известным криптокошелькам (теневым маркетплейсам, биржам, площадкам с азартными играми, сообществам и хакерским группам).

В ходе дальнейшего анализа любой граф может быть разбит на подграфы, а тот, в свою

очередь, тоже на подграфы, в зависимости от возможности выделять новые особенности или общности для группировки криптокошельков. Например, использование НОД (серверное оборудование, поддерживающее работу блокчейна), имеющее условную географическую привязку, может позволить выделить в каждом выявленном графе подграфы на основании физического нахождения кошельков на одном из континентов.

Однако на практике установление личности владельцев криптовалютных кошельков осложняется использованием ими средств дополнительной анонимизации транзакций в криптовалюте, включая анонимайзеры, подменяющие IP-адрес устройства, с которого производился вход в сеть Интернет, а также программы «миксеры», осуществляющие разбиение пересылаемого сообщения на отдельные фрагменты, направляемые адресату разными маршрутами.

«Миксеры» криптовалют позволяют разорвать связь между ее отправителем и получателем. При использовании такого сетевого «миксера» пользователь отправляет в его адрес, который генерируется индивидуально для каждого клиента, требуемое для перевода количество криптовалюты. В свою очередь, миксер собирает в один пакет транзакции нескольких пользователей или распределяет полученную криптовалюту среди сотен тысяч принадлежащих ему криптокошельков. Затем несколькими операциями проводит их по сложным маршрутам и возвращает владельцу на тот криптокошелек, который он заранее указал, либо переводит новому владельцу. Также возможно дробление транзакций на несколько частей.

Владельцы подобных сервисов получают за свои услуги комиссионное вознаграждение, удерживаемое с отправителя. Таким образом, привязать цифровую валюту к конкретному источнику становится значительно труднее.

Список литературы:

1. Балдов Д. В., Петрова С. Ю., Лебедев А. А. Использование технологии блокчейн для защиты данных // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9. № 9.
2. Гаврилин Ю. В. О научных подходах к проблеме использования информационно-телекоммуникационных технологий в преступных целях: научно-практическое пособие. Москва, 2021.
3. Гаврилин Ю. В. Противодействие цифровой трансформации наркопреступности (по итогам Всероссийского онлайн-семинара) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56).

Для деанонимизации работы «миксеров» необходимо получить информацию о большей части принадлежащих ему криптокошельков путем использования аналитических и статистических методов. Затем посредством сравнения входных и выходных сумм устанавливался предполагаемый кошелек получателя криптовалюты.

Наиболее конфиденциальными для совершения транзакций считаются «анонимные криптовалюты», которые скрывают данные транзакций (адреса отправителя и получателя, сумму сделки и др.). К числу популярных анонимных криптовалют относят: Dash, Monero, Zcash; к менее известным – SmartCash, Komodo, Pivx, Navcoin, Horizen и Verge. При этом недостатком анонимных криптовалют является их относительно низкая ликвидность.

К числу обозревателей анонимных криптовалют относятся: localmonero.co/blocks, explorer.zcha.in, explorer.dash.org/insight/. Разработки аналитических систем, предназначенных для отслеживания анонимных криптовалют, начались в США с 2018 г. Один из первых таких инструментов был разработан в августе 2020 г. по заказу Министерства внутренней безопасности США (DHS) американской компанией «CipherTrace».

В заключение необходимо отметить следующее. Эффективное решение задачи идентификации владельцев цифровой валюты, в том числе на основе данных открытых источников, требует разработки специализированного информационно-аналитического программного обеспечения, производящего комплексный анализ данных. Примерами подобного программного обеспечения являются автоматизированные рабочие места, разработанные российскими компаниями «Ти Хантер» и «Интернет-Розыск».

References:

1. Baldov D. V., Petrova S. Yu., Lebedev A. A. Ispol'zovanie tekhnologii blokchejn dlya zashchity dannyh // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Vol. 9. № 9.
2. Gavrilin Yu. V. O nauchnyh podhodah k probleme ispol'zovaniya informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij v prestupnyh celyah: nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva, 2021.
3. Gavrilin Yu. V. Protivodejstvie cifrovoj transformacii narkoprestunosti (po itogam Vserossijskogo onlajn-seminara) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56).

4. *Егорова М. А., Белицкая А. В.* Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 4 (68).
5. *Кубасов И. А., Лекарь Л. А., Кондрущенко О. М.* Перспективные направления применения методов анализа больших данных в информационно-аналитическом обеспечении оперативно-розыскной деятельности // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции / под общ. ред. И. Г. Чистобородова, А. Л. Ситковского, В. О. Лапина. Москва, 2020.
6. *Максуров А. А.* Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование: монография. Москва, 2020.
7. *Пинкевич Т. В.* Проблемы уголовно-правового противодействия преступной деятельности с использованием криптовалют // Юрист-Правовед. 2020. № 4 (95).
8. *Пройдаков Э. М.* Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. 2018.
9. Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / пер. с англ. Москва, 2012.
10. *Судницын А. Б., Молоков В. В.* Отдельные возможности получения и использования сведений об операциях с криптовалютой при раскрытии и расследовании преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89).
11. *Шведов Д. И.* Парсинг и матчинг данных для оперативного анализа динамических ситуаций // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2017. № 6.
12. Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. Москва, 2004.
13. Guidance for a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers. URL: <https://static.coindesk.com/wp-content/uploads/2019/06/Embargo-Virtual-Asset-Guidance.pdf> (дата обращения: 16.09.2021).
4. *Egorova M. A., Belickaya A. V.* Majning kriptovalyuty v Rossii i v mire: ponyatie i pravovoe regulirovanie // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2020. № 4 (68).
5. *Kubasov I. A., Lekar' L. A., Kondrushchenkov O. M.* Perspektivnyye napravleniya primeneniya metodov analiza bol'shih dannyh v informacionno-analiticheskom obespechenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Strategicheskoe razvitie sistemy MVD Rossii: sostoyanie, tendencii, perspektivy: sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod obshch. red. I. G. Chistoborodova, A. L. Sitkovskogo, V. O. Lapina. Moskva, 2020.
6. *Maksurov A. A.* Blokchejn, kriptovalyuta, majning: ponyatie i pravovoe regulirovanie: monografiya. Moskva, 2020.
7. *Pinkevich T. V.* Problemy ugolovno-pravovogo protivodejstviya prestupnoj deyatel'nosti s ispol'zovaniem kriptovalyut // Yurist"-Pravoved". 2020. № 4 (95).
8. *Projdakov E. M.* Sovremennoe sostoyanie iskusstvennogo intellekta // Naukovedcheskie issledovaniya. 2018.
9. Rekomendacii FATF. Mezhdunarodnye standarty po protivodejstviyu otmyvaniyu deneg, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya / per. s angl. Moskva, 2012.
10. *Sudnicyn A. B., Molokov V. V.* Otdel'nye vozmozhnosti polucheniya i ispol'zovaniya svedenij ob operacijah s kriptovalyutoj pri raskrytii i rassledovanii prestuplenij // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2 (89).
11. *Shvedov D. I.* Parsing i matching dannyh dlya operativnogo analiza dinamicheskikh situacij // Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tehnicheskij zhurnal). 2017. № 6.
12. Enciklopedicheskij slovar' / pod red. A. A. Ivina. Moskva, 2004.
13. Guidance for a risk-based approach to virtual assets and virtual asset service providers. URL: <https://static.coindesk.com/wp-content/uploads/2019/06/Embargo-Virtual-Asset-Guidance.pdf> (data obrashcheniya: 16.09.2021).

Для цитирования:

Гаврилин Юрий Викторович, Бедеров Игорь Сергеевич. Установление личности владельцев цифровой валюты: методологические основы // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 101–108.

For citation:

Gavrilin Yuriy Viktorovich, Bederov Igor' Sergeevich. Identification of Digital Currency Owners: Methodological Foundations // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 101–108.

ПЁТР ИВАНОВИЧ ИВАНОВ,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2367-3369

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПИРОЖЕНКОВ,
начальник филиала «Болшево»,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: S.Pirozhenkov@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 — криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

УДК 343.98

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-109-119

Дата поступления статьи: 22 сентября 2021 г.
Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание)

On the Issue of Private Forensic Methods of Crime Investigation (Structure and Content)

Аннотация

Актуальность разработки частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем (преступления, предусмотренные ст. 174, 174¹ УК РФ)¹, обусловлена в первую очередь ее востребованностью органами предварительного следствия; она могла бы положительно сказаться на повышении качества расследования дел указанной категории.

В процессе предварительного следствия

PYOTR IVANOVICH IVANOV,
Chief Scientist of the Scientific Research Center,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of Russian Federation
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

SERGEJ ALEKSANDROVICH PIROZHENKOV,
Head of «Bolshevo» Branch,
Candidate of Law
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: S.Pirozhenkov@yandex.ru

Scientific specialty:
12.00.12 — Criminalistics;
Forensic Work;
Operative Investigative Activity.

Abstract

The urgency of the development of a private forensic methodology for investigating crimes related to the legalization (laundering) of criminally acquired income (crimes under Articles 174, 174¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) is primarily due to the demand for it by the preliminary investigation authorities, which could have a positive impact on improving the quality of the investigation of cases of this category.

During the preliminary investigation, investigators face active opposition from not only the suspects (accused), but also those interested in the outcome of the case. At the same time, they often show their unwillingness to accept adequate met-

¹ В дальнейшем наряду с использованием полного наименования этой группы преступлений также — преступления, связанные с отмыванием доходов.

следователи сталкиваются с активным противодействием со стороны не только подозреваемых (обвиняемых), но и заинтересованных в исходе дела лиц. В то же время нередко они проявляют свою неготовность к применению адекватных приемов и средств по его преодолению.

Теоретической основой разработки методических рекомендаций и предложений могла бы послужить частная криминалистическая методика расследования² дел рассматриваемой категории.

Постановка проблемы: как показывает судебно-следственная практика, повышение эффективности расследования рассматриваемых видов преступлений невозможно или крайне затруднительно без наличия разработанных научно обоснованных рекомендаций (в форме методики), направленных на улучшение качества расследования посредством оптимизации проводимых следственных (процессуальных) и оперативно-розыскных действий. Необходимость в криминалистическом обеспечении продиктована следующими взаимосвязанными между собой факторами: одними чисто процессуальными мерами без оперативного сопровождения дел не представляется возможным обеспечить полноту, объективность и всесторонность расследования; низким уровнем взаимодействия с оперативными подразделениями полиции; активным противодействием подозреваемых и обвиняемых предварительному следствию и судебному разбирательству с использованием новейших современных приемов и средств; низким профессиональным мастерством следователей, в производстве которых находятся уголовные дела указанной категории.

Цель исследования: получение новых научных знаний и разработка на их основе методических рекомендаций (в форме методики), направленных на улучшение качества и эффективности расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем.

Методы исследования: общенаучные, включающие формально-логические (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, выдвижение гипотез), частнонаучные (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов).

Результаты и ключевые выводы: в рамках настоящей научной статьи осуществлялось изучение познанных в интересах оптимизации предварительного следствия по делам о легализации доходов, приобретенных преступным

hods and means to overcome it.

The theoretical basis for the development of methodological recommendations and proposals could be a private forensic methodology for investigating cases of this category.

The problem statement: as the judicial and investigative practice shows, it is impossible or extremely difficult to increase the effectiveness of the investigation of the types of crimes under consideration without the availability of scientifically based recommendations developed in advance (in the form of a methodology) aimed at improving the quality of the investigation by optimizing the investigative (procedural) and operational-search actions. The need for forensic support is dictated by the following interrelated factors: it is not possible to ensure the completeness, objectivity and comprehensiveness of the investigation by «purely» procedural measures alone without operational support of cases; a low level of interaction with operational police units; active opposition by suspects and accused to preliminary investigation and trial using the latest modern techniques and means; the low professional skill of the investigators, in the production of which there are criminal cases of this category.

The purpose of the study: to obtain new scientific knowledge and develop methodological recommendations based on them (in the form of a methodology) aimed at improving the quality and efficiency of investigating crimes related to the legalization of proceeds acquired by criminal means.

The research methods: general scientific, including formal-logical (analysis, synthesis, generalization, hypotheses), private scientific (observation, questioning, interviewing, content analysis of documents).

The results and key conclusions: within the framework of this scientific article, the study was carried out of the particular patterns associated with the mechanism of this type of crime, the emergence of information about the participants of this act the patterns of the trace formation mechanism), as well as those related to the identification, collection, consolidation, preservation, research, evaluation and use of evidence during pre-trial proceedings in cases of crimes of this category. Based on the results of this work, a mechanism for establishing new patterns is proposed.

Measures have been developed to prevent errors and miscalculations in the investigation process. These include: a preliminary study, together with the investigator, of the initiator's (operational employee of the economic security and anti-corruption unit) materials; conditional division of the course of the investigation into stages with a specific statement of tasks; development of a joint coordinated plan for conducting investigative actions and operational search measures; conducting a

² В ходе дальнейшего изложения наряду со словосочетанием «частная криминалистическая методика расследования» будет использоваться термин «частная методика».

путем, частных закономерностей, связанных с механизмом данного вида преступления, возникновением информации об участниках указанного деяния (закономерности механизма слеодообразования), а также с выявлением, собиранием, закреплением, сохранением, исследованием, оценкой и использованием доказательств в ходе досудебного производства по делам о преступлениях указанной категории. По результатам этой работы предложен механизм установления новых закономерностей.

Разработаны меры по предотвращению ошибок и просчетов в процессе расследования. К их числу отнесены: предварительное изучение совместно со следователем имеющихся в распоряжении инициатора (оперативного работника подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК)) материалов; условное деление хода расследования на этапы с конкретной постановкой задач; разработка совместного согласованного плана проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; проведение в усиленном режиме с использованием сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на нейтрализацию противодействия расследованию.

Помимо этого предлагается минимизировать возможные ошибки при расследовании дел рассматриваемой категории путем тщательной отработки следственных и оперативно-розыскных версий и следственных и оперативно-тактических ситуаций; разбора допущенных просчетов по предыдущим уголовным делам.

Ключевые слова: частная криминалистическая методика; предварительное следствие; легализация преступных доходов; закономерность.

complex of operational-search and other measures aimed at neutralizing counteraction to the investigation in an enhanced mode with the use of forces, means and methods of operational-search activity.

In addition, it is proposed to minimize possible errors in the investigation of cases of this category by carefully working out investigative and operational-search versions and investigative and operational-tactical situations; analyzing the mistakes made in previous criminal cases.

Key words: private forensic methodology; preliminary investigation; legalization of criminal proceeds; regularity.

Правоохранительные органы, включая органы предварительного следствия, реализуя государственную политику в области борьбы с отмытием незаконных доходов в рамках Концепции развития национальной системы противодействия легализации³, предпринимают всевозможные меры по поиску путей повышения эффективности расследования преступлений, связанных с легализацией (отмытием) доходов, приобретенных преступным путем. Необходимость поиска, как показывает про-

веденное нами выборочное изучение, обусловлена недостаточной эффективностью этой деятельности, невысоким уровнем научного, методического и информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений указанной категории (низкое их качество), соблюдением при этом дополнительных гарантий прав субъектов предпринимательской деятельности, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, стремительным развитием процесса цифровизации экономики, появлением новых способов преступлений, основанных на использовании современных информационных технологий, необходимостью повышения профессионального мастерства сотрудников ор-

³ Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмытию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утверждена Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г.).

ганов внутренних дел (далее — ОВД), стремительно быстрым устареванием в новых условиях методических рекомендаций и методик раскрытия и расследования преступлений, связанных с отмыванием доходов, в связи с изменениями как уголовного, уголовно-процессуального законодательства, так и законодательства, регламентирующего отдельные виды экономической деятельности. Отсюда остро ощущается нехватка современных практико-ориентированных методических рекомендаций и криминалистических методик расследования преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, приобретенных преступным путем.

Решение этой задачи, как утверждают ученые-криминалисты В. М. Прошин, В. И. Рохлин, М. В. Субботина, С. Н. Чурилов, Н. П. Яблоков и другие, намного бы облегчилось, если бы они разрабатывались на основе частной криминалистической теории расследования преступлений. Трудно не согласиться с таким суждением авторов, которое, на наш взгляд, распространяется и на рассматриваемые нами категории преступлений⁴.

Нами по результатам изучения выявлены обстоятельства, обуславливающие необходимость разработки частной методики. Основными из них являются: вызовы современной организованной преступности; важность налаживания в интересах своевременного решения возникающих в ходе расследования задач должного взаимодействия следователя и оперативного работника, осуществляющего оперативное сопровождение уголовных дел⁵; обеспечение успешной реализации тактических приемов и операций, своевременного преодоления противодействия расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых), а также заинтересованных в исходе дела лиц; методическое и информационное обеспечение следователей с целью повышения уровня криминалистических знаний и необходимых навыков расследования дел указанной категории, а также с целью получения новых знаний о типичных носителях и источниках следовой информации. Говоря о факторах, обуславливающих необходимость разработки частной криминалистической методики, следует отметить, что такая методика могла бы послужить теоретической основой для разработки методических рекомендаций

(в форме методики), содержащих пошаговый алгоритм действий следователей по расследованию уголовных дел о преступлениях, связанных с отмыванием преступных доходов [3].

Забегая вперед, отметим, что под *частной методикой* нами понимается научно обоснованный и апробированный на практике комплекс методических рекомендаций, преследующих цель оптимизации деятельности следователей и оперативных работников при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории. Мы считаем, что частная методика расследования преступлений как система может быть представлена в виде трех составных частей, а именно:

— *научно обоснованных положений*, относящихся к расследованию преступлений (научное, методическое и информационное его обеспечение; правовое регулирование отдельных вопросов; организация и тактика производства отдельных сложных следственных действий (например, осмотр виртуальных следов при расследовании преступлений, совершенных в сети Интернет); защита добросовестных субъектов предпринимательской деятельности от необоснованного вовлечения в сферу уголовного судопроизводства);

— *выводов и предложений* по совершенствованию существующих и формированию (разработке) новых частных методик, рассчитанных на повышение эффективности расследования дел;

— *комплекса методических рекомендаций*, в том числе в форме методики.

Отсюда можно заключить, что частная криминалистическая методика расследования создает реальные предпосылки для теоретической и прикладной основы расследования отдельных видов преступлений.

В частной методике ключевое место занимают вопросы квалификации⁶, включающие определение, исходя из результатов оперативно-розыскной деятельности, объекта и предмета легализации (отмывания), а также соблюдение уже сложившихся на практике правил квалификации указанных противоправных деяний, касающихся квалификации субъективных и объективных признаков состава легализации (отмывания) доходов.

Уже на этапе доследственной проверки следователь, изучая полученные от оперативного сотрудника материалы, пытается твердо убедиться в наличии или отсутствии состава

⁴ Ранее эти вопросы фрагментарно нами рассматривались. Об этом см. подробнее: [5; 6].

⁵ По результатам выборочного исследования авторы установили такую картину: увеличивается количество предварительно расследованных преступлений от общего количества выявленных преступлений, в то же время становится меньше преступлений, уголовные дела по которым направлялись в суд от общего количества предварительно расследованных преступлений. Мы усматриваем здесь невысокое качество расследования и уровень профессионального мастерства сотрудников.

⁶ Квалификация преступлений как установление тождества между совершенным противоправным деянием и нормой уголовного закона является итогом деятельности правоохранительной системы по определению виновности конкретного лица, совершившего преступление. Правильная квалификация преступлений является залогом соблюдения принципов законности, справедливости и гуманизма. Только при правильной правовой оценке противоправного деяния вынесенный судьей приговор может быть признан законным и обоснованным. Об этом см. подробнее: [1, с. 51].

ва (события) преступления. Если оно имеет место, то кому и каким образом причинен ущерб, кем совершено уголовно наказуемое деяние — в одиночку либо в составе преступной группы.

Формирование частной криминалистической методики расследования рассматриваемых нами категорий преступлений не самоцель, поскольку с ее помощью представляется возможным решить ряд тактических задач, касающихся научного обеспечения методики расследования (формирование ее концептуальных основ), выбора из всей совокупности рациональных тактических приемов производства следственных действий и активного использования в интересах разработки методики современных достижений науки и техники, а также смежных областей знаний.

Частная методика расследования имеет сложную структуру, которая состоит из двух частей:

а) *теоретической (познавательной)*. В свою очередь эта часть базируется на двух ее составляющих: криминалистической характеристике рассматриваемых видов преступлений и характерной модели их механизмов;

б) *деятельностной (прикладной)*, которая состоит из характерных версий, ситуаций и программ по их разрешению, а также из комплекса тактических приемов производства следственных (процессуальных) действий, особенностей использования в процессе расследования специальных знаний и взаимодействия с оперативными и иными подразделениями полиции.

Давая общую характеристику теоретической части частной методики, отметим, что, несмотря на исключительную важность криминалистической характеристики, в настоящей научной работе не представляется возможным ее осветить по причине ограниченности объема. К тому же данный вопрос неплохо раскрыт в криминалистической литературе [4; 16–18]. А вот что касается типичной модели механизма *отмывания криминальных доходов*, то вкратце остановимся на ее содержательной части, раскрывающей особенности анализируемой группы преступлений. Вначале приведем совокупность факторов как один из элементов модели. К их числу, в частности, через призму цифровых технологий мы относим:

— привлекательность для отмывания «грязных» денег цифровой среды (социальные сети, мессенджеры, средства электронных платежей, сеть Интернет);

— систему запретов, ограничений и обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции в отдельных сферах деятельности (коррупционные риски)⁷. Ис-

следователи, изучая новые вызовы и угрозы, среди них выделяют криптовалютные услуги. Так, в частности, профессор А. Л. Репецкая не исключает возможность использования виртуальной валюты при совершении преступлений коррупционной направленности [11, с. 66–67]. Тем самым, по ее мнению, до минимума может свестись опасность разоблачения коррупционеров, ибо пароль электронного кошелька будет знать только сам его владелец. Мы со своей стороны полагаем, что уже сегодня следует проработать адекватные меры по своевременному пресечению использования преступниками подобных схем при совершении коррупционных преступлений;

— цифровизацию и виртуализацию общественной жизни, отразившиеся на современных тенденциях преступности. Информационно-цифровая среда прежде всего повлияла на рост организованной преступности, активно использующей цифровые технологии, электронно-вычислительную технику. Компьютерные технологии в настоящее время начали использоваться в качестве площадки для совершения преступлений, в том числе легализации доходов. Вследствие чего появились электронно-цифровой след и цифровые носители информации;

— уход преступности в так называемый Darknet [10]. Способы совершения преступлений постоянно совершенствуются. Мы здесь наблюдаем интеллектуальное соперничество преступников и правоохранительных органов. Анонимное использование сети Интернет [7] и шифрование средств коммуникации создают определенные трудности в расследовании. Встает вопрос о криминалистическом исследовании информационных носителей, принципы его осуществления определены и обстоятельно рассмотрены профессором Е. Р. Россинской [12, с. 115]. Подчеркивается ею важность соблюдения четырех основных принципов, среди которых принцип обязательного участия специалиста при манипуляции с компьютерными средствами и системами. Как нам представляется, работа с информационными носителями требует совокупности знаний, умений и навыков ее осуществления;

— существующие ограничения доступа к информационным ресурсам;

— нахождение правоохранительных органов в замкнутом круге цифровых и других высоких технологий;

— возможность совершения предикатных преступлений с использованием технологии бесконтактной оплаты;

⁷ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы: указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 // СЗ РФ. 2021. № 34. Ст. 6170.

— появление личности «цифрового преступника» и его жертвы⁸. Исследователи справедливо отмечают, что цифровая трансформация во многом способствовала становлению организованных преступных групп и преступных сообществ, носящих высокотехнологичный транснациональный характер. Одновременно констатируют, что криминальные структуры в свои ряды активно вовлекают этнических представителей самых разных стран⁹. Тем самым происходит своеобразная «интернационализация» состава этих преступных группировок;

— востребованность криминальным рынком на международном, транснациональном уровне криминальной активности организованных преступных сообществ. В целом же, по оценкам экспертов, мировой ущерб от всех разновидностей цифровых преступлений с корыстной мотивацией в годовом исчислении составляет примерно 600 млрд долларов при росте на десятки процентов ежегодно [14]. Сложившаяся ситуация не может не вызвать беспокойства у мировой общественности;

— использование криминалитетом виртуальных денег [13], в том числе биткоина, при совершении операций. При этом широко используются квалифицированные программисты, специалисты по видеонаблюдению, манипуляторы с виртуальной валютой, тем самым на этом «зарабатываются» огромные суммы. Исследователи отмечают, что отмывание криминальных доходов среди преступлений в сфере экономической деятельности стало самым распространенным криптопреступлением, совершаемым с использованием блокчейн-технологий [9, с. 65]. О росте уровня таких преступлений свидетельствуют хотя бы следующие данные: если в 2015 г. удельный вес зарегистрированных криптопреступлений составил всего лишь порядка 5 %, то в 2018 г. их удельный вес уже превысил 40 %.

Перечисленные факторы прямо или косвенно оказывают влияние на состояние механизма отмывания криминальных доходов, которое представлено нами в виде трех модулей.

Модуль 1 — противоправное завладение денежными средствами с целью последующей их легализации. В данном случае выявлено предикатное (основное) преступление, что является немаловажным.

⁸ Это выпускники вузов, получившие дипломы компьютерщиков, психологов, специалистов по управлению персоналом. Это люди, тщательно планирующие преступления и подбирающие жертв. У них есть современная техника, и они годами живут на криминальные доходы. Об этом см. подробнее: [15, с. 153].

⁹ Специалисты отмечают, что в транснациональных организованных преступных формированиях с различным этническим составом сегодня принимают участие выходцы примерно из 80 % стран мирового сообщества.

Модуль 2 — использование для отмывания «грязных» денег услуг «обнальных» организаций. Как видно из смысла модуля, деньги «стекают» в такие организации, и «распутывать» это с точки зрения оперативной работы намного легче.

Модуль 3 — вывод посредством совершения фиктивных финансовых операций (сделок) финансовых активов за рубеж, иначе говоря, речь идет об их перемещении.

Мы перечислили лишь основные противоправные действия, перечень модулей может быть продолжен. Организованные преступные формирования постоянно их модернизируют, используя при этом современные информационные технологии.

Как нам представляется, при разработке типовых программ расследования дел анализируемой категории указанные модули должны служить исходной основой. К тому же принятая ФАТФ¹⁰ трехзвенная модель легализации (размещение — наслаивание — интеграция) является сопутствующим звеном механизма легализации. Данная модель во многом способствует сокрытию источника получения криминального дохода и его владельца.

Другим элементом структуры частной методики расследования, как уже мы отмечали, является деятельностная (прикладная) часть, которая состоит из двух основных компонентов: 1) типичных следственных ситуаций; 2) программы по их разрешению.

Результаты выборочных исследований позволили нам выделить четыре ситуации. Укажем их.

Ситуация 1. Возникает тогда, когда выявлено предикатное (основное) преступление, но подозреваемый категорически отрицает сам факт легализации криминальных доходов.

Ситуация 2. Сотрудники оперативных подразделений полиции располагают достоверными сведениями об отмывании организованной преступной группой «грязных» денег, но им пока что не удалось точно установить лидера и организатора и их коррупционные связи, а также конкретные способы извлечения криминальных доходов, маршруты их движения.

Ситуация 3 имеет место в тех случаях, когда раскрыты как источники происхождения «грязных» денег, так и механизм их отмывания, а сами подозреваемые не отрицают их причастности к совершению данных противоправных деяний.

Ситуация 4. Уголовное дело об отмывании возникло в результате его выделения.

Что же касается программы по разрешению следственных ситуаций, то на нее накладыва-

¹⁰ Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

ет свой отпечаток имеющаяся специфика ситуаций. Основная особенность в системе доказывания — это тактически грамотное увязывание в единую систему двух относительно самостоятельных деяний (основное преступление и отмывание доходов). Безусловно, трудоемкая задача, но, на наш взгляд, вполне разрешимая. Ее решение намного облегчится, если будет разработана частная методика расследования.

Структура частной методики расследования предполагает и *установление совокупности закономерностей*¹¹.

В целях оптимизации деятельности органов предварительного следствия по расследованию преступлений, связанных с легализацией, на наш взгляд, подлежит установлению следующая группа закономерностей (их перечень весьма внушительный):

— закономерности отражения криминалистически значимой информации при подготовке, совершении и сокрытии указанных видов преступлений. Говоря об этом, мы считаем необходимым отметить, что на деятельность органов предварительного следствия оказывают серьезное влияние такие процессы, как стремительное развитие экономики, ее цифровизация, появление новых способов легализации, основанных на использовании современных информационных технологий и способствующих корыстному обогащению (извлечению сверхприбыли);

— закономерности (взаимосвязи) организации и тактики взаимодействия органов предварительного следствия с оперативными аппаратами, контролирующими и надзорными органами, банковским сообществом, интернет-провайдером, операторами сотовой связи при их расследовании. Без их учета может быть заметно снижен общий уровень осведомленности как оперативных работников, так и следователей об особенностях и процессах, происходящих при легализации преступных доходов (обналичивании денежных средств, выводе денежных средств за рубеж);

— закономерности использования при этом специальных знаний. Незнание этих закономерностей может привести к неустановлению, например, движения денежных средств, полученных в результате совершения хищения (нецелевого их расходования), конечных бенефициаров, размера легализованных средств, а также средств, вывезенных за рубеж. При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что органы предварительного следствия непосредственно участвуют в обеспечении экономической безопасности, защищая бюджетные средства,

выделяемые в первую очередь на строительство стратегических объектов, реализацию приоритетных национальных проектов (государственных программ), гособоронзаказа, а также на борьбу с коронавирусной инфекцией¹²;

— закономерности выявления и преодоления противодействия расследованию с использованием возможностей заключения и реализации досудебного соглашения о сотрудничестве. Следователь, имея в своем распоряжении алгоритм действий в виде методических рекомендаций, учитывающих в том числе указанные закономерности и разработанные на одной из типовых ситуаций противодействия расследованию по делам о легализации, может без особого труда найти в них тот или иной способ противодействия, его нейтрализации. Одним из условий повышения эффективности расследования преступлений, как справедливо утверждает В. О. Лапин [7, с. 38], является оперативное сопровождение уголовных дел, поскольку оно позволяет установить скрытые коррупционные связи, заблаговременно узнать противоправные намерения подозреваемого (обвиняемого), пресечь факты разглашения информации, содержащей следственную тайну. Разделяя мнение автора, хотим отметить, что оперативное сопровождение способствует установлению истины по уголовному делу. Иначе говоря, не нарушая права и свободы человека и гражданина, тайным (скрытым) образом в процессе его осуществления оперативный работник «перепроверяет» причастность виновного к отмыванию «грязных» денег, воссоздает картину самого преступления, устанавливает возможные пути получения доказательств по делу;

— закономерности механизма преступлений, связанных с легализацией, обусловленные использованием при их подготовке, совершении и сокрытии современных информационных, банковских и иных технологий, оптимизации раскрытия и расследования указанных видов преступлений криминалистическими средствами и методами;

— закономерности организации и реализации отдельных тактических комбинаций (операций) при решении тактических задач расследования. Наличие рекомендаций, разработанных на основе их учета, помогает разрешить многие тактические задачи, стоящие перед расследованием уголовных дел об «отмывании». В частности, среди них: «установление коррупционных связей», «определение размера ущерба, извлеченного дохода», «вывод активов»;

¹¹ Под закономерностью здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между операциями и действиями лиц.

¹² На это обстоятельство обратил свое внимание и Президент Российской Федерации В. В. Путин на заседании коллегии ФСБ России, состоявшемся 24 февраля 2021 года.

— закономерности по выявлению с учетом сходства моделей механизмов рассматриваемых видов преступлений, типичных носителей и источников следовой информации по делам о легализации. Знание алгоритма ее поиска и установления облегчает определение характерной для них следовой картины — несоответствия (отклонения). Заметим, что наибольшее количество следовой информации находит отражение в таких документах, которые содержат сведения об имеющихся счетах, информацию о движении денежных средств по счетам и об их остатках, информацию о дистанционном управлении расчетными счетами организации, предприятия.

Несмотря на установленное ограничение объема научной статьи, полагаем необходимым в контексте рассмотренных выше следственных ситуаций затронуть отдельные аспекты разрабатываемых оперативно-тактических ситуаций, поскольку при расследовании преступлений задействованы и сотрудники оперативных подразделений для осуществления оперативного сопровождения. В целях отработки оперативно-розыскных версий, выдвинутых ими в рамках той или иной ситуации, планируют комплекс оперативно-розыскных и иных мероприятий. При этом следует учесть, что оперативно-тактические ситуации и следственные ситуации — это не одно и то же. Они отличаются не только по субъектам их принадлежности, но и по силам и средствам, задействованным при решении возникающих тактических задач. Их объединяет единая цель, стоящая перед ними, — создание в ходе расследования благоприятных условий для установления истины по делу путем всестороннего, полного и объективного расследования.

К сожалению, исследователи, признавая важность оперативного сопровождения уголовных дел, в том числе рассматриваемой нами категории, в то же время обходят данный вопрос стороной, оставляя без раскрытия его содержание. Думается, что такой подход ничем не оправдан, поскольку оперативное сопровождение, как нам представляется, в своей основе выполняет обеспечительную по отношению к следствию функцию, поэтому оно в равной мере заслуживает освещения, тем более когда речь заходит о расследовании уголовных дел, по которым подозреваемыми (обвиняемыми) проходят участники организованной преступной группы, что весьма характерно для преступлений, связанных с отмыванием криминальных доходов.

По результатам проведенного выборочного исследования применительно к рассматриваемым преступлениям мы решили из множества ситуаций выделить четыре:

Получена оперативная информация о том, что субъект предпринимательской деятельности, используя свое служебное положение, профессиональный опыт и аффилированных должностных лиц (покровителей бизнес-сообществ), маскируя свои противоправные действия под легальную предпринимательскую деятельность, извлекает сверхприбыль. Важно отметить, что «наличие коррупционных связей позволяет недобросовестным предпринимателям *получить неконкурентные преимущества* по сравнению с добросовестными бизнес-партнерами» [8, с. 22].

Возбуждение по заявлениям субъектов предпринимательской деятельности уголовных дел по фактам, относящимся к гражданско-правовым спорам. К сожалению, как отмечают исследователи [8, с. 34–35], здесь усматривается не только вина следователей, но и оперативных работников, которые в целях улучшения показателей результативности своей оперативно-розыскной работы всячески пытаются представить такого рода споры как уголовно наказуемое деяние. Не случайно возникло совместное указание о недопустимости такого рода действий, рассматриваемых как необоснованное давление на бизнес¹³.

Оперативные подразделения полиции располагают информацией о совершении легализации криминальных доходов с использованием банковских технологий. Однако им пока что не удалось установить маршруты движения денежных средств, полученных в результате совершения конкретного вида преступления, а также конечных бенефициаров.

Наконец, располагают сведениями о незаконном выводе активов кредитных организаций (незаконная банковская деятельность — совершение операций по обналичиванию денежных средств, незаконная деятельность коммерческих организаций по принципу «финансовой пирамиды», размещение незаконно вывезенного капитала в офшорных зонах — в зонах низконалоговой юрисдикции). Как нам представляется, данный вид ситуации можно дробить на несколько отдельных ее разновидностей, но мы не станем этого делать.

Алгоритм действий оперативных сотрудников полиции по названным оперативно-тактическим ситуациям в силу их закрытости не представляется возможным приводить в настоящей

¹³ Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности: указание Генпрокуратуры России № 387/49, МВД России № 1/7985, СК России № 1/218, ФСБ России № 23, ФТС России № 266-п от 23 июля 2020 г.

научной статье, а потому, на наш взгляд, они заслуживают отдельного рассмотрения.

Говоря о возможных оперативно-тактических ситуациях, следует иметь в виду то обстоятельство, что отмывание «грязных» денег может сопровождаться выводом капитала за рубеж, способы которого, как утверждают специалисты, могли бы служить одним из элементов криминалистической характеристики. Мы же считаем, что сам механизм вывода в целом мог бы выступать в таком качестве. Отстаивая такую точку зрения, мы как бы «перебрасываем мостик» на другие составы преступлений, связывая их в единую систему: предикатное преступление¹⁴ — легализация — вывод денежных средств (активов) за рубеж.

Думается, что Е. В. Милякина [9, с. 47] справедливо отмечает тот факт, что организованные преступные структуры активно стали использовать либерализацию внешнеэкономической деятельности в своих корыстных целях, заключая при этом незаконные внешнеторговые сделки. Тем самым им удается получать неконтролируемый государством доход, размещаемый в целях личного обогащения, как правило, в иностранных банках.

Связывая противоправные действия с выводом капитала, автор дает такое его определение: «это совершение умышленных противоправных действий, направленных на аккумуляцию денежных средств резидентов в зарубежных юрисдикциях с целью сокрытия от финансового и налогового контроля». Одновременно указывает, что «на сегодняшний день неправомерный вывод капитала — это не отдельные преступления, совершаемые традиционными участниками внешнеторговой деятельности, а сформировавшаяся за десятки лет сфера деятельности организованной экономической преступности. Между организованными преступными группами распределены секторы внешнеэкономической деятельности, установлены тарифы на криминальные услуги по выводу денежных средств за рубеж, сокрытию доходов вне юрисдикции Российской Федерации. Для этих целей привлекаются высокопрофессиональные юристы и нотариусы, консалтинговые компании, кредитные организации, трастовые фонды. В силу того что группы функционируют под прикрытием внешне законной предпринимательской деятельности, любые регуляторные новации не составляют для них непреодолимых препятствий, а лишь влияют на стоимость их «услуг» [9, с. 50–51].

¹⁴ Крупные суммы денежных средств, получаемые от всех видов криминальной деятельности, проходят процесс легализации двумя основными способами: 1) легализация денежных средств внутри страны; 2) вывод денежных средств за пределы Российской Федерации и легализация за рубежом.

Проведенное нами выборочное изучение позволило определить некоторые меры, принимаемые в рамках противодействия оттоку капитала за рубеж. Основными среди них, на наш взгляд, являются:

— обработка оперативным путем так называемых серых и черных схем вывода капитала с целью установления форм криминального перемещения денежных средств за рубеж. Преступники нередко прикрываются при этом иностранными инвестициями. Работники оперативных подразделений полиции должны знать признаки сомнительных операций, перечень которых определен Банком России. В их числе обналичивание денежных средств, транзитные операции повышенного риска, вывод денежных средств за рубеж;

— установление фактов размещения средств из России в виде прямых инвестиций в Австрию, Британские Виргинские Острова, Кипр, Швейцарию (офшорная юрисдикция) и частичного возвращения в виде иностранных инвестиций уже под другой юрисдикцией [2, с. 17]. Основная причина такого бегства капитала, как утверждают исследователи, — низкая инвестиционная привлекательность отечественной экономики. Вот такая особенность тут может возникнуть: допустим, перемещены активы, имеющие криминальное происхождение, тем самым мы имеем дело со случаем, когда криминальный след находится за рубежом, где не действует российская юрисдикция.

Сами способы перемещения могут быть легальными, например посредством гражданско-правовых сделок. В то же время под видом таких сделок противоправным образом могут выводиться денежные средства за рубеж.

Как нам представляется, существует на сегодня объективная потребность разработки механизма оперативно-розыскного противодействия оттоку капитала за рубеж.

Преступления, составами которых охватываются действия по выводу капитала за рубеж, могут совершаться в совокупности с такими экономическими преступлениями, как незаконная банковская деятельность, уклонение от уплаты налогов, уклонение от уплаты таможенных платежей, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, мошенничество с возмещением НДС и пр. (ст. 159, 172, 173¹, 173², 174, 174¹, 194, 199, 226¹ УК РФ).

В заключение отметим, что структура частной методики расследования, несмотря на множество дискуссионных вопросов, может быть представлена в виде двух взаимосвязанных частей — теоретической и деятельностной части, компоненты которых и образуют само содержание этой методики.

Список литературы:

1. Безручко Е. В., Осадчая Н. Г. Проблемы регламентации ответственности за распространение заведомо ложной информации в условиях эпидемии и других чрезвычайных обстоятельств // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96).
2. Бойко Н. Н. Отдельные вопросы налогового контроля за международным движением капитала // Налоги. 2019. № 4.
3. Иванов П. И. О частной криминалистической методике расследования преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2021. № 1 (96).
4. Иванов П. И. Об оперативно-розыскной характеристике легализации доходов, полученных преступным путем // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28).
5. Иванов П. И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 3.
6. Иванов П. И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87).
7. Ивлиев П. А. Анонимность в интернете: проблемы и особенности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2.
8. Лапин В. О. Общие положения методик расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности: научный доклад. Москва, 2021.
9. Милякина Е. В. Научно-правовое обоснование понятия «вывод капитала» // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (57).
10. Мухин С. М. Преступления в сети Darknet: краткая характеристика, проблемы противодействия // Альманах молодого ученого. 2018. № 5.
11. Репецкая А. Л. Криптопреступления как следствие цифровизации преступности // Долговские чтения: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (27 января 2021 г.). Москва, 2021.
12. Россинская Е. Р. К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного уни-

References:

1. Bezruchko E. V., Osadchaja N. G. Problemy reglamentacii otvetstvennosti za rasprostranenie zavedomo lozhnoj informacii v uslovijah jepidemii i drugih chrezvychajnyh obstojatel'stv // Jurist-Pravoved. 2021. № 1 (96).
2. Bojko N. N. Otdel'nye voprosy nalogovogo kontrolja za mezhdunarodnym dvizheniem kapitala // Nalogi. 2019. № 4.
3. Ivanov P. I. O chastnoj kriminalisticheskoj metodike rassledovanija prestuplenij // Jurist-Pravoved. 2021. № 1 (96).
4. Ivanov P. I. On police intelligence's characteristic money laundry // Vestnik Ural'skogo juridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4 (28).
5. Ivanov P. I. Problemy protivodejstvija legalizacii prestupnyh dohodov i puti ih reshenija // Vestnik Belgorodskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2020. № 3.
6. Ivanov P. I. Stadii i sposoby legalizacii prestupnyh dohodov, poluchennyh v rezul'tate sovershenija prestuplenij jekonomicheskoi i nalogovoj napravlenosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3 (87).
7. Ivliev P. A. Anonimnost' v internete: problemy i osobennosti // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2019. № 4-2.
8. Lapin V. O. Obshhie polozhenija metodik rassledovanija prestuplenij v sfere predprinimatel'skoj dejatel'nosti: nauchnyj доклад. Moskva, 2021.
9. Miljakina E. V. Nauchno-pravovoe obosnovanie ponjatija «vyvod kapitala» // Vestnik Vserossijskogo instituta povyshenija kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2021. № 1 (57).
10. Mulin S. M. Prestuplenija v seti «Darknet»: kratkaja harakteristika, problemy protivodejstvija // Al'manah molodogo uchenogo. 2018. № 5.
11. Repeckaja A. L. Kriptoprestuplenija kak sledstvie cifrovizacii prestupnosti // Dolgovskie chtenija: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii (27 janvarja 2021 g.). Moskva, 2021.
12. Rossinskaja E. R. K voprosu o chastnoj teorii informacionno-komp'juternogo obespechenija kriminalisticheskoj dejatel'nosti // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki. 2016. № 3-2.
13. Sidorenko Je. L. Kriptoprestupnost' kak novoe kriminologicheskoe javlenie // Obshhestvo i pravo. 2018. № 2 (64).
14. Sjuntjurenko O. V. Cifrovaja sreda: trendy i riski razvitija // Nauchno-tehnicheskaja informacija

- верситета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2.
13. Сидоренко Э. Л. Криптопреступность как новое криминологическое явление // Общество и право. 2018. № 2 (64).
  14. Сюттюренко О. В. Цифровая среда: тренды и риски развития // Научно-техническая информация Серия 1: Организация и методика информационной работы. 2015. № 2.
  15. Фещенко П. Н. К вопросу о личности «цифрового преступника» и его жертвы // Долговские чтения: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (27 января 2021 г.). Москва, 2021.
  16. Харченко С. В., Иванов П. И. К вопросу о криминалистической характеристике экономических преступлений в агропромышленном комплексе России // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1 (27).
  17. Чурилов С. Н. Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы. Москва, 2011.
  18. Яблоков Н. П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние, проблемы: монография. Москва, 2016.
  15. Feshhenko P. N. K voprosu o lichnosti «cifrovogo prestupnika» i ego zhertvy // Dolgovskie chtenija: sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (27 janvarja 2021 g.). Moskva, 2021.
  16. Kharchenko S. V., Ivanov P. I. K voprosu o kriminalisticheskoj harakteristike ekonomicheskikh prestuplenij v agropromyshlennom komplekse Rossii // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2021. № 1 (27).
  17. Churilov S. N. Kriminalisticheskaja metodika rassledovanija: problemy, tendencii, perspektivy. Moskva, 2011.
  18. Jablovkov N. P. Kriminalisticheskaja metodika rassledovanija: istorija, sovremennoe sostojanie, problemy: monografija. Moskva, 2016.

Для цитирования:

Иванов Пётр Иванович, Пирожников Сергей Александрович. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 109–119.

For citation:

Ivanov Pyotr Ivanovich, Pirozhenkov Sergej Aleksandrovich. On the Issue of Private Forensic Methods of Crime Investigation (Structure and Content) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 109–119.

ДМИТРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КОЛЬЦОВ,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел,
кандидат юридических наук, доцент
Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилотова, д. 1

E-mail: kdv.16@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

ORCID 0000-0002-5827-3947

УДК 343.211.3:343.985

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-120-128

Дата поступления: 27 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

DMITRIY VALENTINOVICH KOLTSOV,
Associate Professor at the Department
of the Operative Search Activity
in the Law Enforcement Bodies,
Candidate of Law, Associate Professor
Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
Russian Federation, 198206, Saint-Petersburg,
Letchika Pilyutova St., 1
E-mail: kdv.16@yandex.ru

Scientific Speciality:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Work;
Operative-Search Activity.

Агентурная провокация. Определение термина

An Agent Provocation. Definition of the Term

Аннотация

Актуальность рассмотрения вопросов возможного дефинирования предлагаемого термина «агентурная провокация» обусловлена стабильно значительным количеством жалоб, поступающих в Европейский суд по правам человека на предмет возможных провокационных действий сотрудников оперативных подразделений отечественных правоохранительных органов при проведении оперативно-розыскных мероприятий, замысел которых содержит элементы моделирования уголовно наказуемых деяний.

Постановка проблемы: настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных проблемам соотношения прецедентной практики Европейского суда по правам человека, правовых позиций Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, положений оперативно-розыскного законодательства в контексте рассмотрения поступающих в Страсбург жалоб на возможные провокационные действия российских оперативно-розыскных органов. Важнейшим проблемным вопросом в данной сфере является лексико-терминологическая неопределенность закрепленного в ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»

Abstract

The relevance of considering the issues of a possible definition of the proposed term «agent provocation» is due to the consistently significant number of complaints submitted to the European Court for possible provocative actions of employees of operational units or domestic law enforcement agencies during operational search activities, the concept of which contains elements of modeling criminal offenses.

The problem statement: the author continues a series of publications devoted to the problems of correlation of the ECHR case-law, the legal position of the Russian Federation Constitutional and Supreme Courts, provisions of the operational-search legislation in the context of the consideration of complaints received in Strasbourg about possible provocation actions of the Russian operational-search bodies. The most important problematic issue in this area is the lexical and terminological uncertainty enshrined in part eight of Art. 5 of the «OSA act» the generalizing term «provocation». The author proposes to use the specified term «agent provocation» to generalize the considered unacceptable tactical methods of work, the content of which would take into account both domestic and European legal approaches to this issue.

обобщающего термина «провокация».

Цель исследования: разработка отвечающего требованиям правовой определенности дефиниции понятия «агентурная провокация», обобщающего совокупность недопустимых провокационных тактических приемов работы оперативных сотрудников правоохранительных органов и содействующих им лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий, замысел которых содержит элементы моделирования уголовно наказуемых деяний.

Методы: общенаучные (описание, сравнение), формально-логические (анализ, синтез, аналогия), контент-анализ, экспертная оценка.

Результаты и ключевые выводы: с учетом прецедентной практики Европейского суда по правам человека, правовых позиций Конституционного и Верховного судов Российской Федерации, положений оперативно-розыскного и смежного законодательства, а также доктринальных оценок отечественных ученых автором разработана дефиниция ранее выдвинутого им термина «агентурная провокация», раскрывающая содержание недопустимых провокационных тактических приемов работы оперативных сотрудников и содействующих им лиц при проведении оперативно-розыскных мероприятий, замысел которых содержит элементы моделирования уголовно наказуемых деяний.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; провокация; агентурная провокация; провокация преступления; права человека и гражданина; права личности; обстоятельства, исключающие преступность деяния; Европейский суд по правам человека; правовая позиция Европейского суда по правам человека; имплементация решений Европейского суда по правам человека; системная проблема; оперативный эксперимент; проверочная закупка; контролируемая поставка; оперативное внедрение.

The purpose of the research: development of the definition of the concept of «agent provocation» that meets the requirements of legal certainty, summarizing the totality of unacceptable provocative tactics of the work of operational law enforcement officers and their assistants, when carrying out operational-search activities, the concept of which contains elements of modeling criminal offenses.

The research methods: general scientific (description, comparison), formal logical (analysis, synthesis, analogy), content analysis, expert evaluation.

The results and key conclusions: taking into account the ECHR case-law, the legal positions of the Russian Federation Constitutional & Supreme Courts, the provisions of the operational-search and related legislation, as well as the doctrinal assessments of domestic scientists, the author has developed a definition of the previously put forward by him the term «agent provocation», revealing the content of inadmissible provocative tactics of the work of operational officers and persons assisting them, when carrying out operational-search measures, the concept of which contains elements of modeling of criminal offenses.

Key words: operational-search activity; operational-search measures; special investigative techniques; undercover operations; OSA act; police entrapment; police incitement; agent-provocateur; persons rights; human rights; the legal standard; European Court of Human Rights; test purchase; operational experiment; verification purchase; controlled delivery; operational; implementation.

При рассмотрении в рамках цикла статей различных аспектов гармонизации положений отечественного оперативно-розыскного законодательства и высказанных в группе дел «Ваньян»¹ правовых позиций Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) нами был выдвинут тезис о наличии элементов лексико-терминологической неопределенности

в закрепленном в ч. 8 ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – ФЗ об ОРД) термине «провокация» [12]. По результатам обоснования данного утверждения мы предложили включить в понятийно-категориальный аппарат оперативно-розыскной науки уточненный специальный термин «агентурная провокация» как наиболее точно обобщающий

¹ Case Vanyan v. Russia // Официальный сайт Департамента Комитета министров Совета Европы по контролю за исполнением решений ЕСПЧ. URL: <https://www.coe.int/tu/web/execution> (дата обращения: 20.09.2021).

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 01 июля 2021 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

сущность и содержание недопустимой провокационной тактики работы внедренного в преступную среду оперативного сотрудника или иного лица, действующего по его поручению [12].

Общеизвестным является тот факт, что одним из основных средств юридической техники является «процесс дефинирования используемых в различных нормативно-правовых актах терминов, осуществляемый с целью их унификации и повышения доступности их восприятия правоприменителями» [15, с. 11]. При этом под дефиницией понимается «краткое определение какого-либо понятия, отражающего существенные (качественные) признаки явления или предмета» [11, с. 182].

Ограниченный формат предыдущей публикации [12] не позволил нам подробно остановиться на вопросах содержания предложенного понятия. В рамках данной статьи мы сделаем попытку на основе синтеза прецедентной практики ЕСПЧ, положений отечественного законодательства, актов судебного толкования и доктринальных оценок разработать для целей оперативно-розыскной деятельности дефиницию понятия «агентурная провокация», необходимость применения которой нами была обоснована в предыдущих работах.

Начать наше исследование представляется целесообразным с упоминания наиболее общих дефиниций термина «провокация», рассматривающих данное явление с междисциплинарных позиций. Так, один из основателей отечественной конфликтологической науки профессор А. В. Дмитриев относит феномен провокации к «системе действий особого рода» и определяет ее как «действие одной стороны, направленной на вызов прогнозируемой и выгодной для нее реакции другой стороны» [5, с. 27]. Во многом схожая дефиниция данного явления предлагается с культурологических позиций Т. Н. Шеметовой, которая в наиболее общем смысле описывает провокацию как «некое развернутое во времени действие субъекта-провокатора (или субъектов), которое направлено на объект (объекты) провокации с целью вызывать определенную реакцию: либо конкретное действие, либо бездействие, в зависимости от цели провокации» [19].

Анализируя данные определения, можно отметить, что признанными составными элементами феномена провокации является наличие обязательного объекта и субъекта провокации, а также ее реализация в виде развернутого во времени действия или бездействия, направленного на вызов прогнозируемой или выгодной реакции.

Как отмечалось нами ранее, ключевой причиной закрепления в ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД термина «провокация» явилось принятие Российской Федерацией мер общего реагирования на выявлен-

ные ЕСПЧ в рамках рассмотрения группы дел «Ваньян» однотипные нарушения положений п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод³ (далее – ЕКПЧ).

Краеугольным камнем правовой позиции Страсбургской юриспруденции по данной проблематике является разработанный ЕСПЧ автономный термин «police entrapment»⁴ или «police incitement»⁵, содержательно закрепленный в § 55 постановления Большой палаты по знаковому делу *Ramanauskas v. Lithuania*⁶.

Предваряя анализ данной важнейшей дефиниции в контексте темы настоящей публикации, представляется целесообразным оговорить ряд моментов, оказывающих заметное влияние на ее юридическую значимость и содержательную характеристику.

Во-первых, конструирование ЕСПЧ рассматриваемого понятия, по нашему мнению, является одним из заметных примеров так называемого «судейского активизма», выражающегося в стремлении Страсбургской юриспруденции «к универсализации общеевропейских базовых правовых категорий, что предполагает право ЕСПЧ на “автономное” использование юридических терминов, не совпадающее по содержанию с их использованием в национальных правовых системах» [10]. Доктрина автономного толкования предусматривает «очень свободное и, как правило, расширительное толкование Европейским Судом прав и свобод и их гарантий, предусмотренных Конвенцией (и наоборот, ограничительное толкование допустимых ограничений этих прав и свобод)» [17]. Выработанный автономный понятийно-категориальный аппарат в приоритетном порядке используется ЕСПЧ при последовательном рассмотрении однотипных жалоб на конвенциональные нарушения, а также «создает своеобразные ориентиры для законодателя, следование которым поможет избежать конвенциональных нарушений» [14].

Во-вторых, как и любая автономная дефиниция, понятие «police entrapment» разработано Страсбургской юриспруденцией на основе принципа *stare decisis*⁷, предусматривающего использование ранее сформулированных правовых позиций ЕСПЧ по другим аналогичным делам. В частности, раскрывающий автономный термин «police incitement» § 55 постановления *Ramanauskas v. Lithuania* содержит прямую ссылку на дело *Teixeira de Castro v. Portugal*⁸,

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. ЕТС № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Полицейская ловушка (англ.).

⁵ Полицейское подстрекательство (англ.).

⁶ *Ramanauskas v. Lithuania* [GC]: постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2008 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.09.2021).

⁷ Стоять на решенном (лат.).

⁸ *Teixeira de Castro v. Portugal*: постановление ЕСПЧ от 9 июня

определившее в 1997 году общий вектор дальнейшего рассмотрения ЕСПЧ жалоб на агентурную провокацию.

В этой связи определенный интерес представляют источники правовых подходов, послуживших теоретическим основанием для выработки соответствующего автономного термина. Их частично можно обнаружить в отчете Европейской комиссии по правам человека, осуществлявшей до 1998 года первоначальное рассмотрение обращений частных лиц на нарушение положений ЕКПЧ. Пункт 46 соответствующего заключения⁹ по жалобе Francisco Teixeira de Castro v. Portugal содержит отсылки к неназванным решениям судов ФРГ, а также, что особенно интересно, к правовым позициям Верховного суда США по делу Sherman V. United States¹⁰ (1958 г.). Указанное постановление содержит важнейшие подходы американской юстиции к вопросам «police entrapment» на примере проведения негласной агентурной операции, связанной с оборотом наркотиков.

В контексте настоящей статьи целесообразно упомянуть ряд высказанных в деле Sherman v. United States правовых позиций Верховного суда США, касающихся содержательной стороны понятия «entrapment». Так, в частности, американской высшей судебной инстанцией данный термин определяется как «результат творческой (креативной) деятельности правоохранительных органов»¹¹, а также делается акцент на «недопустимости отказа государства от ответственности за действия информатора из-за неосведомленности об используемых им методах работы»¹².

Помимо этого Верховным судом США в указанном прецедентном решении был подтвержден ранее высказанный в деле Sorrells v. United States (1932 г.) подход о допустимости активной агентурной работы полиции, который при этом должен исключать возникновение ситуации, в которой «преступный замысел исходит от должностных лиц правительства, и они внедряют в сознание невинного человека склонность к совершению предполагаемого преступления и побуждают его совершить, чтобы они могли привлечь его к ответственности»¹³.

1998 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.09.2021).

⁹ Francisco Teixeira de Castro contre Portugal Rapport de la Commission (adopté le 25 février 1997) // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <https://hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁰ Sherman V. United States, 356 U.S. 369 (1958); постановление Верховного суда США от 19 мая 1958 г. // Сайт JUSTIA US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 20.09.2021).

¹¹ Sherman V. United States, 356 U.S. 369 (1958); постановление Верховного суда США от 19 мая 1958 г. // Сайт JUSTIA US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 20.09.2021).

¹² Sherman V. United States, 356 U.S. 369 (1958); постановление Верховного суда США от 19 мая 1958 г. // Сайт JUSTIA US Supreme Court. URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 20.09.2021).

¹³ Sorrells v. United States, 287 U.S. 435 (1932); постановление Верховного Суда США от 19 декабря 1932 г. // сайт JUSTIA US Supreme

При рассмотрении содержания разработанного ЕСПЧ автономного термина «police entrapment» необходимо оттолкнуться от его дефиниции, в соответствии с которой подобная тактика работы правоохранительных органов «имеет место в тех случаях, когда участвующие в нем сотрудники полиции, государственных служб безопасности или лица, действующие по их поручению, — не ограничиваются по существу *пассивным расследованием преступной деятельности* (курсив наш. — Д. К.), а используют такой метод воздействия на объект проведения мероприятий, как подстрекательство к совершению преступления, которое иначе не могло быть совершено, преследуя цель выявления уголовно наказуемого деяния, то есть возбуждения уголовного дела и обеспечения сбора источников доказательств»¹⁴.

Анализируя содержание данного понятия, а также учитывая вышеприведенные общие содержательные элементы феномена провокации как социального явления, можно выделить ряд структурных элементов автономного термина «police entrapment».

Во-первых, ЕСПЧ в данном определении четко выделяет ограниченный круг субъектов агентурной провокации, объединяемых им в уточняющем термине «agent-provocateur»¹⁵.

К рассматриваемой категории Страсбургская юриспруденция относит не только непосредственно внедряющихся в преступную среду штатных сотрудников правоохранительных органов и государственных служб безопасности, но и физических лиц, добровольно привлеченных к проведению негласных операций под контролем полиции. Одновременно практика ЕСПЧ производит разграничение «agent-provocateur» от субъектов так называемого «private entrapment»¹⁶, например журналистов, осуществляющих использование провокационных приемов межличностного взаимодействия по своей личной инициативе, без какого-либо ведома, инструктирования или контроля со стороны уполномоченных государственных органов¹⁷.

Во-вторых, ЕСПЧ ясно определяет выгодные и желаемые для недобросовестных сотрудников правоохранительных органов конечные целевые последствия применения подобного тактического приема работы, а именно выявление факта совершения преступного деяния,

Court. URL: <https://supreme.justia.com> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁴ Ramanauskas V. Lithuania [GC]; постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2008 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁵ Агент-провокатор (фр.; англ.)

¹⁶ Частная ловушка (англ.).

¹⁷ См., например: Shannon v. the United Kingdom: Решение об отказе к принятию к рассмотрению обращения John James Shannon от 6 апреля 2004 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.09.2021).

обеспечение формирования источников доказательств и инициирование процедуры уголовного преследования.

В-третьих, рассматриваемое определение четко не оговаривает круг лиц, которых можно отнести к объектам применения соответствующих тактических приемов. Прецедентная практика ЕСПЧ по вопросам действий «agent-provocateur» в подавляющем количестве случаев основывается на жалобах физических лиц. Случаи рассмотрения подобных обращений от юридических лиц единичны, а их поступление обусловливается наличием функционирования в конкретной стране Совета Европы института уголовной ответственности юридических лиц¹⁸.

Ключевым структурным элементом рассматриваемой дефиниции является закрепление совокупности критериев, обобщающих возможные ситуации применения представителями правоохранительных органов в условиях отсутствия определенных условий проактивных тактических приемов оперативной работы, направленных на вызов прогнозируемой реакции у объекта мероприятий, выражающейся в виде совершения им преступления, которое иначе не могло быть совершено.

При описании совокупности подобных критериев ЕСПЧ опирается на выработанный им правовой стандарт «essentially passive manner»¹⁹, подразумевающий особый порядок применения специальных методов расследования в виде негласных агентурных операций, замысел которых включает моделирование противоправного поведения. По нашему мнению, возможными причинами подобной отсылки являются стремление Страсбургской юриспруденции к недопущению излишней смысловой перегруженности предлагаемой дефиниции, а также реализация правовой доктрины «living instrument»²⁰, предусматривающей эволюционный подход к толкованию норм ЕКПЧ.

Следует отметить, что в большинстве русскоязычных переводов рассматриваемой дефиниции при описании процесса вызова прогнозируемой реакции в виде уголовно наказуемого деяния (to incite the commission of an offence) применяется словосочетание «подстрекательство к совершению преступления», которое зачастую ассоциируется отечественными специалистами с привычными элементами уголовно-правового института соучастия (ч. 4 ст. 33 УК РФ), а также является частью дискуссии о различиях квалификации подстрекательства и противоправных провокацион-

ных действий сотрудников оперативно-розыскных органов [4; 1; 7]. Подобный подход к интерпретации рассматриваемого термина представляется во многом дискуссионным ввиду упомянутой выше практики «автономного применения Европейским Судом юридических терминов, зачастую не совпадающего по содержанию с их использованием в национальных правовых системах» [10].

Хотя подробное содержание разработанного ЕСПЧ правового стандарта «essentially passive manner» было рассмотрено нами в предыдущих работах [13], представляется целесообразным повториться, что он состоит из двух обязательных взаимосвязанных критериев.

Содержание первого критерия «объективного подозрения» предполагает наличие у правоохранительного органа на момент начала мероприятий проверенных сведений, свидетельствующих о причастности объекта негласной агентурной операции к преступной деятельности или предрасположенности к совершению уголовно наказуемых деяний.

Второй критерий предусматривает применение особой тактики проведения негласной агентурной операции, замысел которой содержит моделирование противоправной деятельности. Составными элементами подобной тактики являются временные критерии ввода негласного сотрудника в агентурную операцию; линия поведения внедренного лица, исключающая настойчивое личное или опосредованное²¹ склонение или побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий; обоснованность осуществления неоднократных тождественных транзакций в рамках моделирования противоправной деятельности.

Как отметил в своей недавней лекции профессор В. Д. Зорькин, «правовое заимствование может сработать только в том случае, если заимствующий понимает под заимствуемой правовой нормой или институтом то же, что понимается под ним в изначальной правовой системе, к которой эта норма или этот институт принадлежат» [9]. Во многом подобный подход представляется справедливым и по вопросам имплементации в отечественное законодательство и правоприменительную практику содержания рассматриваемой автономной дефиниции ЕСПЧ.

В частности, для отечественных теоретиков и практиков оперативно-розыскной деятельности, как и, наверное, для многих специалистов юридических наук криминального цикла представляется во многом неприемлемой допустимость прямого заимствования наименования стандарта ЕСПЧ «преимущественно пас-

¹⁸ См., например: дело Eurofinacom v. France: решение об отказе к принятию к рассмотрению обращения компании Eurofinacom от 7 сентября 2004 г. // Официальный сайт ЕСПЧ. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁹ По существу пассивным путем (англ.).

²⁰ Живой инструмент (англ.).

²¹ Через третьих лиц (см., например, дело Akbay and others v. Germany: постановление ЕСПЧ от 15 октября 2020 г.).

сивным путем». Ряд наиболее ярких соответствующих доктринальных оценок ученых, занимающихся вопросами правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, приводились нами в предыдущей статье [13].

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным в процессе дефинирования предлагаемого термина «агентурная провокация» помимо автономного термина ЕСПЧ учесть разработанные отечественным судебным корпусом акты толкования, а также высказываемые учеными-правоведами доктринальные подходы, отражающие содержание подобных недопустимых действий сотрудников правоохранительных органов, осуществляемых при проведении оперативно-розыскных мероприятий, моделирующих уголовно наказуемое поведение.

Следует оговориться, что подавляющее количество соответствующих правовых позиций и оценок разработаны в рамках ведущейся в доктрине уголовного права дискуссии о сущности и месте института провокации преступления, а также его соотношении с подстрекательством к совершению уголовно наказуемого деяния [1].

Наиболее видимым результатом вышеуказанной научной дискуссии является корректировка Пленумом Верховного Суда РФ в декабре 2019 г. постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». В данном акте толкования в контексте разграничения уголовно наказуемой провокации взятки (ст. 304 УК РФ) с применением правоохранительными органами запрещенной ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД тактики оперативной работы произведено важнейшее терминологическое уточнение, а также приведена правовая позиция, отражающая содержательные аспекты подхода высшего судебного органа нашей страны к рассматриваемой проблематике.

В частности, в первом абзаце п. 34 осуществлена замена фразы «подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо» на «действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо».

Кроме этого, постановление дополнено новым пунктом 36.3, предусматривающим допустимость использования в доказывании по коррупционным преступлениям результатов оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующих о «наличии у лица умысла на получение или дачу взятки, либо предмета коммерческого подкупа, а равно на совершение посреднических действий, который сформировался независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность»²².

Анализируя соответствующие новеллы в постановлении Пленума, можно отметить правовую позицию Верховного Суда РФ, косвенно выделяющего отдельную категорию, обобщающую недопустимую тактику работы оперативных подразделений при моделировании противоправной деятельности, фактически относящуюся к категории невключенных в гл. 8 УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также терминологически разграниченную с институтом подстрекательства.

Подобная трактовка во многом подтверждает тезис о дискуссионности использования в ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД обобщающего термина «провокация» при описании основополагающего запрета на подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных деяний, обусловленного фактическим отождествлением законодателем провокации с уголовно-правовым понятием подстрекательства.

Учитывая содержание рассмотренного выше автономного термина «police entrapment», можно констатировать факт имплементации п. 34 и 36.3 постановления в отечественную судебную практику обязательных взаимосвязанных критериев правового стандарта ЕСПЧ «essentially passive manner», то есть необходимости наличия «объективного подозрения» и применения особой тактики проведения негласной агентурной операции, замысел которой содержит моделирование противоправной деятельности.

На основе анализа содержания п. 34 и 36.3 постановления Пленума несложно сконструировать определение словосочетания «действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо... на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа» в трактовке Верховного Суда РФ. По нашему мнению, содержание данного громоздкого понятия предполагает «проведение оперативно-розыскных мероприятий, моделирующих противоправную деятельность в отсутствие первоначальных результатов ОРД, свидетельствующих о наличии у лица умысла на получение или дачу взятки... и на совершение посреднических действий, который сформировался независимо от деятельности оперативно-розыскных органов, тактика проведения которых состоит в передаче взятки... с согласия или по предложению должностного лица... когда такое согласие, либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих

по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 г. «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 // Рос. газ. 2019. 31 дек.

²² О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. «О судебной практике

о том, что без вмешательства оперативных сотрудников умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено».

Нельзя не упомянуть, что содержание понятия «клонение» раскрыто Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 (п. 14)²³ и от 28 июня 2011 г. № 11 (п. 15.1)²⁴ и обобщенно представляет собой «любые умышленные действия, в том числе однократного характера, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений, применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в преступную деятельность».

Переходя к отечественным доктринальным подходам, представляется целесообразным начать с предложенной около 10 лет емкой дефиниции О. А. Вагина, высказанной в контексте уточнения недавно установленного в ч. 8 ст. 5 ФЗ об ОРД законодательного запрета. По мнению признанного специалиста в сфере правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, соответствующую норму «целесообразно изложить в следующей редакции: “при проведении оперативно-розыскных мероприятий запрещается провокация преступлений, то есть склонение к его совершению лиц, не обнаруживших противоправных намерений”» [2, с. 52].

Высказанная О. А. Вагиным позиция о необходимости коррекции закона была поддержана профессором А. Е. Чёчётиным, который в своей монографии обращает внимание на «вносящее путаницу в правовую терминологию содержание термина “провокация”, использованного в Законе об ОРД, отличающегося от уголовно-правового понятия провокации» [18, с. 195].

Указанная дефиниция, безусловно, подкупает своей ясностью и простотой, однако по прошествии значительного временного промежутка объективно уже не может в полной степени отражать динамично разрабатываемые конвенциональные толкования ЕСПЧ, а также отечественные подходы к рассматриваемой проблематике. По нашему мнению, основными недостатками данного определения являются применение исключительно доктринального уголовно-правового термина «провокация преступления»; отсутствие упоминания об обязательных конечных целях подобного подхода к оперативной работе, а также концентрация

исключительно на тактическом приеме склонения к совершению противоправных деяний.

Профессор С. И. Гирько и С. В. Харченко под рассматриваемым понятием понимают «действия субъекта ОРД, которые противоречат оперативно-розыскному законодательству, а также имеют умысел на побуждение иных лиц совершить преступление и ограничивают их волеизъявление» [3].

Ученые, занимающиеся смежными науками криминального цикла, в рамках довольно долгой научной дискуссии о сущности института провокации преступления также предложили значительное количество определений понятия «провокация» в контексте правового регулирования сыска. В рамках настоящей работы представляется целесообразным привести ряд доктринальных оценок, высказанных в недавно опубликованных работах.

Так, профессор В. А. Семенов полагает, что «...провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности представляет собой действия ее субъектов, не совместимые с этой деятельностью, связанные с подстрекательством, склонением, побуждением в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий...» [16].

Профессор Г. С. Шкабин отмечает недопустимость действий представителей государства по осознанному «возбуждению решимости или намерению совершить противоправные действия с целью дальнейшего привлечения виновных к уголовной ответственности» [20, с. 119]. По мнению ученого, указанные действия являются провокацией, запрещенной положениями ст. 5 ФЗ об ОРД.

Профессоры А. П. Дмитриенко и Н. Г. Кадников с позиций уголовного права обращают внимание на положения ст. 5 ФЗ об ОРД, фактически признающие провокацией «только действия, являющиеся подстрекательством к преступлению, предусмотренные частью 4 статьи 33 УК РФ» [6]. По мнению ученых, ряд действий сотрудников правоохранительных органов и их конфиденентов может выходить за пределы данного уголовно-правового института и фактически относиться к обстоятельствам, исключаящим уголовную ответственность. Критериями подобной провокационной деятельности являются: 1) действия, «способствующие формированию у лица умысла на совершение преступления»; 2) отсутствие проверяемых данных о формировании умысла без участия правоохранителей или иных лиц, действующих по их поручению; 3) совершение действий, направленных «на ускорение совершения преступления провоцируемым лицом»; 4) проведение неправомерной повторной проверочной закупки [8].

²³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Рос. газ. 2006. 28 июн.

²⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) // Рос. газ. 2011. 4 июл.

В заключение, основываясь на рассмотренной выше прецедентной практике ЕСПЧ, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также доктринальных оценках отечественных ученых, представляется целесообразным предложить следующую дефиницию термина «агентурная провокация», тезис о необходимости применения которого нами был высказан в предыдущих работах.

Итак, по нашему мнению, под термином «агентурная провокация» следует понимать «проводимый в рамках оперативного внедрения недопустимый комплекс оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, имеющий целью прогнозируемое начало уголовного преследования и обеспечение сбора необходимых источников доказательств, начинаемый

в условиях отсутствия подтверждающих первоначальную информацию результатов оперативно-розыскной деятельности, свидетельствующих о наличии у подозреваемого конкретного преступного умысла, сформировавшегося независимо от деятельности оперативно-розыскных органов или лиц, действующих по их поручению, особенности реализации которого основываются на прямом, косвенном или опосредованном склонении внедряемым лицом не обнаружившего противоправных намерений объекта мероприятий к совершению действия (бездействия), запрещенного уголовным законом, в иных условиях не могущего быть совершенным, или инициировании необоснованных подконтрольных тождественных эпизодов противоправной деятельности».

Список литературы:

1. Борков В. Н. Отграничение провокатора от подстрекателя, даже если это одно и то же лицо // Законность. 2021. № 3 (1037).
2. Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности: научный доклад // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности: сборник материалов Всероссийского круглого стола (3 ноября 2011 г.). Санкт-Петербург, 2012.
3. Гирько С. И., Харченко С. В. Соотношение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» и провокации // Военное право. 2020. № 4 (62).
4. Гусев В. А. Провокация взятки: противоправное деяние или эффективный метод борьбы с коррупцией? // Законодательство и практика. 2013. № 1.
5. Дмитриев А. В., Сычев А. А. Провокация: социофилософские очерки: монография. Москва, 2017.
6. Дмитриенко А. П., Кадников Н. Г. Правовая позиция Европейского суда по правам человека о провокации преступления // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4.
7. Дмитриенко А. П., Кадников Н. Г., Рускевич Е. А. Провокация преступления, ее фикция и презумпция: теория, закон, правовая позиция Европейского Суда по правам человека // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461.
8. Дмитриенко А. П. Соотношение провокации преступления и подстрекательства к преступлению // Общество и право. 2018. № 4 (66).
9. Зорькин В. Д. Право и государство на перекрестке времен. Лекция для Петербургского международного юридического форума 18.05.2021 // Официальный сайт Кон-

References:

1. Borkov V. N. Otgranichenie provokatora ot podstrekatelya, dazhe esli eto odno i tozhe lico // Zakonnost'. 2021. № 3 (1037).
2. Vagin O. A. Konstitucionnye problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti: nauchnyj doklad // Konstitucionno-pravovye problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti: sbornik materialov Vseros. kruglogo stola 3 noyabrya 2011 g. Sankt-Peterburg, 2012.
3. Gir'ko S. I., Harchenko S. V. Sootnoshenie operativno-rozysknogo meropriyatiya «operativnyj eksperiment» i provokacii // Voennoe pravo. 2020. № 4 (62).
4. Gusev V. A. Provokaciya vzyatki: protivopravnoe deyanie ili effektivnyj metod bor'by s korruptsiej? // Zakonodatel'stvo i praktika. 2013. № 1.
5. Dmitriev A. V., Sychev A. A. Provokaciya: sociofilosofskie ocherki: monografiya. Moskva, 2017.
6. Dmitrienko A. P., Kadnikov N. G. Pravovaya poziciya Evropejskogo suda po pravam cheloveka o provokacii prestupleniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 4.
7. Dmitrienko A. P., Kadnikov N. G., Russkevich E. A. Provokaciya prestupleniya, eyo fikciya i prezumpciya: teoriya, zakon, pravovaya poziciya Evropejskogo Suda po pravam cheloveka // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 461.
8. Dmitrienko A. P. Sootnoshenie provokacii prestupleniya i podstrekatel'stva k prestupleniyu // Obshchestvo i pravo. 2018. № 4 (66).
9. Zor'kin V. D. Pravo i gosudarstvo na perekrestke vremen. Lekciya dlya Peterburgskogo mezhdun-

- ституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=89> (дата обращения: 20.09.2021).
10. Зорькин В. Д. Россия и Страсбург. Проблемы реализации Конвенции о правах человека // Рос. газ. 2015. 21 окт.
  11. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. Москва, 2011.
  12. Кольцов Д. В. Агентурная провокация в оперативно-розыскной деятельности: решение проблемы лексико-терминологической неопределенности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55).
  13. Кольцов Д. В. «По существу пассивным путем»: вопросы имплементации правовой позиции Европейского Суда по правам человека по агентурной провокации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57).
  14. Кононов И. С. Автономные понятия Европейского Суда и их значение для уголовного права России // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2012. № 3.
  15. Мамедов Э. Ф. Термины и дефиниции как средства юридической техники правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015.
  16. Семенов В. А. Провокация преступления в оперативно-розыскной деятельности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 4.
  17. Туманов В. А. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3.
  18. Чечетин А. Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. Санкт-Петербург, 2016.
  19. Шеметова Т. Н. Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсерватория культуры. 2014. № 1.
  20. Шкабин Г. С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. Москва, 2018.
  - ародного juridicheskogo foruma 18.05.2021 // Oficial'nyj sajt Konstitucionnogo Suda RF. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=89> (data obrashcheniya: 20.09.2021).
  10. Zor'kin V. D. Rossiya i Strasburg. Problemy realizacii Konvencii o pravah cheloveka // Rossijskaya gazeta. 2015. 21 okt.
  11. Kashanina T. V. Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik. 2-e izd., peresmotr. Moskva, 2011.
  12. Kol'cov D. V. Agenturnaya provokaciya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti: reshenie problemy leksiko-terminologicheskoy neopredelennosti // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 3 (55).
  13. Kol'cov D. V. «Po sushchestvu passivnym putem»: voprosy implementacii pravovoj pozicii Evropejskogo Suda po pravam cheloveka po agenturnoj provokacii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 1 (57).
  14. Kononov I. S. Avtonomnye ponyatiya Evropejskogo Suda i ih znachenie dlya ugolovnogo prava Rossii // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2012. № 3.
  15. Mamedov E. F. Terminy i definicii kak sredstva yuridicheskoy tekhniki pravotvorchestva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2015.
  16. Semencov V. A. Provokaciya prestupleniya v operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2020. № 4.
  17. Tumanov V. A. Avtonomnoe tolkovanie ponyatij v praktike Evropejskogo Suda po pravam cheloveka // Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropeskoe obozrenie. 2003. № 3.
  18. Chechetin A. E. Obespechenie prav lichnosti pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij: monografiya. Sankt-Peterburg, 2016.
  19. Shemetova T. N. Iskusstvo provokacii i ideal'nyj provokator // Observatoriya kul'tury. 2014. № 1.
  20. Shkabina G. S. Ugolovno-pravovoe obespechenie operativnogo vnedreniya: monografiya. Moskva, 2018.

Для цитирования:

Кольцов Дмитрий Валентинович. Агентурная провокация. Определение термина // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 120–128.

For citation:

Koltsov Dmitriy Valentinovich. An Agent Provocation. Definition of the Term // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 120–128.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ЛАВРОВ,

главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
доктор юридических наук, профессор
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

VLADIMIR PETROVICH LAVROV,

Chief Scientist of the Scientific Research Center,
Doctor of Law, Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВАСИЛЬЕВА,

доцент кафедры криминалистики,
кандидат юридических наук
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации
Российская Федерация, 125080, г. Москва,
ул. Врубеля, д. 12
E-mail: mvd-ecology@mail.ru

MARIA ALEXANDROVNA VASILYEVA,

Associate Professor of the Department
of Criminology, Candidate of Law
Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
Russian Federation, 125080, Moscow,
Vrubelya St., 12
E-mail: mvd-ecology@mail.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

УДК 343.985.1

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-129-135

Дата поступления: 2 июля 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Следственная практика как один из элементов базы для формирования методики расследования экологических преступлений

Investigative Practice as Part of the Database to Develop a Methodology for Investigating Environmental Crimes

Аннотация

Актуальность изучения следственной практики по расследованию экологических преступлений обусловлена необходимостью повышения качества расследования таких преступлений и реализацией общегосударственной задачи по усилению экологической безопасности нашей страны.

Постановка проблемы: в 2020 г. экологических преступлений в России зарегистрировано больше, чем прошлым году. Их раскрываемость составляет менее половины. Повышению эффективности работы по выявлению и расследованию экологических преступлений препятствует недостаточное научно-методическое и организационно-управленческое обеспечение практической деятельности сотрудников правоохранительных органов по расследованию преступлений экологической направленности, что проявляется в создании лишь отдельных частных методик расследования

Abstract

The relevance of the study of investigative practice in the investigation of environmental crimes is due to the need to improve the quality of the investigation of such crimes and the implementation of the national task to strengthen the environmental safety of our country.

The problem statement: in 2020, more environmental crimes were registered in Russia than last year, their detection rate is less than half. Insufficient scientific, methodological, organizational and managerial support for the practical activities of law enforcement officers in the investigation of environmental crimes, which is manifested in the fact that only some private ones have been created, prevents the improvement of the effectiveness of work on the identification and investigation of environmental crimes. Methods of investigation of not all, but some environmental crimes. At the same time, the available methods are not always used in practical

не всех, а некоторых экологических преступлений. При этом имеющиеся методики не всегда используются в практической работе в силу объективных и субъективных причин.

Цель исследования: ориентирование на необходимость более глубокого изучения следственной практики сотрудников правоохранительных органов по расследованию экологических преступлений.

Методы исследования: сравнение, анализ, анкетирование (интервьюирование), диалектика.

Результаты и ключевые выводы: отмечается наличие тесной связи между изучением следственной практики и совершенствованием частных криминалистических методик расследования экологических преступлений, дается авторское определение понятию «следственная практика». Представлены методы исследования следственной практики применительно к рассматриваемой категории дел, прикладные цели такого исследования, наиболее активно используемые в настоящее время формы отражения результатов обобщения следственной практики по расследованию экологических преступлений. Авторы приходят к выводу, что следственная практика может не выделяться в качестве самостоятельной составной части теоретических основ методики расследования экологических преступлений, однако каждое из теоретических положений должно формироваться именно с учетом результатов ее обобщения. В статье подчеркивается, что единая методика расследования экологических преступлений вряд ли может быть разработана в силу существенных отличий в способах совершения экологических преступлений, а также указывается на необходимость интенсификации криминалистических исследований в этой области.

Ключевые слова: методика расследования отдельных видов преступлений; следственная практика; экологическое преступление; экологическое преступление, связанное с изъятием природных ресурсов; теоретические основы методики расследования экологических преступлений; цель изучения следственной практики.

work due to objective and subjective reasons.

The purpose of the study is to focus on the need for a deeper study of the investigative practice of law enforcement officers investigating environmental crimes.

The research methods: comparison, analysis, questioning (interviewing), dialectics.

The results and key conclusions: there is a close connection between the study of investigative practice and the improvement of private forensic techniques for investigating environmental crimes, the author's definition of the concept of «investigative practice» is given. The methods of investigation of investigative practice in relation to the category of cases under consideration, the applied goals of such research, the most actively used forms of reflection of the results of generalization of investigative practice for the investigation of environmental crimes are presented. The authors come to the conclusion that investigative practice may not stand out as an independent component of the theoretical foundations of the methodology for investigating environmental crimes, but each of the theoretical provisions should be formed precisely taking into account the results of its generalization. The article emphasizes that a unified methodology for investigating environmental crimes can hardly be developed due to significant differences in the methods of committing environmental crimes, and indicates the need to intensify forensic research in this area.

Key words: methods of investigation of certain types of crimes; investigative practice; environmental crime; environmental crime, related to the seizure of natural resources; theoretical foundations of the methodology of investigation of environmental crimes; the purpose of the study of investigative practice.

Криминалистика как наука имеет двуединый объект: преступную деятельность и криминалистическую деятельность по предотвращению и расследованию преступлений [2, с. 223]. Отражение этого проявляется во всех разделах этой науки, в том числе достаточно наглядно в последнем — методике расследования отдельных видов преступлений. Так, предлагаемые криминалистикой

методические рекомендации, используемые в практической деятельности следователями (дознателями), строятся на основе анализа большого количества расследованных уголовных дел определенного вида и изучения практической деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений, относящихся к этому виду.

Формирование каждой методики расследования преступлений определенного вида (группы, рода, класса) должно иметь и имеет свою базу как юридическую, так и фактическую. Об этом писали многие ученые-юристы: С. А. Голунский, Б. М. Шавер, Р. С. Белкин, Н. А. Селиванов, И. М. Лузгин, С. П. Митричев, М. П. Шаламов, И. А. Возгрин. База включает ряд общих положений, но по отдельным методикам может иметься и специфика. К числу ее элементов, другими словами, источников для формирования определенной частной методики расследования, в обобщенном виде могут быть отнесены: правовые основы, следственная и судебная практика, общетеоретические положения криминалистики, других юридических и иных наук и т. п.

Среди этих элементов базы особо выделяется следственная практика, обобщаемая и анализируемая учеными, и руководителями правоохранительных и других органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации, результаты чего и используются как лицами, осуществляющими расследование, так и учеными-криминалистами, процессуалистами, представителями других юридических наук.

Ни один ученый-криминалист не мог и не сможет обойтись в своих исследованиях без изучения и анализа следственной практики. Большой вклад в изучение проблемы взаимосвязи криминалистической науки и следственной практики на разных этапах развития криминалистики внесли И. Н. Якимов, А. Н. Васильев, Р. С. Белкин, Н. П. Яблоков, В. П. Бахин, Н. С. Карпов, А. Ф. Волынский, Н. И. Клименко, А. И. Бастрыкин, Е. Р. Россинская и многие другие ведущие ученые-криминалисты.

В. П. Бахин еще в 1991 г. давал лаконичное определение следственной практики, указывая, что она представляет собой отражение и результат деятельности уполномоченных органов по установлению и расследованию противоправных событий в целях обеспечения реализации задач уголовного судопроизводства [1, с. 39]. В этом, по сути, правильном определении вместе с тем не отмечена прямая связь следственной практики с методикой расследования преступлений.

О наличии тесной связи обоснованно заявляли в том числе профессор С. А. Куемжиева и В. Д. Зеленский: «Передовая следственная практика является одним из источников проверки жизнеспособности теоретических положений криминалистики. Связь с практикой расследования остается обязательным принципом криминалистической методики» [10, с. 10].

Нам представляется, что под следственной практикой следует понимать практическую деятельность лиц, осуществляющих расследова-

ние, контроль и надзор за ним, а также обобщение в разных формах положительного опыта и типичных ошибок, других недостатков расследования, которые должны быть учтены учеными при формировании и совершенствовании как общих положений методики расследования преступлений, так и частных методик расследования преступлений.

Методика расследования экологических преступлений не исключение. Актуальность исследования следственной практики и дальнейшего совершенствования методики расследования таких преступлений не вызывает сомнений в связи с тем, что, во-первых, согласно официальным статистическим данным, в 2020 г. в России зарегистрировано 22 676 экологических преступлений, что на 2 % больше, чем за аналогичный период прошлого года, при этом их раскрываемость составляет менее 50 %; во-вторых, действительное количество совершаемых экологических преступлений в силу их латентности значительно превышает указанные показатели — латентность по экологическим преступлениям, связанным с изъятием природных ресурсов, составляет 30–60 %, вместе с тем по несвязанным с изъятием природных ресурсов, например, загрязнениям — 70–90 % [14, с. 125]; в третьих, ущерб от совершения экологических преступлений в некоторых случаях измеряется десятками миллиардов (например, по расчетам Росприроднадзора ущерб экологии, нанесенный аварией в Норильске, составил более 147 млрд руб.) [12]; в-четвертых, в настоящее время можно говорить о растущей общественной опасности экологических преступлений, об изменении подходов к оценке последствий таких преступлений как самим населением, так и органами государственной власти.

Результаты обобщения следственной практики по расследованию экологических преступлений в настоящее время все активнее отражаются:

— в обзорах, наставлениях, инструкциях, решениях коллегий, ведомственных нормативных актах, которые возникают в результате обобщения практики практическими работниками и представлены в ведомственных документах правоохранительных органов. В числе наиболее значимых следует назвать приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 апреля 2021 г. № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере». В данном приказе надзор за исполнением законодательства в экологической сфере признается одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры, а также указывается на необходимость изучения правоприменительной практики по данному вопросу;

— в научно-практических сборниках, справочных изданиях. Например, научно-практический сборник Университета прокуратуры Российской Федерации «Следственная практика», который публикует статьи практических работников более 70 лет, где дается анализ расследования конкретных уголовных дел по отдельным видам преступлений, в том числе по экологическим. В последние годы было опубликовано также имеющее большое значение практическое руководство для следователей и дознавателей «Расследование экологических преступлений» под редакцией О. И. Цоколовой, Д. В. Осипова, Н. Е. Муженской [11];

— в постановлениях, определениях пленумов Верховного Суда Российской Федерации. Важную роль, например, сыграло постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»;

— в статьях практических и научных работников в журналах, в том числе включенных в перечень ВАК при Минобрнауки Российской Федерации. К таковым, например, можно отнести публикации последних лет по экологической тематике в журналах «Труды Академии управления МВД России» [4, с. 100], «Аграрное и земельное право» [9, с. 161], «Вестник экономической безопасности» [13, с. 122], «Вестник Московской академии Следственного комитета России» [3, с. 84] и др. [8, с. 54–58];

— в кандидатских диссертациях по научным специальностям 12.00.09 — уголовный процесс, 12.00.12 — криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность. Так, изучение следственной практики расследования экологических преступлений и возможности ее достижений при формировании методики расследования экологических преступлений в той или иной мере затрагивалось в кандидатских диссертациях А. А. Бессонова, В. В. Егошина, И. И. Пиндюра, С. В. Унжаковой, Е. А. Щурова и других авторов. Следует отметить, что в этом ключе в ряде диссертаций проводится сравнительный анализ деятельности правоохранительных органов в России и их работы в других государствах (С. С. Сенькевич, Д. Г. Вильмак и др.).

Важными методами изучения следственной практики являются рассмотрение материалов уголовных дел определенных категорий, анкетирование, интервьюирование практических работников и специалистов, включаемых на практике в процесс уголовного судопроизводства, по экологическим преступлениям —

следователей, дознавателей, оперативных работников ОБЭПиПК, инспекторов Росприроднадзора, Росводресурсов, Рослесхоза и других органов, подведомственных Министерству экологии и природных ресурсов Российской Федерации.

К некоторым критериям оценки следственной практики по экологическим преступлениям, как связанным с изъятием природных ресурсов, так и не связанным с изъятием, можно отнести: количество проведенных повторных осмотров мест происшествий и повторных иных следственных действий в случае, если этого можно было бы избежать при необходимой внимательности, настойчивости следователя в достижении цели, его осведомленности об особенностях методики расследования экологических преступлений; количество продлений сроков предварительного расследования; количество возвратов уголовных дел на дополнительное расследование, а также результаты опросов самих следователей, в производстве которых находились дела об экологических преступлениях, о сложностях, возникавших у них в ходе расследования преступлений этой категории.

С учетом этих критериев полагаем, что следственная практика по расследованию экологических преступлений нуждается в совершенствовании.

Так, согласно данным, полученным нами, необходимость продления срока предварительного расследования свыше двух месяцев по экологическим преступлениям обосновывалась субъектами расследования с вынесением соответствующего постановления более чем по половине из них (56 %), что зачастую указывает на сложности в организации расследования.

В ходе проведенного нами анкетирования некоторые из следственных и иных действий стабильно обозначались респондентами как вызывающие наибольшие затруднения: осмотр места происшествия (около 40 %); назначение экспертиз (10 %); производство любых следственных действий, связанных с изъятием вещественных доказательств (12,5 %).

Повторные осмотры мест происшествия по экологическим преступлениям производятся достаточно часто (составляют от 10 % до 30 % в зависимости от вида преступления этой категории уголовных дел). Так, в одном из изученных нами уголовных дел, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, первоначальный осмотр места рубки при его тщательной подготовке и производстве мог быть осуществлен качественно с первого раза. Однако следователь его произвел поверхностно, что потребовало осуществления по-

вторного осмотра. Но и повторным осмотром следователю по невнимательности или незнанию не удалось зафиксировать все необходимые обстоятельства, что повлекло дополнительные затраты сил и времени на осуществление очередного повторного осмотра. Первым из повторных осмотров был устранен лишь пробел отсутствия указания на расположение места происшествия по отношению к близлежащим строениям, вторым – уточнена принадлежность территории к особым категориям, что в обоих случаях было возможно и необходимо зафиксировать следователем уже при первоначальном выезде на место происшествия¹.

Кроме того, результатами анкетирования было установлено, что специализация сотрудников, участвующих в расследовании экологических преступлений, отсутствует. Около 10 % опрошенных указали на специализацию отдельных сотрудников в подразделении (органе). Подавляющее большинство опрошенных (93 %) подтвердили актуальность в современных условиях совершенствования методики расследования экологических преступлений. На недостаточность знаний методики расследования сотрудников правоохранительных органов, в том числе в связи со слабым научным обеспечением, указала треть опрошенных. Подавляющее большинство (95 %) респондентов отмечали необходимость включения спецкурса по методике расследования экологических преступлений в учебные планы, программы подготовки сотрудников подразделений правоохранительных органов в образовательных учреждениях высшего образования с обеспечением преподавания соответствующей литературы. Значимость введения специального курса по расследованию преступлений рассматриваемой категории обосновывается не только результатами проведенного нами исследования, но также подтверждается мнением отдельных ученых-криминалистов, например, С. А. Рузметова, И. А. Фоминой, С. В. Унжаковой, В. И. Ивакина. Однако они вели речь лишь про обучение в системе органов внутренних дел, в то время как следует констатировать актуальность этой проблемы и для других правоохранительных органов. Кроме того, следует отметить, что действенные меры по решению заявленной проблемы так и не приняты. В настоящее время в Московской академии Следственного комитета одним из авторов создана соответствующая рабочая учебная программа «Расследование экологических преступлений» общим объемом 72 часа.

¹ Архив районного суда Архангельской области. Дело № 1-80/2017.

Некоторые другие результаты нашего исследования нашли отражение в иных авторских научных публикациях [5, с. 504; 6, с. 8]. Отметим лишь, что в ходе проведенного исследования помимо обозначенного было установлено, что создать единую базовую методику расследования всех видов экологических преступлений вряд ли представляется возможным ввиду существенных отличий таких преступлений между собой; выявленное наличие двух больших групп экологических преступлений (связанных с изъятием природных ресурсов и не связанных с их изъятием) возможно использовать для целей создания методики расследования экологических преступлений каждой из данных групп. В связи с вышеизложенным представляется актуальной более глубокая разработка методики расследования обеих указанных групп преступлений.

Полученные таким образом данные о следственной практике могут быть использованы для совершенствования методики расследования экологических преступлений. Вместе с тем, как верно отмечал И. А. Возгрин еще в 1992 г., «следственная практика не исчерпывает всех видов человеческой деятельности, выступающих в качестве источников методики расследования отдельных видов преступлений» [7, с. 96]. Действительно, со следственной практикой тесно связана оперативно-розыскная, административная деятельность правоохранительных органов, судебная практика. Однако взаимосвязь указанных видов практической деятельности применительно к расследованию экологических преступлений до настоящего времени не являлась предметом глубокого специального исследования.

Современный уровень развития криминалистики позволяет говорить о том, что структура теоретических основ методики расследования экологических преступлений может быть представлена в виде совокупности элементов:

- социально-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные основы расследования экологических преступлений;
- методология использования положений основных частных криминалистических теорий как элементов общей теории науки криминалистики;
- использование достижений других наук в расследовании экологических преступлений;
- частные методики расследования экологических преступлений определенных видов (предусмотренных прежде всего нормами гл. 26, а также некоторых иных глав Уголовного кодекса Российской Федерации);
- криминалистическая характеристика экологических преступлений;

— структура и система родовой (базовой) методики расследования экологических преступлений;

— содержание основных элементов родовой (базовой) методики расследования экологических преступлений.

Как видим, следственная практика нами не выделяется в качестве самостоятельной составной части теоретических основ методики расследования экологических преступлений. Однако именно с учетом результатов ее обобщения формируется каждая из таких составных частей.

Анализ следственной практики позволил сделать еще один важный вывод, что методика расследования экологических преступлений находится в состоянии активного развития, имеет резервы оптимизации за счет внедрения в деятельность следователей (дознавателей) со-

временных технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, разработки отсутствующих в настоящее время частных методик расследования (например, методики расследования загрязнения почв и пр.), усиления специализации следователей.

Интенсификация изучения следственной практики может повысить качество имеющихся методик расследования экологических преступлений, сделав их более понятными, эффективными, все более отвечающими запросам сотрудников правоохранительных органов; облегчить создание необходимых, но отсутствующих до сих пор частных методик расследования преступлений рассматриваемой категории, а значит, в целом способствовать реализации общегосударственной задачи по усилению экологической безопасности нашей страны.

Список литературы:

1. Бахин В. П. Следственная практика: проблемы изучения и совершенствования: учебное пособие. Киев, 1991.
2. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: криминалистические средства, приемы и рекомендации. Москва, 1979. Т. 3.
3. Васильева М. А. Криминалистические аспекты установления обстоятельств, способствовавших совершению экологических преступлений // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 1.
4. Васильева М. А. Криминалистические проблемы расследования приобретения, хранения, перевозки, переработки в целях сбыта или сбыта заведомо незаконно заготовленной древесины // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45).
5. Васильева М. А., Зубенко Е. В. К вопросу об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовным делам о незаконной добыче водных биоресурсов и рубке лесных насаждений // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. № 4.
6. Васильева М. А., Лебедева А. А. Некоторые аспекты преодоления противодействия расследованию экологических преступлений, подследственных следователям Следственного комитета Российской Федерации // Юридическая психология. 2019. № 4.
7. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений. Санкт-Петербург, 1992. Ч. 1.
8. Зубенко Е. В. К вопросу о расследовании незаконной добычи дальневосточного трепанга // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных ис-

References:

1. Bahin V. P. Sledstvennaya praktika: problemy izucheniya i sovershenstvovaniya: uchebnoe posobie. Kiev, 1991.
2. Belkin R. S. Kurs sovetskoj kriminalistiki: kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii. Moskva, 1979. T. 3.
3. Vasil'eva M. A. Kriminalisticheskie aspekty ustanovleniya obstoyatel'stv, sposobstvovavshih soversheniyu ekologicheskikh prestuplenij // Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2021. № 1.
4. Vasil'eva M. A. Kriminalisticheskie problemy rassledovaniya priobreteniya, hraneniya, perevozki, pererabotki v celyah sbyta ili sbyta zavedomo nezakonno zagotovlennoj drevesiny // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 1 (45).
5. Vasil'eva M. A., Zubenko E. V. K voprosu ob ustanovlenii obstoyatel'stv, podlezhashchih dokazyvaniyu po ugovolnym delam o nezakonnoj dobyche vodnyh bioresursov i rubke lesnyh nasazhdenij // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2019. T. 27. № 4.
6. Vasil'eva M. A., Lebedeva A. A. Nekotorye aspekty preodoleniya protivodejstviya rassledovaniyu ekologicheskikh prestuplenij, podsledstvennykh sledovatelyam Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya psihologiya. 2019. № 4.
7. Vozgrin I. A. Nauchnye osnovy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij. Sankt-Peterburg, 1992. CH. 1.
8. Zubenko E. V. K voprosu o rassledovanii nezakonnoj dobychi dal'nevostochnogo trepanga // Pravovye, social'no-gumanitarnye i ekonomicheskie problemy v fokuse nauchnyh issledovaniy: materialy Vserossijskoj nauchno-

- следований: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. С. Е. Туркулец. Хабаровск, 2016.
9. *Колиев В. В.* Методика расследования экологических преступлений. Комплексный подход // Аграрное и земельное право. 2021. № 2 (194).
  10. *Кuemжиева С. А., Зеленский В. Д.* Общие положения криминалистической методики: монография. Краснодар, 2015.
  11. Расследование экологических преступлений: руководство для следователя и дознавателя / под ред. О. И. Цоколовой, Д. В. Осипова, Н. Е. Муженской. Москва, 2018.
  12. Росприроднадзор произвел расчет ущерба экологии, нанесенный аварией в Норильске // Официальный сайт Росприроднадзора. URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_proizvel_raschet_ushcherba_ekologii (дата обращения: 15.06.2021).
  13. *Самолаева Е. Ю., Бородкина Т. Н.* О некоторых проблемах расследования экологических преступлений, совершенных в промышленных городах // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2.
  14. *Тимошенко Ю. А.* Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019.
- prakticheskoj konferencii / pod obshch. red. S. E. Turkulec. Khabarovsk, 2016.
  9. *Koliev V. V.* Metodika rassledovaniya ekologicheskikh prestuplenij. Kompleksnyj podhod // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2021. № 2 (194).
  10. *Kuemzhieva S. A., Zelenskij V. D.* Obshchie polozheniya kriminalisticheskoy metodiki: monografiya. Krasnodar, 2015.
  11. Rassledovanie ekologicheskikh prestuplenij: rukovodstvo dlya sledovatelya i doznavatelya / pod red. O. I. Cokolovoj, D. V. Osipova, N. E. Muzhenkoj. Moskva, 2018.
  12. Rosprirodnadzor proizvel raschet ushcherba ekologii, nanesennyj avariej v Noril'ske // Oficial'nyj sayt Rosprirodnadzora. URL: https://rpn.gov.ru/news/rosprirodnadzor_proizvel_raschet_ushcherba_ekologii (data obrashcheniya: 15.06.2021).
  13. *Samolaeva E. Yu., Borodkina T. N.* O nekotoryh problemah rassledovaniya ekologicheskikh prestuplenij, sovershennyh v promyshlennyh gorodah // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2020. № 2.
  14. *Timoshenko Yu. A.* Konstruirovanie ugolovno-pravovyh norm ob otvetstvennosti za ekologicheskie prestupleniya: problemy teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva, 2019.

Для цитирования:

Лавров Владимир Петрович, Васильева Мария Александровна. Следственная практика как один из элементов базы для формирования методики расследования экологических преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 129–135.

For citation:

Lavrov Vladimir Petrovich, Vasil'eva Mariya Aleksandrovna. Investigative Practice as Part of the Database to Develop a Methodology for Investigating Environmental Crimes // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 129–135.

ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА САЛЕЕВА,
старший преподаватель кафедры управления
органами расследования преступлений,
кандидат юридических наук
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: viva13@bk.ru

YULIYA EVGEN'EVNA SALEEVA,
Senior Lecturer Department of Management
of Crime Investigation Bodies,
Candidate of Law
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: viva13@bk.ru

ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ БЕССОНОВ,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук
Нижегородская академия МВД России
Российская Федерация, 603950,
г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3

E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

VLADIMIR ANATOL'EVICH BESSONOV,
Associate Professor of the Department of Operational
and Investigative Activities of Internal Affairs Bodies,
Candidate of Law
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of internal Affairs of Russia
Russian Federation, 603950, Nizhny Novgorod,
Ankudinovskoe shosse, 3
E-mail: kvadro-nn@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

УДК 34.096

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-136-145

Дата поступления: 15 марта 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Профилактические мероприятия органов внутренних дел, направленные на реализацию антинаркотической политики Российской Федерации

Preventive Measures of the Internal Affairs Bodies Aimed at the Implementation of Anti-Drug Policy of the Russian Federation

Аннотация

Актуальность проведения профилактических мероприятий, направленных на реализацию антинаркотической политики Российской Федерации, обусловлена увеличением масштабов незаконного оборота наркосодержащих веществ на территории России, «омоложением» как самого наркобизнеса, так и лиц, употребляющих наркотические вещества.

Постановка проблемы: исходя из оперативной обстановки, складывающейся на территории Российской Федерации, и статистических данных, следует констатировать тот факт, что ситуация, связанная с потреблением и распространением наркотических веществ в регионах нашей страны, остается весьма напряженной.

Abstract

The relevance of carrying out operational and preventive measures aimed at implementing the anti-drug policy of the Russian Federation is due to the increase in the illegal trafficking of drug-containing substances on the territory of Russia, the «rejuvenation» of the drug business itself, and the same for people who use drugs.

The statement of the problem: based on the operational situation in the territory of the Russian Federation and statistical data, it should be stated that the situation related to the consumption and distribution of narcotic substances in the regions of our country remains very tense. In recent years, the scale of distribution of drugs of synthetic origin, in terms of the cost of manufacturing, transporta-

В последние годы масштабы распространения наркотических веществ синтетического происхождения, по стоимости изготовления, транспортировки и возможности реализации «выигрывающие» перед остальными видами, демонстрируют пугающую тенденцию наркотизации общества. Профилактика обеспечения реализации антинаркотической политики является одним из способов предупреждения совершения как административных правонарушений, так и преступлений в обозначенной сфере. Данные статистики, представленные в тексте, дают основание полагать, что те меры, которые предпринимаются в целях профилактики, недостаточно эффективны. Представляется необходимым сформулировать ряд как общепрофилактических, так и оперативно-профилактических мероприятий, которые могли бы стать полезными в рамках реализации антинаркотической политики, а также «оздоровления» оперативной обстановки в регионах.

Цель исследования: продемонстрировать положительные примеры, а также выявить новые мероприятия профилактической направленности, которые могли бы оказать необходимый эффект в предупреждении распространения, употребления наркосодержащих веществ на территории Российской Федерации.

Методы исследования: общенаучные методы познания, включающие принцип объективности, системности, анализа, индукции, дедукции. Наряду с общенаучными методами познания применялись частнонаучные методы: описательный, сравнительно-правовой.

Результаты и ключевые выводы: в рамках статьи представлены рекомендации по совершенствованию профилактической деятельности сотрудников органов внутренних дел, на которых возложена обязанность по проведению оперативно-профилактических мероприятий в целях реализации антинаркотической политики государства. В качестве демонстрации положительного примера использовался опыт Управления по контролю за оборотом наркотиков Главного управления МВД России по Нижегородской области с созданным на его базе отрядом специального назначения «Гром». Проведение правильно спланированных профилактических мероприятий поможет не только предупредить совершение административных правонарушений и преступлений в сфере незаконного оборота наркосодержащих веществ, но и получить оперативно значимую информацию, необходимую для выявления и раскрытия преступлений в указанной сфере.

Ключевые слова: предупреждение преступлений; профилактика правонарушений; оперативно-профилактические мероприятия; оперативно-

tion and the possibility of implementation, «winning» over other types, demonstrate a frightening trend of drug addiction in society. The prevention of ensuring the implementation of anti-drug policy is one of the ways to prevent the commission of both administrative offenses and crimes in the designated area. The statistical data presented in the text give reason to believe that the measures taken for the purpose of prevention are not effective enough. It seems necessary to formulate a number of both general preventive and operational-preventive measures that could be useful in the implementation of anti-drug policy, as well as «improving» the operational situation in the regions.

The purpose of the study: demonstrate positive examples, as well as identify new preventive measures that could have the necessary effect in preventing the spread and use of drug-containing substances on the territory of the Russian Federation.

The research methods: general scientific methods of cognition, including the principle of objectivity, consistency, analysis, induction, deduction. Along with general scientific methods of cognition, private scientific methods were used: descriptive, comparative legal.

The results and key findings: within the framework of the article, recommendations are presented for improving the preventive activities of employees of the internal affairs bodies, who are entrusted with the obligation to carry out operational and preventive measures in order to implement the state's anti-drug policy. As a demonstration of a positive example, the experience of the Drug Control Directorate of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Nizhny Novgorod Region with a special-purpose unit «Grom». Conducting correctly planned preventive measures will help not only to prevent the commission of administrative offenses and crimes in the sphere of illegal drug trafficking, but also to obtain operatively significant information necessary to identify and solve crimes in this area.

Key words: crime prevention; operational and preventive measures; operational and preventive operation; counteraction to crimes in the sphere

профилактическая операция; противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

of illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances.

Увеличившиеся масштабы незаконного оборота и немедицинского потребления наркотических средств, стимуляторов амфитаминового ряда, лекарственных препаратов, содержащих наркотические вещества, на территории Российской Федерации свидетельствуют о том, что наркоситуация в нашей стране представляет серьезнейшую угрозу здоровью населения, безопасности государства и экономике страны.

Профилактика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств – это деятельность как государства, так и общества в целом. Она должна быть направлена на устранение причин и условий совершения подобного рода преступлений. Государство должно заботиться о подрастающем поколении, используя методы социального контроля за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Пропаганда здорового образа жизни, а также выработка у подрастающего поколения мировоззрения, связанного с нетерпимостью употребления наркотических средств, должны ставиться во главу угла.

Профилактика совершения преступлений и правонарушений в этой области является одним из направлений деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России).

В рамках реализации государственной антинаркотической политики Президентом Российской Федерации (далее – Президент РФ) был издан Указ «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»¹ (далее – Стратегия), в котором одной из приоритетных целей является профилактическая работа, основанная на общих методологических принципах антинаркотической деятельности. Это касается деятельности не только органов внутренних дел. Сюда включена профилактическая работа медицинских учреждений, пограничных и таможенных органов, международных органов по борьбе с наркоманией и преступлениями в сфере незаконного оборота наркотических средств.

При этом понятия «профилактические мероприятия» и «оперативно-профилактические

мероприятия», несмотря на повсеместное использование второго термина, содержательно не в полной мере разграничены.

В контексте указанного нормативного правового акта оперативно-профилактические мероприятия (далее – ОПМ) выделяются в качестве действенных мер, направленных на сокращение количества преступлений и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

В юридической литературе вопросам ОПМ посвящены труды видных ученых: Г. Л. Данькова [2], Д. А. Харченко [6], Е. Ю. Титушкиной [4], Я. Г. Ищука [1; 4], Б. В. Борина [1], А. С. Усковой [5] и т. д.

В своих работах Е. Ю. Титушкина обращает внимание на то, что в настоящее время определение категории «профилактика» можно встретить в различных нормативных правовых актах, касающихся «антикриминального законодательства». При этом одно и то же понятие рассматривается в разных смысловых значениях, таких как предотвращение, предупреждение, превенция и даже противодействие. Так же она указывает на то, что в Инструкции по организации проведения оперативно-профилактических операций (далее – ОПО) и оперативно-профилактических мероприятий перечисленные цели, на которые направлены указанные мероприятия, являются не вполне корректно сформулированными. Они могут привести к неправильному толкованию обозначенных выше интерпретаций понятия «профилактика» [4].

Кроме того, интересующее нас понятие ОПМ не нашло своего отражения в нормативных правовых актах федерального уровня.

Обратимся к трактовке этого понятия в приказе МВД России № 772. В рамках этого приказа ОПМ представляют собой согласованные по срокам и решаемым задачам действия органов внутренних дел, подразделений органов внутренних дел, осуществляемые в соответствии с законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации в рамках повседневной оперативно-служебной деятельности².

Надо признать, что обозначенное понятие является несколько расплывчатым и не учиты-

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 // СЗ РФ. 2020. № 48. Ст. 7710.

² О совершенствовании организации проведения оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 722.

вает в конечном счете те цели, которые должны на них возлагаться.

Целью ОПМ, по нашему мнению, выступает предупреждение совершения правонарушений и преступлений. Они должны быть планомерными, целенаправленными, комплексными и эффективными. И только в этом случае они смогут привести к необходимому результату.

В связи с этим предлагаем взять за основу следующее определение: оперативно-профилактические мероприятия – это целенаправленные комплексные мероприятия, проводимые органами внутренних дел, а также подразделениями органов внутренних дел в соответствии с принципами планомерности и обоснованности, вытекающие из сложившейся оперативной обстановки в конкретном регионе, осуществляемые в строгом соответствии с законодательством Российской Федерации в целях предупреждения совершения правонарушений и преступлений.

Понятие выглядит на первый взгляд достаточно «массивно», но при всем этом отражает основное предназначение данной профилактической деятельности.

Актуальность рассматриваемой темы подтверждают также статистические данные, представленные на портале Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее – ГИАЦ МВД России). За 2020 г. всего было зарегистрировано 189 905 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Большая часть указанных преступлений находилась в производстве следователей органов внутренних дел (184 721 уголовное дело). При этом удельный вес таких преступлений приходится на ст. 228 УК РФ (69 394 уголовных дела), 68 581 уголовное дело – на незаконное приобретение и хранение наркотических средств. К этой статистике хотелось бы добавить еще информацию о том, что из общего числа лиц, совершивших преступления рассматриваемой категории, число потребителей наркотических средств и психотропных веществ приравнивается к 74 464, на возрастную категорию 30–39 лет приходится 32 119 человек, но при этом необходимо отметить, что в общем количестве есть и лица более молодого возраста (с 14 лет), что не может не внушать некую опаску³.

³ Статистика ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt126_201912.026.txt (дата обращения: 06.03.2021).

Обстановка, которая складывается в сфере оборота и потребления наркотических средств в целом по России и в отдельных ее регионах показывает необходимость проведения превентивных мероприятий для стабилизации этого положения, а также для профилактики совершения правонарушений и преступлений в обозначенной сфере.

В рамках статьи обратим внимание на Приволжский федеральный округ. «Лидерами» по количеству преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ, растений (либо их частей), содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ являются Республика Татарстан, Самарская и Нижегородская области.

Основная роль по противодействию незаконному обороту наркотических средств в регионах отводится управлениям по контролю за оборотом наркотиков Главного управления МВД России (далее – УКОН ГУ МВД России) с созданными на их базе отрядами специального назначения «Гром», а также районным отделам полиции органов внутренних дел.

Из общего количества зарегистрированных преступлений рассматриваемой группы выделяют следующие:

- связанные с изготовлением наркотических средств;
- приобретением и хранением наркотических средств;
- незаконным сбытом;
- организацией и содержанием наркопритонов;
- контрабандой подконтрольных веществ.

Помимо изготовления наркотических средств на территории нашего государства, в Российскую Федерацию поставляются большие объемы наркотических веществ синтетического происхождения. Это объясняется в первую очередь информатизацией общества и распространением интернет-магазинов, которые значительно упрощают процесс их реализации.

Наркодельцы активно пользуются развитием информационно-телекоммуникационных технологий. В настоящее время в финансовой структуре незаконного оборота наркотических средств достаточно часто используется криптовалюта, что также создает значительные трудности для правоохранительных органов [3].

Однако органами внутренних дел в регионах организуется профилактическая работа, которая позволяет выявить и пресекать преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых при помощи сервисов в сети Интернет.

Надо признать, что на общегосударственном уровне недостаточно четко разработан механизм управления и контроля за информационными потоками. И речь идет не только об интернете. Радио-, телересурсы полны не только интернет-магазинами, которые под видом легальных торговых площадок реализуют наркотические средства, но и различного рода информационными «вбросами» (фильмы, молодежные передачи, песни), которые формируют терпимое отношение, а иногда и поощряющее употребление наркотических веществ. Нельзя не признать, что это проблемы далеко не государственного масштаба, а масштаба общемирового, что не может не вызывать опасений.

Учитывая особую важность и стратегический характер работы в интернет-пространстве, постоянно ведется поиск максимально эффективных, интерактивных и доступных для молодежи форм и методов. Основной акцент сделан на организацию разъяснительной работы среди подростков и молодежи о юридической ответственности за употребление и распространение наркотических средств и психотропных веществ в сети Интернет.

В целях качественной организации профилактической работы с использованием интернет-пространства на официальном сайте ГУ МВД России в разделе «Борьба с незаконным оборотом наркотиков» размещены методические материалы профилактической направленности.

Основной акцент при написании этой статьи делается на Нижегородскую область в силу того, что работа профилактической направленности по реализации антинаркотической политики в этом регионе отмечается в качестве положительной.

На территории обозначенного региона действует Межвузовский антинаркотический волонтерский отряд при УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области. Отряд активно занимается пропагандой здорового образа жизни и ведет свою деятельность в рамках антинаркотической политики Российской Федерации как в очном формате, так и в дистанционном (онлайн-встречи, семинары, активная деятельность в социальных сетях).

В период с 20 по 26 октября 2020 г. с использованием электронной платформы для проведения видеоконференций *Zoom* проведен очередной этап обучения добровольцев, которые войдут в состав Межвузовского антинаркотического волонтерского отряда. Интерактивные лекции для будущих участников антинаркотического волонтерского движения в течение 4 дней обучения проводили сотрудники УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области, представители Центра психолого-педа-

гогической, медицинской и социальной помощи, информационно-просветительского Центра «Школа здоровья ПИМУ», Нижегородского областного центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями, Нижегородского областного наркологического диспансера.

Обучение проходило в рамках реализации пилотного проекта УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области, межвузовской антинаркотической комиссии при Совете ректоров нижегородских вузов и министерств здравоохранения и образования, науки и молодежной политики Нижегородской области. Главной целью мероприятия было обучение студентов навыкам преподавания темы профилактики наркомании студентам и школьникам.

Кроме этого, в 2020 г. велась работа сотрудников ГУ МВД России по Нижегородской области и территориальных отделов полиции при содействии волонтерских движений, курсантов Нижегородской академии МВД России по мониторингу интернет-ресурсов, направленная на своевременное выявление и пресечение деятельности лиц, склоняющих пользователей сети Интернет к совершению противоправных действий, в том числе в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В рассматриваемом периоде выявлено и направлено в Роскомнадзор 13 112 (2019 г. — 13 104) интернет-адресов для проведения экспертизы и включения их в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Данная линия работы стоит на особом контроле, ежемесячно проводится анализ сведений, поступающих из территориальных отделов, результаты работы доводятся до руководства УКОН и ГУ МВД России по Нижегородской области.

Анализ показал, что в основном в регионах нашей страны действуют отдельно функционирующие волонтерские антинаркотические отряды на базах образовательных учреждений как среднего, так и высшего образования (например, волонтерский антинаркотический отряд «По зову сердца», антинаркотический волонтерский отряд Краснодарского машиностроительного колледжа, действующий совместно с активистами Молодежного совета при главе Администрации Центрального внутригородского округа г. Краснодара, и т. д.).

Хотелось бы отметить, что для развития этой деятельности необходима поддержка как администраций регионов, так и правоохранительных органов, занимающихся антинаркотической деятельностью. Это является большим подспор-

рем, повышает уровень значимости тех вопросов, которые ставятся во главу угла в рамках антинаркотической политики.

Несмотря на эпидемиологическую ситуацию, в России и во всем мире в 2020 году в регионах были организованы и проведены очередные этапы общероссийских акций «Сообща, где торгуют смертью» (далее – акция «СГС») и «Призывник».

В рамках проведения акции «СГС» любой обладающий информацией мог анонимно позвонить по круглосуточному телефону доверия (вся необходимая информация обычно размещена на официальных сайтах и порталах конкретного региона) либо по телефону 02 (102) и сообщить о местах распространения или употребления наркотиков.

Информация с указанием телефонов доверия должна размещаться в местах массового скопления людей (торговые центры, образовательные учреждения, медицинские организации, остановки общественного транспорта и т. д.).

На сегодняшний день необходимо отметить, что по результатам первого этапа акции «СГС», проведенного с 15 по 26 марта в России, поступило более чем 11 тысяч обращений граждан; 46 % сообщений приходилось на информацию о фактах незаконного оборота (распространения) наркотических средств; 44 % касалось профилактики и лечения лиц, страдающих от наркотической зависимости, также поступали сообщения о пропаганде, распространении наркотических средств в сети Интернет (5 %).

Такие акции позволяют:

- своевременно выявлять как административные правонарушения, так и преступления;
- изымать из незаконного оборота наркотические средства;
- выявлять интернет-ресурсы, которые занимаются пропагандой употребления наркотических средств, а также их распространением.

Все это оказывает положительное действие на оперативную обстановку в регионах.

Вторая обозначенная нами акция «Призывник» организовывается Министерством внутренних дел Российской Федерации совместно с Министерством обороны. Целью этого мероприятия является оказание профилактического воздействия на граждан, которые достигли призывного возраста.

Обратимся к данным Нижегородской области. В 2020 г. в период акции «Призывник» на территории региона проведено 311 антинаркотических мероприятий, в которых приняли участие 7 886 лиц призывного возраста и военнослужащих.

В Республике Татарстан, которая также упоминалась выше, в рамках этой акции были про-

ведены такие мероприятия, как: показ фильма «Наркотики. Секреты манипуляции» и видеороликов антинаркотической направленности, раздавались брошюры «Скажи наркотикам – нет!», проводилось тестирование граждан, выявившее 33 человек, которые употребляли наркотические вещества в немедицинских целях. Охват этой акции в рамках Республики Татарстан достиг 3,5 тыс. граждан.

Основной акцент профилактической работы в рамках указанной акции был сделан на разъяснении юридической ответственности за употребление и распространение наркотических средств и психотропных веществ.

Обратимся вновь к Нижегородской области, осветим мероприятия, которые были проведены в регионе в 2020 г. Как показала статистика, обозначенная выше, эта область находится на «лидирующих позициях» среди регионов Приволжского федерального округа по количеству преступлений, связанных с распространением, хранением наркотических средств, но при этом профилактическую деятельность администрации области, органов внутренних дел, волонтерского движения, Министерства здравоохранения нельзя не признать активной, планомерной и целенаправленной.

Девятнадцатого ноября 2020 г. в формате видеоконференции *Zoom* сотрудники УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области приняли активное участие в межведомственном вебинаре для руководящих и педагогических работников по организации профилактики асоциального поведения детей и подростков, употребления психоактивных веществ, алкоголя и табакокурения.

Мероприятие организовано Центром психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи, в нем приняли участие около одной тысячи человек.

На мероприятии были освещены вопросы организации работы по профилактике употребления несовершеннолетними психоактивных веществ в современных условиях, организации противодействия вовлечения несовершеннолетних в деструктивные сообщества в сети Интернет, выявлению суицидальных наклонностей у детей и подростков, организации мероприятий по профилактике ВИЧ-инфекции в образовательной среде и т. д.

Двадцатого ноября 2020 г. принято активное участие в ежегодном антинаркотическом телемарафоне «Всем миром против наркотиков», организованном Правительством Нижегородской области, Государственной телевизионной и радиовещательной компанией «Нижний Новгород» (далее – ГТРК «Нижний Новгород») при поддержке аппарата антинаркотической комис-

сии Нижегородской области. Данное мероприятие проводилось в прямом эфире ГТРК «Нижний Новгород».

Главной целью телемарафона является привлечение внимания общественности к проблеме наркомании и вовлечение всего гражданского общества в активное противодействие злоупотреблению наркотиками.

Во время прямого включения обсуждались актуальные темы, в том числе и то, какой должна быть антинаркотическая пропаганда среди молодежи. В качестве экспертов по теме марафона выступили представители министерств и ведомств Нижегородской области, федеральных структур, правоохранительных органов области, педагоги, психологи, медики, юристы, журналисты, а также волонтеры межвузовского волонтерского отряда.

В рамках телемарафона в 2020 г. было снято 17 телесюжетов/роликов и 4 радиопередачи. Следует отметить, что сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области была оказана методическая помощь в ходе проведения съемок, а также проведена экспертная оценка видеоматериала, отснятого в рамках телемарафона.

Двадцать четвертого декабря 2020 г. в заочной форме сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области организовано и проведено заседание межвузовской антинаркотической комиссии при Совете ректоров вузов Нижегородской области под председательством заместителя декана лечебного факультета Приволжского исследовательского медицинского университета Минздрава России И. Б. Карпухина.

В ходе заседания обсуждены новые формы проведения профилактической антинаркотической работы с использованием сети Интернет в условиях сложившейся эпидемиологической обстановки в регионе, по итогам заседания принято решение о реализации комплекса мер, направленных на активизацию антинаркотической работы среди студентов вузов региона.

Нужно отметить, что со снятием части ограничительных мер в условиях COVID-19 в регионе возобновлены мероприятия антинаркотической направленности в традиционном формате с участием молодежи.

Так, на базе военно-спортивного лагеря «Партизан», расположенного в Ковернинском районе Нижегородской области, проведен цикл профилактических мероприятий для воспитанников.

Сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области проведены профилактические мероприятия с ребятами, направленные на формирование стойкой антинаркотической гражданской позиции. В ходе прове-

денных встреч чередовались различные формы подачи информации: теоретическая лекция, групповые дискуссии, разыгрывание проблемных ситуаций, обсуждение проблемных вопросов по антинаркотической тематике, также демонстрировались фильмы, снятые в рамках телемарафона «Всем миром против наркотиков» областной телекомпанией ННТВ. Также совместно с сотрудниками УКОН ГУ МВД России по Нижегородской области проводятся нижегородские спортивные фестивали антинаркотической направленности «Нет наркотикам. Я выбираю спорт!», по результатам которых вручаются дипломы «За волю к победе» участникам, добившимся наиболее высоких результатов.

По данным статистики, одним из наиболее эффективных ОПМ является выявление и пресечение административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

По итогам 2020 г., по данным ГИАЦ МВД России, на территории страны органами внутренних дел выявлено 140 827 административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (в 2019 – 140 059), из них [5]:

- ст. 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) – 13 914 (2019 – 14 929);
- ст. 6.9 КоАП РФ – 94 554 (2019 – 91 178);
- ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ – 9 329 (2019 – 11 250);
- ст. 20.22 КоАП РФ⁴ – 1 022 (2019 – 1 390)⁵.

Для более полной и актуальной демонстрации складывающейся ситуации приведем данные по состоянию за 9 месяцев 2021 года: ст. 6.8 КоАП РФ – 10 944; ст. 6.9 КоАП РФ – 79 128; ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ – 6 672; ст. 20.22 КоАП РФ – 583.

Констатируем тот факт, что хоть и не значительная, но тенденция к снижению показателей есть.

В целях соблюдения механизма неотвратимости наказания за совершенное лицом правонарушение сотрудники УКОН ГУ МВД России должны ежеквартально осуществлять сверки с подразделениями наркологических диспансеров (далее – НД) сведений о лицах, у которых при проведении исследования установлен факт наркотического опьянения с данными о гражданах, привлеченных к административной ответственности за незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁵ Статистика ГИАЦ МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/files/content/stat/books/text/txt126_202006.021.txt (дата обращения: 06.03.2021).

В случае выявления фактов непривлечения к административной ответственности лиц, положительно освидетельствованных на состояние наркотического опьянения, должны быть реализованы мероприятия по получению соответствующими подразделениями полиции из учреждений НД актов медицинского освидетельствования, а также должна быть организована работа по розыску данных граждан с последующим привлечением к административной ответственности.

В рамках предупреждения, выявления и раскрытия преступлений ежеквартально в адрес начальников территориальных органов МВД России должны направляться списки лиц, привлеченных к административной ответственности за правонарушения в сфере незаконного оборота наркотиков, для использования в оперативно-розыскной деятельности.

Необходимо заметить, что деятельность указанной службы является эффективной в том случае, если должным образом обеспечивается контроль за тем, что лицо, на которое возложена судом обязанность прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача, не уклоняется от вышеперечисленного⁶.

Помимо прочего, достаточно эффективным оказывается проведение сотрудниками оперативных подразделений совместно с отрядами специального назначения «Гром» еженедельных оперативно-профилактических рейдов по ночным развлекательным заведениям. В ходе таких рейдов необходимо производить доставку в отделы полиции лиц, представляющих оперативный интерес, их дактилоскопирование, формирование геномного учета.

В рамках обозначенной авторами тематики нельзя упускать из виду еще один действенный механизм, направленный на пресечение рассматриваемой незаконной деятельности. Таким механизмом выступает взаимодействие органов внутренних дел с Росфинмониторингом, который обладает обширными возможностями. Силами Росфинмониторинга по запросам правоохранительных органов могут проводиться исследования на установление признаков легализации наркодоходов.

⁶ Об утверждении Правил контроля за исполнением лицом возложенной на него судьей при назначении административного наказания обязанности пройти диагностику, профилактические мероприятия, лечение от наркомании и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 28 мая 2014 г. № 484. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

В рамках государственной программы министерства и ведомства, заинтересованные в профилактической антинаркотической работе, должны осуществлять деятельность по следующим направлениям:

1. Совершенствование нормативно-правового регулирования на региональном уровне в целях разработки и реализации региональной политики в области профилактики наркомании, реабилитации наркопотребителей.

2. Выработка и организация комплексных мер, направленных на предупреждение и устранение условий, способствующих немедицинскому употреблению наркотических средств и психотропных веществ.

3. Разработка, планирование и реализация мероприятий профилактического характера, направленных на просвещение населения, недопущение потребления, распространения и хранения наркотических средств и психотропных веществ.

В рамках профилактики незаконного распространения наркотических средств необходимо рассматривать и деятельность по контролю за их легальным оборотом, так как случаи поступления из легального оборота в незаконный также имеют место. Сотрудникам правоохранительных органов, занимающимся противодействием незаконному обороту наркотических средств, надлежит регулярно проверять помещения, в которых будет осуществляться деятельность, связанная с легальным оборотом наркотических средств, на соответствие требованиям к такого рода помещениям. Помимо этого, не вызывает сомнений необходимость проверки лиц, которые будут иметь доступ к наркотическим средствам на момент наличия ограничений, препятствующих подобного рода деятельности. К таковым можно отнести, например, наличие судимости, в том числе погашенной и неснятой.

Достаточно высокую эффективность показывают профилактические мероприятия, проводимые с привлечением активистов из молодежной среды. Волонтеры, участвуя в подобного рода мероприятиях, активно воздействуют на сверстников, пользуясь авторитетом среди них.

Обозначенное направление является весьма приоритетным в силу того, что огромное количество молодежи последнее время вовлекается в преступную деятельность, связанную с незаконным оборотом наркотических средств. Это обусловлено многими факторами, однако основополагающим является их финансовая заинтересованность. Помимо посещений образовательных учреждений, должны проводиться рейдовые мероприятия совместно с комиссиями по делам несовершеннолетних по посеще-

нию подростков, которые уже были замечены в потреблении наркотических средств и психотропных веществ, а также посещение семей, в которых родители склонны к употреблению таких средств. В такой деятельности не обойтись и без взаимодействия с участковыми уполномоченными полиции в подконтрольных районах.

Проведение семинаров-совещаний с представителями Департамента образования, лекционных занятий с педагогическими работниками по тематике, связанной с реализацией государственной антинаркотической политики, также позволяет достигать целей, заложенных в Стратегии. Только совместными усилиями органов государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций, медицинских учреждений и иных органов и организаций можно добиться снижения уровня распространения и потребления наркосодержащих веществ у нас в стране.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что, несмотря на усилия администраций регионов, правоохранительных органов и иных общественных движений, ситуация в стране относительно распространения и потребления наркотических веществ существенно не меняется, в силу этого авторами предпринята попытка изложить рекомендации, которые смогли бы усилить эффект профилактической деятельности. Отдельные из перечисленных превентивных мероприятий, несомненно, проводятся в регионах, однако необходимо обратить внимание правоприменителя на то, что до-

биться положительной тенденции можно только тогда, когда эта деятельность будет носить комплексный, целенаправленный и скоординированный характер.

Таким образом, принятая Стратегия, направленная на реализацию антинаркотической политики, должна неукоснительно соблюдаться, антинаркотическое законодательство – повсеместно совершенствоваться, а региональная нормативная правовая база, направленная на противодействие распространению наркотических средств, – приводиться в соответствие с нормативной правовой базой федерального уровня.

Распространение наркотиков ведет к демографическому кризису, снижению величины трудоспособного населения, могущего поддерживать экономику страны на должном уровне.

Несмотря на то что сотрудники УКОН ГУ МВД России, а также сотрудники районных отделов полиции органов внутренних дел повсеместно участвуют в проведении специальных оперативно-профилактических мероприятий и повышают эффективность своей деятельности в рассматриваемом направлении, необходимо констатировать тот факт, что поиск новационных методик профилактики наркомафии, в том числе в онлайн-режиме, использование прогрессивных форм работы и организация эффективных медиаплощадок в сети Интернет должны сделать антинаркотическую деятельность максимально доступной и интересной как для населения региона в целом, так и для молодежи в частности.

Список литературы:

1. Борин Б. В., Ищук Я. Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.
2. Даньков Г. Л. Сущность и понятие оперативно-профилактических мероприятий, проводимых органами внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2010. № 2 (14).
3. Климчаков А. В. К вопросу о содействии граждан полиции в борьбе с незаконным сбытом наркотических средств, совершаемым с использованием сети Интернет // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2019. № 4 (49).
4. Титушкина Е. Ю., Ищук Я. Г. Комплексная оперативно-профилактическая операция: проблемы правового закрепления // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56).

References:

1. Borin B. V., Ishchuk Ya. G. Ponyatie operativno-rozysknoj profilaktiki prestuplenij // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2017. № 3.
2. Dan'kov G. L. Sushchnost' i ponyatie operativno-profilakticheskikh meropriyatij, provodimyh organami vnutrennih del // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2010. № 2 (14).
3. Klimchakov A. V. K voprosu o sodejstvii grazhdan policii v bor'be s nezakonnym sbytom narkoticheskikh sredstv, sovershaemym s ispol'zovaniem seti Internet // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 4 (49).
4. Titushkina E. Yu., Ishchuk Ya. G. Complex operational and preventive operation: problems of legal consolidation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 4 (56).
5. Uskova A. S. O nekotoryh formah pravoohranitel'noj deyatel'nosti // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2020. № 1.

5. Ускова А. С. О некоторых формах правоохранительной деятельности // Государственная служба и кадры. 2020. № 1.
6. Харченко Д. А. Некоторые аспекты оперативно-розыскной профилактики // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XVIII Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию института. Иркутск, 2013.
6. Harchenko D.A. Nekotorye aspekty operativno-rozysknoj profilaktiki // Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh usloviyah: materialy XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu instituta. Irkutsk, 2013.

Для цитирования:

Салеева Юлия Евгеньевна, Бессонов Владимир Анатольевич. Профилактические мероприятия органов внутренних дел, направленные на реализацию антинаркотической политики Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 136–145.

For citation:

Saleeva Yulia Evgenievna, Bessonov Vladimir Anatolyevich. Preventive Measures of the Internal Affairs Bodies Aimed at the Implementation of Anti-Drug Policy of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 136–145.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ деятельность

ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА ВАРЛАКОВА,
доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: vvt771@yandex.ru

TATYANA VYACHESLAVOVNA VARLAKOVA,
Associate Professor of the Foreign Languages
Department, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor
Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: vvt771@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.12 – криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность.

Scientific Specialty:
12.00.12 – Criminalistics;
Forensic Expert Activity;
Operational Investigative Activity.

УДК 343.9

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-146-153

Дата поступления: 1 июля 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Экспертиза проектов нормативных правовых актов: выявление языковых единиц коррупциогенной направленности

Examination of Draft Normative Legal Acts: Identification of Linguistic Units of Corruption Orientation

Аннотация

Актуальность исследования: государством принимаются меры, направленные на повышение эффективности нормативных правовых актов. К таким мерам относятся экспертиза, общественное обсуждение, мониторинг правоприменительной практики. Среди указанных правовых средств повышения эффективности действия нормативных правовых актов экспертиза имеет наиболее продолжительную историю внедрения. Данные тексты подвергаются экспертизе различных видов. Особое внимание специалистами уделяется вопросам антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Направленность на предупреждение совершения правотворческих ошибок с учетом выявления возможных коррупционных рисков в качестве нежелательных последствий действия нормативного правового акта

Abstract

The relevance of the study: the state is taking measures aimed at improving the effectiveness of regulatory legal acts. Such measures include expertise, public discussion, and monitoring of law enforcement practice. Among these legal means of increasing the effectiveness of regulatory legal acts, expertise has the longest history of implementation. These texts are subject to various types of expertise. Specialists pay special attention to the issues of anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts. The focus on preventing the commission of law-making errors, taking into account the identification of possible corruption risks as undesirable consequences of the regulatory legal act, explains the importance of this kind of expertise. However, experts in the field

объясняет значимость данного рода экспертизы. Однако специалистами в области осуществления антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов отмечается неразработанность теоретических, методологических основ ее проведения. Кроме того, за прошедшие почти три десятилетия применения экспертизы проектов нормативных правовых актов в юридической науке данная тема исследована недостаточно полно.

Постановка проблемы: проблема качества и эффективности нормативных правовых актов остается важной, требующей неустанного внимания. Исключение недочетов во избежание проникновения коррупционной составляющей в сферу правоприменения предполагается выверенной, теоретически, методологически обоснованной деятельностью по проведению антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. При этом одним из наиболее сложных, находящимся на стадии становления, тщательного изучения внутри данной экспертной деятельности называют направление выявления языковых единиц коррупциогенного характера. Такие единицы вносят в текст нормативного правового акта неясность содержания, возможность различных подходов его толкования, а следовательно, создают базу для вариантов реализации одной и той же нормы права.

Цель работы: проанализировать и кратко охарактеризовать сущность, основы, а также отдельные аспекты выполнения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, осуществляемой путем выявления языковых единиц коррупциогенной направленности; предложить рекомендации по отбору таких средств.

Методологическую основу составляют использование общеметодологического системного подхода и применение общенаучных методов (анализ, синтез, дедукция, индукция), частных научных методов, таких как описательный, сравнительно-сопоставительный метод, логико-смысловой, семантический анализ, моделирование и др.

Выводы и результаты исследования: проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов обусловлено необходимостью учета и применения специальных знаний во всех сферах и видах деятельности, в том числе в правотворчестве. Совершенствование процедуры экспертизы проектов нормативных правовых актов как правового средства повышения эффективности нормативных правовых актов должно учитывать совместную, согласованную деятельность специалистов – лингвистов и юристов, обоснованное выявление ими языковых единиц, содержащих коррупциогенную составляющую. Результатом исследования стал перечень языковых единиц, обнаружение которых в тексте проекта нормативного правового акта является показателем наличия в содержании нормы коррупциогенной составляющей. Обращение к такому перечню в ходе проведения антикор-

of anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts note the lack of development of the theoretical, methodological foundations of its implementation. In addition, over the past almost three decades of the application of expertise of draft normative legal acts in legal science, this topic has not been fully investigated.

The problem statement: the problem of the quality and effectiveness of regulatory legal acts remains important, requiring constant attention. The elimination of shortcomings in order to avoid the penetration of the corruption component into the sphere of law enforcement is assumed to be verified, theoretically, methodologically sound activities for conducting anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts. At the same time, one of the most difficult, at the stage of formation, thorough study within this expert activity is called the direction of identifying linguistic units of a corrupt nature. Such units introduce ambiguity of content into the text of a normative legal act, the possibility of different approaches to its interpretation, and therefore create a basis for options for the implementation of the same rule of law.

The purpose of the work: to analyze and briefly characterize the essence, fundamentals, as well as individual aspects of the implementation of anti-corruption expertise of draft regulatory legal acts carried out by identifying linguistic units of a corruption-related orientation; to offer recommendations on the selection of such funds.

The methodological basis is the use of a general methodological system approach and the use of general scientific methods (analysis, synthesis, deduction, induction), private scientific methods such as descriptive, comparative method, logical-semantic, semantic analysis, modeling, etc.

The conclusions and results of the study: the examination of draft regulatory legal acts is conditioned by the need to take into account and apply special knowledge in all spheres and types of activities, including law-making. The improvement of the procedure for the examination of draft normative legal acts as a legal means of increasing the effectiveness of normative legal acts should take into account the joint, coordinated activities of linguists and lawyers, their reasonable identification of linguistic units containing a corruption component. The result of the study was a list of linguistic units, the detection of which in the text of the draft normative legal act is an indicator of the presence of a corruption component in the content of the norm. Referring to such a list during the anti-corrup-

рупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов позволит более успешно использовать потенциал данного инструмента для повышения эффективности правового регулирования.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза; проект нормативного правового акта; нормативный правовой акт; языковая единица; коррупциогенный фактор; коррупционная составляющая.

tion examination of draft regulatory legal acts will allow more successful use of the potential of this tool to improve the effectiveness of legal regulation.

Key words: anti-corruption expertise; draft regulatory legal act; regulatory legal act; language unit; corruption factor; corruption component.

В нормативных правовых актах (далее – НПА) задачи правоприменения должны быть представлены в виде четко изложенного, имеющего универсальный характер алгоритма действий или выполнения должностных функций. Как результат деятельности законодателя форма и содержание НПА, их проектов должны обладать универсальным характером, отличаться продуманностью, выверенностью практикой, длительным многоаспектным обсуждением специалистами – юристами и лингвистами. Тем не менее, поскольку случаи правоприменения не могут быть полностью формализованы, сведены к строго выписанным стереотипам, некоторые правовые нормы потенциально будут обладать коррупциогенными свойствами. Проведенное исследование направлено на решение проблемы реализации антикоррупционных экспертиз проектов законодательных актов, выявления терминов и (или) словосочетаний, имеющих коррупциогенный характер, употребляющихся в НПА и их проектах.

Актуальность исследования объясняется тем, что, как показывает анализ существующих методик и сложившейся практики проведения антикоррупционных экспертиз, остаются неразрешенными многие вопросы, которые касаются назначения, организации и проведения антикоррупционной экспертизы, осмысления ее результатов соответствующими органами и реагирования на высказываемые экспертами выводы. Предмет исследования составляют проекты НПА, действующие правовые документы, научная, справочная литература, словари, материалы антикоррупционных экспертиз.

В 2012 г. под нашим руководством выполнена НИР «Информационное обеспечение автоматизации процессов проведения правовой и антикоррупционной экспертиз», создан перечень содержащих коррупциогенную составляющую терминологических и нетерминологических единиц, выявленных в проектах, а также в утвержденных НПА. Многие выявленные единицы представлены в окончательном варианте перечня в нескольких грамматических формах. Данные формы наш-

ли отражение в работе, поскольку во всех представленных случаях единицы обладают коррупционной направленностью и при толковании НПА в процессе правоприменения могут способствовать коррупционному поведению. При выполнении исследования проведен анализ текстов действующих НПА, а также их проектов с точки зрения наличия коррупционной составляющей; выявлены терминологические единицы, содержащие коррупционную составляющую; проведена систематизация отобранных единиц; создан перечень терминов и/или сочетаний, словосочетаний, которые при использовании в деятельности органов внутренних дел с определенной долей вероятности могут способствовать возникновению ситуаций, порождающих коррупцию.

В 2017 г. коллективом исполнителей с нашим участием разработаны методические рекомендации «Особенности проведения антикоррупционной экспертизы проектов правовых актов в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях». Основываясь на выполненных исследованиях, в данной работе отразим особенности выявления языковых единиц, которые обладают коррупциогенной направленностью и могут быть обнаружены в ходе проведения антикоррупционной экспертизы. Полученные результаты и выводы исследования могут быть использованы: в отвечающем стандартам Единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел дополнительном модуле АИС «Мониторинг» для автоматизации правовой экспертизы; в учебном процессе при преподавании курсов «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел», «Русский язык в деловой документации».

Процедура проведения антикоррупционной экспертизы, базовые понятия, правовые основы определены Федеральным законом «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных

правовых актов»¹ (далее — Закон «Об антикоррупционной экспертизе»). На его основании в 2010 г. Правительство Российской Федерации утвердило Правила, Методику проведения экспертизы антикоррупционной направленности вышеуказанных актов и их проектов². В Законе «Об антикоррупционной экспертизе» определяется термин «коррупциогенные факторы», под которым предлагается понимать такие положения НПА (их проектов), которые необоснованно широко трактуют пределы усмотрения или предоставляют возможность необоснованного применения исключений из общих предписаний. К коррупциогенным факторам относят положения текстов разрабатываемых законов, которые содержат неопределенные, неясно выраженные предписания. Данные положения тем самым создают условия для появления коррупции. Как часть НПА положение может быть представлено словосочетанием или предложением. В качестве смыслового центра положения нормативного акта, а также отдельного словосочетания как составляющей какого-либо положения выступают терминологические и нетерминологические языковые единицы³.

Обращаясь к вопросу общей концепции института экспертизы в России, А. Н. Миронов, С. Н. Ушаков констатируют отсутствие данного института, а также указывают на стихийность нормотворчества, что ведет к накоплению значительного правового материала при отсутствии единых законодательно закрепленных задач, функций и принципов экспертной деятельности в отношении НПА и их проектов [5, с. 143]. Ученые отмечают отсутствие общепризнанной, официально установленной дефиниции *экспертизы НПА или его проекта* и предлагают определение данного понятия. Исследование, осуществляемое в закрепленном процессуальном порядке специалистом (экспертом), который обладает специальными познаниями, для принятия уполномоченными субъектами качественного и эффективного НПА, определяют как *его экспертизу* [5, с. 146]. При перечислении и характеристике видов экспертиз НПА и их проектов А. Н. Миронов, С. Н. Ушаков называют в том

числе антикоррупционную экспертизу, определяя ее как *вид экспертизы НПА и их проектов, которая проводится федеральным органом исполнительной власти в области юстиции, а также органами, организациями, их должностными лицами в порядке, который установлен соответствующими НПА* [5, с. 152].

Кроме того, в качестве проблемы, которая влечет за собой возникновение коррупционных рисков, юристы — авторы теоретических научных изысканий называют отсутствие законодательной дефиниции термина «правовая норма». Как следствие, свойства объекта антикоррупционной экспертизы — правовой нормы остаются неопределенными [6, с. 3].

Однако в Памятке, подготовленной Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в разделе «Основные понятия» даны определения основополагающих в рамках нашего исследования понятий, которые названы вышеуказанными авторами как не имеющие четких, официально установленных дефиниций. Например, дано определение *антикоррупционной экспертизы как оценки НПА и их проектов в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения*. В Памятке определяется термин «правовая норма», под которым понимается *общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение*. Сформулированы определения терминов: «коррупциогенные факторы», «нормативный правовой акт» [1, с. 4]. Более подробное, но в основной части содержания полностью совпадающее с представленным в Памятке толкование термина «нормативный правовой акт» дается в юридическом словаре для сотрудника органов внутренних дел: *письменный официальный документ, принятый (изданный) правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм* [9, с. 73–74].

В качестве правовой основы в Памятке указаны ранее перечисленные в статье НПА, а также некоторые другие⁴ [1, с. 5]. Помимо рассмотренного в Памятке представлен перечень ведомственных НПА, которые регулируют процесс проведения антикоррупционной экспертизы, оформление соответствующей документации⁵ [1, с. 6].

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 20.06.2021).

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (с Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов): постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084.

³ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89553/ (дата обращения: 20.06.2021).

⁴ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 30.06.2021); Об одобрении Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 годах и плана мероприятий по проведению административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах: распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.

⁵ Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов: приказ Генерального прокурора РФ

Справедливо, на наш взгляд, отмечается специалистами, занимающимися вопросами государственной антикоррупционной политики, что регулирующие широкий круг отношений между различными субъектами права НПА должны формировать устойчивый правовой порядок и способствовать решению социальных задач. Если тексты НПА, их проектов недостаточно разработаны, в них содержатся противоречия или коррупциогенные факторы, снижается эффективность действия таких инструментов, создаются благоприятные условия для коррупции [8, с. 51].

Перспективным направлением междисциплинарных научных исследований в области антикоррупционной экспертизы ученым представляется разработка программно-технических комплексов, способных анализировать значительные объемы информации с целью выявления в проектах НПА конструкций, единиц, способствующих возникновению коррупции в процессе применения соответствующих нормативных положений. Актуальность последнего высказывания подтверждается запросами на выполнение исследований, одно из которых проведено нами и ранее упоминалось [7].

Сформулированные выше положения стали основой методики проведенного исследования НПА с целью выявления действительных коррупционных факторов, возникающих в связи с употреблением в текстах нормативных документов языковых единиц (терминологического и нетерминологического характера), несущих слишком широкий или неопределенный смысл.

Согласно Закону «Об антикоррупционной экспертизе» рассматриваемая методика и результаты проведенной экспертизы должны быть обоснованны, объективны и проверяемы. Обеспечить соответствие данным требованиям позволяет проведение экспертизы на научной и практической основе. Следовательно, непременным условием объективности полученных выводов является использование при проведении экспертизы результатов научных исследований, теоретических положений. При этом необходимо учитывать опыт правоприменения.

от 28 декабря 2009 г. № 400. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257231/>; Об утверждении формы заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы: приказ Министерства юстиции РФ от 21 октября 2011 г. № 363. URL: <https://base.garant.ru/12191921/>; Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по осуществлению аккредитации юридических и физических лиц, изъявивших желание получить аккредитацию на проведение в качестве независимых экспертов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации: приказ Министерства юстиции РФ от 27 июля 2012 г. № 146 (утратил силу). URL: <https://base.garant.ru/70211164/> (дата обращения: 30.06.2021).

На данном этапе развития в юридической науке России наибольшее внимание уделяется вопросам правовой, антикоррупционной экспертизы. Ученые анализируют существующие подходы к указанным видам экспертиз, рассматривают проблемы экспертизы проектов НПА с разных позиций и в различных аспектах. Также предлагаются варианты авторских определений экспертизы проекта НПА, которые не ограничиваются каким-либо одним видом экспертизы или видом НПА [2, с. 17–18].

В современной практике законотворчества активно используется метод экспертной оценки. В частности, в ходе описываемого исследования нами проанализировано около 100 представленных в открытом доступе интернет-ресурсов заключений экспертов, имеющих право на проведение независимой антикоррупционной экспертизы проектов НПА, которые содержали сведения о наличии коррупциогенных факторов в изученном нормативном материале. В ходе анализа рассмотрено значительное число проектов НПА.

В рамках исследования нами обращалось внимание на коррупциогенные факторы, выявленные в проектах НПА авторами научных статей. Например, Э. В. Горян указывает на такой коррупциогенный фактор, как юридико-лингвистическая неопределенность в ч. 2 ст. 7 Федерального закона «О свободном порте Владивосток» от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ⁶. Далее Э. В. Горян добавляет, что в законопроекте данного документа были заложены коррупциогенные факторы, на которые указывалось в заключении Минэкономразвития России. Тем не менее в принятом Законе выявленные экспертизой недочеты сохранились. Э. В. Горян делает вывод о предоставлении содержанием анализируемой нормы возможности необоснованного установления исключений из общего порядка для неопределенного круга лиц [3].

О такой особенности текстов правовых актов, создаваемых в России, как непоследовательная реализация правил юридической техники, языковых норм и требований юридической логики пишет А. А. Кирикова. Данная особенность отражается на правоприменителе, который вынужден ориентироваться на предлагаемые законодателем формулировки. Условием формирования позитивного правосознания А. А. Кирикова считает точное, четкое, понятное отражение существа нормативных предписаний в законодательстве, что исключает возможность инотолкования. Если отсутствует хотя бы одно из перечисленных свойств языка правовых актов,

⁶ О свободном порте Владивосток: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 212-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4338.

текст нормы может быть истолкован и применен исполнителем с нарушениями воли законодателя. О таких последствиях, отмечает далее А. А. Кирикова, свидетельствуют данные об антикоррупционных экспертизах проектов НПА, указывающие на различные формы искажения смысла правового акта, приводящие или способные привести к их неправильному применению и возникновению коррупциогенных факторов. Нарушение действующих языковых норм при написании проектов НПА внедряет в правосознание граждан идеи о вседозволенности, о возможности произвольного толкования норм права. В качестве оптимальных способов повышения эффективности создания НПА и их применения А. А. Кирикова предлагает системно организуемые мероприятия по повышению уровня речевой культуры, совершенствованию навыков письменной деловой речи, а также проведению экспертиз законопроектов [4].

В ходе исследования, которое стало основой для написания данной работы, в результате выявления в проектах НПА коррупционной составляющей установлено, что проанализированные проекты в основном содержали такие коррупциогенные факторы, как использование двусмысленных или неустоявшихся терминов, формулировок с неясным содержанием, выборочное изменение объема прав, неполнота установления административных процедур. Отсутствие четких описаний порядка работы чиновников и стандартов предоставления услуг властными структурами, выполняемых должностными лицами задач, требований к результатам работы приводит к большой доле усмотрения чиновниками и возможности использования ими дефектов норм для коррупционных деяний. Такие недочеты, связанные с употреблением языковых единиц, содержащих коррупциогенную составляющую, выявлены в проектах НПА, которые регулируют вопросы различных сфер жизни граждан Российской Федерации.

В соответствии с утвержденной Правительством методикой, а также опираясь на опыт проведенного исследования, можно выделить следующие этапы проведения экспертизы НПА и их проектов с целью выявления коррупциогенных факторов, представленных отдельными языковыми единицами:

1) изучение, анализ текстов проектов НПА, в отношении которых проводится антикоррупционная экспертиза. Установление правовых связей исследуемого правового акта с другими НПА, определение места и значения правового акта в системе законодательства;

2) установление логико-смысловых связей между частями, разделами проекта НПА;

3) исследование материалов, отражающих правоприменительную практику в области соответствующих общественных отношений;

4) выделение, анализ и систематизация смысловых фрагментов текста, отдельных терминологических единиц, а также единиц не терминологического характера, которые могут продуцировать коррупционное поведение.

Данная методика взята за основу при проведении исследования. Приведем примеры языковых единиц, выявленных в ходе исследования на основе указанной методики, содержащих коррупциогенную составляющую:

- «предусмотренном законодательством Российской Федерации»;
- «регистрируются по установленной форме»;
- «производственная среда»;
- «в установленном порядке»;
- «иную организацию»;
- «иные организации»;
- «привлекаемая организация»;
- «привлекаемые организации»;
- «не соответствующей установленным требованиям»;
- «не более чем на»;
- «в случае выявления несоответствия установленным требованиям»;
- «держатель сертификата»;
- «необходимая документация»;
- «дополнительные документы»;
- «необходимые дополнения»;
- «общие нормативные документы»;
- «по требованию уполномоченного органа»;
- «в порядке, установленном законодательством Российской Федерации»;
- «индивидуальную профилактическую работу»;
- «охранять на договорной основе»;
- «имеющие признаки подделки»;
- «проводить периодические проверки»;
- «данные, дающие основания подозревать или полагать»;
- «иные документы на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельности»;
- «при невозможности решения данного вопроса на месте»;
- «привлекать для консультаций в установленном порядке»;
- «лиц, имеющих признаки выраженного психического расстройства»;
- «по решению руководителя территориального органа или лица, его замещающего»;
- «в зависимости от важности задач»;
- «в зависимости от объема задач»;
- «в зависимости от объема и важности выполняемых задач»;
- «в иные сроки»;
- «в необходимом случае»;

- «в необходимых случаях»;
- «в необходимых случаях при установлении налога»;
- «в порядке и в сроки, установленные нормативными правовыми актами»;
- «в порядке исключения».

Владимир Путин Указом от 16 августа 2021 г. № 478 утвердил Национальный план противодействия коррупции на ближайшие три года. Текст Указа опубликован на официальном портале правовой информации. На практике имеют место случаи, когда органы государственной власти неправильно понимают либо для достижения своей цели преднамеренно искажают юридико-лингвистический смысл термина, слова или словосочетания в норме закона, что ведет к возникновению коррупции в сфере государственной службы, правоприменения. Полагаем, что проведение антикоррупционной экспертизы подготовленных проектов НПА создает возможность для устранения выявленных в ходе такой экспертизы коррупционных факторов. При этом, безусловно, совершенствование основ проведения антикоррупционной экспертизы рассматриваемых документов для повышения результативности правоприме-

нительной практики остается одним из основных направлений противодействия коррупции в стране.

Итак, язык законодательства оказывает существенное влияние на формирование правосознания госслужащих, создает основу, ориентиры правоприменения. Одной из предпринимаемых государством мер, рассчитанных на повышение эффективности применения НПА, является антикоррупционная экспертиза их проектов. Данный вид экспертиз направлен на предупреждение правотворческих ошибок с учетом выявления возможных коррупционных последствий в качестве нежелательных перспектив действия НПА, что предопределяет особую значимость таких экспертиз. В результате выявления в проектах НПА коррупционной составляющей установлено, что проанализированные проекты в основном содержали такие коррупциогенные факторы, как использование двусмысленных или неустоявшихся терминов, формулировок, сочетаний и словосочетаний с неясным, размытым содержанием. В статье приводится краткий перечень языковых единиц, которые по своим характеристикам относятся к перечисленным категориям.

Список литературы:

1. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: памятка. Москва, 2019.
2. Арнаутова А.А. Экспертиза проектов нормативных правовых актов в системе средств повышения их эффективности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020.
3. Горян Э.В. Теоретические и практические проблемы антикоррупционной экспертизы законодательства (на примере Федерального закона от 13.07.2015 № 212-ФЗ «О свободном порте Владивосток»). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кирикова А.А. Язык как фактор формирования правосознания государственных и муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 2.
5. Миронов А. Н., Ушаков С. Н. Нормотворчество органов государственного и муниципального управления: учебное пособие. Москва, 2019.
6. Нестеров А.В. Правовые основания антикоррупционной экспертизы // Безопасность бизнеса. 2009. № 2.
7. Цирин А. М. Антикоррупционная экспертиза в России и зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование. Доступ

References:

1. Antikorrupcionnaya ekspertiza normativnyh pravovyh aktov i projektov normativnyh pravovyh aktov: pamyatka. Moskva, 2019.
2. Arnautova A.A. Ekspertiza projektov normativnyh pravovyh aktov v sisteme sredstv povysheniya ih effektivnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2020.
3. Goryan E.V. Teoreticheskie i prakticheskie problemy antikorrupcionnoj ekspertizy zakonodatel'stva (na primere Federal'nogo zakona ot 13.07.2015 № 212-FZ «O svobodnom porte Vladivostok»). Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Kirikova A.A. Yazyk kak faktor formirovaniya pravosoznaniya gosudarstvennyh i municipal'nyh sluzhashchih // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2020. № 2.
5. Mironov A.N., Ushakov S.N. Normotvorchestvo organov gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya: uchebnoe posobie. Moskva, 2019.
6. Nesterov A.V. Pravovye osnovaniya antikorrupcionnoj ekspertizy // Bezopasnost' biznesa. 2009. № 2.
7. Cirin A.M. Antikorrupcionnaya ekspertiza v Rossii i zarubezhnyh gosudarstvah: sravnitel'no-pravovoe issledovanie. Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

- из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. *Шорохов В.Е.* Правовые основы государственной антикоррупционной политики в России // Российская юстиция. 2019. № 11.
  9. Юридический словарь для сотрудника ОВД / сост. Т. В. Варлакова, Н. С. Третьякова, Д. М. Сафронов, А. А. Турышев. Омск: Омская академия МВД России, 2011.
  8. *Shorohov V.E.* Pravovye osnovy gosudarstvennoj antikorrupcionnoj politiki v Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2019. № 11.
  9. Yuridicheskij slovar' dlya sotrudnika OVD / sost. T.V. Varlakova, N.S. Tret'yakova, D.M. Safronov, A.A. Turyshev. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2011.

Для цитирования:

Варлакова Татьяна Вячеславовна. Экспертиза проектов нормативных правовых актов: выявление языковых единиц коррупциогенной направленности // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 146–153.

For citation:

Varlakova Tat'yana Vyacheslavovna. Examination of Draft Normative Legal Acts: Identification of Linguistic Units of Corruption Orientation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 146–153.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

ЭЛЬДАР ХАСАНОВИЧ АБИШЕВ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: popovich.82@mail.ru

ELDAR HASANOVICH ABISHEV,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Staff)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: popovich.82@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства,
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

УДК 351.741

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-154-163

Дата поступления: 21 октября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Организационно-правовые основы деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан (1991–2021 гг.)

Organizational and Legal Framework for the Activities of the Police (Militia) of the Republic of Kazakhstan (1991–2021)

Аннотация

Актуальность: исследование различных аспектов становления и развития организационно-правовых основ деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан актуализируется в контексте поиска концептуальных основ и средств совершенствования органов внутренних дел Республики Казахстан. Обращение к истории и опыту прошлых лет будет способствовать взвешенному подходу к решению задач, стоящих перед полицией на современном этапе.

Постановка проблемы: определение мер по повышению качества деятельности органов

Abstract

The relevance: the study of various aspects of the formation and development of the organizational and legal foundations of the police (militia) of the Republic of Kazakhstan is updated in the context of the search for conceptual foundations and means of improving the internal affairs bodies of the Republic of Kazakhstan. Referring to the history and experience of the past years will contribute to a balanced approach to solving the problems facing the police at the present stage.

The problem statement: the definition of measures to improve the quality of the activities of internal affairs bodies in order to ensure the inte-

* Ранее – заместитель начальника управления воспитательной и социально-психологической работы среди осужденных Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан.

** Earlier – Deputy Head of the Department of Educational and Social and Psychological Work among Convicts of the Committee of the Penitentiary System of MIA of the Republic of Kazakhstan.

внутренних дел в целях обеспечения интересов личности, общества и государства в Республике Казахстан требует формирования комплексного знания о функционировании полиции (милиции). Становление и развитие ее организационно-правовых основ в период обновления казахстанской государственности комплексно не изучались и не были предметом специального историко-правового исследования, что создало определенный пробел в юридической сфере, для восполнения которого предназначена данная статья.

Цель исследования: выявить закономерности и особенности становления и развития правовой и организационной основы деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан в период с 1991 по 2021 г., а также раскрыть изменения в организационном построении и правовом регулировании полиции (милиции), их причины и итоги, установить влияние организационных и правовых преобразований полиции (милиции) Республики Казахстан на результаты ее деятельности.

Методы исследования: историко-хронологический, историко-генетический, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты и ключевые выводы: предлагается выделить следующие этапы становления и развития организационных и правовых основ деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан в период 1991–2021 гг.:

1991–1998 гг. – этап становления полиции, который протекал в сложных условиях переходного периода, периода становления новой казахстанской государственности. До 1995 г. он шел медленно, однако после создания национальной нормативной правовой базы милиции интенсифицировался и завершился в 1998 г. ее преобразованием в полицию;

1999–2013 гг. – этап развития и совершенствования полиции как правоохранительного органа в рамках в целом сформированной в предшествующий этап нормативно-организационной основы. Проведенные преобразования полиции позволили исключить из их деятельности несвойственные функции и образовать профессиональную и достаточно эффективную полицию;

2014–2021 гг. – этап деятельности полиции на основе обновленного в 2014 г. законодательства, разработки перехода на сервисную модель полиции в целях укрепления доверия казахстанского общества.

В течение 1991–2021 гг. сформировалась правовая основа, регламентирующая деятельность полиции Республики Казахстан, позволяющая эффективно осуществлять противодействие преступности. Предстоит дальнейшее

rests of the individual, society and the state in the Republic of Kazakhstan requires the formation of a comprehensive knowledge of the functioning of the police (militia). The formation and development of its organizational and legal foundations during the renewal of Kazakhstan's statehood have not been comprehensively studied and have not been the subject of special historical and legal research, which created a certain gap in the legal sphere, which this article is intended to fill.

The aim of the study was to identify patterns and characteristics of the formation and development of the legal and the organizational bases of activity of the police (the militia) of the Republic of Kazakhstan in the period from 1991 to 2021, and to reveal changes in the organizational structure and the regulation of the police (the militia), their causes and results, to establish the influence of organizational and legal transformations of police (militia) of the Republic of Kazakhstan on the results of its activities.

The research methods: historical-chronological, historical-genetic, logical, formal legal, comparative legal.

The results and key conclusions: it is proposed to allocate the following stages of formation and development of organizational and legal framework for the activities of the police (the militia) of the Republic of Kazakhstan in the period 1991 to 2021:

1991–1998 – stage in the formation of the police, which was a difficult transition period of formation of the new Kazakhstan's statehood, until 1995, he was slow, however, after the establishment of the national legal and regulatory framework of the police intensified and was completed in 1998 by its transformation into the police;

1999–2013 years are the stage of development and improvement of the police as a law enforcement agency within the framework of the regulatory and organizational framework generally formed in the previous stage. The transformations carried out by the police made it possible to exclude uncharacteristic functions from their activities and to form a professional and sufficiently effective police; 2014–2021 is the stage of police activity based on the legislation updated in 2014, the development of a transition to a service model of the police in order to strengthen the trust of the Kazakh society.

During 1991–2021, a legal framework was formed regulating the activities of the police of the Republic of Kazakhstan, which allows to effectively counteract crime. There is a further transformation of the organizational and legal model of the Kazakh police, united by the principle of the service nature of the police service. At the same time, the relations that have developed between the police and the Kazakh society at the time of the start of the new police reform should be assessed as quite critical. Thus, the level of confidence of the popu-

преобразование организационно-правовой модели казахстанской полиции, объединенное принципом сервисного характера полицейской службы. Вместе с тем сложившиеся между полицией и казахстанским обществом отношения к моменту начала осуществления новой реформы полиции следует оценить как достаточно критичные. Так, уровень доверия населения Республики Казахстан к полиции не превышает 37 %. Это требует серьезной концептуальной проработки целей, задач, средств и способов осуществления преобразований полиции, закрепления в концептуальном документе (Концепции развития полиции Республики Казахстан), с помощью которого можно как донести их смысл до общества, так и обеспечить сосредоточение, объединение усилий сотрудников полиции по совершенствованию полицейской деятельности в заданном концепцией направлении.

Ключевые слова: Республика Казахстан; милиция; полиция; органы внутренних дел; функции; принципы; развитие; совершенствование; становление.

lation of the Republic of Kazakhstan in the police does not exceed 37 %. This requires a serious conceptual study of the goals, objectives, means and methods of implementing police transformations, consolidation in a conceptual document (the Concept of the Development of the Police of the Republic of Kazakhstan), with the help of which it is possible both to convey their meaning to society and to ensure the concentration, unification of the efforts of police officers to improve policing in the direction set by the concept.

Key words: Republic of Kazakhstan; militia; police; internal affairs bodies; functions; principles; development; improvement; formation.

Отдельные аспекты становления и развития правовой и организационной основы деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан в постсоветский период освещены в работах Н. А. Биекенова, М. Ч. Когамова, И. Ш. Борчашвили, Н. А. Сартаевой, Е. Т. Абеуова, А. Б. Токсанбаева и других современных ученых, которые послужили историографической основой настоящего исследования.

В результате стремительного разрушения органов государственной власти и управления Союза Советских Социалистических республик (далее – СССР) [6, с. 111] 25 октября 1990 г. Казахская Советская Социалистическая Республика (далее – Казахская ССР) провозгласила государственный суверенитет, приняв соответствующую декларацию¹, которая юридически дала начало движению к независимости. Десятого декабря 1991 г. Казахская ССР была переименована в Республику Казахстан². Завершающим актом, установившим обретение суверенитета, стало принятие 16 декабря 1991 г.

законодательного акта о государственной независимости Республики Казахстан³.

Распад СССР и суверенизация республик, входивших в его состав, слом советской системы государственного устройства привели к выходу в конце 1991 г. из-под союзной юрисдикции министерств внутренних дел союзных республик. Министерство внутренних дел Казахской ССР перешло в непосредственное подчинение и под контроль Верховного Совета и Президента Казахской ССР. С января 1992 г. финансирование всей системы силовых органов было переведено на республиканский бюджет⁴.

В сложной нестабильной обстановке переходного периода становления новой государственности (1991–1992 гг.) доставшаяся в наследство от советского государства организационно-правовая система милиции Казахстана не была затронута концептуальными реформами, что стало надежной опорой для сосредоточения руководства страны на выстраивании но-

¹ О Декларации о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики: постановление Верховного Совета Казахской ССР от 25 октября 1990 г. № 307-XII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700> (дата обращения: 11.09.2021).

² Об изменении наименования Казахской Советской Социалистической Республики: Закон Казахской Советской Социалистической Республики от 10 декабря 1991 г. № 1000-XII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910003900> (дата обращения: 11.09.2021).

³ О государственной независимости Республики Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 16 декабря 1991 г. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z910004400> (дата обращения: 11.09.2021).

⁴ О мерах по обеспечению социальной защищенности работников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск и Комитета государственной безопасности Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 22 января 1992 г. № 581 (утратил силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U920000581> (дата обращения: 11.09.2021).

вой политической системы, решении наиболее важных вопросов реформирования государственного механизма, экономических проблем и модернизации казахстанского общества.

Правовой основой и главным актом, регулирующим деятельность милиции Казахстана до принятия Закона Республики Казахстан от 23 июня 1992 г. № 1405-ХІІ «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»⁵ (далее – Закон 1992 г.), оставался Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-І «О советской милиции» (далее – Закон 1991 г.). Согласимся с мнением Н. А. Биекенова, что «Закон 1991 г. “О советской милиции” содержал значимые положения, которые позволили ему сыграть стабилизирующую роль в правовом регулировании деятельности милиции в переходный период» [2, с. 48–49].

Однако лишь с принятием Закона 1992 г. закрепились правовая основа, задачи и функции милиции независимого Казахстана, понятие органов внутренних дел, уточнены принципы деятельности, изменены организационно-правовые аспекты деятельности милиции. Вместе с тем в содержании его положений можно обнаружить разумную преемственность с положениями предшествующего закона. В частности, определение органов внутренних дел как «вооруженной правоохранительной системы государственного управления, осуществляющей исполнительные и распорядительные функции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью, защищающей конституционные права и интересы личности, гражданина и государства», имеет значительную смысловую общность с определением милиции (составной части органов внутренних дел) статьей 1 Закона 1991 г. как «государственной правоохранительной вооруженной организации, защищающей граждан, их права, свободы и законные интересы, советское общество и государство от преступных и иных противоправных посягательств». Акцент в определениях органов внутренних дел и милиции в их характеристике как вооруженных организаций указывает на их место и роль в государственном механизме Республики Казахстан того времени, востребованность репрессивно-карательного понимания деятельности милиции в непростой социальной и экономической обстановке.

Понятия «органы внутренних дел» и «полиция (милиция)» соотносятся между собой как целое и часть [3]. В структуру органов внутренних дел Казахстана по Закону 1992 г. входили оперативно-следственные подразделения,

подразделения, обеспечивающие охрану общественного порядка, пожаротушения, особых и режимных объектов, исполняющих наказание, а также учебные заведения, учреждения и организации.

Сравнение законов 1991 г. и 1992 г. показало сокращение числа и обновление принципов деятельности милиции. Закон 1991 г. содержал восемь принципов ее деятельности: законности, уважения личности, социальной справедливости, демократизма, интернационализма, гуманизма, взаимодействия с трудовыми коллективами и населением, постоянного учета общественного мнения. Лишь два из них – законности и взаимодействия – были общими с четырьмя принципами, закрепленными Законом 1992 г. Принцип гласности, предусмотренный Законом 1992 г., также был отражен в Законе 1991 г., но в качестве отдельной нормы, и не являлся принципом. Законодатель, преследуя цели обеспечения строгой дисциплины, подчиненности и субординации в непростых условиях становления государственного механизма, впервые заложил в качестве принципа деятельности принцип единоначалия, содержащий линейность и вертикальность подчиненности в характеристике управления, концентрации руководящих начал, функций и полномочий в руках одного руководителя. Вышеназванные принципы по функциональному предназначению делятся на правовые и организационно-функциональные. Полагаем, что в Законе 1992 г. присутствует определенный баланс между ними.

К правовым мерам развития милиции мы можем отнести также принятие в 1994 г. Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и утверждение Устава внутренней службы органов внутренних дел Казахстана.

Важным направлением становления организационно-правовых основ деятельности милиции было формирование международного сотрудничества. Приняты важные правовые документы международного уровня: 1) Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, от 22 января 1993 г.); 2) Типовое соглашение о сотрудничестве органов внутренних дел приграничных регионов, одобренное Решением Совета министров внутренних дел государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1995 г. В июле 1993 г. было создано Национальное Центральное бюро Интерпола в Республике Казахстан.

В последующем в связи с принятием 30 августа 1995 г. Конституции Республики Казахстан принимается второй Закон от 21 декабря 1995 г. № 2707 «Об органах внутренних дел Республи-

⁵ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 июня 1992 г. № 1405-ХІІ. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002707> (дата обращения: 11.09.2021).

ки Казахстан»⁶ (далее — Закон 1995 г.). С этого момента органы внутренних дел больше не назывались силовым вооруженным формированием. Отныне органы внутренних дел — это органы, осуществляющие исполнительные и распорядительные функции по охране общественного порядка, защите прав, свобод и интересов общества и государства. Отмечаем также и тот факт, что оба закона не давали определения термину «милиция» и не отвечали на вопрос, какие именно службы представляли милицию.

Закон 1995 г. в структуру органов внутренних дел включил внутренние войска, которые были подчинены Министерству внутренних дел Республики Казахстан (далее — МВД Республики Казахстан) еще в октябре 1991 г.⁷ Вышеназванным законом также определялась компетенция МВД Республики Казахстан, полномочия местных органов исполнительной власти, взаимодействие с подразделениями внутренних войск, что не предусматривалось Законом 1992 г.

Был расширен перечень принципов деятельности милиции. Наряду с принципами законности, единоначалия, гласности, взаимодействия (сотрудничества), предусмотренными Законом 1992 г., появился принцип единства, относящийся к категории специальных принципов правоохранительной службы и предопределяющий единство и иерархическое построение органов МВД Республики Казахстан.

Значимым для совершенствования организации деятельности милиции Республики Казахстан стала попытка сужения ее уголовно-процессуальных функций в 1995–1997 гг. в связи с созданием Государственного следственного комитета⁸, в который вошли следственные подразделения органов внутренних дел, национальной безопасности и прокуратуры. В научной литературе существуют неоднозначные оценки этой реформы. М. Ч. Когамов отмечал, что с упразднением права производства предварительного следствия в милиции сохранялось право производства дознания и оперативно-розыскной деятельности, а значит, существовали достаточные полномочия, силы и средства для пресечения и предупреждения преступлений [5, с. 11–12]. Однако Н. А. Биекенов высказывался против создания отдельного от милиции следственного органа [1, с. 31]. Как по-

казала практика, нормативно не обеспеченные изменения, первоначально воплощая в себе идею серьезной институциональной реформы органов предварительного следствия, привели к ухудшению показателей следственной деятельности. Только в 1996 г. оставались нераскрытыми 41 тыс. преступлений [7]. В связи с этим, как полагают оба вышеназванных исследователя, 5 ноября 1997 г. Государственный следственный комитет был упразднен⁹.

В 1998 г. милиция была преобразована в полицию. Впервые понятие «полиция» в казахстанской правовой системе предусматривалось Указом Президента от 22 апреля 1997 г. «О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан»¹⁰ (далее — Указ от 22 апреля 1997 г.), согласно которому создана криминальная, административная и военная полиция. Н. А. Биекенов полагает, что «данный Указ сделал первый шаг к юридическому признанию государственного органа, ответственного за правопорядок, вернув ему историческое наименование — полиция» [1, с. 36].

Не изменив кардинально организационных и правовых основ деятельности органа, отвечающего за охрану общественного порядка, переименование задавало вектор его дальнейшего развития, утверждения нового имиджа. Так, Ю. П. Соловей полагал, что переименование необходимо было для модернизации милиции путем обновления общественного сознания [12, с. 174].

Тем самым Казахстан заявил о своем намерении придерживаться принципов законности и направлений развития полицейских структур, присущих прогрессивным демократическим государствам. В этом вопросе Казахстан был уже не одинок. В ряде стран, в том числе и Содружестве Независимых Государств, к этому времени милиция была преобразована в полицию (в 1989 г. — Ангола, Афганистан, Венгрия, а также Румыния; в 1990 г. — ГДР и Польша; в 1991 г. — Албания и Болгария; в 1992 г. — Азербайджан, Грузия, Латвия, Литва, Молдавия, Монголия, Северная Македония, Словения, Хорватия и Эстония; в 1993 г. — Чехия, Словакия).

Переименование милиции в полицию предусматривало изменение и дополнение нормативной правовой базы страны. В частности, За-

⁶ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2707. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002707> (дата обращения: 18.09.2021).

⁷ О Внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 июня 1992 г. № 1407-XII. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z920002200> (дата обращения: 18.09.2021).

⁸ О специальных государственных органах Республики Казахстан, осуществляющих дознание и следствие: указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу закона от 6 октября 1995 г. № 2512. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002512> (дата обращения: 20.09.2021).

⁹ О мерах по укреплению национальной безопасности, дальнейшему усилению борьбы с организованной преступностью и коррупцией: указ Президента Республики Казахстан от 5 ноября 1997 г. № 3731. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U970003731> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁰ О мерах по дальнейшему реформированию системы правоохранительных органов Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 22 апреля 1997 г. № 3465 (утратил силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U970003465> (дата обращения: 25.09.2021).

коном от 9 декабря 1998 г.¹¹ были внесены изменения в Указ Президента Республики Казахстан, имеющий силу закона, от 21 декабря 1995 г. № 2707 «Об органах внутренних дел Республики Казахстан», в Закон Республики Казахстан от 18 января 1992 г. № 1161-ХП «О специальных званиях рядового и начальствующего состава органов внутренних дел».

Законом от 9 декабря 1998 г. (во исполнение Указа от 22 апреля 1997 г.) были образованы новые службы: подразделения криминальной, административной и военной полиции, иные службы полиции, в том числе военно-следственные органы.

Основными задачами криминальной полиции являлись выявление, раскрытие и расследование преступлений, розыск лиц и производство дознания.

На административную полицию возлагалась охрана общественного порядка, безопасность дорожного движения, выявление и пресечение преступлений, административных правонарушений и др.

Реализация административной правовой деятельности полиции ставит ее в тесную связь с органами исполнительной власти [4, с. 9]. Предпосылкой этому являлась норма Закона 1995 г. о том, что акимы (главы местной исполнительной власти) могут содержать дополнительную штатную численность полиции за счет местного бюджета (ст. 33). Таким образом, за счет местного бюджета содержалась служба участковых инспекторов полиции.

Схожие тенденции наблюдались в России. Законом Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» «милиция структурно делилась на криминальную милицию и милицию общественной безопасности» [8].

Указом от 22 апреля 1997 г. предусматривались и другие организационные изменения, которые в определенной мере влияли на деятельность милиции и включали в себя передачу:

- экспертно-криминалистических подразделений в Министерство юстиции с созданием единой экспертной службы (400 штатных единиц);
- подразделений противопожарной службы в Государственный комитет по чрезвычайным ситуациям (17 446 штатных единиц);
- штатной численности Центра криминальной информации Государственного следственного комитета, статистических служб министерств внутренних дел и юстиции в количестве

1 135 единиц в целях образования Центра правовой статистики и информации при Генеральной прокуратуре.

В 1998 г. усовершенствована деятельность полиции путем исключения функции борьбы с экономическими преступлениями¹² и передачи в налоговую полицию при Министерстве финансов. Образование полицейских структур вне Министерства внутренних дел явилось частью реформ сил обеспечения безопасности страны.

В это же время сокращена штатная численность полиции на 7 199 единиц, а также 1 500 военнослужащих. Оптимизация системы государственных органов (в том числе органов прокуратуры и национальной безопасности) была связана с созданием за счет высвобождаемых единиц Агентства по делам государственной службы и увеличением штатов Таможенного комитета¹³.

С учетом того, что в 1997 г. были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, можно сделать вывод о становлении в целом к 1999 г. организационно-правовых основ деятельности полиции Республики Казахстан и начале нового этапа ее истории.

В 1999 г. были созданы подразделения по борьбе с проявлениями насилия в отношении женщин [10, с. 55] и оптимизирована организация ведомственных учебных заведений¹⁴.

В 2001 г., исходя из опыта ряда зарубежных стран, пенитенциарная система была передана из ведения Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции.

Позднее, в январе 2004 г., следуя рекомендациям комитета ООН против пыток, ориентируясь на принципы организации правоохранительной системы в демократическом государстве, руководство Казахстана продолжило работу по отделению «тюремного менеджмента» от полицейских функций. Следственные изоляторы были переданы в ведение Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан¹⁵. Однако

¹² О мерах по повышению эффективности борьбы с экономической преступностью: указ Президента Республики Казахстан от 6 мая 1998 г. № 3935 (утратил силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U980003935> (дата обращения: 25.09.2021).

¹³ О мерах по дальнейшей оптимизации системы государственных органов Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 18 сентября 1998 г. № 4073. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U980004073> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁴ О переименовании Акмолинского юридического колледжа Министерства внутренних дел Республики Казахстан в государственное учреждение «Академия налоговой полиции»: постановление Правительства Республики Казахстан от 18 августа 1999 г. № 1184 (утратило силу). URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P990001184> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁵ Некоторые вопросы передачи следственных изоляторов Министерства внутренних дел Республики Казахстан в ведение Министерства юстиции Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 8 января 2004 г. № 17. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P040000017> (дата обращения: 25.09.2021).

¹¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан и признании утратившими силу Указов Президента Республики Казахстан, имеющих силу закона, «О специальных государственных органах Республики Казахстан, осуществляющих дознание и следствие» и «О Государственном следственном комитете Республики Казахстан и его органах»: Закон Республики Казахстан от 9 декабря 1998 г. № 307. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000307_#z0 (дата обращения: 25.09.2021).

Министерство юстиции оказалось не готовым обеспечить должное функционирование пенитенциарной системы. Результаты этой реформы были в итоге признаны неудачными, спустя 10 лет тюремная служба была возвращена в МВД Республики Казахстан¹⁶.

В июле 2003 г. Главное управление внутренних дел на транспорте было реорганизовано путем разделения на три учреждения: Центральное с дислокацией в столице, Юго-Восточное с дислокацией в г. Алматы и Западное УВД на транспорте с дислокацией в г. Актобе¹⁷. В 2010 г. на базе трех региональных транспортных департаментов внутренних дел был создан Департамент внутренних дел на транспорте¹⁸.

В 2004 г. функции и полномочия полиции в сфере борьбы с экономической и коррупционной преступностью были переданы в финансовую полицию¹⁹. В этот же период функции полиции по документированию и регистрации населения передаются органам юстиции²⁰. Вместе с тем уже в 2011 г. ситуация в этой сфере ухудшается и полиция вновь наделяется указанными функциями²¹.

Сложная криминогенная обстановка в стране: рост организованной преступности, незаконный оборот наркотических средств и другие особо опасные преступления [9] явились предпосылкой создания новых подразделений полиции²²: Центра координации борьбы с особо опасными преступлениями, которому были подчинены четыре региональных управления (РУБОП); самостоятельной структуры МВД

по противодействию наркобизнесу²³, которая в рамках проводимых реформ в 2014 г. была преобразована в Департамент по борьбе с наркобизнесом.

В целом с начала 2000-х гг. полиция в основном подвергается организационным преобразованиям. Так, в апреле 2006 г. создается 4 профильных комитета Министерства внутренних дел: Следственный комитет, комитеты криминальной, административной и дорожной полиции²⁴. Повышение статуса подразделений, непосредственно осуществляющих функции полиции, связано со спецификой, масштабами и объемом проводимой работы по борьбе с преступностью.

В целях совершенствования деятельности путем слияния административной и дорожной полиции была создана служба, осуществляющая деятельность по принципу «универсального полицейского». В 2013 г. в Комитет административной полиции были включены подразделения Комитета дорожной полиции²⁵. С этого времени наряды полиции именуется дорожно-патрульной службой и формируются с учетом наличия в них сотрудников полиции обоих подразделений.

Не остаются без внимания комитеты криминальной полиции и следственной деятельности, которые в 2014 г. преобразованы в департаменты²⁶. Если слияние патрульной и дорожной полиции предусматривало организационно-правовое изменение, то основанием для упразднения подразделений, входящих в состав полиции, стала оптимизация системы управления.

В 2010 г. подразделения полиции освобождены от несвойственных функций. Так, передаются следующие функции и полномочия:

- в Министерство здравоохранения – связанные с деятельностью медицинских вытрезвителей в количестве 32 таких организаций;
- образования и науки – связанные с временной изоляцией, адаптацией и реабилитацией несовершеннолетних, всего передано 18 центров;
- в конкурентную среду – функции по проведению технического осмотра транспортных

¹⁶ О пенитенциарной системе Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 26 июля 2011 г. № 129. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U110000129> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁷ Некоторые вопросы государственных учреждений Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 31 июля 2003 г. № 769. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P030000769> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁸ О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 17 августа 2010 г. № 1039. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001039> (дата обращения: 25.09.2021).

¹⁹ Об утверждении лимитов штатной численности Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Агентства по борьбе с экономической и коррупционной преступностью (финансовая полиция) Республики Казахстан и подведомственных им государственных учреждений: постановление Правительства Республики Казахстан от 17 марта 2004 г. № 330. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P040000330> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁰ О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2004 г. № 1449. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U040001449> (дата обращения: 25.09.2021).

²¹ О мерах по оптимизации штатной численности органов, содержащихся за счет государственного бюджета и сметы (бюджета) Национального Банка Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 27 сентября 2010 г. № 1072. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001072> (дата обращения: 25.09.2021).

²² О мерах по дальнейшему совершенствованию системы государственного управления Республики Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 23 декабря 2003 г. № 1255. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U030001255> (дата обращения: 25.09.2021).

²³ Некоторые вопросы Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 3 марта 2004 г. № 261. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P040000261> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁴ О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 21 апреля 2006 г. № 313. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P060000313> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁵ Некоторые вопросы Министерства внутренних дел Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 26 августа 2013 г. № 855. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1300000855> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁶ О ведомствах центральных исполнительных органов Республики Казахстан: постановление Правительства Республики Казахстан от 14 августа 2014 г. № 933. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000933> (дата обращения: 25.09.2021).

средств, при этом контроль за его проведением передан в Министерство транспорта и коммуникации. За полицией были сохранены лишь полномочия по контролю за своевременностью его прохождения;

– в конкурентную среду – функции охранной деятельности. Исключением стали выдача лицензий охранный деятельности, а также охрана особо важных стратегических объектов, которые были сохранены за МВД Республики Казахстан²⁷.

В 2013 г. преобразуется миграционная полиция в связи с передачей ряда функций и полномочий в области миграции министерствам труда и социальной защиты, экономики и бюджетного планирования.

Одним из значительных шагов по регламентации кадрового обеспечения, организации и упорядочивании системы прохождения правоохранительной службы в полиции стало введение в действие Закона Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV «О правоохранительной службе» (далее – Закон о правоохранительной службе)²⁸.

Закон о правоохранительной службе предусматривает условия и порядок поступления, прохождения, прекращения службы, которые ранее предусматривались законами 1992 и 1995 гг., а также Положением о прохождении службы рядовым и начальствующим составом органов внутренних дел. Отличительной особенностью, что привлекает внимание, становится то, что Законом о правоохранительной службе существенно расширены принципы деятельности полиции. Теперь деятельность полиции строится на основании специальных принципов правоохранительной службы и принципов государственной службы. Специальные принципы закрепили идеи приоритета защиты прав и свобод личности, общества и государства, взаимодействия, организационного единства, единоначалия и деполитизации.

Впервые в качестве принципов в деятельности полиции появляется специальный принцип правоохранительной службы Республики Казахстан – независимость от деятельности политических партий и иных общественных объединений, что еще раз закрепляет законность и строгое соблюдение и исполнение нормативных правовых актов Республики, самостоятельность в полицейском менеджменте, а также исключение вмешательства в их деятельность.

²⁷ О мерах по повышению эффективности правоохранительной деятельности и судебной системы в Республике Казахстан: указ Президента Республики Казахстан от 17 августа 2010 г. № 1039. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U100001039> (дата обращения: 25.09.2021).

²⁸ О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 г. № 380-IV. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000380> (дата обращения: 27.09.2021).

С принятием нового (ныне действующего) Закона Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК «Об органах внутренних дел Республики Казахстан»²⁹ (далее – Закон 2014 г.) начинается новый этап в истории современной полиции Казахстана [11, с. 43–46].

Законом 2014 г. органы внутренних дел определены по-новому – как правоохранительный орган, что обусловлено закреплением новой системы правоохранительных органов, в структуру которой по Закону о правоохранительной службе вошли и органы внутренних дел.

В части принципов органов внутренних дел данный закон всего лишь сослался на законодательство о правоохранительной и государственной службе. Необходимо отметить, что часть принципов на тот момент закреплялась в Законе о государственной службе 1999 г.³⁰, который относил к ним следующие: законности; патриотизма; единства; приоритета прав, свобод и интересов граждан; равного права на доступ к государственной службе и продвижения; добровольности поступления на государственную службу; профессионализма; равной оплаты труда; обязательности исполнения решений для нижестоящих подчиненных; подконтрольности и подотчетности; учета общественного мнения и гласности; правовой и социальной защищенности; поощрения; личной ответственности; непрерывности повышения квалификации.

Этот перечень принципов с принятием Закона о государственной службе 2015 г.³¹ был дополнен новыми принципами: эффективности, результативности, прозрачности; меритократии; этичности; нетерпимости к правонарушениям; непрерывности обучения и развития необходимых компетенций.

Отличительная особенность Закона 2014 г. от прежних редакций законов 1992 и 1995 гг. состоит в отсутствии раздела, содержащего нормы, регламентирующие прохождение службы, так как они теперь содержатся в Законе о правоохранительной службе.

Закон 2014 г. впервые закрепил идеологию общественного доверия между полицией и населением, предусмотрев общественный контроль за их деятельностью (ст. 13), в связи с чем впоследствии предпринимается поиск организационно-правовых мер по реализации этой идеологии.

²⁹ Об органах внутренних дел Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 апреля 2014 г. № 199-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000199> (дата обращения: 27.09.2021).

³⁰ О государственной службе: Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 г. № 453 (утратил силу). URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000453_z6 (дата обращения: 28.09.2021).

³¹ О государственной службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 416-V ЗРК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000416> (дата обращения: 28.09.2021).

Так, в 2016–2018 гг. был проведен интересный правовой эксперимент по созданию местной полицейской службы, включавшей в свою структуру подразделения: участковых инспекторов полиции, по делам несовершеннолетних, защите женщин от насилия, природоохранной, патрульной полиции и иные, осуществляющие деятельность в сфере профилактики правонарушений (далее — местная полиция).

При создании местной полиции предполагалось, что акимы (главы местной исполнительной власти) будут отчитываться в пределах установленной компетенции перед населением. По-иному, у акимов регионов существенно расширялся механизм обеспечения правопорядка на закрепленной территории.

Как показала практика, слабая заинтересованность акимов, низкое взаимодействие между двумя полицейскими структурами (местной полицией и территориальным органом полиции), а также отсутствие подчиненности нижестоящего уровня органа полиции вышестоящему дискредитировали местную полицию.

Как официально заявило МВД Республики Казахстан, все эти факты создали предпосылки и условия для размытия правоохранительных принципов, а в частности, нарушение принципа «единоначалия и субординации (вертикали подчиненности)». В связи с этим в 2018 г. местная полиция была объединена с территориальным органом полиции МВД Республики Казахстан.

С 2019 г. совершенствование деятельности полиции осуществляется на основе идеологии сервисной полиции. В ее рамках полиция понимается не как карательный орган, а как служба, которая помогает и решает проблемы граждан. В этой связи особое внимание уделяется службам, непосредственно взаимодействующим с населением. Данная идеология закреплена в программном документе по модернизации органов внутренних дел на 2019–2021 гг.³²,

³² Рост благосостояния казахстанцев: повышение доходов и качества жизни: послание Президента Республики Казахстан

которая была принята по поручению Первого Президента Республики Казахстан³³. В целях создания современной, технологичной, пользующейся доверием населения полицейской системы были определены следующие направления совершенствования полиции: оптимизация структуры; улучшение системы оплаты и социальной защиты; отбор и подготовка кадров; исключение несвойственных функций; внедрение принципа сервисной модели; внедрение новой системы критериев оценки; борьба с коррупцией.

Таким образом, на процесс становления и развития организационных и правовых основ полиции Республики Казахстан оказало влияние изменение места и роли государства в жизни казахстанского общества, совершенствование институтов соблюдения прав и свобод человека как высших ценностей государства. За последние 30 лет в Казахстане практически заново выстроена новая система органа правопорядка, именуемая полицией. Разработаны новые законодательные акты, проведены организационные изменения деятельности полиции (милиции), системно и кардинально изменившие ее облик на пути к созданию достойных и равных условий жизни всех казахстанцев. По своим параметрам полиция Казахстана может быть охарактеризована как централизованная модель полицейской деятельности. Полицейское ведомство находится под прямым контролем национального правительства. Полиция представляет собой единую организацию, подчиненную Министерству внутренних дел. Попытки ввести элементы децентрализации (создание местной полиции) в силу ряда причин пока не имели успеха.

от 5 октября 2018 г. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K18002018_1 (дата обращения: 28.09.2021).

³³ Об утверждении Дорожной карты по модернизации органов внутренних дел Республики Казахстан на 2019–2021 годы: постановление Правительства Республики Казахстан от 27 декабря 2018 г. № 897. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1800000897> (дата обращения: 28.09.2021).

Список литературы:

1. Биекенов Н.А. Конституционно-правовые основы организации и деятельности полиции Республики Казахстан: дис. ... д-ра юрид. наук. Алматы, 2009.
2. Биекенов Н.А. Национальная полиция Казахстана: конституционно-правовые основы организации и деятельности: монография. Астана, 2010.
3. Винокуров В.А. Толкование понятия органов внутренних дел в современной России //

References:

1. Biekenov N.A. Konstitucionno-pravovye osnovy organizacii i deyatel'nosti policii Respubliki Kazahstan: dis. ... d-ra jurid. nauk. Almaty, 2009.
2. Biekenov N.A. Nacional'naya policiya Kazahstana: konstitucionno-pravovye osnovy organizacii i deyatel'nosti: monografiya. Astana, 2010.
3. Vinokurov V.A. Tolkovanie ponyatiya organov vnutrennih del v sovremennoj Rossii //

- Академический юридический журнал. 2017. № 3 (69).
4. *Кирюхин В. В., Пестов Н. Н., Ускова А. С.* Административная деятельность полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. Москва, 2020.
  5. *Когамов М. Ч.* Предварительное расследование уголовных дел в Республике Казахстан: состояние, организация, перспективы: монография. Изд. 2-е. Алматы, 2004.
  6. *Лукашевич Д. А.* Распад СССР: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013.
  7. *Назарбаев Н. А.* Пока не докажете людям, что законы действуют, зло наказывается — ничего хорошего не будет // Казахстанская правда. 1996. 1 нояб.
  8. *Насуев К. С.* Реформирование органов внутренних дел Российской Федерации (1990—1999 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57).
  9. *Нурғалиев Б. М.* Организованная преступная деятельность (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты). Караганда, 1997.
  10. *Мухамеджанов Б. А., Омаров И. А.* Полиция Казахстана: основные этапы становления и развития. Караганда, 2005.
  11. *Сартаева Н. А.* К разработке нового закона Республики Казахстан «Об органах внутренних дел» // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2011. № 1.
  12. *Соловей Ю. П.* Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1993.
- Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 3 (69).
4. *Kiryuhin V. V., Pestov N. N., Uskova A. S.* Administrativnaya deyatel'nost' policii po profilaktike pravonarushenij nesovershennoletnih: uchebnoe posobie. Moskva, 2020.
  5. *Kogamov M. Ch.* Predvaritel'noe rassledovanie ugovolnyh del v Respublike Kazahstan: sostoyanie, organizaciya, perspektivy: monografiya. Izd. 2-e. Almaty, 2004.
  6. *Lukashevich D. A.* Raspad SSSR: istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. Moskva, 2013.
  7. *Nazarbaev N. A.* Poka ne dokazhete lyudyam, chto zakony dejstvuyut, zlo nakazyvaetsya — nichego horoshego ne budet // Kazahstanskaya pravda. 1996. 1 noyab.
  8. *Nasuev K. S.* Reformirovanie organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii (1990—1999 gg.) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 1 (57).
  9. *Nurgaliev B. M.* Organizovannaya prestupnaya deyatel'nost' (ugolovno-pravovye, processual'nye i kriminalisticheskie aspekty). Karaganda, 1997.
  10. *Muhamedzhanov B. A., Omarov I. A.* Policiya Kazahstana: osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya. Karaganda, 2005.
  11. *Sartaeva N. A.* K razrabotke novogo zakona Respubliki Kazahstan «Ob organah vnutrennih del» // Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan. 2011. № 1.
  12. *Solovej Yu. P.* Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti milicii v Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra yurid. nauk. Moskva, 1993.

Для цитирования:

Абишев Эльдар Хасанович. Организационно-правовые основы деятельности полиции (милиции) Республики Казахстан (1991—2021 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 154—163.

For citation:

Abishev Eldar Hasanovich. Organizational and Legal Framework for the Activities of the Police (Militia) of the Republic of Kazakhstan (1991—2021) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 154—163.

ЭНХТУР ДОРЖ,
адъюнкт* 3-го факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров)
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru

ENKHTUR DORJ,
Adjunct** of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-
Pedagogical Personnel)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: d.enkhtur@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право.

Scientific Speciality:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology;
Criminal Executive Law.

УДК 343

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-164-172

Дата поступления статьи: 14 апреля 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Криминологическая характеристика лиц, занимающихся легализацией (отмыванием) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем (на материалах России и Монголии)

Criminological Characteristics of Persons Concerning the Legalization (Laundering) of Money or Property Acquired by Criminal Ways (on the Materials of Russia and Mongolia)

Аннотация

Актуальность избранной темы обусловлена стабильной распространенностью легализации (отмывания) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, и вовлечением в нее широкого круга лиц, совершающих преступления, обладающие высокой общественной опасностью.

Проблема, исследуемая в статье, состоит в том, что в России и Монголии структура экономической преступности, представители которой занимаются совершением финансовых операций и иных сделок с денежными средствами и имуществом, приобретенными преступным путем, изучена применительно к деяниям, а личности преступника уделяется значительно меньшее внимание.

Цель исследования состоит в изучении кри-

Abstract

The relevance of the chosen topic is due to the stable prevalence of legalization of money and property acquired by criminal means, and the involvement in it of a wide range of persons committing crimes with high social danger.

The problem studied in the article is that in Russia and Mongolia, the structure of economic crime, whose representatives are engaged in financial transactions and other transactions with money and property acquired by criminal means, has been studied in relation to acts, and much less attention is paid to the personality of the criminal.

The purpose of the study is to study the criminological characteristics of the personality of a criminal involved in the legalization of money or property acquired by criminal means.

The research methods are based on the prin-

* Ранее – старший следователь Следственного департамента по городу Улан-Батор.

** Earlier – Senior Investigator of the Investigative Department for the city of Ulaanbaatar.

минологических особенностей личности преступника, вовлеченного в легализацию (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем.

Методы исследования основаны на принципах материалистической диалектики и включают ряд общенаучных и научно-исследовательских инструментов. В том числе автором использовались анализ и синтез, а также сравнительно-правовой метод, основанный на компаративном исследовании российской и монгольской правоприменительной практики.

Результаты и ключевые выводы: автором разработана типология личности преступника, совершающего такие деяния, и показана глубина и интенсивность проявления криминогенных качеств.

Ключевые слова: преступление; личность преступника; отмывание денег; финансовые операции; сделки.

principles of materialistic dialectics and include a number of general scientific and private scientific research tools. In particular, the author used analysis and synthesis, as well as a comparative legal method based on a comparative study of Russian and Mongolian law enforcement practice.

The conclusions: The author has developed a typology of the personality of a criminal who commits such acts, and shows the depth and intensity of the manifestation of criminogenic qualities.

Key words: crime; identity of the offender; money laundering; financial transactions; transactions.

Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, установлена в законодательстве большинства государств. Не являются исключением в данном случае как Российская Федерация, так и Монголия, уголовные законодательства которых содержат составы преступлений, регламентирующих уголовную ответственность за названные деяния. Учитывая, что одной из задач уголовного законодательства является охрана экономических отношений от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений, в системе преступлений выделен раздел, предусматривающий ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Отдельную позицию в этом разделе занимают уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, и характеризуются в целом идентичными чертами (ст. 174, 174¹ Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) и ст. 18.6 Уголовного кодекса Монголии² (далее – УК Монголии)). Идентичным является и отношение к определению признаков субъекта преступления – таковым признается лицо, совершившее предикатное преступление, в ре-

зультате которого приобрело имущество и совершает с ним финансовые операции и иные сделки в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанным имуществом.

В УК РФ и УК Монголии закреплена одинаковая общая уголовно-правовая характеристика субъекта рассматриваемого преступления: возраст уголовной ответственности установлен с 16 лет, вменяемость устанавливается на общих основаниях.

В этой связи представляет интерес криминологическая характеристика личности преступника. Ее структура хорошо изучена в криминологической науке. Так, по мнению А.И. Алексеева, личность преступника выступает основным звеном «механизма преступного поведения, и те особенности личности, которые порождают такое поведение или способствуют ему, должны всегда быть непосредственным объектом предупредительного воздействия» [1, с. 123]. При разработке комплекса профилактических мер, направленных на противодействие легализации (отмыванию) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, криминологи при характеристике разных видов преступлений устанавливают, «кто совершает эти преступления» [9]. Учение о личности преступника позволяет в полном объеме выполнить эту задачу [13]. В этой связи исследование криминологически значимых признаков, относящихся к личности преступника, приобретает повышенную актуальность.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² Уголовный кодекс Монголии от 3 декабря 2015 г. (ред. от 01.07.2017). URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/11634?lawid=11634> (дата обращения: 10.04.2021).

В криминологии разработаны различные подходы к определению личности преступника, причем уже достаточно давно ученые солидарны в том, что при совершении преступления особые качества субъекта играют значительную роль [3]. Это предполагает опережденное внимание научного сообщества к исследованию криминологически значимых качеств, обуславливающих формирование личности преступника.

При этом сложившиеся понятия о личности преступника основаны на ее антиобщественной направленности [4], стойкости криминогенных качеств [8] и совершении преступлений определенного вида [7]. Набор этих свойств, по выводам монгольских криминологов, структурирует общественную опасность личности, приводя к совершению преступления в конкретной жизненной ситуации [5]. Стойкость криминогенных качеств, усиленная безнаказанностью, способствует профессионализации преступности. В полной мере это относится к составу легализации (отмывания) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем.

Традиционной в российской криминологии является дефиниция личности преступника как совокупности интегрированных в ней социально значимых свойств, предопределяющей формирование криминальной готовности [2]. Личность преступника представляет собой важнейшее звено всего механизма преступного поведения [12]. Руководствуясь сложившимися представлениями, проведем исследование особенности личности субъекта, совершающего легализацию (отмывание) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем.

Учитывая, что данный вид преступлений относится к экономическим, необходимо отметить, что их характерной чертой является наличие у субъекта респектабельного положения в обществе, устоявшегося социального статуса, стабильной некриминальной репутации [6]. Фактически эта репутация защищает его от ряда рисков, связанных с совершением преступления, гарантирует безнаказанность и длительность криминальной активности.

В отличие от представителей общеуголовной преступности, такие лица могут вести внешне законопослушный образ жизни, участвовать в социально полезных инициативах, выступать образцом для подражания. В определенной степени это присуще и лицам, занимающимся легализацией (отмыванием) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем. В подтверждение данного тезиса приведем некоторые результаты обобщения судебной практики.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 18.6 УК Монголии, к ответственности привлекались преимущественно лица

старше 40 лет (79 %), имеющие постоянный высокий доход, высшее экономическое или финансово-экономическое образование, длительный стаж работы по специальности. Почти каждый пятый из них имел властные или управленческие полномочия, облегчавшие совершение преступления и способствующие наличию коррупционных связей.

Образ жизни субъекта, наблюдаемый широкой публикой, включал исключительно положительные стороны: 98 % обвиняемых имели устойчивые семейные связи, обладали безупречной репутацией, пользовались авторитетом; 100 % этих лиц – мужчины, жители городов, поскольку городская инфраструктура в большей части способствует совершению финансовых операций и иных сделок с имуществом, имеющим криминальное происхождение.

Стабильный легальный высокий доход имели 68 % обвиняемых, средний – 30 %. Только 2 % обвиняемых не имели постоянного законного источника доходов. При этом во всех случаях обвиняемыми использовались достаточно изощренные способы совершения преступлений, в том числе за пределами страны, что не позволило монгольским судам сформировать устойчивую практику уголовного преследования.

Таким образом, высокий доход и позитивно характеризующийся социальный статус становятся определенными качествами, усиливающими личный авторитет субъекта, выступающий особым прикрытием, гарантирующим безопасность и безнаказанность незаконного обогащения. О криминальном профессионализме лиц, причастных к легализации (отмыванию) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, можно судить по крайне неутешительным данным о применении ст. 18.6 УК Монголии: вплоть до 2017 г. обвинительные приговоры судами не выносились, хотя обвинения в совершении данного преступления были предъявлены более чем 4 тысячам лиц. Фактически первый приговор, в котором установлена вина в совершении отмывания денег, был постановлен в 2020 г. Из этого следует, что та часть монгольской экономической преступности, которая сопряжена с легализацией (отмыванием) денежных средств и имущества криминального происхождения, обладает репутацией и авторитетом, а также использует изощренные и не выявляемые правоприменителями способы совершения преступления.

Таким образом, устойчивое социальное положение, наличие властных или управленческих полномочий, участие в общественной жизни становятся особыми характеристиками личности преступника, совершающего легализацию (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенных преступным

путем, гарантирующими не только безнаказанное незаконное обогащение, но и последующее внешне законное владение такими активами, которые имеют криминальное происхождение. В Монголии в силу сложившихся традиций в обществе сформировано уважение к безупречной репутации лиц, обладающих властными полномочиями, поэтому коррупционные скандалы вызывают высокий общественный резонанс, а представители правоохранительных органов не всегда имеют профессиональные навыки, позволяющие эффективно выявлять использующиеся виновными схемы преступного обогащения.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, можно наблюдать иную картину. Стабильно высокий или средний доход имели большинство осужденных, и так же, как и в монгольской правоприменительной практике, к уголовной ответственности были привлечены только мужчины и только жители городов. Однако иные социально-демографические признаки осужденных отличаются. Порядка 34 % осужденных не достигли 40 лет и имели опыт работы в коммерческих структурах, в том числе банках, а 24 % – опыт работы в организациях, осуществляющих надзор за юридической чистотой финансовых операций (например в аудиторских фирмах), или состояли на государственной службе. Таким образом, уровень образования и опыт работы в коммерческих структурах или же наличие властных или административно-хозяйственных полномочий является основой криминологического портрета преступника, совершающего легализацию (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем.

Последнее обстоятельство позволяет отметить, что ими практиковалась легализация (отмывание) доходов от предикатной собственной преступной деятельности, квалифицирующаяся по ст. 174¹ УК РФ. Остальные 42 % осужденных легализовывали доходы от предикатных преступлений иных разновидностей (в т. ч. незаконного сбыта наркотических средств, игорного бизнеса, реализации товаров, работ, услуг, не соответствующих требованиям безопасности). В этой группе лиц криминальный профессионализм был выражен в меньшей степени, и отсутствие образования высокого уровня, скорее, способствовало их изобличению. В основном ими совершались безналичные финансовые операции, направленные на аккумуляцию денежных средств, поступающих на непсонифицированные счета, личные счета в банках. Хотя пресечение этих способов преступной деятельности не всегда обладает высокой эффективностью, тем не менее при рас-

следовании предикатных преступлений может быть получена информация, облегчающая установление факта легализации (отмывания) доходов в денежной или натуральной форме, полученных в результате их совершения.

Преступлений, являющихся источниками преступного дохода, органами внутренних дел выявляется значительно больше, и по результатам специальных исследований установлено, что составы преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, занимают не более нескольких процентов в их структуре [10]. В соотношении же с деяниями, совершаемыми из корыстных побуждений и связанными с незаконным обогащением, выявленные акты легализации (отмывания) насчитывают сотые доли процента.

В правоприменительной практике Монголии ситуация сложилась еще более сложная: в августе 2020 г. был вынесен первый приговор по ст. 18.6 УК Монголии, а ранее таких прецедентов не зафиксировано, поскольку суды принимали оправдательные решения, не обнаружив признаков состава легализации (отмывания) в действиях обвиняемых. Иными словами, выявив, что субъект действует в личных целях, не имеющих экономической основы, то есть распоряжается доходом от преступной деятельности по своему усмотрению, суды не находят основания для квалификации содеянного как легализации.

Анализируя современное состояние легализации (отмывания) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, необходимо обратить внимание на то, что количество зарегистрированных преступлений и число лиц, осужденных за их совершение, в значительной степени не совпадает. Так, в 2017–2019 гг. судами России за совершение преступлений, предусмотренных ст. 174, 174¹ УК РФ, было осуждено всего 83 человека, тогда как органами внутренних дел было выявлено 2 650 таких преступлений [11]. Такая ситуация становится возможной потому, что при квалификации преступлений не всегда верно определяются признаки состава преступления в ходе предварительного расследования. Так, например, изучение ряда уголовных дел, возбужденных по ст. 228¹ и 174¹, показывает, что в одних случаях виновное лицо привлекается к уголовной ответственности по ст. 174¹ УК РФ, а в других случаях при наличии тех же признаков состава преступления не всегда органами следствия виновным инкриминировалось совершение легализации (отмывания) преступных доходов от незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, и в нарушение п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ не приводятся доказательства о событии самого преступления,

предусмотренного названной нормой (ст. 174¹ УК РФ), или исследованы объективные признаки названного состава преступления, но не уделено должного внимания анализу субъективных признаков. В таком случае виновный освобождается от уголовной ответственности по ст. 174¹ УК РФ. Например, судом первой инстанции гражданин осужден по п. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹, ч. 1 ст. 174¹ УК РФ. Как установил суд, от незаконного сбыта наркотических средств осужденный использовал для расчета с потребителями электронные платежи и, получив в общей сложности почти 1,5 млн руб., сначала перевел их на расчетный счет, открытый на его имя, а далее обналичил денежные средства и распорядился ими по своему усмотрению. Апелляционная инстанция с таким выводом не согласилась, указав, что состав преступления, предусмотренного ст. 174¹ УК РФ, охватывает совершение виновным сделок, то есть действий, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Осужденный в данном случае действовал исключительно для того, чтобы получить реальную возможность распорядиться денежными средствами, полученными в результате незаконного сбыта наркотических средств. Из этого следует, что состав легализации денежных средств, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, отсутствует. Таким образом, сам факт вывода денежных средств на личный банковский счет не является финансовой операцией в том смысле, который использован в ст. 174, 174¹ УК РФ, и такие транзакции не образуют состава легализации (отмывания) денежных средств, полученных преступным путем. Поскольку лица, вовлеченные в незаконный сбыт наркотических средств, руководствуются целью личного обогащения, она ими достигается, однако не совпадает с целью отмывания денег: виновный не намеревается специально придавать правомерный вид владению денежными средствами, а только создает условия для безопасного доступа к ним. Только по этой причине привлекается больше лиц к уголовной ответственности, чем осуждается к реальному сроку наказания по ст. 174¹ УК РФ.

Интенсивность осуществления уголовного преследования за совершение легализации (отмывания) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, существенно различается. Если количество оконченных расследованием дел остается стабильным, составляя порядка 65 % от выявленных преступлений, то итоги их рассмотрения не свидетельствуют о высокой эффективности правоприменительной деятельности. В результате проведенных следственных мероприятий и последующей уголовно-правовой оценки содеянного су-

дом к уголовной ответственности привлекается не более 3–5 % лиц, в связи с действиями которых возбуждается уголовное дело. Такая ситуация в качестве основной детерминанты имеет, как представляется, недостаточную согласованность действий правоприменителей, вызванную, в свою очередь, дефектами нормативной правовой базы и неправильным пониманием особенностей конструкции состава легализации (отмывания) денежных средств и имущества, приобретенных заведомо преступным путем.

Следует отметить и то обстоятельство, что по изученным уголовным делам и в Монголии, и в России субъекты ранее не привлекались к уголовной ответственности. Данное обстоятельство диктует необходимость предложить типологию личности преступника, поскольку она может быть полезна для правоприменителей, не имеющих большого опыта квалификации легализации (отмывания) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем. В основу типологии могут быть положены мотивационный критерий и совокупность потребностей, удовлетворение которых осуществляется посредством незаконных действий. Выраженная корыстная направленность рассматриваемого преступления и незаконное обогащение вследствие его совершения отражаются в следующих типах личности преступника.

Во-первых, это корыстолюбивый тип, совершающий такие действия на постоянной основе, аккумулирующий денежные средства или тратящий их на предметы роскоши. Для данных лиц характерно стремление к обогащению, приобретению внешней атрибутики, отражающей успешный образ жизни. По изученным уголовным делам к таким можно отнести порядка 38 % привлекавшихся к уголовной ответственности. Легализуя доходы от преступной деятельности, они инвестировали их в легальные хозяйственные проекты, приобретали дорогостоящее имущество, инсценируя законный источник его происхождения. Корыстолюбивый тип, таким образом, имеет стойкое стремление к продолжению преступной деятельности, поскольку она становится основой его личного благосостояния. По сути, дополнительные расходы (например, на инсценировку легального источника происхождения имущества) рассматриваются им как своеобразная мера безопасности, гарантирующая последующее продолжение преступной деятельности.

Во-вторых, это семейный тип, действующий в целях обеспечения семейного благополучия или иных нужд своего окружения. Около 29 % осужденных или обвинявшихся в совершении рассматриваемого преступления использовали родственные отношения, фактически вовлекая в криминальную активность своих родствен-

ников или близких лиц. Для этого типа личности преступника внешнее проявление заботы о семье выступает основой благополучной репутации, которая, помимо уважения и авторитета, гарантирует и безопасность последующих действий, приносящих доход, требующий легализации.

Таким образом, корыстолюбивый и семейный типы обладают наиболее стойкими криминогенными качествами и совершают финансовые операции и иные сделки с имуществом, приобретенным преступным путем, фактически на постоянной основе, рассматривая предикатную преступную деятельность как своеобразный бизнес-проект, требующий капитальных вложений и рассчитанный на долгосрочную перспективу. Оба типа личности преступника обладают крайне высокой степенью общественной опасности, которая ретушируется посредством кристально чистой репутации, производящей обманчивое впечатление. Пользуясь ей, как ширмой, эти лица фактически действуют на профессиональной основе, легализуя доходы и имущество как от собственной, так и от чужой криминальной активности.

В-третьих, это утверждающийся тип, то есть лицо, руководствующееся мотивом самоутверждения, желающее возвыситься в кругу своего общения за счет навыков, позволяющих вести респектабельный образ жизни, не прилагая для этого труда. Субъекты (21 %), составившие эту категорию, имели склонность к самоутверждению и демонстрации собственной исключительности. Отчасти их можно назвать обладателями особой бизнес-стратегии, целью которой выступает занятие определенной приносящей регулярную прибыль ниши в экономическом сегменте, рассматриваемом ими как своеобразное поле для реализации собственных лидерских и предпринимательских качеств. Для них характерен высокий правовой нигилизм, презрение к нормам действующего законодательства, устанавливающим порядок совершения финансовых операций и сделок с имуществом. Желаемая модель респектабельности является тем ориентиром, который затмевает существующие в обществе правила ведения коммерческой деятельности. Будучи вовлеченными в легальный экономический оборот (например, работая в банковской сфере), такие лица реализуют и карьерные устремления, зарабатывая профессиональный авторитет, гарантирующий продвижение по службе.

В-четвертых, это дезадаптированный тип, для которого совершение рассматриваемого преступления — единственный источник дохода (7 % привлекавшихся к уголовной ответственности). Находясь вне правового поля, такие лица обладают стойкими криминогенными установками. В ряде случаев они имеют корруп-

ционные связи и используют своеобразную «рекламу» собственных преступных навыков, рассчитывая на расширение сферы деятельности. Будучи привлеченными к уголовной ответственности, используют различные психологические приемы, позволяющие представить внешне убедительное объяснение своей вовлеченности в легализацию (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем. Такими объяснениями в том числе становятся рассуждения об экономическом кризисе, высокой конкуренции на рынке труда, невозможности найти работу, соответствующую полученному образованию.

Таким образом, утверждающийся и дезадаптированный типы личности преступника, совершающего легализацию (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем, рассматривают противоправную деятельность как источник постоянного обогащения или как своеобразный «социальный лифт», гарантирующий высокий социальный статус в будущем. В отличие от корыстолюбивого и семейного типов, они стремятся приобрести репутацию, авторитет и богатство. Иными словами, при удачной реализации криминальной бизнес-стратегии не исключается их постепенная интеграция в среду, представленную наиболее опасными типами личности преступника.

В-пятых, это наркотизированный тип, встречающийся достаточно редко (5 % уголовных дел), обладающий наркотической зависимостью и легализующий денежные средства, вырученные за счет продажи части наркотических средств. Такие лица также обладают интенсивными криминогенными качествами, поскольку изначально вовлечены в общественно опасную деятельность. При этом такая деятельность выступает основой их личного дохода, но они обладают достаточным объемом знаний и жизненным опытом, позволяющим в определенной степени преодолеть собственные потребительские устремления и ориентирующим на включение криминальных активов в легальные экономические отношения. Таким образом, если типы личности преступников, указанные выше, скорее, реализуют бизнес-стратегию, наркотизированный тип действует для того, чтобы обезопасить собственную преступную деятельность или доходы, полученные в результате совершения преступления.

Предложенная типология личности преступника подтверждена и результатами социологического опроса правоприменителей в двух государствах, в котором приняли участие около 200 человек. Из них 73 % согласились с авторскими выводами и признали, что взаимодействовали с представителями каждо-

го выявленного типа при расследовании фактов легализации (отмывания) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем. Опрошенные правоприменители отметили и существенную сложность во взаимодействии с такими субъектами, отсутствие у них раскаяния и необходимость применения широкого спектра приемов, направленных на противодействие уголовному преследованию.

В качестве альтернативы может быть предложена типология личности преступника, основанная на видах совершенного предикатного преступления, сопряженного с незаконным обогащением. В рамках нее могут быть выделены:

- коррумпированный тип – лицо, наделенное властными полномочиями и использующее их в целях незаконного обогащения, в связи с которым требуется совершение действий, направленных на легализацию денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем;

- экономически активный тип – лицо, совершающее преступления в сфере экономической деятельности, приносящие доход, инвестируемый впоследствии в легальные экономические отношения;

- криминально активный тип – лицо, легализующее доходы, приобретенные в результате собственной преступной деятельности, связанной как с совершением действий корыстной направленности (например, мошенничества), так и с незаконным оборотом запрещенных предметов (наркотиков, оружия).

Эта типология также является пригодной для правоприменительной деятельности, поскольку позволяет разграничить предикатные преступления и на этой основе выявить возможные направления легализации полученного от них дохода.

Криминологически значимые признаки, характеризующие личность преступника, участвующего в легализации (отмывании) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, коррелируют с мотивацией и целевыми установками, детерминирующими преступное поведение. В качестве основы мотивации рассматриваемого преступления выступает корысть, намерение незаконного обогащения. Хотя признак мотива не установлен в данном случае в структуре субъективной стороны состава, необходимо отметить, что именно корыстные побуждения являются движущей силой, побуждающей субъекта участвовать в совершении финансовых операций и иных сделок с имуществом, приобретенным преступным путем.

При этом, в отличие от корысти как основы мотивации преступлений против собственности, побуждающей к завладению чужим иму-

ществом и последующему использованию его по собственному усмотрению, в данном случае имеет место четкое представление лица о том способе, посредством которого незаконное обогащение становится, с одной стороны, безопасным, а с другой – приносящим прибыль или иную материальную выгоду. Фактически совершение финансовых операций и иных сделок с имуществом криминального происхождения становится собственным бизнесом, ведение которого приносит прибыль, часть которой расходуется на повышение его безопасности. Иными словами, лицо, совершающее легализацию (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем, имеет интеллектуальные качества, позволяющие избрать наиболее безопасную форму преступного поведения и обеспечить себе возможность в течение длительного времени эксплуатировать доход, который она ему принесет.

Это достигается за счет особой целевой установки, отраженной в структуре субъективной стороны легализации (отмывания) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем. Целью данного преступления выступает придание правомерности владению, пользованию или распоряжению такими денежными средствами или имуществом. Для достижения данной цели субъект не стремится к удовлетворению личных потребительских притязаний, а пытается создать видимость законного доступа к денежным средствам или имуществу. Такой доступ защищает его от возможной конфискации активов и затрудняет выявление признаков предикатного преступления.

Развернутую характеристику содержания этой цели изложил Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 постановления от 7 июля 2015 г. № 32³, в соответствии с которым она выражается в широком перечне действий, совершаемых виновным. Во-первых, это приобретение дорогостоящего имущества (предметов роскоши, объектов недвижимости) в условиях, когда лицо скрывает преступный характер происхождения денежных средств. Во-вторых, это совершение сделок, лишенных экономической целесообразности, когда реального отчуждения имущества не происходит. Мнимые сделки могут совершаться с использованием заведомо заниженной цены, не соответствующей рыночной стоимости приобретаемого имущества. В-третьих, это маскировка преступного источника происхождения денежных средств

³ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 // Рос. газ. 2015. 13 июля.

или имущества, когда виновный фальсифицирует основания возникновения прав собственника на них. В-четвертых, это обналичивание денежных средств (в частности, с использованием фирм-однодневок). В-пятых, это совершение финансовых операций с использованием подставных лиц, с участием контрагентов, зарегистрированных в офшорных зонах, или же с использованием электронных средств платежа. Сами по себе такие действия не обязательно свидетельствуют о наличии признаков отмывания денежных средств, но являются трудно контролируемыми и потому востребованными в этих целях.

Совершая вышеуказанные действия, виновный достигает экономического эффекта, вследствие которого имеет возможность продемонстрировать видимость законности повышения личного благосостояния. Поскольку для значительной части лиц, участвующих в легализации (отмывании) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем, это важно (в силу, например, обязанности декларировать доходы, должностного статуса и иных обстоятельств), постольку они избирают преступные схемы, требующие дополнительных расходов, но гарантирующие возможность последующего владения, пользования, распоряжения денежными средствами или имуществом на законных основаниях. Одновременно денежные средства и имущество могут впоследствии приносить прибыль, наличие которой служит способом сокрытия преступного источника происхождения имущества. Это гарантирует совершение незаконных финансовых опе-

раций и сделок в будущем, поскольку субъект пользуется результатами безнаказанности преступного поведения.

Легализация (отмывание) денежных средств и имущества, приобретенных преступным путем, как особая бизнес-стратегия, встроенная в законный экономический оборот, может совершаться длительное время, и ее выявление крайне затруднительно на фоне социально благополучных характеристик, имманентно присущих представителям экономической преступности. Все описанные в статье типы личности преступников отличаются стойкостью криминальных качеств, высокой степенью правового нигилизма, преступным профессионализмом и повышенной общественной опасностью. Интенсивность преступных действий определяется исходя из частоты собственного предикатного преступного поведения или наличия криминальной репутации, гарантирующей спрос на криминальные «услуги» в части легализации (отмывания) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем.

Подводя итог, можно заключить, что в дальнейших исследованиях экономической преступности, частью которой является легализация (отмывание) денежных средств или имущества, приобретенного преступным путем, разработанные автором типологии личности преступника могут оказаться востребованными и получить практическую апробацию. В правоприменительной деятельности она имеет перспективу использования в части установления способов компенсации ущерба, причиненного легальным экономическим отношениям.

Список литературы:

1. Алексеев А. И. Криминология: курс лекций. Москва, 1999.
2. Антонян Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступления и наказания. Москва, 2000.
3. Блувштейн Ю. Д. Понятие личности преступника // Советское государство и право. 1979. № 8.
4. Бурлаков В. Н. Уголовное право и личность преступника. Санкт-Петербург, 2006.
5. Ганмягмар Б.-Э. Особенности личности совершающих преступления в общественных местах (на примере городов Монголии) // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3.
6. Карпович О. Г., Шулепов Н. А. «Беловоротничковая» преступность в США через призму мирового финансово-экономического кризиса: монгография. Москва, 2014.

References:

1. Alekseev A. I. Kriminologiya: kurs lekcij. Moskva, 1999.
2. Antonyan Yu. M., Enikeev M. I., Eminov V. E. Psihologiya prestupleniya i nakazaniya. Moskva, 2000.
3. Bluvshitejn Yu. D. Ponyatie lichnosti prestupnika // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 8.
4. Burlakov V. N. Ugolovnoe pravo i lichnost' prestupnika. Sankt-Peterburg, 2006.
5. Ganmyagmar B.-E. Osobennosti lichnosti sovershayushchih prestupleniya v obshchestvennyh mestah (na primere gorodov Mongolii) // Vestnik Omskoj yuridicheskoy akademii. 2016. № 3.
6. Karpovich O. G., Shulepov N. A. «Belovorotnichkovaya» prestupnost' v SSHA cherez prizmu mirovogo finansovo-ekonomicheskogo krizisa: mongografiya. Moskva, 2014.

7. Коломытцев Н. А., Одинцова Л. Н. Личность преступника как криминологическая проблема // Государство и право: теория и практика. 2016. № 3.
8. Кудрявцев В. Н. Личность преступника. Москва, 1975.
9. Пинкевич Т. В. Экономическая преступность: понятие, сущность, виды // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.
10. Родичев М. Л. Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем (на примере Северо-Западного федерального округа РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015.
11. Состояние преступности в Российской Федерации // МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 28.12.2020).
12. Цеева С. К. Личности преступника: понятие, структура, типология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2.
13. Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1.
7. Kolomytcev N. A., Odincova L. N. Lichnost' prestupnika kak kriminologicheskaya problema // Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika. 2016. № 3.
8. Kudryavcev V. N. Lichnost' prestupnika. Moskva, 1975.
9. Pinkevich T. V. Ekonomicheskaya prestupnost': ponyatie, sushchnost', vidy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 17.
10. Rodichev M. L. Operativno-rozysknoe protivodejstvie legalizacii imushchestva, pribretnogo prestupnym putem (na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga RF): dis. ... kand. yurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2015.
11. Sostoyanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii // MVD Rossii. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/12167987/> (data obrashcheniya: 28.12.2020).
12. Ceeva S. K. Lichnosti prestupnika: ponyatie, struktura, tipologiya // Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2015. № 2.
13. Eminov V. E., Antonyan Yu. M. Lichnost' prestupnika i ee formirovanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 1.

Для цитирования:

Дорж Энхтур. Криминологическая характеристика лиц, занимающихся легализацией (отмыванием) денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем (на материалах России и Монголии) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 164–172.

For citation:

Dorj Enkhtur. Criminological Characteristics of Persons Concerning the Legalization (Laundering) of Money or Property Acquired by Criminal Ways (on the Materials of Russia and Mongolia) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 164–172.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ретроспектива

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ БОРИСОВ,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ALEKSANDR VLADIMIROVICH BORISOV,
Associate Professor of the Department
of State and Law Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ СТЕПКИН,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент
Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

EVGENIJ YUR'EVICH STYOPKIN,
Deputy Head of the Department of State
and Law Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: stepkin.evgenii@mail.ru

E-mail: stepkin.evgenii@mail.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

УДК 342.51

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-173-178

Дата поступления: 16 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Роль полиции в становлении Российской империи

The Role of the Police in the Formation of the Russian Empire

Аннотация

Актуальность: в связи с 300-летним юбилеем провозглашения России империей возрос интерес научного сообщества к проблеме империй как форме территориальной организации государственной власти, к предпосылкам и причинам их возникновения, развития и распада, условиям их долговечности, в частности, к истории Российской империи.

Постановка проблемы: полиция долгое время находилась на периферии исторических и историко-правовых исследований, посвященных становлению и развитию Российской империи. Ключевая роль в данном процессе отводится социально-экономическим, полити-

Abstract

The relevance: in connection with the 300th anniversary of the proclamation of Russia as an empire, the interest of the scientific community has increased in the problem of empires as a form of territorial organization of state power, to the prerequisites and causes of their emergence, development and disintegration, the conditions of their longevity, in particular, to the history of the Russian Empire.

The problem statement: the police has long been on the periphery of historical and historical-legal studies devoted to the formation and development of the Russian Empire. The key role in this process is assigned to socio-economic, political

ческим причинам, монарху, высшим органам государственной власти, армии. Между тем полиция являлась основным государственным органом, который занимался воплощением в жизнь большинства управленческих решений руководства государства, обеспечивала государственную и общественную безопасность, создавала условия для развития и сохранения государства.

Цель исследования: обоснование роли полиции в становлении и развитии Российской империи, преодоление традиционных взглядов на нее как на учреждение, созданное только для борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

Методы исследования: в основу методологии положены метод материалистической диалектики и исторический подход, использовались общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный метод) и частнонаучные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты и ключевые выводы: полиция, созданная Петром I, выполняла задачи по контролю за строительством нового государства – Российской империи, за процессом «европеизации» поведения ее жителей, осознания ими себя подданными не московского царя, а российского императора. Главный символ новой империи город Санкт-Петербург во многом обязан своим существованием и внешней красотой деятельности полиции, которая осуществляла строгий контроль за строительством, санитарным состоянием, охраняла общественный порядок, боролась с пожарами и выполняла целый ряд иных функций. Проведенная Екатериной II унификация административно-территориального деления, создание губернского, уездного административно-полицейского аппарата способствовали развитию Российской империи как унитарного государства, проявившего свою жизнеспособность и устойчивость в бурных событиях XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: империя; полиция; реформа; государство; столица.

reasons, the monarch, the highest state authorities, the army. Meanwhile, the police was the main state body that was engaged in implementing most of the administrative decisions of the state leadership, provided state and public security, created conditions for the development and preservation of the state.

The purpose of the study is to substantiate the role of the police in the formation and development of the Russian Empire, overcoming traditional views on it as an institution created only to combat crime and protect public order.

The research methods: the methodology is based on the method of materialistic dialectics and historical approach, general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, system method) and private scientific methods (formal legal, comparative legal) were used.

The results and key conclusions: the police, created by Peter I, performed tasks to control the construction of a new state – the Russian Empire, the process of «Europeanization» of the behavior of its inhabitants, their awareness of themselves as subjects not of the Moscow tsar, but of the Russian emperor. The main symbol of the new empire, the city of St. Petersburg owes much of its existence and external beauty to the activities of the police, which carried out strict control over construction, sanitary conditions, guarded public order, fought fires and performed a number of other functions. The unification of the administrative territorial division carried out by Catherine II, the creation of the provincial, county administrative and police apparatus contributed to the development of the Russian Empire as a unitary state, which showed its viability and stability in the turbulent events of the XVIII–XIX centuries.

Key words: empire; police; reform; state; capital.

Рождение империи, как правило, связано с победами в больших войнах, а ее существование — с постоянным расширением территории и сохранением контроля над ней.

При этом вторая задача может быть не менее важной и значительно труднее первой. Как отмечал Н. И. Бердяев, «Огромные пространства легко давались русскому народу, но не легко давались ему организация этих пространств

в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем» [1, с. 65].

Организацией, поддержанием порядка в основном занималась полиция, которая и создается в России в период превращения ее в империю. Однако этим не исчерпываются ее задачи. Победа или поражение в борьбе за занятие и удержание выгодных геополитических пространств, их успешное освоение во многом зависит от возможности государства мобилизо-

вать необходимые для этого ресурсы. Для мобилизации ресурсов общества, усиления контроля за подданными, направления их деятельности в русло решения задач, которые ставит государство, и создается полиция.

Россия была провозглашена империей в 1721 г. после победы над Шведским королевством в Северной войне, длившейся двадцать один год. Северная война была начата Московским государством, известным за границей как Московия, а закончена Российской империей, признаваемой таковой другими государствами.

Ведение большой, длительной войны, из которой вставала Российская империя, вызывало необходимость существенной реформы государственного механизма, создания профессиональной армии, формирования значительного корпуса чиновников.

Среди многочисленных реформ Петра I, не очень заметной, обходимой вниманием историков, была «полицейская реформа» — создание «регулярной» полиции как специализированного, постоянного государственного учреждения.

Эта реформа была начата, но не завершена при жизни первого императора. После окончания Северной войны армия не сокращалась, а расквартировывалась в городах страны, на нее возлагались некоторые полицейские обязанности.

Это в определенной мере повлияло на милитаризацию управления в Российской империи, когда многие гражданские должности занимали офицеры, генералы. Это же затормозило проведение полицейской реформы. При жизни Петра I полиция была создана в новой столице — Санкт-Петербурге, затем в Москве и, в силу стратегического значения, городе-крепости Кронштадте (Указание Петра I учредить полицию в Астрахани не было выполнено).

Создание полиции в Санкт-Петербурге, строившемся по строгому, разработанному западноевропейскими архитекторами плану, было необходимо для того, чтобы этот план соблюдался и жители нового города вели себя не в соответствии с традиционным укладом русской жизни, а так, как им предписывало государство, желавшее европеизировать своих подданных.

Петр I очень быстрыми темпами, прибегая к насилию, европеизировал внешний вид, поведение своих подданных, считая это эффективным способом модернизации страны. Меняя формы поведения подданных, Петр I предполагал, что «содержание должно прийти вслед за формой» [9, с. 18].

Все петровские преобразования, осуществлявшиеся прежде всего в новой столице, поддерживались, сопровождалась хорошо подго-

товленными, организованными массовыми обрядовыми действиями — костюмированными шествиями, фейерверками, маскарадами, непривычными и не всегда понятными для русских людей, переселенных в Санкт-Петербург.

Такой способ модернизации, «вестернизации» общества требовал значительного участия полиции в регулировании поведения населения. Так, на Санкт-Петербургского генерал-полицмейстера была возложена обязанность организации и «обеспечения явки» на учрежденные Петром I ассамблеи — балы, являвшиеся частью жизни западноевропейского дворянства и насильно внедряемые Петром I в быт российской знати.

Столицы играют огромную роль в истории государств. Основание, название, переименование, перенесение столицы в определенной мере отражают и влияют на характер развития общества и государства (в дореволюционной отечественной историографии было принято деление истории России на три больших периода, определявшихся названием столицы — Киевский, Московский, Петербургский).

Название столицы Российской империи — Санкт-Петербург — город Святого Петра уже определяло его символику, атрибутику, подчеркивало его имперский характер, связь с Римской империей.

Это было отмечено Екатериной II, установившей знаменитый памятник Петру I в одеянии римского императора.

Столица является символом страны для ее граждан и остального мира. Это резиденция, репрезентация государственной власти. В столичном городе происходят общенациональные ритуалы, церемонии, необходимые для формирования, поддержания политико-культурного единства страны.

Полиция, созданная Петром I, выполняла задачи по контролю за строительством нового государства — Российской империи, за процессом «европеизации» поведения ее жителей, осознания ими себя подданными не московского царя, а российского императора.

Создание на берегах Балтики нового большого города, который был не только столицей, но и крупным военным, торговым портом, вызывало интерес за рубежом.

Облик столицы-порта, которую посещали многочисленные иностранцы, во многом определял престиж новой империи, поэтому Петр I и его преемники много внимания уделяли поддержанию порядка в столице.

Следует отметить, что Санкт-Петербург стал одним из немногих европейских городов XVIII в., в котором не было эпидемий, массовых беспорядков [6, с. 172]. Достаточно высокая деятельность полиции оценивается в запи-

сках иностранцев о России. Именно эти записки были, очевидно, первыми неофициальными свидетельствами о деятельности полиции и об отношении к ней населения. Так, прибывший в Санкт-Петербург в свите Голштинского принца Берхгольц отмечал в 1721 г., что действия столичной полиции, особенно его руководителя А. Девиера, «...внушают здешней черни и вообще всем обывателям города такой страх, что они дрожат при одном его имени» [3, с. 94]. А посол Пруссии писал, что: «...столичная полиция довольно быстро приводит в действие все распоряжения властей» [8, с. 184].

К примеру Петра I, основавшего Санкт-Петербург, обратился первый президент США Д. Вашингтон. После победы североамериканских штатов в борьбе за независимость от английской короны он предложил построить новый город-столицу, который как Санкт-Петербург станет свидетельством и символом рождения нового государства [11, с. 372].

Длительное празднование Ништадтского мира, ознаменовавшего рождение новой империи, завершилось зимой 1722 г. в Москве. Переезд в нее императорского двора, дипломатического корпуса придавал ей столичный статус.

Для того чтобы город и его жители соответствовали имперскому облику в Москве, по указу Петра I была учреждена полиция. Инструкция московскому обер-полицмейстеру была написана самим Петром I. Проведение в Москве демонстративно грандиозного, ранее не бывалого пятидневного празднования победы в Северной войне и превращения России в империю в значительной мере было обеспечено усилиями московской полиции.

Процесс ускоренной модернизации страны, строительства империи, начатый Петром I, был продолжен его преемниками, также использовавшими для этого полицию.

В 1733 г. по инициативе военного руководства полицейские учреждения были созданы в 23 городах, имевших стратегическое значение в условиях опасности войны с Турцией и Швецией.

Поддержание общественного, санитарного порядка в городах, через которые проходила армия, предотвращение возникновения массовых болезней, от которых страдали и погибали не меньше, чем от ран войны в XVIII в., повышали боеспособность вооруженных сил.

Серьезным испытанием для Российской империи стало крестьянское восстание под руководством Е. Пугачёва. Причиной восстания стало не только недовольство крестьян своим положением, но и слабость местного административно-полицейского аппарата. Вспыхнувший в одном месте бунт не был вовремя подавлен и разросся в восстание, охватившее значитель-

ную часть страны. Для ликвидации восстания пришлось использовать армию.

Для предотвращения подобного впредь Екатерина II провела реформу системы государственного управления. Екатерина II, развивая идеи Ш. Монтескье о связи формы правления с историей и географией страны, считала, что Россия может и должна быть только абсолютной монархией, при этом важнейшим условием эффективного управления и поддержания порядка в ней является прежде всего организация власти на местах, развитие административно-полицейского аппарата. Создавая унифицированную местную, городскую и уездную полицию, Екатерина II продолжила и завершила «полицейскую реформу» Петра I.

В 1775 г. издается Закон «Учреждения для управления губерниями Всероссийской империи», в соответствии с которым страна делится на губернии, а те, в свою очередь, на уезды.

Унификация административно-территориального деления, создание губернского, уездного административно-полицейского аппарата способствовали развитию Российской империи как унитарного государства, проявившего свою жизнеспособность и устойчивость в бурных событиях XVIII–XIX вв.

Создание новых губерний и уездов означало, что многие города получили более высокий статус губернских и уездных центров. На службу в губернские, уездные администрации направлялись чиновники, дворяне из Петербурга, Москвы, привлекалось местное дворянство. Создавался многочисленный, разветвленный чиновничий аппарат, во многом способствовавший оживлению социальной, культурной, экономической жизни российской провинции.

В дальнейшем при вхождении в состав Российской империи новых земель в них сразу установилась общероссийская система государственного управления.

В каждом уезде создавалось новое административно-полицейское учреждение — нижний земский суд во главе с капитан-исправником. Он отвечал за порядок, безопасность в уезде, предотвращение крестьянских бунтов.

Жизнь крестьян после этой реформы не стала легче, но выступлений, бунтов, подобных пугачевскому восстанию, в Российской империи XVIII–XIX вв. не было.

Важной задачей капитан-исправника было следующее: «...полицейскими мерами поставить преграду произволу помещиков» [4, с. 237], который часто был причиной справедливого недовольства крестьян, толкая их к бунту.

Создание уездного административно-полицейского аппарата привело к рациональному перераспределению властных полномочий

между центральными и местными органами управления.

Избрание капитан-исправника и членов нижнего земского суда дворянами уезда вовлекало их в управление, делая его более устойчивым и эффективным. Это обеспечивалось и тем, что при создании новых органов местного управления и охраны общественного порядка Екатерина II учла мнение дворянства, высказанное им в период подготовки и проведения Уложенной комиссии 1767–1768 гг. [2, с. 528].

Создание полицейского аппарата в уезде обеспечивало дворянству, освобожденному Екатериной II от обязательной службы, безопасную жизнь в своих имениях. Это стало одним из условий для формирования «золотого века» русской дворянской культуры.

Екатерина II была знакома с работами западноевропейских авторов о важной роли государства в развитии экономики как основы общественного благосостояния.

Центрами промышленности и торговли являются города. Обеспечение благоустройства, порядка в городах является важным условием их развития.

Для этого Екатерина II в 1782 г. издает написанный ею Устав благочиния, или полицейский, согласно которому в империи создаются однотипные органы управления и поддержания порядка в городе – Управы благочиния. Они должны были не только охранять общественный порядок, способствовать хозяйственной жизни города, но и следить за поведением горожан.

В Уставе благочиния был приведен набор свойств, которые должны быть присущи примерному гражданину: добропорядочность, бережливость, трудолюбие, тяга к просвещению, неподверженность суеверию и т. д.

Полиция наблюдала за тем, чтобы образ жизни горожанина соответствовал его сословной принадлежности.

Государство создавало идеальный образ подданного, к которому должны были стремиться

жители империи, а полиция обязывалась помогать им в этом. Тем самым не церковь, а государство в лице полицейских органов берет на себя задачи воспитания населения. Это существенно отличает Российскую империю от Московской Руси.

Понижалась роль церкви в осуществлении цензурных функций. Знаменитый Указ Екатерины II об открытии частных типографий наделял Управу благочиния правом давать разрешения на заведение типографий и на выпуск «в свет» произведенной ими печатной продукции.

При этом Управа благочиния не получала никакой специальной инструкции, которой могла бы руководствоваться, осуществляя цензурные функции. Говоря о больших правах полиции, в том числе о праве закрывать типографии, изымать книги, А. Н. Радищев писал, что это может привести к тому, что «один несмысленный урядник может величайший в просвещении сделать вред и на многие лета остановку в шестви разума» [7, с. 173].

В Уставе благочиния, как и в «Учреждениях для управления губерний», содержались основные требования, которые власть предъявляла к государственным служащим. Это определялось тем, что немаловажным результатом екатерининских реформ было двукратное увеличение числа чиновников [5, с. 114].

Чиновничий корпус наряду с армией стал основной опорой власти, олицетворением усиления государства, которое могло расширять и укреплять империю.

Значительную часть чиновничьего корпуса составляли служащие полиции. В знаменитом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона справедливо указано, что «...осуществление всех вообще распоряжений правительства, к какому бы ведомству они не относились, совершается, по общему правилу, полицией» [10, с. 357]. Созданная Петром I, усовершенствованная Екатериной II полиция сыграла важную роль в развитии, укреплении Российской империи XVIII в. и в дальнейшей ее истории.

Список литературы:

1. Бердяев Н. Судьба России. Москва, 1990.
2. Богословский М. М. Учреждение об управлении губерний и жалованная грамота Екатерины II // Три века Российской смуты до нашего времени: в 6 т. Москва, 1992. Т. 3.
3. Дневник камер-юнкера Берхгольца. Москва, 1857. Т. 1.
4. Кавелин К. Д. Собр. соч. Москва, 1872. Т. 2.
5. Каменский А. Б. Россия в XVIII веке. Москва, 2006.

References:

1. Berdyaev N. Sud'ba Rossii. Moskva, 1990.
2. Bogoslovskij M. M. Uchrezhdenie ob upravlenii gubernij i zhalovannaya gramota Ekateriny II // Tri veka Rossijskoj smuty do nashego vremeni: v 6 t. Moskva, 1992. T. 3.
3. Dnevnik kamer-yunkera Berhgoľ'ca. Moskva, 1857. T. 1.
4. Kavelin K. D. Sobr. soch. Moskva, 1872. T. 2.
5. Kamenskij A. B. Rossiya v HVIII veke. Moskva, 2006.

6. Манро Д. Петербург в царствовании Екатерины Великой. Москва–Санкт-Петербург, 2016.
7. Радищев А. Н. Избранные произведения. Москва, 1949.
8. Сборник Русского Императорского исторического общества. Санкт-Петербург, 1875. Т. 15.
9. Успенский Б. А. Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России) // Успенский Б. А. Историко-филологические очерки. Москва, 2004.
10. Энциклопедический словарь / под ред. И. Е. Андреевского. Санкт-Петербург, 1911. Т. 37.
11. Яковлев Н. Н. Джордж Вашингтон. Москва, 1972.
6. Manro D. Peterburg v carstvovanii Ekateriny Velikoj. Moskva–Sankt-Peterburg, 2016.
7. Radishchev A. N. Izbrannye proizvedenie. Moskva, 1949.
8. Sbornik Russkogo Imperatorskogo istoricheskogo obshchestva. Sankt-Peterburg, 1875. T. 15.
9. Uspenskij B. A. Evropa kak metafora i kak metonimiya (primenitel'no k istorii Rossii) // Uspenskij B. A. Istoriko-filosofskie ocherki. Moskva, 2004.
10. Enciklopedicheskij slovar' / pod red. I. E. Andreevskogo. Sankt-Peterburg, 1911. T. 37.
11. Yakovlev N. N. Dzhordzh Vashington. Moskva, 1972.

Для цитирования:

Борисов Александр Владимирович, Стёпкин Евгений Юрьевич. Роль полиции в становлении Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 173–178.

For citation:

Borisov Aleksandr Vladimirovich, Styopkin Evgenij Yur'evich. The Role of the Police in the Formation of the Russian Empire // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 173–178.

ЮЛИЯ ОЛЕГОВНА НОВИКОВА,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых
Российская Федерация, 600000, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8
E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

YULIA OLEGOVNA NOVIKOVA,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
Vladimir State University named after
Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov
Russian Federation, 600000, Vladimir, Studentskaya St., 8
E-mail: ynovikova1902@yandex.ru

Научная специальность:
12.00.01 — теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве.

Scientific Specialty:
12.00.01 — Theory and History of Law and State;
History of Doctrines about Law and State.

УДК 34.047

DOI 10.24412/2072-9391-2021-460-179-186

Дата поступления: 20 сентября 2021 г.

Дата принятия статьи в печать: 9 декабря 2021 г.

Подходы к выработке понятия, правового статуса и классификации кооперативных объединений в период второй половины XIX – начала XX в. в трудах отечественных и зарубежных теоретиков и практиков кооперативной деятельности (историко-правовые аспекты)

Approaches to the Development of the Concept, Legal Status and Classification of Cooperative Associations During the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Works of Domestic and Foreign Theorists and Practitioners of Cooperative Activity (Historical and Legal Aspects)

Аннотация

Актуальность: среди научных и социально значимых проблем, которые стоят перед современной Россией, одной из актуальных задач является поиск альтернатив социально-экономического развития. Кооперация в Российской Федерации играет существенную роль в материальном обеспечении населения и гармоничном, сбалансированном развитии территорий. В связи с этим особый интерес представляет изучение опыта такого уникального явления, каким была кооперация в начале прошлого столетия. В статье рассмотрены основные подходы теоретиков и практиков кооперативного движения к систематизации и классификации кооперативных объединений с момента их воз-

Abstract

The relevance: among the scientific and socially significant problems facing modern Russia, one of the urgent tasks is the search for alternatives to socio-economic development. Cooperation in the Russian Federation plays a significant role in material provision of the population and harmonious, balanced development of territories. In this regard, it is of particular interest to study the experience of such a unique phenomenon as cooperation was at the beginning of the last century. The article discusses the main approaches of theorists and practitioners of the cooperative movement to the systematization and classification of cooperative associations from the moment of their emergence in Russia until 1917.

никновения в России до 1917 г.

Постановка проблемы: в настоящей статье автор анализирует основные подходы к выработке понятия, правового статуса и классификации кооперативных объединений в период второй половины XIX – начала XX в. в трудах отечественных и зарубежных теоретиков и практиков кооперативного движения. Зародившись в 1865 г. на основе западноевропейских идей кооперативного строительства, кооперация в России долгое время оставалась не урегулирована нормативными правовыми актами, не был определен правовой статус кооперативных объединений, хотя к 1917 г. кооперация представляла собой уже достаточно широкую сеть. Автор обращает внимание на то, что государственная политика в конце XIX – начале XX в. в отношении кооперативного движения была весьма противоречива. С одной стороны, законодатель понимал роль кооперативных объединений в деле повышения не только финансового благосостояния населения, но и повышения его культурного уровня, о чем свидетельствуют разработка и утверждение нормальных уставов уже существовавших товариществ. С другой стороны, нормы общекооперативного законодательства, определявшего правовой статус кооперативных объединений, его классификационные группировки, определение понятия правительственной политикой не были разработаны вплоть до 1917 г.

Цель исследования: рассмотреть основные подходы к выработке понятия, правового статуса и классификационных характеристик кооперативных товариществ на основе теоретических трудов отечественных ученых, а также проследить трансформацию кооперативного законодательства, определявшего понятие, правовой статус и классификационные характеристики кооперативных товариществ в России в конце XIX – начале XX в.

Методы: историко-генетический, сравнительный, системный, метод экспликации понятия, общелогические методы и приемы познания.

Результаты и ключевые выводы: в статье сделан вывод о том, что кооперативное движение, возникшее в России в конце 60-х гг. XIX в., развивалось по принципам и на основании теории и практики немецкого и английского кооперативного движения вплоть до принятия Положения от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах», в котором не только впервые был закреплен правовой статус товариществ, но и дана их четкая классификация. При этом обосновывается тезис о том, что нормативно закрепленные в решениях Временного правительства положения изначально разрабатывались на уровне теории кооперации и впоследствии были отработаны практикой

The problem statement: in this article, the author analyzes the main approaches to the development of the concept, legal status and classification of cooperative associations during the second half of the XIX – early XX century in the works of domestic and foreign theorists and practitioners of the cooperative movement. Having originated in 1865 on the basis of Western European ideas of cooperative construction, cooperation in Russia for a long time remained unregulated by regulatory legal acts, the legal status of cooperative associations was not defined, although by 1917 cooperation was already a fairly wide network. The author draws attention to the fact that the state policy in the late nineteenth and early twentieth centuries in relation to the cooperative movement was very contradictory. On the one hand, the legislator understood the role of cooperative associations in improving not only the financial well-being of the population, but also its cultural level, as evidenced by the development and approval of normal charters of already existing partnerships. On the other hand, the elaboration of norms of general cooperative legislation defining the legal status of cooperative associations, its classification groupings, and the definition of the concept were not worked out by government policy until 1917.

The purpose of the study is to consider the main approaches to the development of the concept, legal status and classification characteristics of cooperative partnerships based on the theoretical works of domestic scientists, as well as to trace the transformation of cooperative legislation that defined the concept, legal status and classification characteristics of cooperative partnerships in Russia in the late XIX – early XX century.

The methods: historical-genetic, comparative, systematic, method of explication of the concept, general logical methods and techniques of cognition.

The results and key conclusions: the article concludes that the cooperative movement, which emerged in Russia in the late 60s of the XIX century, developed according to the principles and on the basis of the theory and practice of the German and English cooperative movement until the adoption of the Regulation of March 20, 1917 «On cooperative partnerships and their unions», in which not only the legal status of partnerships was fixed for the first time, but also their clear classification was given. At the same time, the thesis is substantiated that the provisions normatively fixed in the decisions of the Provisional Government were initially developed at the level of the theory of cooperation and were subsequently worked out by the practice of cooperative construction. It should be noted that the issues of determining the legal nature of cooperative partnerships, its concepts and types in the second half of the XI – early XX century were debatable and needed further discus-

кооперативного строительства. Следует отметить, что вопросы определения правовой природы кооперативного товарищества, его понятия и видов второй половины XIX – начала XX в. носили дискуссионный характер и нуждались в дальнейшем осмыслении. Однако последующее обсуждение вопросов систематизации и классификации кооперативных объединений в связи с революционными событиями 1917 г. было прервано.

Ключевые слова: кооперация; кооперативные товарищества; классификация кооперативных товариществ; систематизация кооперативных объединений.

tion. However, the subsequent discussion of the systematization and classification of cooperative associations in connection with the revolutionary events of 1917 was interrupted.

Key words: cooperation; cooperative partnerships; classification of cooperative partnerships; systematization of cooperative associations.

В настоящее время в Российской Федерации на уровне руководства страны поставлена задача создания такой социально-экономической системы, которая бы была способна к саморазвитию и качественному росту. В современных условиях глобальной конкуренции и поиска новых путей инновационного движения экономики одним из приоритетных принципов государственной политики стало улучшение качества жизни и благосостояния населения. Необходим поиск новых источников повышения конкурентоспособности российских территорий через формирование эффективных центров экономического роста.

В связи с этим представляется необходимым обратиться к огромному историческому опыту построения такого общественно-экономического движения, как российская кооперация, которая ставила перед собой целью не только развитие хозяйственного комплекса и повышение благосостояния населения, но и его духовного, патриотического воспитания.

В данной статье будут проанализированы подходы теоретиков и практиков кооперативного движения конца XIX – начала XX в. к выработке критериев и осуществлению классификации и систематизации кооперативных товариществ, начиная со времени зарождения первых кооперативных объединений в России и заканчивая первым кооперативным Законом 1917 г. (Положением от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах»), который не только впервые закрепил правовой статус кооперативных товариществ, но и дал их четкую классификацию.

Вопросам определения понятия «кооперация», ее сущности и роли в общественно-экономической жизни России посвящены труды многих ученых, практиков и теоретиков кооперативного движения разных периодов.

Однако при анализе первых трудов современников событий второй половины XIX – начала XX в. можно отметить, что лишь немногие авторы затрагивали проблемы систематизации и классификации кооперативных товариществ (Ф.Г. Шульце-Делич, Ф. Оппенгеймер, Г. Кауфман, А.А. Николаев, А.Н. Анциферов, В. Тотомианц, Э. Якоб и другие). Следует отметить, что часть авторов положила в основу деления кооперативов на виды принцип направления их деятельности, другая – юридические отношения между кооперативом и его членами. Некоторые авторы считали, что деление кооперативов необходимо основывать на степени зависимости от государственной власти.

Переходя к анализу работ, посвященных классификации и систематизации кооперативных объединений второй половины XIX – начала XX в., можно утверждать, что, несмотря на стремительное развитие кооперативного движения в России с 1865 по 1917 г., например, по подсчетам А.В. Меркулова, к 1917 г. кооперативных товариществ различных видов насчитывалось уже более 36 тысяч [4], государственная политика в области развития кооперации была крайне противоречива. С одной стороны, царское правительство понимало огромную роль кооперации в деле построения развитой системы народного хозяйства и повышения благосостояния, особенно сельского населения после выхода из общины, с другой – законодатель не стремился закрепить юридический статус кооперативных объединений общекооперативным законом до 1917 г., видя в движении огромную политическую силу и его мобилизационные возможности.

В связи с этим можно утверждать, что подходы к выработке основных критериев классификации и систематизации кооперативных объединений были выработаны теоретиками и практиками кооперативного движения

еще на начальном этапе становления и развития кооперации в зарубежной и отечественной литературе. При этом необходимо отметить, что критерии классификации были основаны не на нормах кооперативного законодательства, а на опыте становления и развития деятельности кооперативных объединений.

Несмотря на это, как было сказано выше, законодатель не сразу закрепил виды и характеристики отнесения кооперативных объединений к той или иной группе конкретных нормативных правовых актов. Можно утверждать, что именно те критерии, которые были выработаны в теории в конце XIX – начале XX в. идеологами кооперативной мысли, легли в основу систематизации кооперативных объединений в отдельные виды.

Важно отметить, что кооперативное строительство относительно формирования видов и основных критериев правового статуса кооперативных товариществ как элементов правовой системы развивалось в России весьма неоднородно. Данный факт подтверждается тем, что фактически только два вида кооперативных объединений, начиная с момента своего возникновения (кредитные и ссудо-сберегательные товарищества и трудовые артели), руководствовались в своей деятельности нормами законов: Положением об учреждениях мелкого кредита от 1 июля 1895 г.¹ и Положением об артелях трудовых от 1 июня 1902 г.²

Высочайше утвержденное Положение «Об учреждениях мелкого кредита» не давало юридически закреплённое понятие кредитным и ссудо-сберегательным товариществам. Однако в соответствии со ст. 2 Положения данные товарищества должны были предоставлять возможность «малодостаточным» лицам, сельским обществам, артелям и подобным союзным объединениям, с одной стороны, получать ссуды для удовлетворения личных потребностей, с другой – помещать сбережения с целью получения процентов. Высочайше утвержденное Положение «Об артелях трудовых» трудовой артелью определяло товарищество, образованное для производства определенных работ или промыслов (ст. 1).

Деятельность всех остальных объединений, которые существовали в России до 1917 г., основывалась лишь на публиковавшихся нормальных или образцовых уставах. К 1917 г., когда Временное правительство приняло Положение от 20 марта 1917 г. «О кооперативных товариществах и их союзах», законодатель

в ст. 1 определил не только юридический статус кооперативного товарищества и закрепил определение «кооперативное товарищество», но и выделил основные виды кооперативных объединений:

- кредитные и ссудо-сберегательные товарищества;
- потребительные общества;
- товарищества для производства, по совместной закупке, сбыту, транспорту и хранению товаров;
- товарищества для совместного пользования средствами производства, для переработки продуктов хозяйства, страховые;
- товарищества для совместного приобретения и пользования землей;
- строительные товарищества;
- общества для удовлетворения жилищных нужд;
- трудовые и биржевые артели;
- иные виды товариществ смешанного типа.

Однако вопрос о том, как зарождалась и развивалась теория кооперации относительно систематизации видов кооперации в России, представляет особый интерес с точки зрения понимания, насколько конкретно законодатель отразил ту полноту российского кооперативного опыта, сложившегося к моменту прихода к власти Временного правительства в 1917 г.: к тому моменту, когда кооперация получила тот перечень нормативных правовых актов, которые отвечали потребностям и идеям кооперативных деятелей и давали сильнейший импульс к дальнейшему развитию сети кооперативных объединений.

Учитывая, что отечественное кооперативное движение стало развиваться гораздо позднее зарубежного, а построение кооперативных организаций шло по принципу критериев, выработанных европейскими кооператорами, по нашему мнению, анализ подходов к систематическому делению кооперативов на отдельные группы следует начать с трудов «отца немецкой кооперации» Ф. Г. Шульце-Делича, который делил все кооперативные организации на два основных вида: распределительные и производственные.

К распределительной группе кооперативов практик немецкого кооперативного движения относил те объединения, которые снабжали членов кооператива дешевыми предметами потребления или кредитом: кредитные, сырьевые, потребительские. Ко второй группе кооперативов относились объединения, целью которых было производство и продажа предметов потребления, при чем за счет средств коллектива лиц и объединения, занимающихся складированием продовольственных и непродовольственных продуктов, так называемые складочные товарищества [9]. Впоследствии складочные това-

¹ Положение от 1 июля 1895 г. «Об учреждениях мелкого кредита» // Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII. Отделение 1. № 11756.

² Положение от 1 июня 1902 г. «Об артелях трудовых» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 22. Ч. 1. № 2155.

рищества были причислены к распределительным. Оба вида товариществ были коммерческими предприятиями, поскольку целью каждого было получение прибыли за счет проводимой деятельности.

Однако до более детальной классификации кооперативных объединений Ф. Г. Шульце-Делич предложил делить все кооперативы на товарищества, которые были основаны на исключительной неограниченной ответственности, и товарищества, члены которых отвечают за их деятельность «также солидарно и лично, но в пределах определенной суммы» [3]. Более того, в 1881 г. Ф. Г. Шульце-Делич, поддержав инициативу депутата Рейхстага графа Мирбаха, высказался за исключение страховых товариществ из понятия кооперативных ассоциаций. В том же году депутатом Рейхстага Аккерманом было внесено предложение, которое противоречило предложениям Ф. Г. Шульце-Делича о том, что законодатель должен предоставить кооперативным объединениям право свободы на самоопределение. Аккерман настаивал на ограничении самоопределения кооперативов путем законодательного регулирования различных вопросов, содержащихся в уставах, и требовал признать законным осуществление надзора местной администрации за деятельностью кооперативных объединений [3].

Интересно отметить, что известный немецкий юрист Гольдшмидт при рассмотрении основных предложений Ф. Г. Шульце-Делича в своем труде «Edwerbs–Wirtschaftsgenossenschaften» (1882 г.) по вопросам юридического статуса кооперативных объединений не согласился с ним в том, что в случае если законодатель вынудит кооперативы становиться акционерными обществами, убрав норму неограниченной ответственности его членов, тем самым сократит возможность развития кооперативного движения в различных его формах [3].

По мнению известного историка кооперативного движения М. И. Кулишера («Обзор русского и зарубежного законодательства о кооперативных товариществах» (1896 г.)), все кооперативные товарищества Германии с 1890 г. делились по принципу характера ответственности кооператива и рода его деятельности. Так, автор подразделял все виды кооперативов (кредитных, промысловых, строительных и др.) на товарищества с неограниченной ответственностью, с неограниченной ответственностью дополнительных взносов и с ограниченной ответственностью [3].

Другой теоретик кооперации Оппенгеймер в вышедшем труде «Fiedlungsgenossenschaft» в 1896 г. положил в основу разделения кооперативных объединений на виды принцип «покупательности», то есть подразделял объедине-

ния на «кооперативы покупателей» и «кооперативы продавцов». К первому виду он отнес потребительские, кредитные, сырьевые, рабочие и строительные, объясняя этот факт тем, что деятельность этих кооперативов направлена прежде всего на распределение товаров, созданных совместными усилиями членов, не входящих в круг их лиц. В результате данной хозяйственной деятельности производство этих товаров шло за счет и в пользу лиц, являющихся покупателями. А вот производительные и складочные кооперативы, наоборот, считал «кооперативами продавцов», поскольку те товары, которые производились их членами совместно, продавались лицам, не входящим в их круг. По своей деятельности данные виды кооперативов, по мнению Оппенгеймера, являлись «кооперативами продавцов».

На наш взгляд, данная классификация является весьма примитивной, поскольку в ее основе лежит лишь целевое направление деятельности кооператива без анализа ее сущности. Примером может служить тот факт, что в качестве отдельного вида Оппенгеймер выделял производственные кооперативы, которые причислял к «кооперативам продавцов», однако некоторые из этих кооперативных объединений продавали свои товары исключительно своим членам, а значит, являлись и «кооперативами покупателей».

Известный теоретик и практик кооперативного движения Германии Г. Кауфман определял «кооперативы (Genossenschaften) как суть общества из неопределенного числа лиц, передающих, на основании добровольного соглашения и при равной ответственности и правах членов, известные хозяйственные функции общему предприятию, ради извлечения известных хозяйственных выгод» [6]. Основной чертой кооперативного объединения автор считал передачу ему хозяйственных функций членов кооператива. Обозначенное позволяет сделать вывод, что при классификации кооперативов Кауфман исходил из того, что основой отнесения объединения к определенному виду являются юридические и хозяйственные отношения между кооперативом и его отдельным членом. В этом смысле можно проследить преемственность теории классификации кооперативных товариществ Оппенгеймера и Кауфмана. Однако Г. Кауфман полагал, что деятельность, которая определяла жизнеспособность объединения, можно разделить на три вида: покупка, переработка, продажа. Исходя из этого, юридические и хозяйственные взаимоотношения между кооперативом и отдельным его членом могли осуществляться по трем направлениям:

– кооператив – как поставщик продуктов его членам;

– кооператив – как субъект переработки продуктов для потребления его членами;

– кооператив – как продавец произведенной продукции.

Г. Кауфман к покупательным кооперативам относил хозяйственные и приобретательные кооперативы. Деятельность приобретательного кооператива сводилась к закупке продуктов с целью дальнейшей продажи его членам по наиболее выгодной цене, чем цена для других частных лиц, для дальнейшей перепродажи или инвестиции. Хозяйственные же кооперативы для Кауфмана являлись потребительскими кооперативами, деятельность которых была направлена на закупку товаров с целью продажи его членам по более выгодной цене, но не с точки зрения оборота товаров или инвестиционной возможности члена кооператива, а для внутреннего потребления.

В дальнейшем в труде «Mitteilungen», изданном в 1905 г., Кауфман выделил следующие семь видов кооперативов, разделяя их по предмету деятельности:

- кредитные кооперативы;
- трудовые кооперативы;
- кооперативы по закупке, ремесленные;
- кооперативы по переработке, сельскохозяйственные;
- кооперативы по закупке, сельскохозяйственные;
- кооперативы потребителей;
- прочие кооперативы.

Более того, эти виды были объединены в группы:

- денежные кооперативы (кредитные кооперативы);
- товарные кооперативы (кооперативы по переработке, трудовые, по закупке);
- кооперативы потребителей;
- сборная группа (прочие кооперативы).

Интересен тот факт, что автор относил кредитные кооперативы в отдельную группу товарищества. По его мнению, кредитный кооператив должен был способствовать усилению покупательской способности населения, а соответственно, подъему народного хозяйства [6].

А. А. Николаев, анализируя опыт развития кооперативного движения в России, выделял кредитную кооперацию, к которой относил ссудо-сберегательные и кредитные товарищества, а также кассы мелкого кредита. Отмечая факт того, что при наличии единой цели – предоставление мелкого кредита для развития крестьянского хозяйства, единственным отличием в юридическом статусе объединений было наличие паевого капитала, который обязателен был для ссудо-сберегательного товарищества.

Следующей большой группой кооперативных объединений, открывавшихся в России

в конце XIX – начале XX в., автор выделяет потребительские товарищества [5, с. 56]. Основным назначением деятельности данного вида объединений А. А. Николаев определил предоставление потребителям обществом своим членам «предметов хозяйства домашнего обихода» по более дешевым ценам.

Роль сельскохозяйственных товариществ, по словам автора, не только в продаже своим членам продуктов потребления, но и в распространении агротехнических знаний среди населения, что значительно отличало их от кредитных и потребительских объединений [5].

Анализируя взаимодействия кредитной, потребительской, и производственной кооперации, А. Н. Анцыферов вывел целостную систему отношений различных видов кооперации: кредитная кооперация обеспечивает мелкие хозяйства капиталом, потребительская – «капиталом в натуре», а производственная кооперация осуществляет процесс производства и реализации какой-либо продукции [1]. Таким образом, была сформирована целостная система кооперативных отношений, удовлетворяющая как производственные, так и потребительские интересы своих пайщиков.

В. Тотомианц в труде «Теория кооперации» (1918 г.) представил кооперацию как феномен распределения, так как главной целью кооперативной деятельности было стремление «...исправить несовершенства распределения благ в современной системе свободной конкуренции...» [7]. Им были выделены следующие виды кооперативных объединений:

- потребительские общества, созданные с целью приобретения на выгодных условиях предметов потребления своими членами;
- кредитные кооперативы;
- строительные товарищества (жилищные кооперативы);
- страховые кооперативы.

По мнению В. Тотомианца, выделение потребительских обществ в отдельный вид кооперативного объединения объяснялось тем, что это особое предприятие, целью которого являлось приобретение предметов потребления по умеренным ценам за счет большого объема с последующей продажей по рыночным ценам, устраняя при этом монопольное распределение продуктов на рынке по спекулятивной цене. Потребительская кооперация выступала как юридическое явление общественно-распределительного характера [7].

Выделяя кредитные кооперативы в отдельную группу товариществ, В. Тотомианц обозначил их деятельность по содействию производственному потреблению и снабжению «техническим» капиталом мелких производителей и предпринимателей на льготных условиях как отличительную черту обществ от других [7].

В отдельную группу товариществ автор выделил строительные (жилищные кооперативы), обосновывая это тем, что цель данных обществ сводилась не к перераспределению производственной продукции на рынке, а улучшению жилищных условий своих членов путем строительства для них квартир. Причем данные объединения можно считать, в отличие от вышеуказанных, некоммерческими предприятиями, поскольку их деятельность не была нацелена на получение прибыли [9]. Важно отметить, что единственным сходством всех видов кооперативов В. Тотомианц считал их роль в устранении монопольного распределения на рынке.

Э. Якоб в своем труде «Хозяйственная теория кооперации» (1919 г.) подразделял все кооперативные объединения на кооперативы производителей и кооперативы потребителей. При этом группу кооперативов потребителей он разделил на тех, кто работает для удовлетворения собственных потребностей (кредитные; сырьевые; союзы для совместной покупки товаров; трудовые кооперативы; кооперативы для совместной покупки машин и орудий; сырьевые и складочные товарищества; производственные кооперативы; кооперативы по закупке племенного скота; прочие кооперативы), и тех, кто работает с целью удовлетворения потребностей других людей (рабочие кооперативы; складочные кооперативы; сырьевые и складочные кооперативы; сельскохозяйственные кооперативы; производственные и прочие кооперативы).

К группе кооперативов потребителей (те, которые работали на удовлетворение собственных потребностей) автор отнес следующие виды кооперативов: потребительные общества; собственнo-жилищные и строительные кооперативы; жилищные кооперативы, кооперативные дома; производственные кооперативы и др.

Интерес представляет также классификация М. И. Туган-Барановского, который систематизировал кооперативы по классовому принципу и выделял крестьянские, буржуазные и пролетарские кооперативы [8].

При этом произошла систематизация кооперативных организаций начала XX в. В основу данной систематизации были положены экономические процессы, которые подвергались кооперированию видного экономиста и историка кооперативного движения А. В. Чайнова. Автором было определено, что кооперативное объединение — это исключительно коллективная форма хозяйствования отдельных звеньев организованного плана крестьянского хозяйства. Соответственно, при построении систематизации А. В. Чайнов обращался к следующему вопросу: какое место в этом организационном плане занимал каждый из видов кооперативов [10].

А. В. Чайнов при систематизации кооперативных объединений выделил четыре раздела

кооперативной классификации, включавшие в себя 14 видов кооперативов:

1. Раздел I включал в себя машинные товарищества, товарищества совместной обработки, мелиорационные и водные товарищества. В данном разделе автор предложил систематизировать кооперативные объединения на основе механических процессов, связанных с обработкой земель.

2. Раздел II включал кооперативные объединения по принципу биологических процессов: племенные бычьи союзы, общества племенных книг, контрольные и селекционные товарищества.

3. Раздел III объединил кооперативные товарищества на основе принципов механической первичной переработки: молотильные, маслодельные, картофелетерочные, овощесушильные товарищества.

4. Раздел IV систематизировал кооперативы по принципу кооперирования товарооборота и его кредитования: кредитные товарищества, кооперативы по закупке, страховые союзы, товарищества по сбыту.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что данная систематизация достаточно сильно отличалась от традиционной кооперативной мысли прежде всего тем, что строилась на анализе организационного плана крестьянского хозяйства, а не на направлениях деятельности кооперативных объединений.

Более того, автор считал, что систематизация кооперативных объединений должна строиться либо по принципу единой централизованной вертикали, в которой все звенья в своей работе жестко подчинены центральному управлению, либо по принципу федерации, где отдельные звенья кооперации независимы в своей работе ни друг от друга, ни от центров и союзов, которые обслуживают их потребности [10].

Таким образом, в применении оснований для классификации кооперативных объединений в кооперативной мысли второй половины XIX — начала XX в. были достаточно существенные различия. Теоретики и практики данного общественно-политического движения делили кооперативные товарищества по видам на основании цели деятельности, достижения интересов различных групп населения, направлению и содержанию деятельности объединений. Однако, несмотря на широкий круг подходов к данному вопросу, следует отметить, что эти классификационные группировки и основания отнесения к каждой до кооперативного Закона 1917 г. не несли никакой правовой нагрузки, поскольку основывались только на практике деятельности кооперативных объединений, а не на норме закона.

При этом следует отметить, что вопросы определения правовой природы кооперативного това-

рищества, его понятия и видов второй половины XIX – начала XX в. носили дискуссионный характер и нуждались в дальнейшем осмыслении.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что наряду с традиционными рассматриваемыми нами точками зрения относительно кооперативного движения в трудах отдельных авторов высказываются идеи об изучении кооперации в принципиально ином контексте. Так, в частности, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал значение кооперации в меняющихся исторических условиях. Однако это не означало, что кооперативное движение должно было впоследствии вернуться к своему первоначальному виду и сути, когда кооперация строилась

на добровольных, самостоятельных и демократических началах. Предполагалось, что государство и кооперация будут действовать на договорных началах, но при этом распределение результатов труда потребительских объединений проводилось бы исключительно под контролем государства [2].

Однако последующее обсуждение вопросов систематизации и классификации кооперативных объединений в связи с революционными событиями 1917 г. было прервано, а с установлением советской власти перенаправлено в совершенно иное, лишенное многообразия подходов русло, в котором и развивалось вплоть до второй половины 1980-х гг.

Список литературы:

1. *Анциферов А. Н.* Очерки по кооперации: сборник статей 1908–1912 года. Москва, 1912.
2. *Кабанов В. В.* Кооперация. Революция. Социализм. Москва, 1996.
3. *Кулишер М. И.* Обзор русского и зарубежного законодательства о кооперативных товариществах. Санкт-Петербург, 1896.
4. *Меркулов А. В.* Вопросы кооперативного движения в России. Петроград, 1918.
5. *Николаев А. А.* Кооперация. Санкт-Петербург, 1908.
6. *Петрова Ю. О.* Становление и развитие кредитной кооперации во Владимирской губернии в конце XIX – начале XX века: монография. Владимир, 2011.
7. *Тотомиянц В.* Теория кооперации. Москва, 1918.
8. *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. Москва, 1919.
9. *Хейсин М. Л.* История кооперации в России. Москва, 1926.
10. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. Москва, 1991.

Для цитирования:

Новикова Юлия Олеговна. Подходы к разработке понятия, правового статуса и классификации кооперативных объединений в период второй половины XIX – начала XX в. в трудах отечественных и зарубежных теоретиков и практиков кооперативной деятельности (историко-правовые аспекты) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). С. 179–186.

References:

1. *Anciferov A. N.* Ocherki po kooperacii: sbornik statej 1908–1912 goda. Moskva, 1912.
2. *Kabanov V. V.* Kooperaciya. Revolyuciya. Socializm. Moskva, 1996.
3. *Kulisher M. I.* Obzor russkogo i zarubezhnogo zakonodatel'stva o kooperativnyh tovarishchestvah. Sankt-Peterburg, 1896.
4. *Merkulov A. V.* Voprosy kooperativnogo dvizheniya v Rossii. Petrograd, 1918.
5. *Nikolaev A. A.* Kooperaciya. Sankt-Pterburg, 1908.
6. *Petrova Yu. O.* Stanovlenie i razvitie kreditnoj kooperacii vo Vladimirskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka: monografiya. Vladimir, 2011.
7. *Totomianc V.* Teoriya kooperacii. Moskva, 1918.
8. *Tugan-Baranovskij M. I.* Social'nye osnovy kooperacii. Moskva, 1919.
9. *Hejsin M. L.* Istoriya kooperacii v Rossii. Moskva, 1926.
10. *Chayanov A. V.* Osnovnye idei i formy organizacii sel'skohozyajstvennoj kooperacii. Moskva, 1991.

For citation:

Novikova Yulia Olegovna. Approaches to the Development of the Concept, Legal Status and Classification of Cooperative Associations During the Second Half of the XIX – Early XX Century in the Works of Domestic and Foreign Theorists and Practitioners of Cooperative Activity (Historical and Legal Aspects) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2021. № 4 (60). P. 179–186.